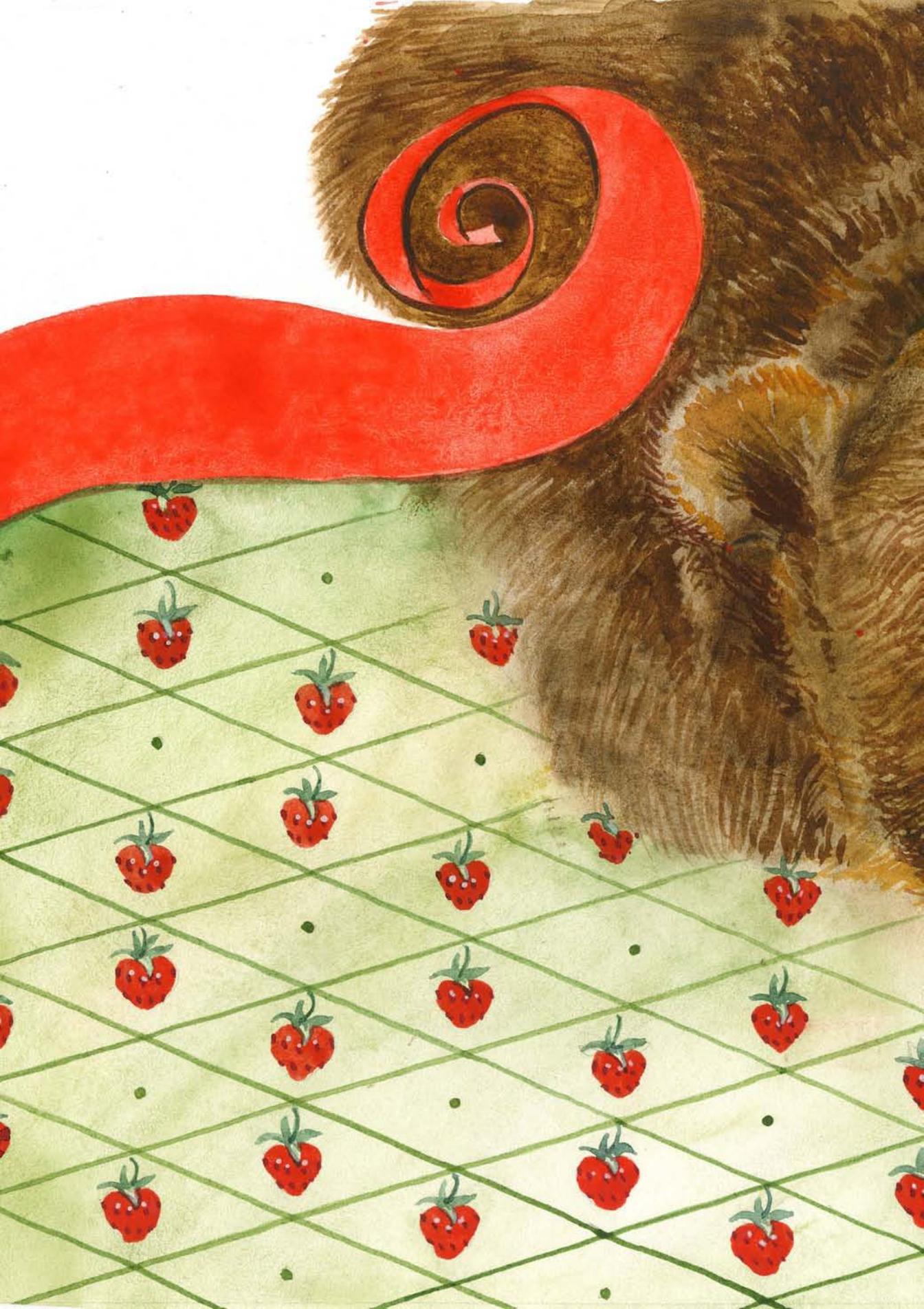

Аттракционные
ПИСАТЕЛИ
ДЕТЯМ

АНТОЛОГИЯ

Том 2

Управление Алтайского края по культуре и архивному делу
Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В. Я. Шишкова
Алтайская краевая детская библиотека им. Н. К. Крупской

Алтайские
ПИСАТЕЛИ –
ДЕТЯМ

Антология
в двух томах

Том II

Кемерово
2017

ББК 83.3(2Рос-Рус)6
А-521

12+

*Издание подготовлено по заказу и при финансовой поддержке
Правительства Алтайского края
в рамках Губернаторского издательского проекта*

Редакционный совет:
Л.В. Санкина, Э.П. Хомич, Л.Н. Зинченко
Художественное оформление и дизайн: К.М. Паршина

А–521

Алтайские писатели – детям : антология в 2 т. Т. 2 / Упр.
Алт. края по культуре и арх. делу, Алт. краев. универс. науч. б-ка
им. В. Я. Шишкова, Алт. краев. дет. б-ка им. Н. К. Крупской. – Ке-
мерово : Технопринт, 2017. – 558 с. : цв. ил.

Двухтомная детская литературная антология подготовлена к 80-лет-
нему юбилею Алтайского края. В издании собраны лучшие произведения
писателей — наших земляков: сказки, стихи, рассказы, повести, написан-
ные интересно, живо и с большой любовью к своей малой родине.

Книга предназначена для внеклассного и семейного чтения, рассчита-
на на детей младшего возраста, школьников и даже взрослых. Отобранные
тексты сопровождаются краткой информацией об авторах и списком их про-
изведений, рекомендуемых для чтения.

ББК 83.3(2Рос-Рус)6

ISBN

© КГБУ «Алтайская краевая универсальная научная
библиотека им. В. Я. Шишкова», 2017

© КГКУ «Алтайская краевая детская библиотека
им. Н. К. Крупской», 2017

© К. М. Паршина, художественное оформление,
дизайн, 2017

Озолин

Вильям Янович

(17.08.1931 – 16.08.1997)

Родился в г. Омске. Трудовую деятельность начал рабочим в геологической партии в Горной Шории и на Памире, работал журналистом радио и телевидения на Ямале и Сахалине.

Печататься начал в 1950-х гг. в омских периодических изданиях.

В 1962 г. окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Первая книга, «Окна на Север», издана в 1966 г. В 1972 г. переехал из Омска в Читу. С 1980 г. жил в г. Барнауле.

Член Союза писателей России с 1967 г.

О ДВОРНИКЕ, КОТОРЫЙ РЕШИЛ СТАТЬ... ДВОРНИКОМ

Я

– дворник!

Зимою и ранней весною
Вы каждое утро встречались со мною.
Вы мне улыбались приветно, а я –
Желал вам хороших отметок, друзья!

Современная сказка

Сметал я в сторонку разбитые склянки,
Бумажки, окурки, консервные банки,
А если игрушку в песке замечал,
Владельца искал и пропажу вручал.
Не раз, растеряхи, я вас выручал!

Признаюсь,
Мне нравилась эта работа.
Метлою махал я с великой охотой!
Но был я, ребята, особенно рад,
Когда начинался

летун-листопад!

Бывало, мету я опавшие листья,
А кажется мне, что работаю кистью.

Какие картины, ребята, порой
Мне чудились под бородатой метлой!
То вдруг на асфальте

возникнет рябина!

А то вдруг увижу –

берёзу, калину!

То – горы,

то – реки,

то – синее небо...

Деревню – в полях золотистого хлеба...

Ах, осень цветастая! Что за пора!

Метла походила на кисть маляра!

А листья ещё веселее кружились!

Взлетали

и снова на место ложились,

Дорожки цветным покрывая ковром...

Тогда и решился я

СТАТЬ МАЛЯРОМ!

Я твёрдо отставил метелку в сторонку.

Но с дерева мне каркнул ворон вдогонку.

Не знал я, что мудрая птица тогда

Кричала: «Опомнись! Случится беда!..»

Но разве мы птичий язык понимаем,

Но разве разумным советам внимаем?

Мы сами – с усами, комар забодай!

Эх, молодо-зелено! Вынь – да подай!

Но, конечно дело!

Я твердо решил!

На стройку соседнюю я поспешил...

На стройке

За длинным высоким забором

Желтели повсюду песчаные горы,

Лежали рядами железные балки,
Пыхтели раствором бетономешалки.
Махали руками подъёмные краны.
Они – работяги! Они – великаны!
Да им, силачам,
Грузовик с кирпичом
Одною ручищей поднять нипочём!

Вам эта картина, конечно, знакома?
Великое дело – строительство дома!
Строителей любят, строительство чтут –
На новоселье их первых зовут!

А если кому подработать охота,
На стройке любому найдётся работа:
В почёте здесь каменщик, плотник, столяр,
Электрик, шофёр, штукатур и маляр.

Совсем охватило меня нетерпенье.
Теперь уж своё покажу я уменьё!
Иду я по стройке.
И вижу: стоит
Вагончик, весьма презабавный на вид!
Он весь – в серо-буро-малиновых пятнах.

Да это ж вагончик – малярный! Понятно!
А рядом с вагончиком, важен и сед,
Стоит
серо-буро-малиновый дед.
Вагончик и дед – в одинаковых красках.
Так это же тот, кто мне нужен! Прекрасно!..

И к старому мастеру я подхожу,
И с ним я такой разговор завожу:
– Приятной вам краски!
Блестящей и вечной!

Пушистых кистей вам желаю сердечно!
Смотрю я, совсем уже выстроен дом.
Нельзя ль поработать у вас маляром?

И старый маляр говорит мне в ответ:
– Однако, оно, почему бы и нет?..
Доверю тебе побелить потолок.
Посмотрим, на что ты способен, браток!..

Сначала я взялся за дело с опаской
Известку развёл и добавил к ней краску.
Прищурился. Всё, что мне надо, смекнул
И кисть осторожно в ведро обмакнул.

Но это – сначала.

А после уж дело
Смелее в руках у меня закипело.
А ну, размахнись, раззадорься рука!
Раз-два! – и покрашено полпотолка!
Раз-два! – и уже на второй половине
Полярный медведь закачался на льдине!
Но вдруг он поднялся и начал реветь!..
Добавил я краски – медведя стереть.
И сразу же вместо медведя и льдины
На потолке засветилась...

рябина!

Знакомое дело!

Работа пошла!

Как будто в руках моих снова метла!
И, как на асфальте в осеннюю пору,
На потолке –

разноцветные горы,

Берёза, осина...

Но, важен и строг,

Явился маляр осмотреть потолок.
В затылке старик у себя почесал,

– Желаю вам красок
И чистого неба!
Желаю вам счастья и сытного хлеба!
(И слышу, ребята, щекочет мой нюх –
Вот-вот испечённого хлебушка дух!)
Была мастерская похожа на хату:
Топилась в ней печка, стояли ухваты,
У печки чернели горшки, чугуны,
На стенках цвели
петухи-крикуны –
Хвосты, как фонтаны,
а гребни – огонь!
На лавке грустила тальянка-гармонь.
Хозяин-художник на лавке сидел
И на меня, улыбаясь, глядел.
– Ну здравствуй! –
сказал мне радушно художник.
– Я буду тебя называть Подорожник –
Уж больно ты ловко дорожки метёшь!
Садись, Подорожник... Ну, как ты живёшь?..
– Да вот, понимаешь, – ему отвечаю, –
Я странность давно за собой замечаю:
Лишь стану дорожки мести,
под метлой
Я вижу – то поле, то лес золотой.
А то вдруг увижу – калину, рябину,
А то вдруг – берёзу,
а то вдруг – осину.
Так, может быть, мне
не метлою мотать,
А кисточки взять
да художником стать?..
Да только, смотрю я,
художник смеётся,

Глазёнки блестят, бородёнка трясётся!
Художник, скажу вам, хоть был молодой,
Да мода такая – оброс бородой.

– Так, значит, ты хочешь художником стать? –
Спросил он меня, перестав хохотать.

– Поставлю тебе

натюрморт с самоваром.

Смотри, как пузан отдувается паром!

А как его медные щёки горят!

Вот здесь расположатся чашечки в ряд.

Здесь – чайник с заваркой,

тут – сахар куском.

А здесь мы поставим кувшин с молоком...

Вот – холст.

Вот – олифа.

Вот кисти – держи.

А ну-ка, искусство своё покажи!

Сначала я взялся за дело с опаской.

Приятно запахло олифой и краской.

А после работа смелее пошла!

И снова забыл я,

что кисть – не метла!

Опять на холсте появилась... калина!..

– Ай-яй! – заметался художник, –

картина

Совсем не похожа на то, что стоит

У нас на столе

и пытит и блестит!

Ай-яй! Я не вижу совсем самовара,

Ни щёк его медных, ни белого пара!

Нет чашек,

кувшина,

и сахара нет!

Мазня получилась!
Похоже на бред!..
А я рисовал,
рисовал,
рисовал!
Размазывал краски и снова смывал!
Пытался стереть я калину, рябину,
Но всё превращалось в болотную тину!
На бедной холстине была лишь одна
Какая-то грязная лужа видна.
И кисть поломалась.
И вот я сижу
И на «картину» печально гляжу...
Художник ко мне потерял интерес,
Вздыхнул, загрустил и на лавку залез.

Вернулся домой я. Пустые дорожки
Текли под ногами...
Ленивые кошки
Гуляли на скучном большом пустыре.
И это – на чистом когда-то дворе!

Валялись повсюду разбитые склянки,
Бумажки, окурки и ржавые банки.
На детской – на самой весёлой площадке,
Умолкли качалки, застыли лошадки,
И кучами мусор лежал у оград...
И в этом во всем –
я один виноват!

Напрасно простился я с нашим двором!
Уж если ты плотник –
маши топором,
А если шофёр – так машину води,
Дударь – веселее на дудке дуди,

Нажимаю я на кнопку звонка три раза. И вдруг – что за чудо?..

Мальчишка мой сразу преобразился, лицо засияло, глазёнки весёлыми стали. И он радостно сообщает мне:

– А теперь, дяденька, безым отсюда посколее! А то они выйдут и по шее нам надают!..

Он-то убежал, а я остался.

Я, конечно, извинился перед потревоженными соседями. Поднимаюсь к себе домой, а сам думаю: «Ну, погоди, обманщик! Я тебе покажу, где раки зимуют! Я тебя на весь город ославлю!».

Пришёл домой – и за машинку. И написал свой первый рассказ для детей. И отнёс его на радио в детскую редакцию. Ух, каким я тогда сердитым был! Это уж потом я стал к ребятишкам внимательно присматриваться и пришёл к выводу, что хоть они и озорники, а всё-таки очень интересный, весёлый народишко, с которым, как говорят, никогда не соскучишься!

ПОЭТ И СОВА

Однажды ко мне
Прилетела сова.
Сказала сова мне
Такие слова:
– С тобой мы коллеги!
Ты ночью не спишь.
Я ночью – летаю!
Ты ночью – паришь!
Но я ей сказал:
– Ты, сова, не права!
Поэт я,
А ты – лишь ночная сова.
Тебе по ночам
Предпочтительней мышь.
А мне по ночам
Предпочтительней
Тишь!

– Не вру. С детства не научился, а теперь уж поздно переучиваться.

– А можно посмотреть, как вы книжки пишете?

– Отчего же нельзя! Приходите ко мне завтра, часикам этак к восьми утра, посмотрите. Договорились?..

Пришёл я к себе домой, оглядел рабочий кабинет: батушки-светы! Беспорядок-то какой! Повсюду, где только можно, – на столе, на стульях, на подоконнике – раскиданы книги, папки, бумаги, газеты, а листочки новой рукописи так даже под потолком, на бельевой верёвке на прищепках висят! Это они, как я называю, «сушатся», потому что «сырые», и я ещё над ними думаю.

Стал в кабинете порядок наводить. По-матросски, большой аврал называется. К ночи только управился.

Утром встал пораньше, зарядку сделал, сел за стол. В пишущую машинку свеженький листок зарядил. Жду гостей.

Пришли. Чубчики прислунили, пригладили, устроились напротив меня, сидят тихо, ждут, когда я работать начну. Я, конечно, серьёзный вид сделал, лоб наморщил, чтобы умнее выглядеть. Я сижу, они ждут. Да только мне в голову, как назло, ничего путного не идёт. Беда!.. Я уж и в потолок поглядываю, и в ухе чешу – нет мыслей, хоть плачь! Видно, от сильного смущения на меня такая оторопь напала. Ох-хо-хо! Что делать прикажете! Не привык я работать, когда на меня кто-нибудь смотрит. Я ведь чаще всего по ночам пишу, или когда все из дому уйдут. Писательское дело одиночество любит.

Короче, сидим и все вместе маемся. Через час гости мои такого сидения не вытерпели и говорят:

– Ну, мы пойдем?..

– Ну, идите... – грустно отвечаю я и только руками развёл, извините, мол.

Вышли ребята на улицу, а у меня окошко открыто и мне слышно, как они между собой впечатлениями обмениваются:

– А-а! Мура это какая-то, а не работа! Сидит – в ухе чешет, в потолок глядит!.. Не започётная работёнка!..

Вот как я свою, в общем-то совсем неплохую профессию в ребячьих глазах опозорил!

ПИДЖАК И ПЯТАК

Старый, потёртый пиджак
Жил в тридцать третьей квартире.
Старый, потёртый пятак
Жил в тридцать третьей квартире.
Старый, потёртый пятак
Очень с приятелем сжился.
Старый, потёртый пиджак
Дружбою этой гордился.

Старый, потёртый пятак
В прошлом был мотом и франтом.
Старый, потёртый пиджак
Некогда был музыкантом.
Старый потёртый пятак
Шел иногда прогуляться.
Старый, потёртый пиджак
С ним не хотел расставаться.

Старый, потёртый пиджак
Как-то за гвоздь зацепился!
Старый, потёртый пятак
Со смеху в дырку свалился!

Старый, потёртый пятак
Сунули в новые брюки...
Старый, потёртый пиджак
Горько рыдал от разлуки...

ХОККЕЙ, ХОККЕЙ!

У нас во дворе, как только наступает зима, – все мальчишки становятся хоккеистами. Два кирпича – ворота. Пять мальчишек – ЦСКА, пять – «Динамо»! Девчонки тоже просят играть, но их не берут, потому, что хоккей – это спорт мужественных! И во-вторых, они правил не знают. У мальчишек у самих иногда такой спор разгорается – дым до небес!

Недавно случай произошёл: Колька, защитник «Динамо», хотел шайбу от своих ворот подальше отбросить, а она возьми да попади случайно в ботинок прохожему. Шайба отскочила от ботинка и залетела в ворота, которые Колька защищал! Что тут началось! Даже соседи из форточек высунулись: одни говорят – засчитать, другие – не надо! Жаль, дяди Кости Верёвкина дома не было, он в заводской хоккейной команде играет. Уж он-то правила назубок знает!

К счастью, его жена во дворе оказалась. Она сразу всем сказала: гол этот спорный, и потому надо бить хоккейное пенальти-буллит! И не в одни ворота, а для справедливости – и в те, и в другие. По три штуки, чтобы никому обидно не было. Так и сделали. Хотя ЦСКА все равно выиграл.

Отличная это всё-таки игра! Хоть у кого спросите. Ни в одной семье никто к хоккею равнодушно не относится. Папа, например, скажет:

– Хоккей, товарищи, в текущий зимний период – это, так сказать, тот же футбол, только с более высоким показателем голевого вала...

Мама скажет:

– От этого вашего хоккея одни только невыученные уроки. И одежда как на огне горит...

И у бабушки на этот счёт тоже свое мнение имеется, её даже спрашивать не надо, она вам при случае сама выложит:

– Это – синяки, беготня сумасшедшая, и все худеют, потому что поесть никого домой не загонишь!..

А сами ребята говорят:

– Ну мы не будем играть в хоккей, так все равно другие будут. Нет уж, лучше мы сами шайбу гонять будем – зачем же другим худеть?

ЛЕТНЕЕ УВЛЕЧЕНИЕ

Я коллекционировал
Различные предметы:
Я марки собирал, значки
И старые монеты,

И спичечные коробки,
И кинозвёзд портреты!

Потом не захотелось,
А может быть, приелось,
И я решил для всех ребят
Устроить дома ЗООСАД.
Я каждый день
Тащил в свой дом:
Лягушек и рыбёшек,
Собак бродячих,
А потом –
Со всей округи кошек.
Ежа пустил я на чердак.
Порхали в клетках птицы.
Дом разбухал!
Но я никак
Не мог остановиться!
Потом и это дело
Мне тоже надоело.
И я тогда решил всерьёз
Построить паровоз!

Ох, как меня увлёл металл!
На свалке у завода
Он мне подмигивал, блистал! –
Ну не давал прохода!
И я в свой дом железо нёс,
Волок, катил упрямо!
Уже не только паровоз
Я мог собрать из хлама!

Но только это дело
Всем в доме надоело!
И мама –
выгнала собак...

Коты удрали сами...
Покинул ёжик свой чердак
За кошками и псами...
Лягушки ускакали...
Рыбёшек мы отдали...
Подъехал к дому старый дед
На рыженькой лошадке.
Собрал железный лом...
– Привет!..
И стало всё в порядке!

Присело лето на окне –
Проститься залетело.
Посыпал дождичек...
И мне
Вдруг в школу захотелось!

ЧУЛАН

Теперь и слова-то такого не употребляют – чулан.

Чаще говорят кладовка или стенной шкаф. А мы-то ещё помним, как интересно, а порой и страшновато было забраться в бабушкин чулан. Чего там только не хранилось на полках и по углам, в темноте, пронизанной пыльными солнечными лучиками!

Можно было найти там и разукрашенную резьбой деревянную прялку с гребешком на макушке – на нём шерсть расчёсывали, и древнюю керосиновую лампу с закопчённым стеклом, и старинный самовар с медалями на медном боку, и тяжёлый чугунный утюг, в котором сначала древесные угли раздували, а потом уж гладили белоснежное бельё. Заберёшься, бывало, туда, притихнешь, и кажется, что слышишь, как старые вещи между собой разговаривают.

– Эх, братцы мои! – вздыхает старый чемодан. – Вот у меня раньше жизнь была! Куда только меня хозяин с собой не возил!..

– Да-а-а!.. – отвечает ему старый валенок. – И мне тоже есть что вспомнить! Наденет меня, бывало, хозяин – и айда по улице гулять! Прохожие с меня глаз не сводили. А был-то я не простой, не то что нынче – чёрный да твёрдый! – а настоящий сибирский пим, из белой шерсти валянный, и ещё были по мне красной нитью узоры вышиты. Теперь таких не увидишь...

– А во мне мясо рубили! – вмешивается в разговор рассохшееся деревянное корытце. – Возьмут железную сечку – и пошли тяпать! И на пельмени, и на котлеты, и на пироги фарш. Теперь все мясорубкой жуют. Но уж поверьте мне – мясо после мясорубки никогда не получится таким сочным и вкусным, как во мне приготовленное...

– Прош-шш-шли те времена... про-шли... – шипит стёршейся иглой патефон.

Так и беседуют между собой старые (когда-то очень новые и нужные) вещи в темном чулане.

ПОДРУЖКИ

Сегодня сбежали с урока
Ворона, а с нею Сорока!
Ах-ах! – нехорошее дело!
Ох-ох! – некрасивая штука!
Ну как эта пара посмела
Без спросу оставить науку?!

А ну, воробьи, погодите!
Чего вы так сильно галдите?
Давно всем известно в округе.
Что это большие подруги.
Всегда они вместе летают,
Рисуют, читают, играют.
А то, что сбежали с урока,
Во всем виновата Сорока!
Хотя и Ворона, похоже.
Виновна не менее тоже!

УЧЕНИК КОРОВКИН

– Тишина!.. Внимание!..
Классное собрание!
Кто в учёбе из ребят
Проявил старание?
Кто ленился, кто в труде
Не имел сноровки?..

Вызывается к доске
Ученик Коровкин!
Он – неуспевающий!
Неопрятный с виду!..

Но Коровкин
Сам себя
Не даёт в обиду:
– Кто неуспевающий?!
Я – неуспевающий?!
Это что же происходит,
Граждане-товарищи?!
Это как же понимать
Мне теперь прикажете?!
Где и в чём я отстаю,
Может, мне подскажите?!
Может быть, вы всё-таки...

– погоди, Коровкин!
Ты хоть на минуточку
Сделай остановку!
Кое в чём, конечно, ты
Очень успевающий:
Ты – из класса в коридор
Первый выбегающий!
Ты – в буфете бутерброд
Первый уплетающий!

Ну и двойки –
Тоже ты
Первый получающий!

Ты, Коровкин, через «а»
Написал:

«КАРОВА»,

А уж знать-то лучше всех
Должен это слово!

Между прочим:

«БУТЕРБРОТ»

Пишешь через «тэ» ты!..

Задавал вопросы?

Вот –

получай ответы!

ЁЛКИ-ПАЛКИ!

Хорошо коньки иметь!

Ёлки-палки!

После школы их надеть!

Ёлки-палки!

А в морозные деньки.

Ёлки-палки!

До чего ж звенят коньки!

Ёлки-палки!

Белой звездочкой мороз!

Ёлки-палки!

Красной звездочкою нос!

Ёлки-палки!

Где-то в Африке – жара!

Ёлки-палки!

А у нас – мороз! Ура!

Ёлки-палки!

Хорошо – когда друзья!
Ёлки-палки!
Ты да он, да ты, да я!
Ёлки-палки!
Ключки, шайбы – разворот,
Ёлки-палки!
От ворот – и до ворот!
Ёлки-палки!

– Я забил!..
– Нет, я забил!..
Ёлки-палки!
А про уроки-то забыл!
Ёлки-палки!
Прокатался на катке!
Ёлки-палки!
А на завтра в дневнике...
Ёлки! Палки!

Рекомендуем почитать

Озолин, В. Я. Окно на север: новелла в стихах и прозе / предисл. И. Сельвинского ; худож. Н. Я. Третьяков. – Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1966. – 135 с. : ил.

Озолин, В. Я. Песня для матросской гитары : стихи, поэма / худож. В. А. Авдеев. – Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1972. – 111 с. : ил. – Содерж.: циклы: Земля и море ; Стихи, подаренные дождю ; Гудки : лирич. поэма.

Озолин, В. Я. Чайки над городом : стихи / худож. Г. Котухов. – Иркутск : Вост-Сиб. кн. изд-во, 1975. – 94 с. : ил.

Озолин, В. Я. Возвращение с Севера : стихи / предисл. М. Сергеева. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1979. – 143 с. – (Сибирская лира).

Озолин, В. Я. Воспоминания о себе : кн. стихов / худож. В. Кудрявцев. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1982. – 104 с. : ил.

Озолин, В. Я. Черные утки : повести. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. – 192 с.

Озолин, В. Я. О дворнике, который решил стать... дворником и другие истории : стихи для детей / худож. А. Мосиенко. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1985. – 23 с. : ил.

Озолин, В. Я. Крюкова Север знает : повести / худож. В. Рачинский. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1988. – 273 с. : портр.

Озолин, В. Я. Год Быка : стихи / худож. В. Ф. Еранкин. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1989. – 126 с. : ил.

Озолин, В. Я. Белые сады : стихи / предисл. Н. Бажана. – Барнаул : АОЗТ «Полиграфист», 1996. – 35 с. : рис.

(р. 20.04.1926)

Родился в с. Глинка Курской области. 21 июня 1941 г. получил свидетельство об окончании 7 класса. Зимой 1941 г. был схвачен зондеркомандой, отправлен в концлагерь (концлагеря Розенберг, Дахау). Голод, холод, непосильный труд не сломили. Помогли трудолюбие, терпение, надежда на будущее. После освобождения и возвращения на Родину окончил с отличием Белгородский медтехникум, клиническую ординатуру Курского мединститута.

В начале августа 1954 г. с первым эшелоном целинников прибыл в Алтайский край, направлен в Белокуриху. Работал врачом-ординатором, заведующим отделением, главным врачом поликлиники, главным врачом санатория «Катунь».

Первые стихи были опубликованы в «Пионерской правде» в 1934 г. Печатался в газетах «Белгородская правда», «Алтайская правда», «Молодежь Алтая», «Звезда Алтая», журналах «Алтай», «Сибирь», коллективных сборниках.

Врач высшей категории, кандидат медицинских наук. Отличник здравоохранения СССР.

ПРО ФЕДОТА, ПРО КОТА

В¹ нашем доме суета –
Потерял сосед кота.
Может, всё наоборот –
Потерял соседа кот.

Кот – красавец, кот усатый,
Светло-рыжий, полосатый.
Нос пришлёпкой впереди,
Белый галстук на груди.

А глазищи – как медали.
Вы случайно не видали
Светло-рыжего кота?
Вас спросили неспроста:

Он – любимец малышей,
Он – гроза для всех мышей.
Он собратьев-тунеядцев
Быстро вытурил взашей.

Я заверить всех готов:
В мире нет таких котов!

У соседа Кузьмича
Травма левого плеча.
Он дрова рубил в сарае
И ушибся сгоряча.

На диван прилѐг сосед:
Ох, болит – покоя нет!
Но не любит он больницу
И врачебный кабинет.

А прижался кот к плечу,
Замурлыкал: «Полечу...»
Боль ушла, как не бывала,
Нет нужды идти к врачу.

2
Кот собрался на прогулку
И пошёл по переулку.
Постоял у тех ворот,
Сделал резкий поворот.

А потом, вильнув хвостом,
Затаился под кустом.
И пропал красивый кот,
Кот по имени Федот.

Огорчаются соседки,
Что столпились у беседки:
«Дом без рыжего кота –
Ведь не дом, а сирота!»

Даже милиционеры
Принимать решили меры.
Но с утра до темноты
Где-то прятались коты.

И милицию не ждали:
«Вы Федота не видали?»
Пешеходы все подряд:
«Не видали», – говорят.

Мишка с Вовкой в зоопарке
Днём кота искали в парке.
Только там среди кустов
Рыжих не было котов.

День прошёл – Федота нету.
Побежали к Интернету.
Просмотрели Интернет,
Но и там Федота нет.

Мыши быстро обнаглели,
Всю еду Федота съели.
Заглянул сосед в подвал –
Там – мышиный карнавал!

От забот сосед вспотел,
Даже плакать захотел.
Но сказал соседу Вовка:
«Может, в космос улетел?»

Говорили, что с рассвета
НЛО кружился где-то,
Опустился у моста...
Поищите там кота!»

Где искать? Среди планет?
Там мышей в помине нет.
И недаром Мишка с Вовкой
Пролистали Интернет.

3

Утром всем на удивленье
Появилось объявленье,
Всколыхнувшее народ.
«Мол, пропал красивый кот.

Кот, как кот, любитель драк.
Дорогой, в полоску, фрак.
Белый в крапинку жилет.
А примет особых нет...».

А народ помочь готов –
Понесли во двор котов.
Кто – котёнка, кто – щенка,
Что забрёл издалека.

Бабка, на уши тугая,
Разодетая в жилет,
Притащила попугая
Ста четырнадцати лет:

«Извиняюсь перед вами.
Только с Гошею беда –
Нехорошими словами
Стал ругаться иногда».

Паренёк явился: «Здрасьте!
Вот котище рыжей масти.
Да не кот, а просто чудо:
Весит около полпуда,
И пошкродничать мастак –
Отдаю его за так».

...Таял день в лучах заката,
Стыла в озере заря.
Эх, ребята-голубята,
Суетились вы зазря!

4

Появилась тётя Зина,
Что пришла из магазина.
«Ты куда ходила, Зин?»
– В главный зоомагазин,
И на эти чудеса
Я глазела три часа!
Там такая благодать,
На словах не передать.
Хомяки, ежи и птицы,
Попугай из заграницы,
Полосатые коты
Небывалой красоты.

Этот кот, – смеется Зина, –
Прыгнул сам ко мне в корзину.
Поглядела – этот кот –
Прямо вылитый Федот.

Продавец заметил:
«Дама, Этот кот из Амстердама.
Я пока что не готов
Продавать таких котов».

– Ха-ха, – смеётся Зина,
Выходя из магазина. –
Вам бы знать давно пора:
Кот из нашего двора
И его, кота Федота,
Очень любит детвора.

Ведь узнал меня, проказник.
У Федота нынче праздник.
Уплетает кот Федот
Колбасу и антрекот.

Впору смех ребячий слышу,
Разбежались в страхе мыши.
И ликует детвора
Из соседнего двора.
И кричат ребята громко
Голосистое: «Ура!»

Тихий вечер наступил,
А кота и след простыл.
Но Федота не искали.
Все уже соседи знали,
Что их рыжий кот Федот
Погуляет и придёт.

СОЛНЦЕ

Окунулось солнце в реку,
Прямо в воду, за причал.
Петушишко «ку-ка-ре-ку!»,
Спохватившись, закричал.
Испугался, видно, соня –
Шутка ль, плещется вода!
Если солнышко утонет,
Как мы будем жить тогда?
Трижды пели с нетерпеньем
Летней ночью взаперти
Петухи, чтоб громким пеньем
Солнце красное спасти.
Видел я, проснувшись рано,
Взяв в железные крюки,
Подхватили солнце краны,
Потащили из реки!
И, умытое до блеска,
Солнце глянуло в село.
И поля, и перелески
Щедрым светом залило.

ЖУК

Жук в хитиновой броне
По траве ползёт ко мне:
Он со мною разобраться
Захотел наедине.

Увидав во мне врага,
Грозно выставил рога.
Он решил, что если драка,
То и жизнь не дорога.

Но случилось, что жучок
Завалился на бочок.
На спине лежит, проказник.
Затаился и – молчок.

Лапки поднял к небесам.
Вижу, встать не может сам.
Бестолковый жук хорош,
А умишка – ни на грош.

Несмышлёному «врагу»
Я, конечно, помогу.

ПАХНЕТ ЛЕТО ЗЕМЛЯНИКОЮ

Пахнет лето земляникою,
Пахнут небом васильки.
И кузнечики пиликают
На пригорке у реки.
Пахнет луг травую скошенной,
Как и в прежние века.
Голубою лентой брошена
На земную грудь река.
Самолёт рисует линию,
Солнце катится в зенит.
Небо синее-пресинее,
Будто колокол, звенит.

ЁЖ

Появился в доме Ёж –
На колючий ком похож.
Оказался, серый ком
С нашим Мурзиком знаком.

Познакомились пока,
Съели блюдце молока.
Кот лакал и Ёж лакал –
В блюдце мордочку толкал.

Я подумал, что Ежу
Все игрушки покажу.
Даже в прятки поиграю,
Даже сказку расскажу.

Но ответил тихо Ёж:
«Мне в квартире невтерпёж.
В лес хочу я. А пока
Мне добавьте... молока.

Я найти хочу ежат,
Что свободой дорожат».
Он сказал мне, что еду
Я в лесу всегда найду.
Я в лесу зимой и летом
Никогда не пропаду.

Завтра глупому Ежу
«До свиданья!» я скажу.
Я пойду с ним на прогулку –
В лес дорогу покажу.

ОСЕННЯЯ ТРОПА

Тропинка вьётся под ногами
Едва приметная пока.
Над рощей белыми стогами
Застыли в небе облака.
Тропинка вдруг совсем пропала
И вновь бежит, едва видна.
Над миром солнечным упала
Берёзовая тишина.
Порхнула птаха оробело,
Кружит листок над гладью вод.
А осень крыльями задела
Берёз кудрявый хоровод.
У пня травы желтеют клочья,
А вдоль тропы, наискосок,
Сентябрь прошёл туманной ночью –
Грибов рассыпал туюсок...

ГОЛУБЫЕ ПРОСТОРЫ

В снежном кружеве горы –
Я гляжу не дыша.
И такие просторы,
Что ликует душа.
Тропка заячья вьётся
От меня и ко мне.
Скрип шагов раздаётся
В голубой тишине.
Свет берёзово-синий
От зари до зари.
На высокой рябине
Гомонят снегири.
А заря догорает:
Видно, будет пурга.
На просторах Алтая –
Голубые снега.

Рощу в розовый иней
Одевает мороз.
Будто песня –
Россия
В хороводе берёз.

НОВОГОДНЯЯ СКАЗКА

Я на стук открою двери,
А в глазах – немой вопрос.
Я и верю, и не верю:
На пороге – Дед Мороз!
В шубе, в красной опояске,
Шапка белая в снегу...
Может, он пришел из сказки,
Той, что с детства берегу?
Может, вслед за ним – медведи
В избу ввалятся мою?
Только... голос дяди Феди
Я внезапно узнаю.
Но не верю я приметам:
У него – иной фасон...
Пусть продлится сказка эта,
А не сказка, значит – сон.
Как бесценное наследство,
Будто слиток золотой,
Берегу я в сердце детство –
Сказки замысел простой.
Дверь открою без опаски:
– Кто стучится?
– Я стучу!
И, на миг поверя сказке,
Прямо в детство улечу.

ОЛЕНЬ

Вдали зажглось
зари оконце.
В тумане спряталась
тайга.
Олень оранжевое солнце
Боднул и поднял
на рога.

Оно мерцало
вполнакала,
Как в дымном горне кузнеца.
И вдруг улыбкой засверкало,
Смахнув окалину с лица.
И свет невиданным
потокотом
Заполонил
звонящий день.
И пил из ледяной протоки
Хрусталь и золото олень...

ГОРОХ

Позабыта – брошена
У крыльца горошина
Девочкой Наташей,
Хлопотуньей нашей.

Ночью дождик моросил
По траве нескошенной.
И росток, набравшись сил,
Вылез из горошины.

Появились точки –
Белые цветочки.
Наклонившись на восток

Вырос маленький росток.
И, свисая на бочок,
Вылез маленький стручок.

Вышла Ната на порог:
– Мама! Что за чудо? –
У крыльца растёт горох!
Почему? Откуда?

Осиротели огороды,
Шуршит опавшая листва,
Как увядание природы,
Как разрушенье естества.

Как расставания приметы
С неповторимым, дорогим,
Светлеет день осенним светом,
И мир становится другим.

На рощу глядя с удивленьем,
Свистит синица невпопад.
Он – как начало обновленья –
Осенний тихий листопад.

Как жизни будущей начало,
Как новых песен голоса,
Озябли лодки у причала,
Потухла речки полоса.

И грусть крадётся осторожно.
Неощутима и остра.
И на душе чуть-чуть тревожно
У догоревшего костра.

ПРО МЫШАТ

Трое маленьких мышат
В старом валенке шуршат.
Есть ужасно захотели,
А на кухню не спешат.
Тихо шепчутся о том,
Как не встретиться с Котом?
Мышки – ушки-растопырки –
В валенке прогрызли дырки.
Незаметно, без труда
Лапки сунули туда.
Поднатужились немножко –
Остальное – ерунда:
Мышки двинулись, и вот –
В кухню валенок ползёт.
Кот опешил – сам не свой!
Видит: валенок живой!
Удивляется спросонья
И мотает головой.
Кот глядит, глазам не веря,
Не видал такого зверя.
От невиданных зверей
Надо прятаться скорей.
Кот – на кресло, на буфет.
Глядь-поглядь: сосиски нет.
И куда-то сам собою
Подевался «Китикет».
Горше не было беды –
Кот остался без еды.
Под столом – пустое блюдце
И мышинные следы...

НА ЛУГУ

Я играю на лугу,
Я за бабочкой бегу
И подолгу загораю
На песчаном берегу.
Искупался десять раз.
Прочитал один рассказ:
На четвёрки и пятёрки
Я окончил первый класс.
Загорал я три часа.
На траве была роса,
А потом её не стало:
Это прямо чудеса!
Начинается с утра
Сенокосная пора.
На лугу на сенокосе
Помогает детвора.
...Я играю на лугу.
Я за бабочкой бегу.
А потом сачок бросаю:
Лучше взрослым помогу!

ЗАЯЧЬИ ТРОПИНКИ

Тихо...
Ёлочки молчат
У лесной опушки.
У зайчих и у зайчат
Серенькие ушки.
Коротышечки – хвосты,
Беленькие спинки.
Вьются, прячутся в кусты
Заячьи тропинки.
Дятел стукнул, да и смолк.
Тенькнула синица.
А по снегу...
Нет, не волк, –

Рыжая лисица!
Острым носом повела,
След запутав ловко.
Повернулась и ушла
Рыжая плутовка.
Тихо...
Ёлочки молчат
У лесной опушки.
И мелькают у зайчат
Серенькие ушки...

РЯБИНА

За рощу прячется дорога.
Тропой заброшенной иду.
Стоит рябина у порога
У всей деревни на виду.

Сверкает речка перламутром.
Заря неяркая горит.
И слышуя, как
«С добрым утром!» -
Рябина людям говорит.

А дни осенние уходят
В холодном зареве зари.
Порой синицы хороводят,
Скучают тихо снегири.

...За рощу прячется дорога,
В края знакомые маня.
Стоит рябина у порога
И ждёт меня.
и ждёт меня.

ТУЗИК-ПУЗИК
(Считалка)

Тузик-пузик, верный пёс,
Мой портфель до школы нёс.
Подождал меня немножко
Он у школьного порожка.

Прозвенел когда звонок,
Он явился на урок.
Тузик-пузик, верный пёс,
Рассмешил ребят до слёз.

Он уроки не учил -
Сразу двойку получил.
В школу мы придём опять,
На двоих получим ... пять!

Рекомендуем почитать

Остапов, А. Д. Заячьи тропинки : стихи для детей / [худож. М. Лобода]. – Барнаул : [б. и.], 2014 (Алт. дом печати). – 46, [2] с. : ил.

Игорь Михайлович

(18.12.1937 – 31.03.2009)

Родился на Кавказе в г. Орджоникидзе. Окончив среднюю школу, поступил в Барнаульский строительный техникум. Работал в многотиражной газете «Строитель», краевой газете «Молодежь Алтая».

Первый сборник стихов «Юность в бушлате» вышел в 1963 г. в Калининграде, когда поэт проходил срочную службу на подшефном Алтайскому комсомолу крейсере «Свердлов».

Окончил Литературный институт им. А.М. Горького, Высшие литературные курсы Союза писателей СССР в Москве. В 1982 г. вернулся на Алтай. В разные годы избирался ответственным секретарём Калининградской областной и Алтайской краевой писательских организаций, членом редколлегии альманаха «Алтай», был первым главным редактором журнала «Алтай».

Стихи И. Пантюхова переведены на белорусский, польский, литовский, датский и др. языки.

Награждён медалями «За освоение целинных земель», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», удостоен нагрудного знака ЦК ВЛКСМ И ВЦСПС «Наставник молодёжи». Лауреат премии Ленинского комсомола Алтая (1984), литературной премии им. В.М. Шукшина (1994, 2006), премии им. Л.С. Мерзликина (2000).

Член Союза писателей России с 1964 г.

МИШКА-МОРЕХОД

*Невыдуманный рассказ о медвежонке,
прибывшем «служить» на боевой корабль*

Первое знакомство

Самолёт опаздывал. Сначала он задерживался по метеоусловиям Москвы, потом неизвестно почему засиделся в Минске. В который раз мы подходили к окошечку справочного бюро и слышали один и тот же монотонный ответ:

– Ждите, скоро будет.

Круглолицая девушка с пышной копной золотистых волос и густо подкрашенными ресницами даже не достаивала нас взглядом. Чтобы не слишком докучать неприступной служительнице неба, мы с мичманом Камовым подходили попеременно. И всё-таки терпение у неё лопнуло:

– Ну прямо никакого сладу с этими моряками. Сами улетают – торопятся, встречают – тоже им некогда. Никуда ваша краля не денется, прилетит...

– Да у нас не краля, у нас – медведь...

Глаза у девушки округлились так, словно перед ней и в самом деле стоял, улыбаясь, не бравый флотский мичман, а мохнатый хозяин тайги.

– Как это?

– А так. Служить к нам едет.

– Как? Настоящий медведь? Ой, как интересно!..

Девушка вспорхнула и скрылась за стеклянной дверью, из-за которой доносился рокот телеграфных аппаратов. А через минуту мы услышали её голосок:

– Двести семнадцатый, двести семнадцатый, я – «Репер», я – «Репер». Как слышите? Приём.

Двести семнадцатый, видимо, слышал неплохо, и девушка снова защебетала:

– Подтвердите на вашем борту медведя. Подтвердите медведя. Приём!..

Потом она ещё что-то говорила о ветре и курсах, но это нас уже не касалось. Выйдя из радиорубки, она разыскала нас глазами, подозвала к окошечку и торопливо сообщила:

– Всё в порядке. Идёт на посадку. Пилоты довольны.

Чем довольны пилоты – посадкой или нашим гостем – мы не поняли, но, не теряя времени, побежали на лётное поле.

Неожиданно возникший где-то за облаками рёв турбин подтвердил, что «1019» действительно собирается наконец садиться.

А через минуту-другую огромный, приземистый серебристо-белый лайнер тяжело подрулил к зданию аэровокзала и, порывав напоследок турбинами, замер. Первым по трапу сбежал молодой пилот с солидным, потёртым портфелем, потом степенно сошли несколько загорелых женщин с корзинами и сумками, а вслед за ними в проёме люка появилась неуклюжая деревянная клетка, в которой, недовольно повизгивая, ворочался бурый взлохмаченный комок. Клетку, смущённо улыбаясь, нёс коренастый смуглолицый парень с раскосыми монгольскими глазами.

Мы познакомились. Алексей Тозияков – так звали сопровождавшего Мишку паренька – оказался довольно общительным собеседником. Он доверительно признался нам, что больше устал, пожалуй, от чересчур внимательных соседей по самолёту, нежели от своего лохматого подопечного. Они то и дело совали в клетку конфеты, печенье и прочие сладости, от которых перепуганный каскадом оглушительно-незнакомых впечатлений Мишка, естественно, отказывался. Он и сейчас ещё испуганно вращал встревоженными бусинками глаз, не обращая

ни малейшего внимания на устилающую пол клетки россыпь разнообразных лакомств.

В машине медвежонок немного успокоился, а когда в первом же молочном магазине мы купили бутылку молока и налили ему в крышку от мыльницы, он с удовольствием вылакал его, попросил ещё и под убаюкивающий размеренный шум мотора успокоенно и крепко заснул. Мы наконец смогли рассмотреть косолапого путешественника получше. Ростом он был чуть побольше сибирского кота, бурая шёрстка отливала оттенком прошлогодней хвои, аккуратные круглые ушки делали его мордашку добродушной и немного глуповатой, а белоснежный нагрудник, переходящий в узкий изящный воротничок, придавал своеобразную элегантность. Мишка сладко посапывал.

– Устал, бедолага, – ласково погладил медвежонок Алексей.

То ли от этого прикосновения, то ли ещё от чего Мишка вдруг открыл глаза, как-то неуклюже потянулся и присел, наострив уши. Справа и слева мимо открытых окон машины проносился шелестящий на ветру лес, и он, видимо, учуял терпкие запахи набирающей силу зелени.

После непривычных и неприятных запахов бензина, перегретого воздуха самолётного салона, горького асфальта этот свежий лесной ветерок был, видимо, особенно приятен медвежонок и успокаивал его. Поэтому когда машина подъезжала к гавани, он уже весело озирался по сторонам и был, судя по всему, в прекрасном расположении духа.

Всю дорогу мы с мичманом Камовым поторапливали шофёра: хотелось подъехать к кораблю во время «адмиральского часа», когда вся команда отдыхает. Вот будет сюрприз ребятам! Но мы совершенно забыли про недремлющее баковое информбюро, и когда наша «Волга» подкатила к трапу крейсера, на юте бескозырке было негде упасть – все свободные от вахт и нарядов матросы собрались как по большому сбору и, напирая друг на друга, толпились у лееров, стараясь не упустить ни одного момента из столь важного события. Ещё два года назад наши шефы – комсомольцы Горного Алтая обещали нам подарить настоящего медвежонок.

Мы поднялись на корабль, поставили клетку у трапа и открыли дверцу. Матросы на юте замерли. Медвежонок сначала растерянно оглянулся, должно быть, не веря, что опостылевшие прутья клетки уже не для него, потом осторожно, словно пробуя – выдержит ли? – поставил на палубу одну лапу, другую, комично взбрыкнул бесхвостым задком и заколесил вокруг клетки. Дружный вздох не то облегчения, не то восторга раздавался на юте. Матросы расступились, и медвежонок, пробежав по живому коридору до середины палубы, остановился, присел и начал удивлённо озираться по сторонам.

– Ну, давай знакомиться, земляк, – присел перед медвежонком громадный трюмный машинист Лёшка Бельков. – Давай краба!

Мишка знакомиться не спешил. Он ткнулся носом в протянутую Лёшкину лапищу и брезгливо отвернулся.

– Убери рычаги! – напустились на Лёшку матросы. – От тебя мазутом за милую тянет, а туда же – знакомиться!..

– Кока сюда! Молодой рубать хочет!..

Невысокий, шустрый кок Сенька Лутченко, крутившийся тут же, хлопнул себя по колпаку – да как же это я? – и бросился на камбуз. Но доверху наполненная макаронами по-флотски миска не произвела на медвежонка абсолютно никакого впечатления. Нам даже показалось, что он недовольно поморщился.

– Да ты что, салага? Да это же верх флотской кухни! – растерянно, словно оправдываясь перед ребятами, развёл руками Семён.

– Ты ещё ему флотского борща принеси, – под дружный хохот предложил мой друг Витька Чепурной, или «Чикита», как звали его ребята.

Медвежонок продолжал настороженно озираться, словно выискивая кого-то. Вдруг матросы, как по команде, расступились. От неожиданности Мишка привстал столбиком, для равновесия придерживаясь лапой за чью-то ногу. По трапу со шкафта спускался на кормовую палубу командир корабля.

– Вот так салага! Знает, кого стоя встречать надо! – изумлённо обронил кто-то из моряков.

– Здравствуй, новобранец, – присев на корточки, протянул медвежонку руку капитан первого ранга Левшин. Медвежонок не шелохнулся, и командиру пришлось, нарушив субординацию, первым пожать лапу «новобранцу». Погладив медвежонка, командир встал.

– Ну что, моряки, принимаем пополнение?

– Так точно! – хором ответили матросы.

– Боцман!

– Есть! – откликнулся, пробираясь к командиру, вечно чем-то озабоченный Иван Степанович.

– Выделить каюту согласно звания, писарю подготовить приказ.

На вечерней поверке, когда все моряки стояли в строю по своим кубрикам, по корабельной трансляции был зачитан приказ командира корабля: «Зачислить в экипаж крейсера медвежонок Михаила Алексеевича Алтайского и поставить его на все виды флотского довольствия. Определить Михаила Алтайского в подчинение к старшему матросу Сергею Сердюкову...»

После поверки ребята наперебой поздравляли меня с должностью главного дрессировщика. А Чикита посоветовал завязать переписку с Филатовым или, еще лучше, съездить вместе с воспитанником в Москву месяца на два на стажировку. Ребята смеялись, а мне было не до шуток. Медведь есть медведь. Но и приказ есть приказ...

Где-то на Башкаусе...

Вечером по обыкновению мы собрались на баке. Четверо заядлых «козлятников», окружённых шумными болельщиками, удобно расположившись на отсвечивающей яичным желтком безупречно выдраенной палубе, отчаянно стучали костяшками домино. Коля Плотников, прислонившись спиной к зачехлённому брашпилю, мечтательно выводил на своём аккордеоне полонез Огинского, мы с Витькой смотрели, как лихо швартуется к соседнему причалу только что вернувшийся с моря эсминец.

Вышел перекурить на бак и Алексей Тозияков, которому командир корабля разрешил несколько дней отдохнуть после

дальней дороги, познакомиться с крейсером и его экипажем. Следом за Алексеем деловито выкатился Михаил Алексеевич. Тозияков присел возле Николая на корточки – так обычно присаживаются у костра алтайские чабаны. Мишка примостился тут же.

Коля доиграл полонез и потянулся к медвежонку.

– Как, земля, нравится музыка?

– Хорошая музыка кому не понравится? – ответил за медвежонка Алексей. – Правда, ему, наверно, приятнее были бы шум кедровой тайги, гул Башкауса...

Мы подошли поближе.

– А что это за Башкаус?

– Это река такая есть у нас в горах. Там, в таёжном урочище, Мишка и родился...

«Козлятники» перестали стучать домино и придвинулись поближе к брашпилю. Алексей обвёл моряков взглядом и, чувствуя, что нам интересно узнать побольше о Мишкиной докорабельной жизни, неторопливо начал рассказывать.

– Есть в долине Башкауса такое село – Саратан. Вот в это село прошлой зимой и повадился медведь-шатун. У одних овечку задрал, у других – корову. Ну, а если хозяин шалить начал, он уже не успокоится. Послали колхозники своих людей в соседний Онгудайский район – слышали, живёт там в селе Кайырлык старый охотник-медвежатник, Чет Инчинов. Он ещё до войны на медведя ходил. Много про него легенд по аймакам живёт. Рассказывают, перед самой войной караулил он одного шатуна. Поставил капкан у задранной коровы, заваленной валяжником. Утром пришёл – в капкане огромная лапа медведя, а самого медведя нет. Перегрыз он лапу и ушёл. Отправился Чет по кровавым следам – куда хозяин уйдёт на трёх лапах? К вечеру дошёл охотник до небольшой горной речки – и глазам своим не верит: на этом берегу следы медведя есть, на другом – нет. Перехитрил, думает, меня миша – по воде ушёл. Не знали тогда ни чабаны, ни охотники, что в этой речке много йода – это уже после войны учёные определили. А звери и раньше знали о целебной реке, со всей округи туда лечиться ходили...

В самом начале войны ушёл Чет Инчинов на фронт. Воевал снайпером, до самого Кенигсберга дошёл. А когда вернулся – пожаловались ему земляки: всю войну задирали скот в селах какой-то свирепый медведь на трёх лапах.

Пришлось снайперу вспоминать своё охотничье ремесло. Выследил он своего «крестника» и завалил его. Чёрная шкура трёхлапного разбойника до сих пор в его аиле хранится – весь пол застилает...

Вот к этому охотнику и пришли саратанцы. Отказывался он, понятно: старый, мол, уже, да и охота на медведя запрещена. Но уговорили его: какой, дескать, запрет на шатуна-живодёра? Словом, взял аксакал свои капканы, ружьё и поехал в Саратан.

Как раз к его приходу в селении Язула шатун ещё одного телёнка задрал и, как водится, буреломом сверху привалил.

Вот у этого завала и настроил свои капканы Чет Инчинов. А когда через день пришёл их проверять, то увидел, что попала в капкан огромная медведица, а возле неё трое несмышлёнышей крутятся, жалобно верещат... Пришлось охотнику уложить рассвирепевшую мамашу, а медвежат в село привёз. Оставишь их в тайге – пропадут...

– Узнали мы об этом в обкоме комсомола, – продолжал Алексей, – и меня тут же командировали в Саратан. Мы же давно обещали вам подарить медвежонка. Вот случай и представился...

Вёз я Мишку сначала верхом до Чуйского тракта, потом на машине до Бийска, потом на поезде до Барнаула, ну а потом и на двух самолётах летели... Маленько устали, конечно. Верно, Мишка? – потрепал Алексей медвежонка по белому загривку.

– А как же с тем, шатуном-то? – спросил кто-то из ребят.

– Через неделю и его удалось выследить. Только брали его уже, как говорится, всем миром. Уж больно опасен был. Мог беды наделать...

Ребята молчали, совсем другими глазами рассматривая маленького хозяина тайги, который как ни в чём ни бывало забавно играл с принесённой Сенькой Лутченко огромной аппетитной морковкой.

А я смотрел на своего нового подопечного с нежностью и тревогой: найдём ли мы общий язык, дорогой землячок, станем ли добрыми друзьями?

Но ответить на эти вопросы тогда не мог никто. «Что ж, разберёмся по ходу пьесы, как говорит наш боцман, – решил я. – Время покажет...».

Служба – не мёд

Честно говоря, мои опасения и страхи оказались несколько преувеличенными. Михаил Алексеевич с самого начала «службы» показал себя довольно покладистым и сообразительным малым.

Как только раздавался сигнал побудки и матросы, поёживаясь от утреннего холодка, выбегали на зарядку на верхнюю палубу, Алексеич не медля выбирался из своего «домика», прочно сколоченного боцманами из дюймовых досок под кормовой башней главного калибра, встряхивался и неторопливо взбирался к нам на спардек¹, где под звуки музыки мы сгоняли с себя остатки сна. Сам он зарядкой, понятно, не увлекался, но был не прочь скатить за борт гантели у зазевавшегося матроса. Первой такой «жертвой», как ни странно, оказался лучший друг Алексеича — наш кок Сеня Лутченко.

Как-то Семён дольше обычного задержался на камбузе и наутро по сигналу «подъём!» никак не мог подняться, а когда вышел на верхнюю палубу, был как раз в состоянии человека, которого, как говорят, поднять подняли, а разбудить забыли. Сделав несколько вялых движений руками, он опустил гантели на палубу и сладко потянулся. Алексеич, который, как всегда, крутился около своего кормильца, тотчас зацепил лапой и катнул к борту сначала одну, потом другую гантелину и с нескрываемым любопытством пронаблюдал, как, прокатившись по палубе и перепрыгнув через ватервейс², Сенькины снаряды с громким плеском полетели в воду. Семён сначала опешил, а затем рванулся к медвежонку, приговаривая: «Я ему и котлетку, и компот,

1 Спардек – средняя часть верхней палубы.

2 Ватервейс – желоб вдоль борта судна для стока воды.

а он, змей...» Но не тут-то было. Догнать Алексеича ему так и не удалось, а на его пути неожиданно вырос дежурный офицер. Узнав, в чём дело, он сначала рассмеялся, а потом, согнав с лица улыбку, сделал внушение самому Семёну:

– Из вашего объяснения явствует, что зарядку вы, Лутченко, абы как, через пень-колоду делаете! Надо подсказать мичману Лыкову, чтобы персонально с вами физкультурой занялся...

После этого случая на утренние проказы медвежонка с гантелями жалоб больше не поступало, но даже самые отъявленные любители поспать на зарядке не теряли бдительности ни на минуту, что было отмечено дежурной службой как положительное явление.

После физзарядки и завтрака на корабле наступает самая торжественная минута – подъём Военно-морского флага. По сигналу горниста мы выстраиваемся на верхней палубе вдоль бортов по заранее отведённым местам, и командир корабля в сопровождении дежурного обходит строй и здоровается с экипажем, а мы в ответ дружно, на одном дыхании приветствуем его: «Здравия желаем, товарищ капитан первого ранга!» Правда, стараясь чётче и громче поздороваться, мы выкрикиваем примерно такую абракадабру: «Здражелатовакаперанга!»

Наша команда выстраивается обычно на спардеке левого борта, вдоль шлюпки, затянутой брезентом. Это даёт нам возможность во время ожидания командира немного «посачковать», незаметно прижавшись спиной к борту шлюпки.

Как-то раз, когда, как обычно, ровно в восемь утра мы построились для подъёма флага и перед нашим замершим строем появился командир корабля в сопровождении офицеров, я вдруг почувствовал, что кто-то сзади осторожно стягивает с моей головы берет. Поздоровавшись, командир заглянул в мою сторону, но я стоял не шелохнувшись. Командир едва заметно улыбнулся и, круто развернувшись, направился на противоположный борт. Я обернулся и увидел на шлюпочном брезенте резвившегося с моим беретом Алексеича. Он был совсем рядом, и я в сердцах отпустил косолапому озорнику несколько шлепков, а наш боцман Иван Степанович, наблюдавший всю

эту сцену, усмехнулся в прокуренные усы и добавил назидательно:

– У нас, Миша, не царский флот. Мы шапку перед начальством не ломаем. Так-то вот...

...Жизнь на новом месте Алексеича определённо устраивала. Утром, как положено, он получал возле хлебрезки свой завтрак по флотской норме – хлеб с маслом, кусков пять сахара, миску каши и, в порядке исключения, – чай-то он не пил, – миску вкусного компота. Затем, когда мы по сигналу горниста разбегались по боевым постам и приступали к работам и занятиям, Мишка отправлялся знакомиться с устройством корабля. Правда, маршрут утреннего обхода у него был довольно своеобразный.

Его почти совсем не интересовали машинное и котельное отделения – и совсем не потому, что туда вели длинные вертикальные трапы, а в шахтах постоянно свистел нагнетаемый вентиляторами воздух, – нет, по трапам он взбегал с ловкостью первоклассного матроса. Просто машинное масло и железки пахли совсем не так аппетитно, как мешки и ящики в продовольственных кладовых, куда он очень быстро нашёл дорогу. Инстинкт не подвёл Мишку... То пригоршня сухофруктов, то пяток печений, а то и полбанки сгущёнки неизменно перепадали ему там.

Но самым излюбленным местом с первых дней «службы» стала для него камбузная площадка. Правда, вход на камбуз был ему заказан, но он туда и не стремился.

Подойдя к открытым дверям «корабельной кухни», из которых всегда так вкусно пахло, Алексеич с деланным безразличием укладывался на палубу, положив голову и смиренно сложенные лапы на комингс¹. Расчёт медвежонка был точен. Сначала на него как будто никто не обращал ни малейшего внимания – значит, он никому не мешал. Часам к двенадцати, когда борщи и компоты уже вовсю кипели в котлах, у коков появлялось несколько свободных минут, и они выходили «потравить» на камбузную площадку.

¹ Комингс – порог.

Мишка делал вид, что крепко спит и абсолютно не нуждается в нашем внимании. При этом, лежа на животе, он так по-детски забавно разбрасывал задние лапы, что не подойти и не погладить его было просто невозможно. Алексеич для приличия недовольно урчал и делал вид, что никак не может проснуться. Тогда на помощь звали Семёна. Кок вытирал руки о фартук и деланно-сердито вопрошал:

– Эт-то ещё что такое? Ты что, салага, распорядка не знаешь? Сколько ещё до обеда? – и подносил к мишкиной морде руку с часами.

Алексеич торкался мокрым носом в циферблат и просительно поднимал вишенки глаз на Семёна. Тогда тот сменял гнев на милость.

– Обед заслужить надо, понял? – и, оглянувшись, приказывал: – А ну, покажи, как боцман мачты осматривает!

Мишка становится на задние лапы и, устремив взгляд в подволоку¹, начинает кружиться вокруг собственной оси и даже, словно подражая боцману, пытается заложить лапы за спину. Проходящие мимо матросы останавливаются и с хохотом просят повторить номер ещё и ещё, пока на камбузной площадке не появляется мичман с сине-белой повязкой на рукаве – дежурный по низам. Спектакль прекращается. Коки торопятся на камбуз, а Семён успевает сунуть растерянно осевшему Алексеичу котлету или пригоршню шкварок...

Коков Мишка считал своими первыми друзьями, и не без оснований. Но были у него на корабле и «враги». Самыми злейшими из них Алексеичу наверняка казались бессердечные старшины, стоящие у трапа с деревянными кобурами на боках. Это Мишка понял буквально на второй день своего пребывания на крейсере.

А дело было так. Вечером того памятного дня, когда Михаил Алексеевич стал полноправным членом экипажа нашего крейсера, мне разрешили погулять с ним по парку в гавани. Матросы боцманской команды быстренько соорудили что-то вроде ошейника с поводком, и мы чинно сошли на берег. Знакомый шелест листвы, аромат распутившихся берёз и сочной

1 Подволока – потолок.

весенней травы, видимо, всколыхнули в нём ещё совсем свежие воспоминания о далёком и навсегда оставленном урочище. Мишка так отчаянно начал рваться с поводка, так жалобно урчать, что я не выдержал и отпустил его на волю. В мгновение ока он рванулся в сторону и оказался в гуще ветвей высокой, старой берёзы. Я закурил и стал наблюдать: что же будет дальше? Мишка перебирался с одной развилки ветвей на другую, пока наконец не нашёл удобную широкую седловину. Устроившись в ней поуютнее, он затих. Я подождал десять, пятнадцать минут – Алексеич не двигался. Я попробовал потрясти берёзу, но из этого ничего не вышло.

В детстве я неплохо лазал по деревьям, и в школе за мной прочно укрепилось прозвище «Кот», а поэтому решил не тратить времени даром и сбросил ботинки. Пока я добирался до развилки – Мишка не шевелился, но как только протянул руку к его загривку, шерсть на спине медвежонка вздыбилась и, злобно оскалившись, он клацнул зубами, едва не задев кисть моей руки. И я понял, что передо мной пусть маленький, но самый настоящий зверь, готовый постоять за себя. Дело принимало неважный оборот. Мне ничего не оставалось, как спуститься на землю и ждать. Ждать хоть до самого утра.

Сумерки уже повисли над гаванью, и в густых ветвях берёзы Мишка был почти не виден. Я докуривал уже не помню какую по счёту сигарету, когда меня кто-то окликнул:

– Вы чего тут, Сердюков, прохлаждаетесь?

Я вскочил. Передо мной стоял командир корабля, а рядом с ним – девочка лет семи-восьми в светлом платье с большим белым бантом на голове.

– Мишку жду, товарищ капитан первого ранга. Не хочет слезать с дерева – и баста.

– Ах вон оно что!.. А мы с Леночкой как раз и ищем его. Ну-ка, доча, позови его. Может, он от мёда не откажется?

Только тут я заметил в руках у девочки маленькое детское ведерко, чем-то наполненное до краёв.

– Товарищ командир! Можно мне взять ведро у Леночки? С мёдом я Мишку мигом на землю смайнаю!..

Взяв дужку ведёрка в зубы, как собаки носят поноску, я снова полез на дерево. Мишка сидел на прежнем месте. «Во-от, Мишенька, на-ка, попробуй медок», – ласково приговаривал я, протягивая Алексеичу излюбленное медвежье лакомство. Но Мишка и без моих пояснений понял, что я предлагаю ему не вчерашний борщ. Он свесился из своей развилки и постарался лизнуть мед. Я позволил ему и тут же опустил ведёрко пониже. Он попытался ещё раз достать его языком, но качнулся и, видимо, сообразив, что так можно и кувыркнуться с дерева, вылез задом из развилки и оглянулся: где же мёд-то? Я тут же протянул его Мишке, а когда он лизнул, спустился ещё на несколько веток ниже. Так мы вскоре оказались на земле. Пока Мишка, к радости Леночки, уплетал запашистое лакомство, я надел на него ошейник и облегчённо вздохнул.

– Так дело не пойдёт, Сердюков, – сказал командир. – К матросскому столу мёд не подаётся, а кашей ты его с дерева не сманишь. Поэтому, пока Алексеич не привык к кораблю, я запрещаю ему сход на берег. Так и передайте вахтенным.

Я передал приказ командира вахтенному офицеру, закрыл Мишку в его домике и, довольный удачной развязкой, отправился в кубрик.

Однако прогулка с медовым десертом в конце Мишке пришлась по душе, на следующий день вечером, сразу же после ужина, он неторопливо отправился на ют. Деловито обойдя башню, заглянул – не забыл ли чего? – в свой домик и преспокойненько направился к трапу. И тут прямо перед Мишкиным носом, как из-под палубы, вырос вахтенный старшина в чёрном реглане, с кобурой и красно-белой повязкой на рукаве:

– Куда, Алексеич? Сход тебе запрещён.

Мишка попытался было обойти несговорчивого вахтенного с одного, с другого бока, но ничего не вышло. Тогда он решил прорваться с разбега, но опять ткнулся мордой в грубую чёрную полу реглана. Мишка не на шутку рассердился: буквально в двадцати шагах так заманчиво шелестит листва берёз, под одной из которых наверняка стоит ведёрко с медом, а тут...

Пришлось вмешаться мне и почти насильно увести медвежонка на бак.

– Пойми, Алексеич, – внушал я ему, – приказ командира – закон для подчиненного, понятно? Ты что думал, служба – мёд? Нет, брат, не мёд. Ты ещё в этом не раз убедишься сам...

Дурные привычки

У многих из нас в детстве неизвестно откуда появляются глупые, если со стороны посмотреть, привычки: высовывать язык во время рисования, грызть карандаши, держать пальцы во рту... Появилась одна такая дурная привычка и у нашего Мишки. Ни с того ни с сего он вдруг начал... сосать лапу. Причём делал он это в любом положении: лежа, сидя и даже стоя. Подойдёт к матросу, встанет на задние лапы, упрётся правой лапой ему в грудь, словно предлагая: «Давай, поговорим», а левую прижмёт к губам и начинает, смачно причмокивая и урча от удовольствия, сосать подушечки между когтей.

Поначалу мы пытались поговорить с ним по душам, убедить его, что это некрасиво, тем более на военном корабле. Но – увы! Все предки и прапредки его целые зимы напролёт проводили с лапой во рту, поэтому никакие увещевания тут помочь не могли. Тогда мы отвели Мишку в корабельный лазарет, где наш санитар Витя Шкуратенко наложил ему на лапу классическую повязку с отвратительно пахнущей мазью Вишневского.

После этой процедуры Алексеич, рассерженно рыча, убежал куда-то в нижние кубрики и не появлялся на верхней палубе до самого ужина. А к ужину объявился на камбузной площадке уже без повязки и, как ни в чём ни бывало, кротко усевшись в уголке, принялся за свою лапу...

Что делать? Пришлось собрать совет Мишкиных друзей. Самое лучшее средство предложил Сеня Лутченко.

На следующее утро он раздал всем нам по баночке крепчайшей горчицы, а когда Мишка появился у камбуза, Сеня густо смазал ему левую лапу этой остро бьющей в нос приправой. Мишка по привычке лизнул лапу и, чихая и отфыркиваясь, осатанело взглянув на своего лучшего друга, бросился со всех ног в свой домик. Из домика долго доносилось возмущённое урчанье, прерываемое фырканием и вознёй. Но как только, придя

в себя, Мишка попытался найти у меня сочувствие, я немедленно преподнёс ему тот же самый «бутерброд с горчицей»...

Нам помогло то, что Мишка никак не мог приспособиться к правой лапе, иначе наше лечение затянулось бы неизвестно на какой срок.

На следующий день Мишка стал избегать и меня, и Сеню, и Витю Чепурного, но теперь мы сами находили его. В конце концов наши усилия увенчались успехом: Алексеич всё реже тянулся к лапе, а вместо неё с удовольствием сосал конфеты, которыми мы его на радостях снабжали в изобилии.

Но борьба за Мишкину воспитанность на этом не кончилась. Если сосание лапы было, так сказать, наследственным пороком, от него не зависящим, то на смену ему пришёл не менее опасный, благоприобретённый: Мишка стал... воришкой.

Любознательный и сообразительный Алексеич довольно быстро освоил приёмы открывания корабельных дверей – от лёгких, ведущих в каюты и кубрики, которые отворяются простым нажатием на ручку, до тяжёлых водонепроницаемых, которые накрепко закрываются при помощи тугих задраек. Поначалу мы даже радовались успехам нашего косолапого матроса, но вскоре на смену радости пришли огорчения.

Открыв дверь в каюту или кубрик и обнаружив, что там никого нет, Мишка поднимался на задние лапы, а передними без особого труда открывал шкафчики, в которых лежали немудрящие предметы матросского туалета. Но ни мыло, ни бритвенные приборы, ни осидол для чистки пуговиц его абсолютно не интересовали. Алексеич пристрастился к зубной пасте... Не находя пасты, тюбики которой он легко разгрызал своими острыми зубами, довольствовался зубным порошком, а иногда – по ошибке – и мыльным кремом для бритья. Но и в том, и в другом, и в третьем случае палуба в кубрике после визита Алексеича сильно смахивала на картину художника-абстракциониста, предпочитающего белила всем другим краскам, а разом «поседевшие» усы на лукавой Мишкиной мордашке безошибочно выдавали и автора произведения.

Дневальный, прозевавший появление в кубрике Алексеича, получал соответствующую нотацию от своего старшины,

несколько не слишком лестных комплиментов от своих друзей-матросов, лишившихся пасты или порошка, и, в свою очередь, обрушивался на меня, будто это я научил Мишку чистить зубы таким оригинальным способом – без воды и щётки.

Правда, у нерадивых дневальных был и ещё один повод недолго любить Алексеича.

Дело в том, что у медвежонка со временем выработался довольно своеобразный распорядок дня. После завтрака, когда на крейсере начинались обычные занятия и матросы разбегались по башням и боевым постам, изучали оружие и технику, – Мишка или спешил в продовольственные кладовые, или растягивался на палубе где-нибудь возле тёплого трубопровода и крепко спал до самого обеда. После обеда он тоже был не прочь вздремнуть часок-другой, и, естественно, после отбоя для Алексеича началось самое интересное. Корабль спит, в кубриках включается синий свет, и только дневальные с повязкой на рукаве и боцманской дудкой на груди мерно прохаживаются между койками и рундуками, на которых аккуратно сложены по раз и навсегда установленному образцу белые матросские робы.

Время от времени в кубрике может появиться дежурный по кораблю офицер или мичман – дежурный по низам. Дневальный обязан встретить дежурного у дверей и доложить, что личный состав такого-то подразделения отошёл ко сну, отсутствующих нет и в кубрике всё в порядке. Дежурный проходит по кубрику и, убедившись, что всё действительно в порядке, отправляется дальше по кораблю проверять посты и вахты. С дневальным, прозевавшим появление в кубрике дежурного, разговор обычно короток: «Сдать вахту очередному по смене». А это значит, что те три, пять или даже семь часов, которые ты уже отстоял, полетели за борт и завтра в девятнадцать ноль-ноль надо снова надевать сине-белую повязку дневального, боцманскую дудку и снова мерять шагами тысячу раз измеренный кубрик.

Так вот, для многих нерадивых дневальных появление Мишки на корабле было равно появлению третьего дежурного. Нет, он не требовал доклада об отсутствующих, или «нет-чиках», как у нас говорили, – понятие о порядке у него было

своё. Бдительному дневальному, который встречал его, когда он переваливался через комингс в кубрик, Мишка дружелюбно предлагал поиграть. Делал он это так: встав на задние лапы, зубами осторожно хватался за рукав голландки и начинал бороться. Если же матрос уклонялся от борьбы, Мишка, схватив чей-нибудь ботинок, опрометью бросался в соседний кубрик, и дневальному ничего не оставалось, как бежать вслед за ним. И хорошо, если погоня заканчивалась до появления в кубрике дежурного. Тогда можно было считать, что тебе на дневальстве повезло: в монотонной, четырёхчасовой вахте появилось какое-то разнообразие. Картина совершенно менялась, если Алексеича в кубрике никто не встречал. Тогда Мишка непременно оказывал дневальному «медвежью услугу» – принимался стаскивать с рундуков аккуратно уложенные робы, устраивал из них кучу малу и блаженно располагался на ней. Эта его «работа» обычно завершалась досрочной сдачей вахты незадачливым дневальным. И мне как-то раз пришлось заступить на вахту вне очереди. Дело было так.

Однажды под утро, когда в глубоком предрассветном сне я блаженно сидел с удочкой на берегу Оби и таскал одного за другим крупных серебристых чебаков, за крючок вдруг зацепилась какая-то огромная рыбина. «Не иначе – стерлядка!» – радостно подумал я, с трудом сдерживая рывки, которые так и сыпались на удилище, больно отдаваясь в правой руке. «Сейчас мы тебя, сейчас!..» – приговаривал я, перебираясь руками поближе к леске...

– Да проснёшься ты наконец или нет? – донёсся до меня сквозь сон злой Витькин шёпот.

– Чего ты? Мне же в семь заступать, а сейчас ещё пять, – посмотрел я на часы.

– Скажи спасибо своему Алексеичу. Снял он меня с вахты.

– Как это? – Я слез с койки и сел, ничего не понимая, на рундук, машинально нащупывая правой рукой брюки и голландку.

– Можешь не искать свою робу. В углу за барбетом она...

Я обошёл барбет – сооружение, похожее на огромную трубу, по которому снаряды из погреба подаются наверх, в башню,

и в углу увидел ворох голландок, брюк и ботинок, среди которых не без труда отыскал свои.

Пострадал Витька, как выяснилось, так. Когда, как обычно, прозвучала по трансляции команда «Дневальным набрать воду в питьевые бачки», он снял бачок и отправился к самоварам – огромным титанам, в которых кипятилась вода. В это время в кубрик проскользнул Алексеич, и, довольный полной свободой, недолго думая, начал стаскивать в угол наши робы, а потом и сам преспокойненько улёгся на них. Вернувшись с бачком, Витька не сразу заметил исчезновение с рундуков одежды, а когда заметил – в дверях кубрика уже стоял дежурный по низам мичман Пуховик.

– Крепко спите, Чепурной, – вполголоса произнёс он. – Так у вас не только рабочее платье, но и матросов унести могут. Сдайте-ка лучше вахту...

– Да я же за водой...

– Сдайте, сдайте. Будите свою смену.

Сменять Витьку на вахте должен был я.

Шло время. Алексеич, по нашему матросскому мнению, уже вполне заслуживал дисциплинарного взыскания, но, с точки зрения дежурных по кораблю и низам, службу он нёс вполне исправно – отлично проверял бдительность дневальных, а если среди них оказывались ротозеи, то пенять им оставалось только на себя. Так у Мишки появилось нештатное звание «Помощник дежурного по низам».

Око за око

Однако, как вскоре выяснилось, не все нерадивые дневальные, которых медвежонок «снял с вахты», были так же отходчивы и великодушны, как мы с Витькой Чепурным. Появились у него и недруги, которые не прочь были свести с Алексеичем счёты. Один из них – флегматичный и неуклюжий, вечно чем-то недовольный молодой матрос из боцманской команды Степан Бендека. Он спал и видел тот день, когда наконец рассчитается с «помощником дежурного по низам». Мишка навёдывался в кубрик боцманов почти всякий раз, когда дневалил сонный Бендека. И однажды такой случай представился.

На корабле шла большая приборка. Матросы добела драили песком деревянную палубу, потом окатывали её водой, лопатили резинками – простейшими приспособлениями, очень похожими на грабли, только вместо зубьев на них прикреплены пластины толстой резины, которой и сгоняют воду с палубы в проходящие вдоль бортов желобки-ватервейсы.

По всем ватервейсам через определённое расстояние располагаются шпигаты – круглые решётки, в которые и уходит грязная вода. Во время большой приборки у каждого матроса на корабле есть пост, кубрик или просто кусок палубы, который он должен вымыть, вычистить, отдраить так, чтобы и комар носа не подточил.

Михаил Алексеич, постепенно присмотревшись в своих походах по кораблю к работе моряков, вскоре сам нашёл себе занятие на время большой приборки. Увидев однажды, как матрос выбивал о палубу шпигатную решётку, Мишка подошёл к следующей и, зацепив её когтями, вытащил на палубу. Поскрёб решётку сначала одной, потом другой лапой, перевернул, снова поскрёб и начал старательно толкать её на место. Но если зацепить и вытащить решётку из шпигата было довольно просто, то вернуть её обратно медвежонку никак не удавалось. Кружок с дырками то и дело становился на ребро, проскакивал мимо отверстия или вовсе отлетал в сторону. Мишка сердито кряхтел, злился, даже несколько раз отходил от шпигата, но потом всё же упрямство брало верх, он возвращался и снова принимался за дело, пока наконец его труд не увенчался успехом – решётка плотно легла на своё место.

В первый раз Мишке удалось очистить три или четыре шпигата. Но уже в следующую большую приборку – через неделю – он прошёл почти пол-ватервейса, а вскоре так навострился, что к концу приборки очищал все шпигаты по обоим бортам. Боцман Иван Степанович не мог нахвалиться своим косолапым «боцманенком».

– И ведь надо же, – умильно кивал он в сторону увлечённого своим делом Алексеича, – ни одного шпигата не пропускает малец, всё по ходу пьесы действует. Вы бы так старались, караси, некого было бы и без берега оставлять...

В один из таких субботних дней, когда Мишка уже заканчивал свою очень полезную работу, его и подкараулил Бендека. Воровато оглядевшись по сторонам, он на полную мощь открыл вентиль патрубка системы забортной воды, которой обычно окатывается палуба, и, направив тугую шипящую струю на медвежонка, спрятался за орудийную башню. Ничего не подозревавший Алексеич возился с очередным шпигатом, когда на него обрушился водяной шквал. Ошалело вскочив на задние лапы, он отчаянно заверещал и бросился к первому попавшемуся люку. Когда мокрый, взлохмаченный, перепуганный до смерти медвежонок скатился по трапу к нам в кубрик, матросы бросились к нему: «Ты чего это, Алексеич? Кто тебя?»

Несколько моряков выскочили на верхнюю палубу в тот момент, когда Бендека торопливо скатывал шланг. Огромный, с красным от гнева лицом Лешка Белыйков сгрёб сжавшегося матроса за ворот голландки.

– Ах ты, салага, под силу себе нашёл? А ну, вставай к борту, шпрот! Парни, вооружай три ствола!

Лёшка отбросил Бендеку к леерам¹ и мигом развернул тот самый шланг, из которого Бендека окатил медвежонка. Двое других матросов размотали соседние шланги и открыли вентили. Вода с клетотом и свистом рванулась из стволов.

За издевательство над четвероногим другом, членом нашего экипажа Михаилом Алексеевичем Алтайским – получи!

Три мощных водяных струи схлестнулись в одной точке, накрепко прижав к леерам беспомощно барахтающегося Бендеку. Неизвестно, сколько продолжался бы этот «расстрел», если бы на баке не появился Иван Степанович.

– Отставить! Что здесь происходит?

Ребята наперебой рассказывали боцману о случившемся.

– Та-ак – протянул Иван Степанович, – понятно. Наказание не уставное, но справедливое. – И, обернувшись к жалкому, то ли от страха, то ли от холода клацающему зубами Бендеке, добавил: – Сегодня, матрос Бендека, заступите вне очереди в на-

¹ Леер – тросовое или цепное ограждение верхней палубы по периметру бортов

ряд рабочим по камбузу, а впредь по приборке будете драить все шпигаты, которые до сих пор за вас чистил Алексеич.

– Есть, – тоскливо выдавил Бендека.

Прощай, свидание!..

Суббота на корабле не только день большой приборки, но и трепетно ожидаемый всеми день увольнения на берег.

После обильного обеда с неизменными в праздничном меню макаронами по-флотски во всех кубриках царит весёлое оживление: обеденные столы превращаются в гладильные доски, из рундуков извлекаются тщательно уложенные форменки и безупречно обтянутые бескозырки, в цирюльню – корабельную парикмахерскую – выстраивается извилистая нетерпеливая очередь, а к привычному запаху нагретого железа, краски и машинного масла примешивается подзабытый аромат одеколona, крема для бритья и ещё чего-то очень домашнего и праздничного.

В этот день была моя очередь идти в увольнение, и поэтому с самого утра настроение у меня было, как у именинника. Мы с Витькой ещё накануне договорились, что первым делом сегодня сходим на пляж – море с палубы корабля и море с весело гудящего пляжа смотрится совсем не одинаково, – потом заглянем в кафе «Золотой якорь», побалуемся мороженым и лимонадом, а вечером, естественно, отправимся в матросский парк на танцы, где Витьку будет ждать его смуглолицая хохотушка Зинуля, а меня...

Вот об этом я не сказал даже Витьке, потому что Нина, с которой я познакомился перед последним выходом в море, могла не прийти на танцы, и Витька непременно назвал бы меня «рындой», «трепачом» или как-нибудь ещё похлеще...

Словом, я готовился к сходу на берег. Раскалившийся до предела утюг – передо мной уже трое увольняемых навели на свои брюки стрелки, о которые можно затачивать карандаши, – послушно делал в моих руках своё горячее дело. Уже лежала на койке, широко разбросав рукава, моя белоснежная – без единой складочки, – форменка, словно марка на конверте си-

нел на подушке отутюженный платочек, стояли возле рундука до солнечного блеска надраенные ботинки, когда в кубрик влетел взъерошенный Сенька Лутченко.

– Собираешься, значит? Брючки наглаживаешь? А Михаил Алексеевич, между прочим, тоже куда-то собирается...

– Как это?

– А вот так. Пошли, увидишь...

Я бросил на койку недоглаженные брюки, передал кому-то утюг, и мы с Сенькой выскочили на палубу.

Возле «Африки» – вентиляционной камеры, у которой матросы обычно сушат робы, стояла большая группа моряков, раскачивавшаяся в порывах неудержимого хохота. Я протиснулся в середину круга и обомлел: на палубе, в луже шаровой¹ краски, Михаил Алексеевич, не обращая ни малейшего внимания на гогочущих зрителей, ухватив передними лапами жёсткую палубную щётку, старательно «стирал» ею чей-то белоснежный китель...

То, что Мишка во всем старался подражать матросам, меня уже не удивляло. Сейчас он тоже ничего оригинального не изобрёл: Алексеич не раз наблюдал, как мы стираем своё рабочее платье с мылом, разложив его на палубе и оттирая загрязнившиеся места намыленной щёткой... Но, во-первых – где и чей китель умудрился стащить Алексеич? А во-вторых – откуда после большой приборки на палубе могла появиться целая лужа въедливой корабельной шаровой краски?

– Алексеич, что это такое? – вырвался у меня не очень умный вопрос.

– Это новенький, лейтенант Сахаров, попросил китель в синий цвет переокрасить, – прогудел под общий хохот Лёшка Бельков, – вот он и старается...

А Мишка, услышав мой возмущённый голос, оторвался от своего увлекательного занятия, мельком взглянул на меня и, бросив щётку, пустился наутёк, оставляя на палубе чёткие серовато-голубые следы.

Уже потом, когда мы с Витькой изловили Алексеича на
1 Шаровая – серо-голубая краска, которой красят борта и надстройки боевых кораблей.

другом конце корабля, у шкиперской кладовой, и два часа отмывали его в корабельной душевой, Чикита рассказал мне, как всё происходило.

Прибывший накануне на корабль молодой лейтенант Сахаров, видимо, решил привести в порядок свой белый китель: выстирал его и спросил у кого-то из матросов, где побыстрее можно высушить одежду. Матрос услужливо сообщил, что горячее, чем «Африка», куда вентиляторы гонят сухой жаркий воздух из котельного отделения, места на корабле не найти. И вежливо проводил лейтенанта на шкафут. Разумеется, никто, инструктируя молодого офицера, не предупредил его, что, помимо всего прочего, на крейсере есть ещё и настоящий живой медвежонок – Михаил Алексеевич.

И вот, когда романтично настроенный лейтенант стоял, подставив свой китель под горячие струи «африканского» ветра, из камбузного люка появилась медвежья голова. Алексеич опешившему лейтенанту показался, видимо, матёрым хозяином тайги, и он, растерявшись, начал отмахиваться от него своим кителем. Мишка, решивший, что с ним хотят поиграть, охотно ухватился за полу кителя.

Всю эту сцену увидел проходивший мимо с банкой краски Степан Бендека и, не удержавшись от хохота, выронил банку на палубу. Услышав за спиной страшный грохот, и без того не на шутку перепугавшийся лейтенант, естественно, бросил свою тужурку и, как говорится, дал дёру. А Мишка, оставшись наедине с лейтенантским кителем, брошенным в лужу краски, решил его «простирнуть», благо услужливый Бендека тут же подсунул ему палубную щетку...

Узнав детали этой «занимательной» истории, я ничуть не удивился, когда прямо из душевой меня вызвали к дежурному по кораблю. Немногословный и суровый капитан третьего ранга Лещенко не потребовал никаких объяснений по поводу случившегося, а предложил, указав на нечто бесформенное, лежащее в углу дежурной рубки:

– Приведите китель лейтенанта Сахарова в порядок и представьте его хозяину в надлежащем виде к завтрашнему утру...

– Есть, – приложил я правую руку к берету, а левой протянул дежурному офицеру теперь уже не нужную мне увольнительную записку...

Мишка в карцере

По правде говоря, ночные Мишкины бдения если кому и доставляли некоторые неудобства, то разве что дневальным.

Набродившись по кораблю, Мишка редко шёл в свой домик, а чаще всего заходил в наш кубрик, располагался возле рундука и умиротворённо жевал шнурки моих ботинок. Отучить его от этого оригинального занятия мне никак не удавалось. Зато отличить мои ботинки он мог, пожалуй, от тысячи пар других. И нередко к вечеру, когда ребята собирались на баке перекурить перед фильмом или просто «потравить» разные морские истории, я умышленно оставлял в кубрике один, а то и оба ботинка и, как только медвежонок появлялся на баке, приказывал:

– Миша, ботинок!

Мишка стремглав бросался в кубрик и через несколько минут появлялся на палубе, держа в зубах один из моих «прогаров», как моряки называют обычно свои рабочие ботинки. Правда, за услугу я должен был тут же выдать кусок сахара, иначе за вторым ботинком мне пришлось бы идти самому – даром Алексеич отказывался работать наотрез.

Стоит ли говорить, как потешались ребята, видя моего неуклюжего косолапого слугу, деловито спешащего на бак с «прогаром» в зубах. Попытки подменить мои ботинки чужими, хотя и очень похожими, ни к чему не приводили. Алексеич в этих случаях возвращался на бак ни с чем. Много позже в одном из дальних походов этот наш номер выручил меня в довольно трудной ситуации. Но об этом – потом. А пока Мишка нередко доставлял мне и серьёзные хлопоты.

Как-то под вечер к нам на корабль приехали два кинооператора. Их накормили ужином и разместили в свободной офицерской каюте. Устав с дороги, они довольно быстро уснули. Среди ночи один из них проснулся от какой-то возни в каюте. Включив ночник, он обнаружил возле своей койки... живого медведя, ко-

торый, не обращая ни на что внимания, старательно вскрывал очередную банку с плёнкой. Тут и там на палубе каюты валялись раскрытые мыльницы, выдавленный тюбик от зубной пасты и рядом сдобренная этой пастой и скрученная в невероятный клубок безвозвратно засвеченная плёнка. Оператор так и замер, прижавшись к переборке, боясь вскрикнуть и даже не решаясь протянуть руку за очками, лежащими рядом с ним на столике. Его коллега, проснувшись от света, воспринял появление Алексеича более хладнокровно. Он дотянулся до телефона и набрал номер каюты замполита. Тут же за мной прибежал рассыльный. Но и я сразу не смог вытащить увлекшегося Алексеича из каюты гостей. Один из операторов догадался подать мне яблоко. Я вручил Мишке половинку, а за второй предложил пройти в коридор, на что Алексеич неохотно, но всё же согласился. Остаток ночи ему пришлось провести в домике, а мне утром извиниться перед нашими гостями. Операторы приняли мои извинения только после того, как я пообещал им помочь сделать несколько интересных кадров с участием Михаила Алексеича, благо на самые непредсказуемые проделки он был большим мастером.

Кстати, сам Мишка к тому времени успел стать своеобразным киноманом.

Стоило морякам развернуть башню главного калибра и растянуть экран, как на баке появлялся Алексеич. До начала сеанса он охотно боролся с матросами, кувыркался и играл в догонялки. Как только загорался экран, Мишка устраивался в самом первом ряду и внимательно наблюдал за тем, что на нём происходит. Стоило появиться в кадре кошке, собаке или курице, он мгновенно вскакивал, взбирался по скоб-трапу на середину башни и пытался лапой достать незнакомого зверя. Но зверь неизвестно куда исчезал, и разочарованный Алексеич спускался на палубу. После этого обычно он терял к фильму всякий интерес и косолапил с бака на камбузную площадку или на ют, где у него находилось не менее увлекательное занятие.

Обычно в летнее время вечерами в гавани появлялись стайки мальчишек с удочками. Они располагались прямо на пирсе и довольно быстро натаскивали целые куканы плотвичек,

корюшки, а наиболее удачливым и проворным удавалось иногда подцепить даже угря или вытащить широкого – килограмма на полтора – отливающего бронзой леща. К самому процессу рыбной ловли Мишка относился довольно равнодушно, но после того, как кто-то из матросов угостил его свежей рыбой, к уловам ребят Алексеич начал питать откровенный и отнюдь не созерцательный интерес. К тому времени запрет на сход на берег для него был снят, и у Мишки установились с вахтенными у трапа доверительно-дружеские отношения. Поэтому, придя на ют, он уже не рвался любой ценой на пирс, как это было раньше, а дружелюбно подходил к вахтенному старшине, позволял потрепать себя по загривку и, убедившись в том, что страж порядка настроен вполне добродушно, направлялся к флагштоку, на самую корму, где и располагался. Он мог часами терпеливо наблюдать, как ловко подсечённые мальчишками рыбёшки одна за другой вылетают на берег. Выбрав удобный момент, медвежонок сбегал по трапу на пирс. Увлечённые своим занятием рыбаки обычно не сразу замечали косолапого браконьера, а когда тот уже нацеливался на чей-нибудь кукан. С криком, побросав удочки, они бросались врассыпную. А медвежонок, не обращая на рыбаков никакого внимания, вытаскивал кукан, освобождал его от пляшущих плотвичек и направлялся к следующему. Основательно закусив, он преспокойно возвращался на корабль, давая мальчишкам возможность пополнить свои изрядно поредевшие уловы. Они не обижались на Алексеича, но дружбу с ним не водили – хоть и корабельный, а всё-таки медведь. Что у него на уме?

Я возражал против Мишкиных самоволок, но добрые вахтенные никак не могли устоять перед дисциплинированным косолапым матросом, который каждый раз, прежде чем отправиться на берег, подходил к ним и глазами выразительно спрашивал: «Разрешите сойти?»

Куда спокойнее было у меня на душе, когда мы гуляли с ним вдвоём. Я надевал ошейник, брал поводок, и мы чинно шли по гавани. Иногда я отпускал поводок, и, почувствовав свободу, Мишка начинал кувыркаться, взбираться на деревья, играя, убежать от меня. При этом он часто оглядывался и за-

медлял бег, словно предлагая: «Догони, ну догони же!» Вдоволь нарезвившись, он послушно подходил ко мне и как бы предлагал: «А теперь – возьми меня на поводок». Это означало, что Алексеичу ужасно хочется, чтобы мы зашли в ларёк, где продавались конфеты, печенье и другие сладости. Без поводка вход в ларёк Мишке был запрещён.

Войдя в магазинчик, Алексеич направлялся прямо к прилавку и, встав на задние лапы, преданно глядел в глаза добродушной тёте Паше, словно здоровался с ней, и она тут же насыпала перед ним горку из конфет, печенья и сухофруктов. Быстро управившись со сладостями, Мишка понимал, что больше просить уже неудобно, но из магазинчика не уходил, а садился возле дверей и взимал дань со всех выходивших матросов. Тех же, кто пытался обойти лохматого взяточника, он не очень деликатно останавливал, хватая зубами за брюки. Мне приходилось вмешиваться и внушать Мишке, что ведёт он себя по меньшей мере неинтеллигентно, но на Алексеича это почти не действовало. И только увидев у меня в руках кулёк с конфетами, он послушно поднимался и направлялся следом за мной к выходу.

Но подобные «культурные» прогулки меньше устраивали Алексеича, чем самовольные отлучки, или попросту «самоволки», как их называют матросы. Одна из них и привела Мишку за решётку, а я из-за него должен был отсидеть целый месяц без берега...

Однажды воскресным днём в гавань привезли первые ранние помидоры. Молодая бойкая лоточница прямо на пирсе выстроила два штабеля ящиков с заманчиво краснеющими плодами и развернула торговлю. В это же время, без особого труда «уговорив» вахтенного, на берег спустился Алексеич и по привычке направился вдоль пирса – проверить, не оставил ли кто из зазевавшихся рыболовов кукана с рыбёшкой. Незаметно он добрёл до очереди стоящих за помидорами матросов. Кто-то из моряков угостил его половинкой сочного сахарного помидора. Мишке угощение понравилось, и он по привычке направился прямо к прилавку.

– Девушка, дайте нашему Мишке вон тех, мятых помидоров, всё равно выбрасывать будете, – попросили ребята.

– Ещё чего! – вспыхнула лоточница. – Мало того, что вам продай, да ещё и ваших медведей корми. Обойдётся!

Мишка, естественно, ничего не понял из этого диалога и продолжал терпеливо ждать, но продавщица не обращала на него ни малейшего внимания. И тогда медвежье терпение лопнуло. Встав на задние лапы, он обхватил штабель ящиков и хорошенько потрянул. Ящики с грохотом посыпались на пирс, а один из них с плеском упал в воду. Лоточница вскрикнула, а Мишка, теперь уже не обращая на неё никакого внимания, начал неторопливо уплетать рассыпанные дары юга.

Я дочитывал последние страницы увлекательной книги Тура Хейердала «Аку-аку», когда в кубрик влетел рассыльный.

– Сердюков, к командиру!

Вызов к командиру, да ещё в воскресный день, не предвещал ничего хорошего, но, мысленно перелистав последние дни, я так и не нашёл какого-нибудь «прохлопа», за который мог бы получить взыскание, поэтому предстал перед командиром с видом человека, которому не за что краснеть и нечего бояться. В те минуты я как-то совершенно выпустил из виду своего проказливого подопечного.

– Послушайте, Сердюков, – не дожидаясь моего доклада о прибытии, ледяным тоном начал командир, – у вас есть две-сти рублей?

«Неужели хочет попросить у меня взаймы?» – мелькнула не очень умная мысль, но я тут же её отбросил.

– Нет, товарищ капитан первого ранга, у меня только...

– В таком случае кто, по-вашему, будет расплачиваться за обед, который устроил себе ваш Михаил Алексеич?

Что-то начинало проясняться. Но командир не стал ждать, пока моё воображение нарисует страшную картину пира с битьём ресторанной посуды и разгоном официантов, который закатил наш разбушевавшийся Топтыгин.

– За халатное исполнение порученных обязанностей объявляю вам месяц без берега. Каждый самовольный сход медведя на берег будет расцениваться как ваша самовольная отлучка. Передайте боцману моё приказание: освободить таке-

лажную кладовую на правом шкафуте и поместить туда Алексеича. Хотя, откровенно говоря, карцера больше заслуживаете вы, Сердюков, а не он. Всё. Идите.

Мишку я нашёл блаженно похрапывающим в своём дощатом домике. Будить его было бесполезно. Когда он засыпал, его можно было брать за лапы и переносить куда угодно, как мы и поступали, если Алексеич отходил ко сну в неположенном месте. «Ну что, достукался, салажонок, – неожиданно с жалостью подумал я, разглядывая глуповато-наивную мохнатую физиономию своего друга. – Без году неделя на корабле, а уже и в карцер угодил. Если ты и дальше так служить будешь, то и гауптвахты не миновать. Эх ты, филия!..»

Боцмана я разыскал на катерной площадке. Вместе с двумя матросами он обтягивал брезент на барказе. Выслушав приказ командира об освобождении кладовой под карцер для Мишки, он деловито осведомился:

– А ты-то, Сердюков, знаешь хоть, за что Алексеич наказан? Нет? Ну так слушай...

Рассказывая, Иван Степанович то и дело хватался за живот и громко хохотал.

– Бежит она к трапу, а Мишка за ней, вроде не хочет на корабль пускать. У самого трапа он её опередил – и сел возле вахтенного. Она туда, она сюда, а на трап-то боится. Тогда и давай кричать: зовите, мол, самого главного начальника!.. Хотели её ребята уговорить: заплатим, мол, за помидоры. Так нет же! Такая поперечная дамочка попалась! Ну, да ладно, обойдётся. – Закончил Иван Степанович. – Пойдём-ка лучше поморокуем, как нам повеселее карцер Алексеичу оборудовать.

Теперь-то я знаю, почему командир отдал такое приказание. А тогда... Тогда мы и впрямь считали, что Мишка наказан за помидоры, хотя деньги за них мы вскладчину вернули скандальной лоточнице на следующий же день.

Освобождение

Крейсер шёл на зачётные стрельбы. Рано утром буксиры вытащили из гавани щиты – натянутые между двух мачт метал-

лические сети, укреплённые на понтонах. По ним и предстояло стрелять орудиям нашего крейсера.

Море слегка штормило. Серые волны с белыми гребнями напористо атаковали наш корабль, но огромный крейсер почти не ощущал их ударов. С высоты сигнального мостика было хорошо видно, как, подкатившись под самый нос корабля, волна будто вставала на дыбы и бросалась на него, но, рассечённая надвое, обессиленно опадала и с глухим всплеском шумела вдоль бортов. Серое море на горизонте сливалось с таким же серым небом, вернее, горизонта даже не было видно – море и небо казались одним целым. Низкие тучи ползли, едва не касаясь клотика грот-мачты. Стоило посмотреть вверх, как начинало казаться, что не тучи проносятся над нами с запада на восток, а мачта крейсера медленно валится справа налево. Это ощущение было настолько отчетливым, что приходилось невольно хвататься руками за поручни.

Видимость была неважной. Даже сильные бинокли, которые мы со старшиной сигнальной команды Виктором Усовым не отрывали от глаз, мало помогали. А с ходового мостика то и дело доносился усиленный динамиком голос командира:

– На сигнальном, смотреть внимательнее!

Сигнальщиков с древних времён называют глазами корабля. Правда, в наши дни глазами корабля скорее можно назвать радиолокаторы, но всё равно никаким локатором не заменить матроса – живого сигнального «комбайна», который пусть видит не так уж далеко, но зато мгновенно оценивает и тип цели, и её скорость, и направление движения, принимает её сигналы и передает свои – флагами, прожектором, а при необходимости и обыкновенной бескозыркой.

– Сердюков, спать нужно в кубрике, а не на мостике, – прервал мои размышления суховатый командирский бас. – Что у вас справа по курсу?

Я уже и сам заметил расплывчатые очертания, медленно проявляющиеся на сером фоне неба, словно на плохой фотобумаге. Кажется, танкер. Но командиру не скажешь: «кажется», поэтому я молчу, до рези в глазах вглядываясь в силуэт судна.

- Справа сорок пять – финский лесовоз, двадцать кабельтовых.
- То-то же, – одобрительно отзывается динамик.

Крейсер слегка отворачивает влево, а я снова обшариваю биноклем серое пространство по линии, где примерно должен быть горизонт. Так проходит час, другой, третий... Наконец по корабельной трансляции раздаются долгожданные звонки отбоя и привычная трель горна:

«Бери ложку, бери бак,
Нету ложки – хлебай так...»

Первым делом я бегу на камбуз, и Семён Лутченко щедро «насыпая» полную миску второго, заговорщицки подмигивает:

– А это – арестанту на десерт от меня, персонально, – и протягивает целую банку сгущёнки – любимое Мишкино лакомство.

Вообще, в еде Алексеич оказался довольно непривередливым членом экипажа и полностью разделял наши вкусы: так же, как матросы, обожал макароны по-флотски и компот и терпеть не мог «шрапнель» – пшеничную кашу.

«Уж сегодня-то Мишка будет доволен», – думал я, направляясь к его новому жилищу.

Но меня ожидало разочарование. Подойдя к зарешёченной Мишкиной каютке, я увидел, что он и не прикоснулся к завтраку. Бутерброд с маслом и дюжина кусков рафинада лежали на том же самом месте, куда я их утром положил. А Мишка, свернувшись в углу, даже ухом не повёл, когда я его окликнул.

«Арестант объявил голодовку», – разнеслось по кубрикам.

Ни плотный мат, который специально для него сплели друзья из боцманской команды, ни шторм-трап, подвешенный как удобный гамак самим Иваном Степановичем, ни печенье и конфеты, подброшенные сердобольными матросами, – ничто не могло вывести нашего Алексеича из глубокого транса, в который он впал, как только закрылась решётчатая дверь карцера. Но чем я мог помочь своему другу?

За обедом мы и так и этак пытались объяснить Мишкино поведение и придумать хоть какой-нибудь выход из его затруднительного положения.

– Может, у него морская болезнь началась? – предположил Витька Чепурной.

Но мы дружно отвергли это объяснение – ведёт-то он себя спокойно, да и вообще: кто, где, когда читал или слышал, что медведей укачивает?

– Чего тут гадать – болезнь, не болезнь, – вмешался Лёша Бельков. – Ни за что посадили в карцер, он и обиделся. Паренёк-то оказался с характером, вот и решил – или свобода, или буду лапу сосать...

Упоминание о позабытой дурной привычке расстроило нас ещё больше: а вдруг и впрямь примется за старое? Отучи тогда его, попробуй. Нет, всё же надо кому-то идти к командиру. Самой подходящей кандидатурой почему-то посчитали мою.

– Тебе, Сердюков, он, понятно, наказания не отменит, но и не добавит. А Алексеича выручать надо. Так что как только отстреляемся, ты прямо на мостик и катись: так, мол, и так, скажи, моряки берут Мишку на поруки.

На том и порешили. Но идти мне к командиру не пришлось. Он меня сам вызвал. А дело было так.

В назначенный квадрат мы пришли на следующий день утром. Я старался как никогда внимательно вести наблюдение и чётко докладывать на мостик, будто сдавал экзамен на сигнальщика. Малейший мой промах мог лишить меня возможности вести переговоры о Мишке, – вместо этого пришлось бы давать объяснение по поводу моего военно-морского невежества.

И ещё один немаловажный фактор мог повлиять на решение Мишкиной судьбы: если наши комендоры отстреляются на «отлично» – у командира будет и доброе настроение, а это значит, что Мишка тут же получит свободу. Если же нет – и мне может выйти прибавка к наказанию, к месяцу без берега. Этот вариант меня совсем не устраивал. Поэтому во время завтрака я и направился прямо к артэлектрикам. От того, как они наведут орудия на цель, зависит точность попаданий.

– Мы-то что, Серёга, – успокоил меня старшина команды артэлектриков невозмутимый степенный сибиряк Володя Яковлев. – У нас всё на мази. Как нам радиометристы выдадут дан-

ные по цели, так мы и пушки наведём. За нами дело не станет, мы целеуказания как на блюдечке преподнесём. Сходи ещё и к пушкарям, они ребята надёжные, но всё-таки...

Разговор с комендорами я начал, так сказать, ходом зигзаг. Пришёл прямо в кормовую башню, под которой Мишкин домик стоит, и сообщаю:

– Братцы, а зенитчики хотят Мишкину берлогу к себе перенести.

– Я так перенесу, – надвинулся на меня широкоплечий, обычно флегматичный наводчик Коля Лысых, – что от них и выносить нечего будет.

«Так, – думаю, – в точку попал».

– Да нет, – говорю, – ребята, пошутил я. Но уж коли Алексеич как сосед вас вполне устраивает, то вам бы и надо за его свободу вступиться; поработать, чтобы снаряды один в один шли и все точно, в сеточку...

– Пальнём как надо, – успокоили меня комендоры, а Коля Лысых даже собственноручно мелом написал на первом снаряде: «За Мишкину свободу!»

Никто из нас, конечно, и не подозревал, что этот самый снаряд навсегда пропишет нашего Мишку в «карцере».

Тревога прозвучала, как всегда, неожиданно. Я вылетел на сигнальный мостик и взял бинокль, хотя прекрасно понимал, что даже в самый сильный бинокль невозможно увидеть мишень, находящуюся за десятки километров от корабля. Палубы крейсера опустели, грозно заходили стволы орудий, а затем кормовая и носовая башни медленно развернулись на правый борт и замерли, глядя тёмными жерлами в серую беспокойную даль. Мгновения тянулись, как часы. «Скорее, ребята, скорее!» – торопил я артиллеристов, словно они могли меня услышать. Вдруг разом из трёх стволов кормовой башни выплеснулись языки пламени и строенный гром потрянул махину крейсера. Через минуту заявила о себе носовая башня, потом снова кормовая и опять носовая. Стрельба продолжалась каких-то десять минут, но какими долгими они мне показались!

После отбоя боевой тревоги я первым делом бросился к кормовой башне – и остолбенел. На месте Мишкиного домика

валялась груда щепы. Возбужденные комендоры вылезали из башни и в недоумении останавливались возле меня. Последним вылез Коля Лысых и как-то растерянно присвистнул:

– Вот так пальнули! – И вдруг, хлопнув себя по лбу, радостно закричал: – Братцы! А если бы Алексеич в карцер не угодил – что было бы?

Ребята обрадованно загалдели:

– А ведь и правда – нет худа без добра.

– Увидел бы Алексеич свою берлогу, а? Вот бы спасибо командиру сказал.

– Тише вы! Командир говорит!

– Товарищи матросы, старшины и офицеры, – раздалось из динамиков. – Зачётная артиллерийская стрельба орудиями главного калибра успешно выполнена. Поздравляю весь личный состав артиллерийской боевой части с учебно-боевой победой. Объявляю благодарность службе радиометристов, команде артэлектриков старшины Яковлева, личному составу четвёртой башни главного калибра, а также матросам...

Дальше командир назвал десяток фамилий и среди них – Николая Лысых.

– Слушай, Никола, уж не за Мишкин ли особняк ты благодарность получил? – под хохот пушкарей поддел Лысых Володя Яковлев. – Удружил Алексеичу вечный карцер и радуешься!..

Я пошёл на шкафут. Мишка сидел у решётки и несколько встревоженно смотрел на меня. К еде он так и не притронулся, но пустая банка из-под сгущёнки, позванивая, каталась по палубе.

– Вот и молодец, Миша, пора кончать голодовку. А сегодня...

Договорить я не успел. Откуда-то сверху на меня свалился Витька Чепурной.

– Где ты пропадаешь? По всему кораблю тебя ищу. Бегом к командиру!

Командир сидел в своей каюте на диванчике возле иллюминатора и чему-то улыбался. Я доложил о прибытии.

– Ну что, Сердюков, вовремя мы с тобой медвежонка арестовали? То-то же... Говорил я Ивану Степановичу: не на месте ты избушку ставишь, разнесёт её при первой стрельбе. У нас во

время войны палубный настил взрывной волной срывало, а тут доски какие-то. Старый мореман, а не рассчитал... Кстати, как он себя чувствует?

– Кто, боцман?

– Медвежонок, Алексеич наш.

– Неплохо, товарищ командир, только...

– Знаю, знаю. И про голодовку знаю, и про поруки. Вы там на баке небось не раз по моему адресу прогуливались: мол, додумался командир – зверя на «губу» упрятал... А кто из вас подумал, как он в море первый раз выйдет, как стрельбу перенесёт, не сыграет ли за борт?..

– Товарищ командир, да он после первого купания за борт и носа не высовывает.

– Это после какого же?

И пришлось мне рассказать, как прошёл Мишка своё первое морское крещение.

В первый месяц Мишкиной «службы», когда командир запретил ему сход на берег, он отчаянно прорывался к трапу. Но вахтенные приказ выполняли четко. И тогда то ли, чтобы отвлечь их внимание, то ли из озорства начал Алексеич крутить кульбиты на леерах: зацепится передними лапами за верхний леер и раскачивается, а то вдруг начнёт прогуливаться по леерам. Вот однажды не рассчитал – и полетел за борт. А высота борта как-никак почти семь метров. Начал он барахтаться в воде и жалобно-жалобно верещать: «Спасите, мол». Вахтенным тогда стоял старшина Яковлев. Он и спас бедолагу. Потом двое матросов его целый час от мазута в душевой отмывали.

– Ах, во-он оно что, – протянул командир. – Ну, коли уж Мишка оморячился, совсем другое дело. Можно, как говорится, освободить и досрочно, но глаз с него, Сердюков, не спускать. Помните историю с помидорами? И последнее. Пока мы в море – на ночь Алексеича непременно закрывайте в его каюте, карцере, или как вы там его новое жилище окрестили. У меня всё.

– Спасибо, товарищ командир! – невольно вырвалось у меня.

Появление на кормовом трапе важно шествующего Алексеича было встречено громкими криками «ура!», свистом и взры-

вами радостного смеха. Ребята наперебой вспоминали детали истории с помидорами, да и прочие проделки нашего косолапого морехода. Теперь, по общему мнению, Мишка стал настоящим полноправным моряком: знает все кубрики на корабле, безошибочно находит камбуз, с цирковой ловкостью бегают по трапам, побывал за бортом и даже отсидел в «карцере». Все единодушно сошлись на том, что в ближайший День Военно-Морского флота он обязан пройти официальное морское крещение.

Алексеич заметно вырос за эти месяцы – встав на задние лапы, он свободно опускал передние мне на плечи, а зубами осторожно, чтобы не задеть тело, брал у предплечья голландку и начинал резко дергать то вправо, то влево, лапами пытаюсь при этом уложить меня на лопатки. Но неповоротливость зачастую мешала ему уйти от подсечки, и время от времени он тяжело плюхался на палубу. Однако тут же, ничуть не смущаясь своего поражения, снова принимал борцовскую стойку. Вполне понятно, что эти поединки всегда проходили под дружные одобрительные возгласы многочисленных болельщиков.

На этот раз я решил немножко подзавести Алексеича и сделал вид, что испугался борьбы и убегаю от него. Мишка тут же пустился в погоню. Сделав несколько кругов по палубе, я ухватился за скоб-трап и взобрался на орудийную башню. Мишка ловко повторил мой манёвр. Тогда я снова спустился на палубу с противоположной стороны башни. Медвежонок чуть приотстал – спуск всегда давался ему труднее. Я подождал, пока он спрыгнет на палубу, и, обежав вокруг башни, вновь поднялся на неё. Мишка буквально настигал меня. И тогда я применил «запрещённый приём» – пробежав по орудийному стволу, ухватился руками за его конец, повис и спрыгнул на палубу. В азарте погони Алексеич в точности повторил мой трюк, но когда, повиснув на стволе, попытался подтянуться и вновь взобраться на него, когти заскользили по металлу, и медвежонок беспомощно и смешно начал дрыгать в воздухе широкопятыми задними лапами. Прыгать он явно боялся.

Матросы от души смеялись над акробатом поневоле. Не знаю, сколько бы ещё продолжался этот цирковой номер, если бы грозный голос Ивана Степановича не привёл нас в чувство.

– А если тебя, Сердюков, я заставлю сейчас вот так же поболтаться на грузовой стреле – это как, смешно будет? Ведь оттуда ты тоже не прыгнешь? А ну, спустить немедленно медвежонка на палубу!

Лёшка Бельков и Никола Лысых легко подняли на плечи шустрого Семёна Лутченко, и тот, с трудом разжав Мишкины лапы, в обнимку с медвежонком спустился на палубу.

– Вот никак я вас не пойму, – присаживаясь на подставленную кем-то раскладушку и вынимая потёртый кожаный портсигар, задумчиво проговорил боцман. – И ребята вы все хорошие, и дело вроде знаете, но как до озорства доходит – будто детский сад вспоминаете. Никак вы уловить не можете: крейсер – это не курорт, выход в море – не прогулка...

Мы уже хорошо изучили характер нашего чуток ворчливого, но очень доброго, любимого всеми боцмана. Всю свою жизнь провёл он на морях. Тридцать три года отдал родному флоту – воевал на линкоре «Октябрьская революция», потом в морской пехоте, а после войны остался на сверхсрочную службу и ни разу не попросил перевести его на берег – служил только на кораблях, только в море. Вначале службы мы не понимали, что он нашёл в этой бескрайней водной шири, какие незримые якоря держат его здесь, где даже праздники превращаются порой в лихие будни?

Каждый уголок нашего огромного корабля Иван Степанович знал так, как будто весь крейсер от киля до клотика он построил сам, своими руками. Всё своё сложное боцманское хозяйство – от швартовых концов до катеров и грузовых стрел – наш главный боцман содержал в таком порядке, будто с минуты на минуту ожидал прибытия самой высокой комиссии, и именно по боцманской части. И не дай бог увидеть Ивану Степановичу молодого матроса, по неведению присевшего на кнехт или крашенный вентиляционный грибок. Лицо боцмана до самого воротничка кителя наливалось кровью, кончики усов опускались вниз, огромные руки вытягивались по швам. Голос у него становился хриплым, со свистом.

– Эт-то что ещё за номер? – выдавливал он из себя. – Ты на чём сидишь?

Недогадливый матрос испуганно оглядывался и, ничего не понимая, сбивчиво лепетал:

– На этой... как её... на крышке...

– Ты лучше на шее у меня посиди, крышка этакая. Вьюшка это называется, понял? Вьюшка! И запомни, заложи себе туда, где у тебя устав лежит: сидеть на крашеной поверхности, плевать за борт, ходить в нос – по левому, а в корму – по правому борту считается военно-морской серостью! В противном случае от кнехта ты не отличаешься ничем, понял? «Крышка!..»

Боцман тяжело поворачивался и уходил, а молодому матросу казалось, что даже из-под потускневших мичманских погон идёт пар. Но надо отдать должное – боцман на первый случай всегда прощал. Хуже было, если урок не шёл впрок. И тогда матрос мог твердо до конца службы быть уверен: на всех авральных работах – будь то чистка цистерн или помывка бортов, плетение кранцев или шпаклевка палубы – его работа будет самой незавидной. Нелюбви к своему кораблю боцман простить не мог.

Как-то Иван Степанович попросил меня отнести к нему домой записку и сообщить жене, что несколько дней его на берегу не будет. Найдя в конце тихой улочки небольшой кирпичный домик за покосившимся забором и войдя в него, я просто остолбенел: старые разошедшие половицы под чистенькими домоткаными дорожками, давно не крашеные рамы окон, в аккуратно прибранных комнатах потемневшие, тоскующие по побелке потолки... И это – в доме у нашего боцмана, который может сутками не выпускать из рук малярной кисти, у нашего боцмана, у которого в руках топор становится инструментом скульптора, у нашего любимого боцмана, умеющего буквально всё!.. Видимо, о таких, как наш Иван Степанович, сказал его знаменитый тёзка – адмирал Макаров: «В море – дома!»

Но была у Ивана Степановича одна слабость, которой мы нещадно пользовались. Как только наш боцман начинал ворчливо разносить «детский сад», то есть нас, за то, что «превратили крейсер не знаю во что», кто-нибудь из ребят, будто ненароком, спрашивал его о службе на «Октябрине», как называл он линкор «Октябрьская революция», или о коронации королевы Англии.

Боцман на минуту задумывался, словно прикидывая, не горит ли у него какая работа, вынимал свой потёртый портсигар, закуривал и только после этого неторопливо начинал:

– А что? Было дело...

Иван Степанович был одним из главных героев события, которое вошло в историю нашего флота.

Королева Англии Елизавета Вторая решила отметить свою коронацию большим морским праздником. На празднование были приглашены корабли многих стран, в том числе и Советского Союза. Представлять флот нашей страны было поручено крейсеру «Свердлов». Англичане заранее сообщили, что корабли будут выстроены на Спитхедском рейде, но так, чтобы для удобства обозревания с берега они могли вращаться вокруг своей оси. А для осуществления этого маневра есть только один древний способ – фертоинг, которым наши моряки почти никогда не пользуются. Вызвал Ивана Степановича командир крейсера: «Так, мол, и так, боцман, как бы нам лицом в грязь не ударить!» «Прикинем», – коротко ответил Иван Степанович.

– Собрал я своих орлов и объясняю им этот самый фертоинг. Штука, говорю, сложная, но раз люди ставили, то и мы поставим. Чтобы якорь-цепи не закручивались одна на другую при вращении корабля, есть такая балка с вертушкой, или вертлюгом, по-нашему. На эту балку и выводятся обе якорь-цепи. Объяснил им это, как мог, но вижу: надо на деле показать. Ладно, говорю, на рейд выйдем перед походом, тогда и потренируемся...

Целую неделю на крейсере кипел аврал. Матросы скоблили, драили, красили каждый квадратный метр палуб и переборок, каждую заклёпку. Наконец получено добро на выход. Сверкая свежескрашенными бортами и надстройками, крейсер берёт курс к берегам Англии.

В назначенный день и час наш крейсер появился на Спитхедском рейде и начал выходить на точку своей стоянки, которая должна была обозначаться бочкой. Но на месте, отведённом для советского корабля, никакой бочки не оказалось. Как выяснилось позднее, её сорвал, направляясь на свою стоянку, турецкий корабль. Штурмана точно высчитали место, где долж-

на была быть бочка, и командир отдал команду встать на якорь. Тут же была спущена шлюпка, и наши моряки принялись за дело. По секундомеру наблюдателей, советский крейсер встал на якорь способом фертоинг ровно за тринадцать минут. Английский корабль становился полтора часа, голландский – два.

– А «турок» вообще не сумел заякориться. И всё это – на виду у тысяч людей, собравшихся на берегу. Корреспонденты посыпались к нам, представители всякие. На другой день все газеты писали, что Советский Союз теперь действительно первая морская держава. Правда, нашёлся один писака: у русских, написал он в своей газетёнке, корабль ставили не матросы, а переодетые офицеры. Ну, да над этой «уткой» посмеялись только. Зато нашего командира сама Елизавета на танец пригласила. Я, правда, там не был, сам не видел, но если и не пригласила, то совсем зря...

Иван Степанович замолчал, задумчиво погладил по загривку Мишку, уютно пристроившегося у его ног, потом взглянул на часы:

– Ого! Стоп травить! Бендека! – окликнул он по обыкновению вздремнувшего у лебёдки матроса. – Ты её не подпирай, лебёдку-то, не свалится. Проверь-ка левую шлюпку, не сорвалась бы. – И добавил, вставая, привычно, по-домашнему, оглядывая задымившийся чёрными тучами горизонт, – сегодня, братцы-кронштадтцы, покачаемся...

Мишка-сигнальщик

Чутьё не обмануло старого боцмана. Когда крейсер снялся с якоря на рейде, небо сплошь было затянуто густыми грязно-серыми тучами, а порывы западного ветра становились всё более затяжными и сильными. Волны, поначалу несмело толкавшие крейсер в правую скулу, словно зверя от его неприступности, поднимались всё выше, и с сигнального мостика было хорошо видно, как высокие валы вырастали с правого борта над баком, взметая густые белые гривы, перелетающие через нос корабля. А вскоре белогривые табуны завели такую пляску на носовой палубе, что водяная пыль начала покрывать поручни и обвесы мостика.

Крейсер то приседал на корму, то тяжело погружался носом в кипящую волну, и казалось, вот-вот, вспоров носом серо-зелёную массу, он так и пойдёт по касательной в непроглядные морские глубины.

Время от времени я наблюдал за Мишкой, который, свернувшись клубком, лежал в углу правого крыла мостика и не подавал никаких признаков жизни – качка, судя по всему, ничуть не мешала его послеобеденному сну.

– Давит, как заправский моряк, – усмехнулся, поймав мой взгляд, Витя Усов. – В стае морских волков появился морской медведь. Сенсация!

– На сигнальном! Следите за антеннами и верхней палубой! – пророкотал динамик.

– Есть следить за антеннами и палубой! – отозвался в микрофон Виктор.

Каждый вдоль своего борта, мы с Виктором осмотрели верхнюю палубу – от носа до кормы. Людей, как и полагалось, на палубе не было, шлюпки плавно раскачивались в своих «гамаках», брезентовые обвесы натягивались, парусили, но оставались на своих местах. Бегучий такелаж – канаты, тросы, ванты – пружинисто гудели. Струнным глухим гулом вторили им натянутые между мачтами антенны. И вдруг, когда, проскользнув по антеннам, мой взгляд остановился на клотике фок-мачты, я увидел, что наш вымпел, наш гордый военно-морской вымпел, скрученный в тугой жгут, змеей обмотался вокруг мачты, а на его месте куце мотается обрывок фала.

– Витя, глянь, – тронул я за рукав Усова. Оторвавшись от бинокля, Виктор поднял голову и присвистнул. И в самом деле, кто бы мог подумать, что новенький, прочный, в полпальца толщиной капроновый фал, на котором поднимается вымпел, может так неожиданно лопнуть?

– Гаси лампу, Серёга. Командир такие шутки почему-то не любит... Ладно, что изобретём?

– Другой запасовать надо. Давай, пока никто не видит, я слетаю, а?

– На «губе», Серёга, сидеть вдвоём ничуть не веселей,

чем одному. А за самовольное появление на мачте – быть бычкам на верёвочке. Нам то есть.

Молчать дольше было опасно – командир или вахтенный офицер могли в любую минуту выйти на крыло ходового мостика и тогда... Виктор решительно прошёл в рубку и снял микрофон.

– Докладывает сигнальный. Оборван фал вымпела. Вымпел обмотался вокруг мачты. Прошу добро запасовать новый фал.

Динамик хрипло молчал. Казалось, на том конце провода кто-то медленно жуёт что-то хрустящее. Молчание командира было понятным. С одной стороны, идти боевому крейсеру, кораблю первого ранга, как какой-то пиратской шхуне, без всяких опознавательных знаков – по меньшей мере, несолидно, но с другой... Как разрешить матросу в такую непогоду взбираться на клотик?

Словно читая сомнения командира, Усов включился снова:

– Сердюков просит «добро», товарищ командир.

Динамик тяжело выдохнул:

– Хорошо, Усов. Сейчас к вам поднимется вахтенный офицер. Обеспечьте все меры безопасности: страховочный пояс и прочее. О действиях Сердюкова каждые две минуты докладывать мне. Исполняйте.

В хорошую погоду, в гавани у стенки, мне не раз приходилось бывать на клотике. С высоты десятиэтажного дома вся наша гавань и небольшой зелёный городок с красными черепичными крышами смотрелись, как на цветной фотооткрытке. А матросы на палубе казались весёлыми гномиками из детской сказки. И ещё я отчетливо помню, что даже в самую безветренную погоду на клотике всегда сифонит. В жаркий летний день ветер на верхушке мачты так приятно забирается под голландку, что просто не хочется спускаться с мачты на обдающую жаром палубу. Но сейчас...

Я ещё раз взглянул наверх. На чёрном полотне тучи мачта рисовала замысловатые восьмерки – крейсер шёл слегка наперерез волне, поэтому его переключивало то с борта на борт, то с кормы на нос. «Хорошо бы поперёк волны встать, – подумал я, – качаться взад-вперёд всё-таки лучше, чем во все стороны».

И, словно услышав мои мысли, крейсер плавно начал забираться вправо, а из динамика раздался голос командира:

– Подъём начинать по моей команде!

Я надел страховочный пояс, привязал к одному из боковых карабинов конец нового фала, взял нож, плоскогубцы – мало ли что может потребоваться наверху – и не спеша начал снимать ботинки.

– Это ещё зачем, Сердюков? – недоумевающе спросил вахтенный офицер.

Как я уже говорил, в детстве я неплохо умел лазать по деревьям – знаменитый фильм «Тарзан» тогда всех мальчишек забросил на деревья. И с тех пор мне почему-то всегда кажется, что босыми ногами я крепче держусь даже на обыкновенной лестнице.

– Мне так удобнее, товарищ капитан-лейтенант.

Вахтенный пожал плечами: «Удобнее, так удобнее. Дело твоё».

Крейсер наконец развернулся носом на волну, и из динамика донеслось:

– На сигнальном! Начинайте подъём.

Преодолеть первые два десятка скоб до радиолокационной площадки было делом пустяковым. Переведя на ней дыхание, я снова взялся за скобы. С каждым метром амплитуда колебания мачты всё нарастала и взбираться становилось всё труднее, особенно когда крейсер как бы оседал на корму и я зависал вниз спиной. Тогда я решил пережидать кормовой крен на весу, не двигаясь, сберегая силы, а подниматься вверх, когда мачта уходила с новым креном вперёд и я ложился на неё грудью. Неожиданно начавшийся хлесткий дождь вскоре насквозь промочил мою робу, а мокрая мачта и скобы, как живые, норовили то и дело выскользнуть из рук. Каждая скоба, каждые полшага вверх давались всё труднее и труднее, а труба мачты становилась всё тоньше и неудобнее, и мне, чтобы перевести дух, приходилось буквально обвивать её руками и ногами.

Наконец, когда уже можно было дотянуться до конца обмотавшегося вокруг мачты вымпела, я вдруг почувствовал, как, слегка дёрнувшись, пояс стал каким-то свободным. «Караби-

ны!» – холодея, подумал я и наощупь проверил замки: нет, карабины держали меня прочно. Я машинально провёл рукой по поясу и всё понял: фал, который я с таким трудом дотащил почти до самого клотика, отвязался. В это мгновение я впервые в жизни до конца понял глубокий смысл слов: «Обидно до слёз!»

Но плакать было некогда. Вздохнув, я начал спускаться вниз. Теперь мне всё приходилось делать в обратном порядке: выждать, когда мачта отклонится назад, сдвигать вниз по ней пояс и только после этого спускаться самому. Остановившись на радиолокационной площадке, я сел и посмотрел вниз. И вахтенный офицер, и Виктор, и даже командир, который стоял, прикрывшись воротником реглана, на правом крыле ходового мостика, конечно, видели, как, отвязавшись от пояса, фал соскользнул вниз и безжизненно обвился вокруг поручня сигнального мостика. Во всём теле наступила какая-то вялость и полное безразличие ко всему. Мелькнула даже мысль: «Шут с ним, с вымпелом, в гавани разберёмся». Я знал, что меня никто не упрекнёт, но знал я также и то, что повторить моё «восхождение» командир никому не позволит. Оставалось только спуститься и повторить всё сначала самому. Но хватит ли сил?..

И тут мой взгляд упал на медвежонка, который сладко дремал, растянувшись возле мачты на сигнальном мостике.

– Виктор, – закричал я, – скайлай¹ быстрее фал!

Виктор непонимающе пожал плечами, но дёрнул за фал, который легко сорвался с поручня.

– Привяжи его к ботинку! К моему ботинку привяжи! – И, не надеясь, что он меня поймёт, я пальцами начал показывать, что нужно сделать.

Виктор наконец понял меня и накрепко привязал конец фала к шнуровке ботинка.

– Миша! Миша! – как можно громче закричал я. Алексеич непонимающе закрутил головой.

– Здесь я, Миша, здесь!

Но ветер, видимо, относил мой голос, и до мостика долетали только обрывки слов.

¹ Кайлать – скручивать, собирать в бухту.

Виктор ладонями приподнял Мишкину голову, показывая медвежонку, откуда я его зову.

– Ботинок, Миша, ботинок!

Мишка наконец увидел меня и, схватив поданный Виктором ботинок, устремился вверх по скобам мачты.

– Давай, Миша, давай, родной, – подбадривал я его, опасаясь, что медвежонок вдруг может передумать или испугается «играть в догонялки» по ходящей ходуном скользкой и мокрой мачте. Но Мишка, время от времени озорно поглядывая на меня, упрямо карабкался вверх.

– Умница ты моя, земля родной, – нежно выговаривал я первое, что приходило в голову, протягивая руки навстречу мокрому и уже, судя по всему, изрядно уставшему медвежонку.

Наконец в лазе площадки появилась лукавая Мишкина морда с ботинком в зубах. Но отдавать его мне он не спешил, а вместе с ботинком недоумевающе тыкался мордой в мои ладони, словно спрашивая: «А где же сахар?»

– Будет тебе сахар, и сгущёнка будет, и шоколад, славный ты мой салага, – приговаривал я, отвязывая фал от шнуровки и закрепляя его на карабине. Я немного передохнул, ожидая Мишку, и теперь поднимался вверх с новыми силами. Закрепить вымпел и запасовать фал в ролик блока было уже, как говаривал Иван Степанович, делом «голой техники».

Как спустился я с мачты на мостик, как кормил Мишку обещанным шоколадом, как добрёл до своего кубрика, как переделся в сухую робу и завалился в койку, уже не помню. Проснулся я только на следующий день, когда Витька Чепурной, гремя кружками и мисками, накрывал стол к завтраку.

– Вставай, отпускник, хватит кемарить.

– Постой, какой отпускник?

– Обыкновенный. Проспал приказ-то.

– Какой приказ?

– Вчера на вечерней поверке зачитали: «За проявленные в походе находчивость и самоотверженность, предоставить старшему матросу Сердюкову десять суток отпуска с выездом на родину».

– Подожди, а Алексеич?

– А Мишку за это же самое на те же десять суток приказано поставить на довольствие на офицерский камбуз. Вот так-то!..

Я взглянул вниз. Возле рундука лежал «сигнальщик Мишка» и по обыкновению сосредоточенно грыз шнурки моих ботинок...

До встречи, Алексеич!

На другой день я уезжал в отпуск. В радостных хлопотах я бегал из строевой канцелярии в швальню, где мои брюки в ловких руках нашего портного Ивана Пашкевича превращались в образец флотского шика. Укладывал чемодан, то и дело проверяя надёжность его замков. Но по лукавым улыбкам своих друзей я понимал, что моя бдительность всё равно будет обманута – по старой флотской традиции, берущей начало ещё с петровских времён, в моём чемодане непременно окажутся «якоря»: какая-нибудь тяжеленная гантелина, старая вылезшая палубная щётка или кусок ржавого троса.

Так оно и случилось. Когда в купе скорого поезда «Москва – Барнаул» я открыл чемодан, чтобы достать туалетные принадлежности, то, к изумлению своих соседей, извлёк из него ржавую уключину с барказа, увесистую сломанную задрайку и Мишкину цепь с ошейником... Но это случилось позже, а пока...

А пока мои земляки пишут письма родным на Алтай, пока Толик Лещинский заканчивает для меня плексигласовый точёный макет крейсера, который и сейчас стоит «на вечной стоянке» у меня на книжной полке, а пока я даю последние наставления своему косолапому другу, который, словно чувствуя нашу близкую разлуку, ни на шаг не отходит от меня и своими чёрными погрустневшими глазами следит за каждым моим движением.

– Во-первых, Алексеич, прекрати свои ночные шастанья по кубрикам и стаскивание роб в кучу малу. Во-вторых, перестань совершать набеги на матросские шкафчики, в-третьих, во всём слушайся Чикиту, понял? – показал я на Витьку Чепурного.

После обеда я сходил с корабля. Витька донёс мой чемодан до трапа, и мы обнялись.

Алексеич крутился тут же. Пожав ему лапу и потрепав по загривку, я отдал последний оказавшийся в кармане кусочек сахара.

– До встречи, Мишутка! Не скучай. Хочешь, привезу тебе с Алтая кедровую ветку с шишками, а?

Я пошёл вниз по трапу. Мишка бросился было за мной, но на его пути выросла коренастая фигура вахтенного старшины:

– Назад, Алексеич! Иди править службу!..

Я шёл к КПП постоянно оглядываясь на гордый силуэт нашего красавца-крейсера, на юте которого всё уменьшался тёмный комочек. Что ты хотел пожелать мне на прощание, мой маленький косолапый друг?.. Каким встретишь ты меня после отпуска? Какими весёлыми проделками пополнишь свой послужной список?

Знаю только, что тебе скучать не придётся, а вот мне без тебя будет немного грустно...

Рекомендуем почитать

Пантюхов, И. М. Юность в бушлате : [стихи] / худож. С. Панкратов. – Калининград : Калинингр. кн. изд-во, 1963. – 69, [3] с. : портр.

Пантюхов, И. М. Волнолом : стихи / [худож. В. Федосов]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1966. – 95 с. : портр.

Пантюхов, И. М. Берег раздумий : [стихи] / [худож. Ю. Синчилин]. – Калининград : Калинингр. кн. изд-во, 1969. – 95, [1] с. : ил.

Пантюхов, И. М. Морская почта : стихи / [худож. П. Малышко]. – Калининград : Калинингр. кн. изд-во, 1972. – 95, [2] с. : ил.

Пантюхов, И. М. Моряна : сб. стихотворений / предисл. В. Б. Азарова. – Калининград : Калинингр. кн. изд-во, 1975. – 206, [1] с. : ил.

Пантюхов, И. М. Горнист, играй «Зарю!» : сб. очерков / [вступ. ст. И. М. Капитанца]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1982. – 268, [2] с., [16] л. ил. : ил. – (Верны подвигу отцов).

Пантюхов, И. М. Не спи, земля!.. : стихи / [худож. Б. Лупачев]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1984. – 125 с. : портр.

Пантюхов, И. М. Корабль друзей : стихи / худож. Ю. Синчилин. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1988. – 159 с. : ил.

Пантюхов, И. М. Простите! : сб. стихов. – Барнаул : Алтай, 1997. – 80 с.

Пантюхов, И. М. Здесь всё моё : стихи. – Барнаул : Алт. полигр. комбинат, 2004. – 160 с. : портр. – (Библиотека журнала «Алтай»).

Пантюхов, И. М. Волны времени: [стихи]. – Барнаул, 2007. – 95 с. : ил. – (Городская библиотека ; вып. 11).

Пантюхов, И. М. Окончания наших разлук : избранные стихотворения. – Барнаул, 2012. – 101, [2] с. : портр., ил. – (Литературный фонд «Август» ; вып. 49).

Рождественский

Роберт Иванович

(20.06.1932 – 19.08.1994)

Родился в с. Косиха Алтайского края в семье военнослужащего. Учился на историко-филологическом факультете Петрозаводского университета, окончил Литературный институт им. М. Горького.

Стихи Р. Рождественского переведены на многие иностранные языки. Принимал активное участие в общественно-литературной жизни: много ездил по стране, выступал перед читателями, руководил семинарами, был секретарём правления СП РСФСР и СП СССР, вице-президентом Европейского общества деятелей культуры, председателем комиссий по литературному наследию О.Э. Мандельштама, В.С. Высоцкого.

Алтай посетил в 1955 г. во время производственной практики, будучи студентом. Работал корреспондентом газеты «Алтайский комсомолец». В 1972 г. приезжал как участник Дней советской литературы.

Лауреат премий Московского комсомола (1970), им. Ленинского комсомола (1972), Государственной премии СССР (1979).

Награждён орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Октябрьской революции и «Знак почета» (дважды).

Член Союза писателей с 1954 г.

АЛЁШКИНЫ МЫСЛИ

Внуку Алексею

Тихи эти родились не так давно.

Родились после того, как у меня появился внук. Назвали его Алёшей, и он сразу же стал самым главным человеком в нашей большой семье.

Конечно, сначала он, как и все дети, ничего не говорил. Только плакал иногда, а ещё - улыбался. Но пришло время, и однажды он произнёс слово «мама». Потом – «дай». Потом – «папа», «баба», «деда».

«Деда» – это я.

Но говорил он до поры не слишком много. И я его понимаю, ведь настоящие мужчины, в отличие от настоящих женщин, говорят лишь тогда, когда им есть, что сказать.

Так что Алёшка больше ползал, пыхтел, что-то строил из кубиков, а чаще всего просто сидел, внимательно смотрел вокруг и думал. Думал много, хмурился и улыбался своим мыслям, однако выразить их, конечно, ещё не умел, не мог. Вот тогда-то я и решил помочь ему, – написать стихи от его имени.

Можно считать, что эти стихи мы сочинили вдвоём, чётко распределив свои обязанности: Алёшка – думал, а я – писал.

(1989 г.)

1

Значит, так:
завтра нужно ежа отыскать,
до калитки на левой ноге проскакать,
и обратно – на правой ноге – до крыльца,
макаронину спрятать в карман
(для скворца!),
с лягушонком по-ихнему поговорить,
дверь в сарай
самому попытаться открыть,
повстречаться, побыть с дождевым червяком, –
он под камнем живёт,
я давно с ним знаком...
Нужно столько узнать,
нужно столько успеть!
А ещё –
покричать, посмеяться, попеть!
После
вылепить из пластилина коня...
Так что вы разбудите пораньше меня!

2

Это ж интересно прямо:
значит, есть у мамы мама?!
И у этой мамы – мама?!
И у папы – тоже мама?!
Ну, куда ни погляжу,
всюду мамы,
мамы,
мамы!
Это ж интересно прямо!..

А я опять
один сижусь.

3

Если папа бы раз в день бы
залезал бы под диван,
если мама бы раз в день бы
залезала под диван,
если бабушка раз в день бы
залезала под диван,
то узнали бы,
как это интересно!!

4

Мне на месте не сидится
Мне – бежится!
Мне – кричится!
Мне – играется,
рисуетя,
лазается и танцуется!
Вертится,
ногами дрыгается,
ползается и подпрыгивается.
Мне – кривляется,
дурачится,
улыбается и плачется,
ёрзается и поётся,
падаетя
и встаётся!
Лично
и со всеми вместе
к небу
хочется взлететь!
Не сидится мне
на месте...
А чего на нём
сидеть?!

5

«Комары-комары-комарики,
не кусайте меня!
Я же – маленький!..»
Но летят они,
и жужжат они:
«Сильно сладкий ты...
Извини».

6

Со мною бабушка моя,
и, значит, главный в доме –
я!..
Шкафы мне можно открывать,
цветы кефиром поливать,
играть подушкой в футбол
и полотенцем чистить пол.
Могу я есть руками торт,
Нарочно хлопать дверью!..

А с мамой это не пройдёт.
Я уже проверил.

7

Я иду по хрустящему гравию
и тащу два батона торжественно.
У меня и у папы правило:
помогать
этим слабым женщинам.
От рождения
крест наш таков...
Что они без нас –
мужиков!

8

Пока меня не было,
взрослые
чего только не придумали!
Придумали снег
с морозами,
придумали море
с дюнами.
Придумали кашу вкусную,
ванну
и мыло пенное.
Придумали песню грустную,
которая –
колыбельная.
И хлеб с поджаристой коркою!
И ёлку
в конце декабря!..
Вот только
лекарства горькие
они придумали
зря!

9

Мой папа большой,
мне спокойно с ним,
мы под небом шагаем всё дальше и дальше...
Я когда-нибудь
тоже стану большим.
Как небо.
А может, как папа даже!

10

Все меня настырно учат –
от зари и до зари:
«Это – мама...

Это – туча...
Это – ложка...
Повтори!..»
Ну, а я в ответ молчу.
Или – изредка – мычу.
Говорить я
не у-ме-ю,
а не то что –
не хочу...
Только это всё – до срока!
День придёт,
чего скрывать, –
буду я ходить
и громко
всё на свете
называть!
Назову я птицей – птицу,
дымом – дым,
травой – траву.
И горчицею – горчицу,
вспомнив,
сразу назову!..
Назову я домом – дом,
маму – мамой,
ложку – ложкой...

«Помолчал бы ты немножко!..
сами скажете
потом.

11

Мне сегодня засыпается
не очень.
Темнота в окно крадётся сквозь кусты
Каждый вечер
солнце прячется от ночи...

Может,
тоже боится
темноты?

12

Собака меня толкнула,
и я
собаку толкнул.
Собака меня лизнула,
и я
собаку лизнул.
Собака вздохнула громко.
А я
собаку погладил,
щекою прижался к собаке,
задумался
и уснул.

13

В сарай, где нету света,
я храбро заходил!
Ворону со двора
прогнал отважно!..
Но вдруг приснилось ночью,
что я
совсем один.
И я заплакал.
Так мне стало страшно.

14

Очень толстую книгу сейчас я,
попыхтев,
разобрал на части.
Вместо книги толстой
возник
целый поезд
из тоненьких книг!..

У меня,
когда книги читаются,
почему-то всегда разлетаются.

15

Я себя испытываю –
родителей
воспитываю.

«Сиди!..» –
а я встаю.
«Не пой!..» –
а я пою.
«Молчи!..» –
а я кричу.
«Нельзя!..» –
а я хо-чу-у!!
После этого всего
в дому
что-то нарастает...
Любопытно,
кто кого
в результате воспитает?

16

Вся жизнь моя (буквально вся!)
пока что –
из одних «нельзя!»
Нельзя крутить собаке хвост,
нельзя из книжек строить мост
(а может, даже – замок
из книжек
толстых самых!).

Кран у плиты нельзя вертеть,
на подоконнике сидеть,
рукой огня касаться,

ну, и ещё – кусаться.
Нельзя солонку в чай бросать
нельзя на скатерти писать,
грызть грязную морковку
и открывать духовку.
Чинить электропровода
(пусть даже осторожно)...

Ух, я вам покажу, когда
всё-всё
мне будет можно!

17
Жду
уже четыре дня,
кто бы мне ответил:
где я был,
когда меня
не было
на свете?

18
Есть такое слово –
«горячо!»
Надо дуть,
когда горячо
и не подходить
к горячо.
Чайник зашумел –
горячо!
Пироги в духовке –
горячо!..
Над тарелкой пар –
горячо!..

...А «тепло» –
это мамино плечо.

19

Высоко на небе –
туча,
чуть пониже тучи –
птица,
а ещё пониже –
белка,
и совсем пониже –
я...
Эх бы, прыгнуть
выше белки!
А потом бы –
выше птицы!
А потом бы –
выше тучи!
И оттуда крикнуть:
«Э-э-э-эй!!»

20

Приехали гости.
Я весел и рад.
Пьют чай
эти гости,
едят мармелад.
Но мне не дают
мармелада.

...Не хочется плакать,
а –
надо.

21

Эта песенка проста:
жили-были два кота –
чёрный кот и белый кот –
в нашем доме.
Вот.

Эта песенка проста:
захотели два кота –
чёрный кот и белый кот -
мир увидеть.
Вот.

Эта песенка проста:
как-то ночью два кота –
чёрный кот и белый кот -
убежали!
Вот.

Эта песенка проста:
верю я, что два кота –
чёрный кот и белый кот –
к нам вернуться!
Вот.

22

Ничего в тарелке не осталось
Пообедал я.
Сижу. Молчу.
Как же это мама догадалась,
что теперь я
только спать хочу?!

23

Дождик бежит по траве
с радугой
на голове!
Дождика я не боюсь,
весело мне,
я смеюсь!
Трогаю дождик рукой:
«Здравствуй!
Так вот ты какой!..»
Мокрую глажу траву...

Мне хорошо!
Я – живу.

24

Да, некоторые слова
легко
запоминаются.
К примеру,
есть одна трава, –
крапивой называется...

Эту
вредную траву
я, как вспомню,
так реву!

25

Эта зелень до самых небес
называется тихо:
Лес-с-с...
Эта ягода слаще всего
называется громко:
О-о-о!
А вот это косматое,
чёрное
(говорят,
что очень учёное),
растянувшееся среди трав,
называется просто:
Ав!

26

Я только что с постели встал
и чувствую:
уже устал!!
Устал всерьёз, а не слегка.
Устала

правая щека,
плечо устало,
голова...

Я даже заревел сперва!
Потом, подумав,
перестал:
да это же я спать
устал!

27

Я, наверно, жить спешу, –
бабушка права.
Я уже произношу
разные
слова.
Только я их сокращаю,
сокращаю, упрощаю:
до свиданья –
«данья»,
машина –
«сина»,
большое –
«шое»,
спасибо –
«сиба»...

Гости к нам вчера пришли,
я был одет красиво.
Гостей я встретил и сказал:
«Данья!..
Шое сиба!..»

28

Я вспоминал сегодня прошлое
И вот о чём
подумал я:

конечно,
мамы все – хорошие.
Но только лучше всех –
моя!

29

Виноград я ем,
уверенно держу его в горсти.
Просит мама,
просит папа,
просит тётя:
«Угости!..»
Я стараюсь их не слышать,
мне их слышать не резон.
«Да неужто наш Алёша – жадный?!
Ах, какой позор!..»
Я не жадный, я не жадный,
у меня в душе разлад.
Я не жадный!
Но попался очень вкусный виноград!..
Я ни капельки не жадный!
Но сперва наемся сам...
...Если что-нибудь останется,
я всё другим отдам!

Рекомендуем почитать

Рождественский, Р. И. Перед праздником : стихи и поэмы.
– Москва : Дет. лит., 1974. – 222 с. – (Поэтическая библиотечка
школьника). – Из содерж.: Моя любовь ; Реквием ; Посвяще-
ние : поэмы.

Рождественский, Р. И. Алёшкины мысли : стихи / рис.
Н. Салиенко. – Москва : Планета детства, 2011. – [45] с. : ил.

(18.08.1938 – 14.08.2008)

Родился в с. Матышево Руднянского района Волгоградской области. Служил на Черноморском флоте. После демобилизации приехал в Барнаул. Окончил Барнаульскую спецшколу МВД СССР, Высшую школу МВД СССР и адъюнктуру при ней. Работал в милиции. За время работы в органах МВД СССР награждён медалями.

Возглавлял Алтайское бюро пропаганды художественной литературы, был ответственным секретарём Алтайской краевой писательской организации, главным редактором журнала «Барнаул», директором Фонда творческих инициатив и советником мэра г. Барнаула по культуре.

Лауреат премии секретариата крайкома ВЛКСМ (1982), муниципальной премии г. Барнаула (1997), премии МВД РФ (2001, 2003). Победитель Всероссийских конкурсов «Моя малая Родина» (2003) и «Лучшая книга для детей о животных» (2004). Лауреат премии им. В.М. Шукшина (2003), премии им. В.М. Ломоносова «За заслуги в области науки, образования, культуры и искусства» (2004), премии Демидовского фонда (2004), премии «Певец родного края» (2005), «Золотая нива Алтая» (2007), краевой премии «Золотой переплёт» (2008).

Заслуженный работник культуры (1999). Член Союза писателей России с 1988 г.

ВСТРЕЧА

До деревни оставалось всего семь километров, но последний автобус ушёл десять минут назад, следующий только в шесть часов утра. Мне было тогда тринадцать лет, и я решил идти пешком. Подумаешь – семь километров! И хотя не раз слышал, что в лесу, примыкающем к дороге, водятся волки, не верил.

Ночь выдалась морозная, звонкая. Луна еще не взошла, но звёзды светили так ярко, так близко, казалось, поднатужься, прыгни, и достанешь их рукой. Было тихо, так тихо, что стук моих ботинок о мёрзлый асфальт звучал зловеще, и я невольно стал ступать тише. И почему-то возникли сомнения – не лучше ли было бы подождать попутной автомашины или переночевать у родственников?

Лес тем временем приближался, а я был совсем один на дороге и, казалось, во всей ночи. Наверное, поэтому неуверенность стала перерастать в чувство страха, которое я всячески старался унять. «Чего бояться? – бодрился я. – Половина пути позади. Скоро взойдёт луна, будет светлее...»

И в самом деле, туманная от мороза луна медленно выползла из-за горизонта. В белом наряде, бледные, призрачные стояли деревья. Снег излучал какое-то голубоватое, мертвенное сияние, а дорога ползла и ползла по таинственной земле, словно чудовищная чёрная змея.

И в голову вдруг полезла всякая чепуха: какие-то мертвецы, пляшущие в гробах, привидения из бабушкиных сказок... Холодок загулял по спине, и, как назло, за поворотом дороги, у самого леса, на снегу что-то зачернело, и из этого «что-то» высветились два огонька. Сердце ёкнуло, но я продолжал идти вперёд, правда, уже медленнее. Огоньки шевельнулись и спустились в придорожную канаву, на миг исчезнув, затем появились снова, уже на дороге. Два зеленоватых огонька светились мне навстречу отчетливо и зловеще. Сомнений не оставалось – волк!

Я оглянулся, сзади – никого. Мгновенно с мельчайшими подробностями мне вспомнилось всё, что слышал и читал о коварстве и кровожадности этого хищника, особенно зимой. Волосы подняли шапку, я это отчетливо почувствовал, но ноги, слабые, чужие, делали шаг за шагом вперед произвольно, как бы отдельно от меня. До волка осталось пять шагов. Три шага!

Волк вдруг открыл пасть, зевнул, выдохнув облачко пара, и нехотя перешел обратно через канаву. Боком-боком, не отрывая глаз от зверя, я проскочил мимо. Шаги мои убыстрялись стремительно. Я бежал. Я летел! Но, оглянувшись, чуть не закричал от ужаса – волк выскочил на дорогу и кинулся за мной вслед.

Всё! Конец! Я остановился. Волк замедлил бег и тоже остановился. Я попятился, не спуская глаз с преследователя. Волк шагнул ко мне. Я замер. Волк тоже не шевельнулся.

Голова моя закружилась. Тошнота подступила к горлу, перехватило дыхание, а ноги стали тоненькими, ломкими... Ну, хотя бы кто-нибудь пришел на помощь, хотя бы машина шла...

Я взмахнул рукой:

- Пшёл!

Слабый этот крик на волка не возымел действия. Я опять отступил. Волк сделал движение на меня. И тогда я замахал руками, захрипел пересохшим горлом и шагнул навстречу зверю. Шаг получился микроскопический, чуть заметный. Волк наклонил голову и оскалился. Сил моих больше не было, но я шагнул ещё уже по инерции. Волк отступил. Я шагнул смелее. Волк медленно повернулся задом ко мне. И как только я перестал

видеть его оскаленную нахальную морду, как только увидел его зад с трусливо поджатым хвостом, – я закричал, засвистел, затопал ногами...

И волк побежал!

Сначала трусцой, затем пошел крупными скачками. Хватая с дороги подмерзшие комья снега, я кидал их в моего преследователя и мчался за ним изо всех сил, словно хотел догнать.

Волк удирал во все лопатки. Он сбежал с дороги, миновал кювет. Я – тоже. Он рванул по полю, по твердому насту. Я – за ним, и только тогда остановился, когда серый исчез в лесу.

Луна светила в полную силу, деревья, опушенные инеем, стояли праздничные, словно невесты. Грудь мою распирала радость. Она так одолевала меня, что я не выдержал и заорал во все горло:

- Ура-а-а-а! Волки, ко мне! Ко мне, волки-и-и-и! Я вас не боюсь! – голос был звонкий и громкий.

Я был самым сильным, самым смелым в этом заснеженном мире. Я готов был сразиться сейчас с леопардом, да что там – со львом!

Вдали показался свет. Затем донесся рокот мотора. Шла автомашина. Скрипнули тормоза, шофер распахнул дверцу:

- Садись, пацан, подвезу.

- Спасибо, – сказал я. – Пешком лучше.

- Бесплатно, – буркнул шофер. – Садись.

- Нет! Я хочу встретить ещё одного волка! – крикнул я и засмеялся счастливо.

- Чокнутый, – равнодушно бросил шофер, зевнул устало, хлопнул дверцей, и машина умчалась.

МАМА ВАСЯ

В феврале, будучи по делам в Москве, я через своего знакомого, совершенно случайно приобрёл месячного щенка – дочь чемпиона Советского Союза по лосю, медведю, кабану среди западносибирских лаек – Боню. В самолёте я не выпускал её из рук, всё ещё не веря в удачу. Боня мирно спала, по-

сапывая крохотным носом, и не доставляла абсолютно никаких хлопот.

Но зато дома, стоило только опустить щенка на пол, как раздался такой жалобный плач, что я поспешил снова взять его на руки. Мы срочно приготовили уютное местечко в картонном ящике, постелили мягких тряпок, и я вновь попытался сбить щенка с рук, но не тут-то было – опять плач. «Ничего, – решил я. – Поплачет-поплачет и перестанет». Но прошло пять минут, десять... Да к тому же Боня имела такой тонкий и пронзительный голос, что сердце моё разрывалось на части.

Дело к вечеру, а Боня не унимается. Понять её плач можно, ведь она потеряла мать, братьев и сестёр, а теперь тепло хозяйских рук. И я не выдержал, подошёл, поднял её, прижал к себе. И сразу, словно кто-то выключил звук – тишина. Кладу на место – рёв! Я внимательно осмотрел щенка – всё в порядке. В чём же дело? Неужели придётся держать его на руках всю ночь или класть с собой в постель?

«Нет, нужно приучить», – твёрдо решаю и кладу своё соколовище в очень уютное, с моей точки зрения, приготовленное специально для неё место. Но наши вкусы оказались разными, опять плач, вой, писк – весь арсенал сразу.

Мои домочадцы улеглись спать, а я, усталый с дороги, рассерженный, носил Боню на руках из комнаты в комнату и укачивал, как маленького ребёнка.

Проходя через зал, я увидел на обычном месте, в кресле, нашего кота Васю. Он свернулся во внушительный, с женскую шапку, пушистый ком и спал. Это его постоянное состояние. По-моему, если он и просыпался раз в сутки, так только для того, чтобы поесть да перевернуться на другой бок. Был он серый, большой и лохматый. И меня вдруг осенило – ну-ка, пусть этот лежебока поработает. Я растянул его в кресло во весь рост, он даже не открыл глаза. Положил ему под бок Боню. Никакой реакции. И только когда та стала настойчиво что-то искать на его животе, Вася открыл один глаз и, наверное, хотел встать – лапы и хвост его дернулись. Но то ли сон ему сладкий снился, то ли от лени он совсем потерял

способность двигаться, только глаз закрылся, и Вася продолжал спать. Боня, уткнувшись ему в живот носом, тоже заснула. Она, очевидно, посчитала, что спит со своей мамой.

Я на цыпочках прокрался в свою комнату и юркнул под одеяло. Поспать бы с полчаса, а ещё лучше часик, пока эта плакса не поднимет своим рёвом.

Проснулся я только утром. Вспомнил про щенка. Вскочил и заглянул в зал. Боня сидела верхом на Васе и усердно сосала у него ухо. Тот хмурил лоб, дёргал хвостом, но глаз не открывал, притворялся спящим.

Так Боня спала с котом Васей, ела с ним из одной чашки целый месяц, пока не пришла пора ей перебираться во двор, в вольер.

В апреле мне подарили ещё одного щенка – курцхаара Юту. Опять плач о потерянных родственниках, опять угроза бессонной ночи. Но я уже имел опыт и, мысленно извиняясь перед Васей, быстренько подсунул щенка к нему. Вася не то, чтобы был доволен, но стерпел. А утром знакомая картина – Вася в кресле, на нём Юта сосёт ухо. Но зубы у Юты поострее, потому-то Вася и дёргается всем телом и изредка протестующе открывает рот.

И опять целый месяц Юта и мама Вася, так мы теперь звали нашего кота, спали вместе, ели из одной чашки, пока не пришла пора нашей Юте перебираться в вольер к Боне.

С неделю мама Вася отсыпался, потом, почувствовав одиночество, стал проситься во двор. Он, конечно же, слышал весёлый лай и возню своих дочерей.

Боня заметно подросла и уже походила на взрослую собаку, да и Юта была больше кота раза в два. Увидав маму Васю, они подняли такой радостный лай, так стремительно прыгнули навстречу, пылая родственными чувствами, что я поопасался пустить к ним кота. Мама Вася тоже раздумывал, сидя у меня на плече и щуря глаза. Зато Боня и Юта неистовствовали в своей радости. Подождав, когда они немного успокоятся, я всё же пустил маму Васю в вольер. «Дочери» кинулись к нему и сначала облизали его от ушей до кончика хвоста, потом от избыт-

ка чувств Боня схватила маму Васю за голову, Юта за хвост и потащили каждая к себе в конуру, в разные стороны. Мама Вася недолго крепился и заорал благим матом. Мне пришлось срочно спасать его от проявлений дочерней любви.

Немного отдышавшись, мама Вася взобрался на столб вольера и стал приводить себя в порядок, изредка бросая сердитые взгляды на своих дочерей и выговаривая:

– Кто вас только воспитал такими... Найти бы вашу маму да обсосать ей уши...

Немного пообсохнув и выговорив всё, что думает о современной молодежи, мама Вася медленно и с достоинством удалился в кресло. А Боня и Юта долго крутились у забора вольера в надежде ещё хоть раз выразить свою любовь маме Васе.

МОЙ ДРУГ СЕНЬКА

Усыновление

Щенок лежал в траве у забора и отчаянно скулил. Был он ещё совсем маленьким, слепым и беспомощным и возбуждал такую жалость, что мы с сыном Игорем, не колеблясь ни минуты, потащили его домой. Коричневая короткая шёрстка, очевидно, грела ещё плохо, и щенок сильно дрожал. Но на руках быстро пригрелся, засопел крошечным носом и затих.

Дома Игорь соорудил щенку ужин – подогрел молока, налил в блюдце. Но он ещё не мог самостоятельно есть. Слабые лапки плохо держали, и щенок ползал на брюхе возле блюдца, тыкался незрячей мордашкой в пол и плакал:

– Ой-ой! Ой-о-ой! – Выходило это у него так тонко, так слёзно, что даже кошка оставила своих котят на коврик у печки и с любопытством смотрела на плаксу. Потом стала осторожно красться к нему, усиленно нюхая воздух.

– Это ещё что за чудо? – говорил весь её вид. – И чего так пищит?

И вдруг грозно выгнула спину, встопорщила шерсть, зашипела, но сообразив, что в щенке и собачьего-то всего один запах, брезгливо фыркнула:

– Фу! Не собака, а так себе... – и принялась лакать из

блюдца молоко, которое мы налили щенку. Делала она это не спеша, аккуратно, с достоинством.

Щенок на мгновение замер, прислушиваясь. Потом пополз к кошке, отчаянно взвизгивая:

– Ой-ой-ой-ой!

Кошка, перестав есть, вновь встопорщила шерсть и зашипела сердито:

– Не подходи!

Щенок продолжал ползти. Кошка подняла лапу для удара, но передумала и поспешила к себе на коврик, всем своим видом показывая:

– А, неохота связываться...

Она улеглась на своём месте, и котятки кинулись к ней, подняв радостный писк. Щенок пополз на этот звук. Он перестал скулить и двигался медленно, неслышно. Кошка, не чуя опасности, дремотно закрыла глаза и замурлыкала:

– Мур-мур. Ешьте, детки, молоко...

Котятки и так старались изо всех сил.

Щенок подполз ближе. Вот он уже совсем рядом. Замер на мгновение, очевидно, поточнее определяя направление, и ткнулся в кошачий бок. Кошка открыла глаза и вскочила, как подкинутая пружиной. Котятки недовольно запищали:

– Где мама? Где мама?

Щенок молчал.

Кошка обнюхала его, грозно подняла лапу. Щенок лежал неподвижно, словно забытая детьми игрушка. Но кошка не спускала с него настороженных глаз: «Это ещё что такое?! Что ему здесь нужно?»

Щенок молчал и не шевелился. Зато котятки полезли к матери, требуя молока. Кошка неохотно улеглась. Котятки радостно затеребили её. Чуть двинулся и щенок. Кошка хотела было подняться, но котятки не дали. Щенок ещё подвинулся. Кошка предупреждающе зашипела:

– Пш-ш! Куда? Ну-ка назад! – но щенок уже нашёл свободный сосок и припал к нему. Кошка, повернув голову, брезгливо

обнюхала его, фыркнула и, наконец, стала осторожно, чтобы не потревожить котят, слизывать со шкурки щенка ненавистный ей собачий запах.

Так щенок, которого Игорь потом назвал Сенькой, обрёл мать, а наша кошка приёмного сына.

Сенька растёт

Сенькин день начинается рано. Только солнышко заглянет в окошко, Сенька просыпается, потягивается, зевает и, вдруг что-то вспомнив, стремительно выкатывается на кухню. Останавливается в раздумье: что раньше сделать? Поколебавшись мгновение, мчится к входной двери. Если она открыта – переваливается через порог, выбегает на крыльцо. А если дверь закрыта, то ещё лучше, далеко не бегать, и он тут же присаживается и с самым невинным видом делает лужу. Потом, очень довольный, отправляется искать еду. Одно главное дело он сделал только что, теперь – самое наиглавнейшее. Бывает, что еду он находит сразу и наедается так, что живот раздувается, как мячик. Тогда Сенька довольно кряхтит и, еле передвигая лапы, тащит туго набитый живот на коврик. Бесцеремонно расталкивает ещё спящих котят, своих молочных братьев и сестёр, укладывается посередине и засыпает.

Через час-полтора Сенька просыпается. Потягивается. Зеваает. Вскакивает. Катится к входной двери. И всё повторяется – опять лужа, опять поиски пищи... Иногда поиски затягиваются. Тогда Сенька начинает нервничать. Он катится в одну комнату, в другую... И, наконец сообразив, что так можно остаться голодным, поднимает отчаянный крик.

– Ай-яй-яй-яй! – кричит он. – Не дают мне есть. Ай-яй-яй! Умираю с голода. Умира-а-а-ю-ю!

На его крик спешит кошка. Она готова броситься на любого, кто посмеет обидеть её приёмыша. Но, выяснив причину шума, она ложится и кормит Сеньку своим молоком. На несколько минут становится тихо. Кошкиного молока Сеньке явно не хватает. Он только раздражил аппетит.

– Ай-яй-яй-яй! – ещё горше плачет Сенька. – Совсем умираю-ю!

Кошка лижет его, успокаивает, но Сеньке сейчас не до нежностей.

– Ай-яй-яй! Ой-ей-ей! Совсем умираю-ю-ю-ю-ю!

Кошка начинает волноваться, тщательно обнюхивает Сеньку и, видимо, убедившись в близости голодной смерти своего любимца, тоже начинает кричать:

– Мяу! Мяу! Накормите же его! Мяу! Мяу! Он почти не дышит! Мяу!

Котята сбегаются на крик матери, сначала таращат глаза, а затем нет-нет да и вставят свои тоненькие голоса:

– Мя! Мя! Умирает Сенька! Умирает братец!

Воодушевлённый поддержкой родни, Сенька начинает выть:

– У-у-у-у-у! У-у-умираю-ю-ю-ю-у-у-у!

Получается отличный концерт:

– Ай-яй! Мяу-у-у! У-у-у! Мя! Мя! Ой-ей!

Первым не выдерживает Игорь – достает банку с молоком. Сразу же наступает тишина. Сенька настораживается и катится к тарелке. А шустрые котята уже здесь. Но ведь умирает с голода только один Сенька?! Поэтому он расталкивает их и принимается торопливо лакать. От жадности захлебывается, кашляет, но не останавливается, пока тарелка не приобретает первоначальный блеск. Покончив с едой, Сенька блаженно жмурит глаза, облизывается и ползёт на своё место. Укладывается поудобнее и закрывает глаза.

Теперь можно покормить и котят. Но только раздаётся звук льющегося молока, как Сенька уже тут как тут. Отталкивает котят от тарелки и снова принимается лакать. Остановится, отдохнёт и опять...

Закрываем обжору в другой комнате. Котята едят медленно, нехотя, видно, что не голодны, и часто поднимают головы, прислушиваясь к истошным Сенькиным воплям за дверью.

– Ой-ей-ей! Ой-ей-ей-ей! – орет он. – Обманули! Не накормили! Ой! Ой-ей-ей-ей! Умираю!

Ел Сенька так много, что мы часто беспокоились за его желудок. И беспокоились напрасно. Сенька рос быстро, хотя и был очень толстым.

Игорь души в нём не чаял. Да и я, признаться, тоже.

Пушок

Сенька, выкормленный кошкой, сохранил привязанность и к своим молочным братьям – котяткам. Целыми днями он играл с ними, звонко лаял, и тогда котята как по команде выгибали дугой спины и удивлённо таращили глаза:

– Как это у него получается? Как он может лаять?

Они свыклись с Сенькой и, очевидно, считали его тоже котёнком.

Время шло.

Котята росли. И постепенно знакомые разобрали наших питомцев. Остался один белый с жёлтым – Пушок. С ним Сенька особенно дружил. Они даже спали вместе. С утра и до позднего вечера Сенька и Пушок бегали друг за дружкой. Играли они всегда шумно, весело. Пушок, выбрав момент, прятался за дверь. Сенька замечал исчезновение котёнка сразу же и начинал искать.

В квартире не так уж много потайных уголков, и он быстро обнаруживал Пушка. Но, приблизившись, вдруг делал вид, что никак не может найти и проходил мимо, тоненько взлаивая:

– Гав-гав! Где ты? Где ты?

Котёнок молчал, притаившись. Сенька ленивой трусцой делал круг по комнате. Пушок весь подбирался, сжимался в комочек, готовясь к прыжку. И как только Сенька приближался, стремительно выскакивал из своего укрытия и, забавно фыркавая, легко ударял его лапой.

– Вот я! Вот я! – и бросался наутёк.

Сенька, взвизгивая от восторга, – за ним. И пошла кутерьма... Звенит посуда, падают стулья, визг, лай, фыркание... и это только начало игры, а что будет дальше?.. Приходилось вмешиваться. Стоило войти в комнату, как моментально становилось тихо. Сенька и Пушок замирали на месте, озорно блестя глазами.

– Разве, можно так?! – журил я их. Всю посуду побьёте. Вот погодите, придёт хозяйка, она вас... Ну-ка, подойдите ко мне!

Сенька, запыхавшийся, с высунутым розовым языком, подбегал ласкаясь.

– Гав-гав! Давай с нами! – приглашал он.

Пушок подходил неохотно, недовольный тем, что игра прервалась. Но стоило мне отойти, как всё начиналось сызнова. Ни Сенька, ни Пушок ни минуты не могли посидеть на месте.

Однажды Пушок увязался за Сенькой на улицу. Он уселся у ворот на бревне и с интересом наблюдал за открывшимся перед ним огромным миром. Он был так заинтригован новым, ещё не виданным, что даже не обратил внимания на пробежавшего мимо Сеньку. Сеньку это удивило страшно. Он тут же вернулся, припал грудью к земле и залаял призывно:

– Гав-гав! Давай играть?!

Пушок даже ухом не повел. Сенька долго лаял то игриво, то сердито – ничего не помогало. Тогда он ухватил котёнка за пушистый хвост и потащил с бревна. Но Пушок крепко зацепился за бревно своими острыми когтями, вздыбил шерсть и закричал:

– Мяу! Отпусти сейчас же!

Никогда Пушок не кричал на своего друга так сердито и громко.

И Сенька уступил.

Он отошёл в сторонку, присел и посмотрел на Пушка удивлённо и растерянно, потом заскочил на бревно, схватил его за шиворот, как всегда носит котят кошка-мать, и потащил во двор.

После этого случая Пушок часто старался улизнуть на улицу, но Сенька был настороже. Только котёнок высовывал свой нос за ворота, как Сенька хватал его и тащил обратно. И для Пушка, и для Сеньки это превратилось в своеобразную игру.

Как-то раз мы взяли Сеньку с собой на рыбалку с ночёвкой, а когда вернулись узнали, что Пушок пропал. Наша соседка видела его через три дома у магазина. Скорее всего, он пошёл разыскивать своего друга Сеньку и заблудился.

А может быть, его украли?

Мы очень переживали исчезновение котёнка. А Сенька особенно.

Он сбился с ног в поисках своего друга. Перестал есть и даже на свою любимую ливерную колбасу смотрел с отвращением.

Я гладил Сеньку, называл ласковыми именами, но он лежал недвижимо и только чуть-чуть шевелил хвостом. Глаза у него были грустные-прегрустные. Мы вызвали врача, и он, узнав причину болезни, сказал строго:

– Тоскует собака. Найдите ему друга. Без друга даже собаки чувствуют себя очень плохо.

Сенька учится рычать

После исчезновения Пушка Сенька долго болел, и даже когда выздоровел, ходил по двору печальный, уныло опустив хвост. Он уже здорово подрос и превратился в потешного маленького пса. Коричневая шерсть его была очень густа, поэтому не свисала как у большинства собак, а словно плюш равномерно покрывала всё тело. Он был весь коричневый, от носа до хвоста. Коричневыми были и глаза, и даже пуговка носа. Он не был породистым. Но если бы проводились выставки дворняжек, как проводятся выставки служебных, охотничьих и декоративных собак, я уверен, что жюри обязательно присудило бы Сеньке какую-нибудь медаль или на крайний случай диплом. Ростом всего тридцать сантиметров, он и не обещал вырасти больше. И до того был похож на магазинного плюшевого медвежонка, что все мальчишки и девчонки нашей улицы звали его Мишкой, брали на руки и таскались с ним, как с игрушкой. Я не препятствовал, надеясь, что хоть это разгонит его печаль о потерянном друге. Сенька рос незлобным, ласковым. Я ни разу не слышал, чтобы он злился или рычал. Можно было подумать, что у него нет голоса. Но ведь он скулил по ночам, в играх с Пушкой даже лаял... Правда, когда ему здорово досаждали девчонки пелёнками, он ещё и кряхтел смешно так:

– Ух! Ух! Ух!

Ходил он медленно, вперевалячку, бегал же только тогда, когда пытался скрыться от изрядно надоевшей ему ребятни. Но ребятня ловила его, пихала в пасть всякие лакомства и тащила играть. Избавиться от неё не было никакой возможности. Тогда Сенька стал прятаться в соседнем огороде. Ребятишки хоть и видели его, но достать не могли, опасаясь сердитой хозяйки. Хозяйка, крикливая, злая женщина, мирилась с Сенькой, очевидно, потому, что тот ходил только по тропочкам, не наступал на грядки и пока не давал повода к ссоре. Но этот мир продолжался недолго.

У соседки водились куры, которых она выпускала в огород только поздней осенью, когда всё с грядок было убрано. Поэтому Сенька ни видеть, ни знать их не мог.

И вот однажды – по какой причине? – куры, целых шесть штук, под предводительством горластого чёрно-красного петуха прорвались в огород и кинулись на поспевающие помидоры. И единственным свидетелем этого разбоя был Сенька – он дремал на тропке между грядок. Вдруг перед ним возникло что-то большое, яркое, с громким голосом, на звук которого прибежало ещё шесть незнакомцев, только белых.

– Кто, кто-кто такой? – грозно прокричал чёрно-красный и, распутив крылья, придвинулся к Сеньке вплотную.

Сенька испуганно вскочил и, наверное, хотел ответить на вопрос, но чёрно-красный, не дожидаясь ответа, пребольно клюнул щенка в нос. Тот отчаянно взвизгнул и бросился к спасительной дыре в заборе. Но то ли с испугу, то ли от боли проскочил мимо и заметался в углу, тщетно ища спасения. Поведение Сеньки и внимание кур придало петуху смелости. Он оглушительно захлопал крыльями и звонко прокричал:

– Ку-ка-реку-у-у! Бей его! – и бросился в атаку.

От второго удара Сенька увернулся, но третий пришёлся ему по спине. В отчаянии щенок попытался проскочить у своего преследователя между ног, но, не рассчитав... столкнулся с петухом.

– Ко-о! – испуганно ахнули куры.

– Кудах! – заорал петух.

Куры шарахнулись в сторону, и бедный щенок очутился между двух огней. Петух уже оправился от испуга и вновь распустил крылья, стараясь достать Сеньку клювом. Выхода не было. Сенька сжался в комочек, припал к земле и предостерегающе зарычал:

– Гр-рр! Не трогай!

Но, уверенный в себе, петух не придал этому значения. Тогда Сенька отважно бросился на него и вцепился в разноцветные перья. Петух рванулся в сторону, таща на себе щенка.

– Кудах! Кудах! Кудах! Убивают! Спасите! – вопил он, мчась по грядкам и сшибая помидоры.

Сенька не удержался, отцепился и покатился по земле, но тут же вскочил и, выплевывая перья, бросился вдогонку. Куры подняли ужасный крик.

– Кудах! Кудах! Кудах! Убивают! Убивают! Убивают!

Петух дико вскрикнул на бегу:

– Ку! Ку! Да-а-ах! Разбой!

Сенька азартно лаял:

– Гав-гав-гав! Лови его! Держи его!

На этот невообразимый шум выскочила соседка и быстро положила конец сражению. Суматошно галдящие куры и перепуганный до смерти петух были водворены в курятник, в Сеньку полетела палка, от которой он благополучно увернулся и, не дожидаясь повторного броска, нырнул в дыру забора.

Разъярённая соседка прибежала ко мне жаловаться. Но Сенька своевременно запрятался под крыльцо и благоразумно молчал.

После этого случая Сенька не переставал лазать в соседний огород, но стоило во дворе появиться хозяйке, как он начинал рычать. А кур с той поры так просто терпеть не мог, и как только видел их, сразу же бросался в атаку.

Ворона

Сеньку я привёз в лес в начале сентября. Такое множество кустов и деревьев он видел впервые, поэтому растерянно ози-

рался вокруг. Но недолго он жался к моим ногам, через минуту сделал шаг, второй, обнюхал подозрительное место и оглянулся на меня вопросительно.

– Можно? – говорила его лохматая морда и лукавые коричневые глаза.

– Валяй, – разрешил я.

Сенька быстро засеменил своими короткими лапами, на некоторое время забыв даже вилять хвостом. Он обошёл вокруг машины. Остановился и посмотрел на меня весёлыми глазами:

– А здесь неплохо...

– Давай-давай. Не бойся. Я здесь, – подзадорил его я.

Сенька подбежал к старому трухлявому пню, обнюхал со всех сторон, посмотрел на меня торжествующе и поставил свою метку. Он чувствовал себя здесь первооткрывателем. Я же сделал вид, что не замечаю его торжества и демонстративно отвернулся, исподволь наблюдая за ним.

Вдруг внимание Сеньки привлекла ворона, что-то клевавшая неподалёку. И в нём проснулся охотничий азарт. Он лег на брюхо – и ползком к ней.

– Кар-р! – недовольно вскрикнула ворона и пересела на ближайший куст. Сенька подбежал к тому месту, где она только что сидела.

– Кар-р! – закричала ворона, что на её языке, наверно, означало: «Не трогай!»

Сенька усиленно заелозил носом по земле и, не найдя ничего интересного, подбежал к кусту, звонко залаял. Лай был беззлобный, дурашливый.

– Гав-гав! Давай играть, – приглашал он ворону.

– Кар-р! Нужен ты мне... – крикнула та недовольно и перелетела на дерево в конце поляны.

– Ах ты! Ах ты! Вот я тебя сейчас, – лаял Сенька, подбегая к дереву.

Ворона не приняла вызова, она поднялась, сделала круг над поляной, провожаемая весёлым Сенькиным лаем, и села на куст у дороги.

– Ага! Поймаю! – залаял Сенька и кинулся к ней.

Ворона полетела вглубь леса. Сенька коричневым клубком покатился следом. Ворона дальше – Сенька за ней. Поворот дороги уже давно закрыл от него поляну, где стояла машина, но развеселившийся щенок не замечал этого.

Вороне, очевидно, надоели и лай, и сам щенок. Она поднялась повыше и скрылась за деревьями. И уже откуда-то издалека донеслось её:

– Кар-р! Дурачок. Беги назад...

Сенька не понял её предостережения и кинулся напрямую в чащобу. Но кусты были настолько густы, что он скоро выдохся и, оглянувшись, вдруг заметил, что остался один в неизвестном лесу. Он закрутился на месте. Коричневая пуговка его носа усиленно забегала из стороны в сторону, но густой, напоенный различными запахами воздух не давал ответа, и тогда Сенька тихонечко заскулил, потом отчаянно завопил: «Ай-яй-яй! Помогите! Ой-ей-ей!»

Я подошёл, взял его на руки. Он завизжал от радости. Я вынес его и поставил на дорогу: «Ну, что? Как бы ты без меня?» Но Сенька моего ехидства не понял. Он закрутил хвостом и побежал к поляне.

Ворона сидела на прежнем месте и подозрительно смотрела на него. Сенька было опять напряжился для броска, но передумал. С гордо поднятым хвостом прошествовал к машине, словно хотел сказать: «Я с такими не играю», растянулся в тени и устало закрыл глаза.

Новое знакомство

Мы остановились в деревне, чтобы купить молока. Сенька сразу выскочил из машины и стал знакомиться с окрестностями. Подбежал к дереву, обнюхал его, потом двинулся вдоль забора – всё с таким деловым видом, что я не выдержал и окликнул его:

– Сеня! Что-нибудь интересное?

Он не принял моего шутливого тона и даже не удостоил взглядом.

За забором, учуяв чужого, залаяла большая собака, загремела цепью. Сенька было кинулся к ней, но я удержал:

– Куда ты, дурашка. Ведь ты меньше её головы. И взвизгнуть не успеешь...

Сенька посмотрел оценивающе вначале на меня, затем на собаку, и, согласившись, повернул на дорогу, но вдруг остановился поражённый. Невдалеке, сразу за дорогой, паслась стая гусей. С курами Сенька был уже знаком, а гусей видел впервые. Он усиленно задвигал носом, но гуси заметили его и, недовольно гогоча, собрались теснее, распекая щенка на разные лады. Особенно старался большой белый гусак, вожак стаи.

– Го-го-го! выкрикивал он. Понаехали тут всякие...

Сенька постоял, словно прислушиваясь к гусиному гоготанию, потом бросился вперёд молча, стремительно.

– Га-га-га! Этого ещё не хватало... Спасайтесь, братцы! – загалдели испуганно гуси и, хлопая крыльями, пустились наутёк. Сенька, довольный, с внезапно возникшим охотничьим азартом, следом.

Белый гусак бежал позади стаи. Он изредка оглядывался и громко вскрикивал:

– Га! Га! Караул!

Сенька шариком катился за ним, тоненько влаивая. Я уже хотел окликнуть щенка, чтобы прекратить этот шум, как вдруг гусак остановился, растопырил крылья и, дерзко блестя глазами, повернулся к своему преследователю. Хищно изогнув шею, он зашипел сердито:

– Пш-ш! Ну-ка, подойди! Пш-ш!

Сенька замедлил свой бег, затем совсем остановился. Его лукавая морда, высунутый от усердия язык, высоко поднятый хвост выражали веселье и любопытство.

– Чего ты? – ласково тявкнул он на гусака. – Чего злишься?

Шипение гусака стало ещё более угрожающим, и вдруг он ринулся в атаку. Сенька в последний момент еле увернулся от широкого клюва. Гусак проскочил мимо, но тут же, помогая себе крыльями, развернулся и снова бросился вперёд. Сенька попя-

тился, затем повернулся боком, готовясь к отступлению, и в это время гусак, словно шпагой, ударил его клювом.

– Ай! – взвизгнул щенок. – Ты чего?! Чего! Больно же... – и, трусливо поджав хвост, рванулся со всех ног назад, к машине.

Противники теперь поменялись ролями. Причём Сенька выглядел не с лучшей стороны. Вся гусятинная стая громкими криками подбадривала своего жоака:

– Га-га! Лови его! Гони!

Сенька мчался к машине на предельной скорости. Он с разбега юркнул в открытую дверь и забился между сиденьями. Гусак подбежал, заглянул в машину и, не видя своего противника, попытался залезть вовнутрь. Но я его не пустил. Гусак было ринулся на меня, но вовремя опомнился.

– Го-го-го! – торжествуя закричал он. – Видали, как я его?

– Га-га-га! Видали! Видали! – шумно хвалили своего жоака гуси.

Сенька высунул свою коричневую морду из-за сиденья и, ещё вздрагивая от пережитого испуга, таякнул:

– Уж пошутить нельзя...

– Выйди сюда! Я тебе пошучу! Выйди! – продолжал грозиться гусак.

– Ладно, ладно, ребята. Хватит вам, – попытался помирить я противников. Но не тут-то было. Гусак снова полез в машину. Тогда я отогнал его дальше за дорогу и позвал Сеньку:

– Иди сюда, забияка. Сам первый начал драку, а теперь в кусты. Не стыдно? Иди сюда!

Сенька вылез из машины и осторожно огляделся. Удостоверившись, что опасность миновала, он замахал хвостом и уставился на меня виноватыми глазами.

– Эх ты! Приехал в гости... Не стыдно? – журил я щенка, но он вдруг зевнул притворно и запрыгнул на сиденье. Потянулся лениво и улёгся, щуря глаза, всем своим видом показывая:

– Зачем из-за пустяка шум поднимать... Ну, пошутили... Ничего же особенного не произошло...

Конечно, ничего особенного не произошло, но с этого памятного дня Сенька уже не гоняется за гусями, а обходит их стороной.

Сенька ищет работу

По весне мой товарищ попросил меня помочь отремонтировать дачу. Ремонт несложный, работа сразу же пошла споро. Сенька, радостно поблёскивая глазами, крутился тут же, совал нос в каждую дырку, в каждую банку. В пушистом хвосте его застряли стружки, передняя правая лапа вдруг стала зеленоватой, а левая – голубой. На морде пролегла белая полоса. Это и вынудило нас пойти на крайние меры – выставить Сеньку за дверь. Он долго скулил под дверью, царапался, потом внезапно затих.

Перемены в поведении моего друга всегда подозрительны. Тут-то и жди подвоха! Я выглянул в окно. Сенька крутился около крыльца, что-то усиленно вынюхивая. Вот он царапнул землю лапой в одном месте, потом перешёл на другое. Тут, очевидно, земля была мягче. И вот Сенька быстро-быстро заработал обеими лапами. Земля так и сыпанула вверх. Я никогда не подозревал в нём таких способностей и очень удивился. Сенька тем временем работал, как хорошая землеройная машина, и пока я выскочил на крыльцо, вырыл уже довольно глубокую яму.

– Сенька, ты что делаешь? Ну-ка перестань сейчас же! – закричал я.

Он высунул из ямы свою лохматую морду, испачканную теперь ещё и землей.

– Ты что, не видишь? Работаю! – Удивлённо посмотрел он на меня и опять принялся за дело.

– Нельзя! Нельзя! Пошёл отсюда! – я приближался к нему с самыми серьёзными намерениями.

Сенька это понял и неохотно попятился.

– Гав! – негромко гавкнул он. – Вы работаете, а мне так уж и нельзя?

– Лёг бы, повалялся на солнышке, – начал уговаривать я его и протянул руку, чтобы погладить, но он обиженно отвернулся.

Засыпав яму, выкопанную Сенькой, я вернулся в комнату. Работа наша шла к концу, но беспокойство вдруг охватило меня с новой силой. Бросив кисть в ведёрко с краской, я вновь вышел на крыльцо. Сеньки не было.

– Сеня! Сенька, где ты?!

Обошёл вокруг домика – Сеньки нет. Внимательно оглядел весь участок – никого. Ну не мог же он перескочить через такой высокий забор? Или, может быть, есть где-то в нём дыра? Я пошёл вдоль забора. И у недавно высаженного, какого-то редкого сорта малины, которым мой товарищ очень дорожил, я увидел... О, ужас! Увидел кончик пушистого хвоста, торчащий из свежевыкопанной норы. Оглянувшись, не видит ли это кощунство хозяин, я вытащил упирающегося Сеньку за хвост и наскооро присыпал яму. Сенька, наклонив голову набок, наблюдал за мной со стороны. Я пожурил его, погрозил пальцем, но стоило мне отойти, как он тут же вновь принялся за дело. Мягкая, разрыхлённая земля так и летела из-под его лап. Ну что ты будешь делать? Пришлось забрать его в комнату.

Он так обрадовался, что тут же залез в банку с краской и оставил на полу отпечатки всех своих четырёх лап.

– Зачем ты его сюда впустил? – рассердился мой товарищ. – Выгони его во двор.

«Ага! Выгони... Ты ещё не знаешь про малину! – мелькнуло у меня в голове. Но, с другой стороны... Сенька же умница и, очевидно, уже понял, что можно и чего нельзя», – прикинул я и вытолкал проказника за дверь.

И не ошибся. Сенька оказался ещё умнее, чем я думал. Не успела за ним закрыться дверь, как он уже мчался опять к малине. Остановился и, заметив, что я наблюдаю за ним, негромко тьякнул:

– Гав! Скучно мне одному. Гав! Иди ко мне, а не то я...

Я вышел на крыльцо, Сенька подбежал, ласкаясь. Я взялся за ручку двери – Сенька рванулся к малине. Я спускаюсь с крыльца. Сенька ко мне. Я к двери – Сенька в малину...

Так и пришлось товарищу заканчивать ремонт одному.

Капкан

Не успел я вылезти из палатки, как Сенька тут как тут. Хвостом виляет и преданно смотрит мне в глаза.

– Что, соскучился за ночь? – усмехнулся я.

Сенька припал на передние лапы и ещё усерднее завилал хвостом, приглашая играть.

– Ладно, ладно, некогда мне.

Взяв удочки, подсак, банку с червями, я толкнул на воду лодку. Сенька ужом проскользнул мимо меня и уселся на корме, радостно поблёскивая глазами.

– Нет, брат, так дело не пойдёт. А палатку кто стеречь будет, вещи?.. Вылазь, вылазь, – уговаривал я его. – Нельзя нам обоим отлучаться. Вылазь, ну!

Сенька с явной неохотой вылез на берег.

– Гав! – тявкнул негромко Сенька. – Возьми, пожалуйста!

– Сказал же – нельзя, – рассердился я. – Сколько можно повторять?

Сенька медленно потрусил по берегу вслед за мной. Я приналег на весла, и кусты скрыли от меня моего друга.

Через три часа, когда солнце уже жарило всю и утренний клёв кончился, я причалил к берегу, но Сенька не выскочил, как обычно, навстречу. «Спит, наверное», – подумал я и громко позвал:

– Сеня! Ну-ка ко мне, быстренько! – Ни звука в ответ.

Сеньки не было и в палатке. Я вновь позвал его и прислушался. Тихо всё. Только чуть треснула где-то неподалёку ветка, да всплеснула под берегом стайка рыбьей мелочи. «Что могло случиться? – не на шутку встревожился я. – До ближайшей деревни десять километров. Волков здесь не водится... Может, кто проезжал мимо да поймал его. Ведь Сенька такой доверчивый. Но тогда бы я слышал шум мотора...»

...И всё-таки я выскочил на дорогу. Пробежал с километр до ближайшего поворота – свежих следов автомашин не было.

Солнце палило нещадно. Пот заливал глаза. В траве тревожно звенели кузнечики. Кусты стояли нахохлившись, виновато опустив привядшие листья. «А почему считают, что здесь нет волков? – вдруг подумал я. – Вон какие заросли! Ах, Сенька, Сенька! Ну почему я не взял тебя с собой в лодку? Бог с ней,

с палаткой... с вещами...» Мне так стало жалко моего пропавшего друга, что запершило в горле и губы стали сухими, горячими.

Я вернулся к палатке, взял походный топорик и направился в самую гущу кустов, полный решимости хотя бы отомстить прожорливым волкам за своего четвероногого друга. Целый час я безуспешно искал следы жестоких хищников, весь исцарапался о колючие ветки, но ничего не нашёл. Подавленный и усталый вернулся к палатке. Ничто меня не радовало – ни хороший утренний клёв, ни прекрасное место отдыха, ни устоявшаяся погода. Полными ненависти глазами смотрел я на эту коварную поляну, на густосплетение кустов – свидетелей Сенькиной гибели. Вдруг неподалёку от меня дрогнула и закачалась ветка. Я бросился вперёд, ногой раздвинул кусты и увидел... Сеньку. Он лежал в какой-то страшно неудобной позе. Головы не было видно. Одна задняя лапа застряла в развилке ветки, другая – слабо скребла землю. «Живой ещё!» – понял я и, отбросив топорик, попытался поднять Сеньку на руки. Тело его дёрнулось, послышался жалостный тихий вздох. Я повернул своего верного друга на бок. Сеньке, конечно же, было невесело. У него не было сил даже шевельнуть хвостом. Но ситуация была такая комичная, что я не выдержал и захохотал.

Сенька сам себе нашёл капкан. Любитель свиной тушёнки, он обнаружил где-то порожнюю банку из-под неё, оставленную нерадивым нашим предшественником, и опрометчиво засунул туда морду. Острые края, загнутые вовнутрь, не давали вытащить её обратно, а сама банка плотно засела в густых ветках.

Сколько Сенька промучился в этом капкане, не знаю. Наверное, долго, потому что, когда я освободил его, он так виновато и устало посмотрел на меня, так понуро горбясь залез под машину, что мне вновь стало жаль его, хотя трудно было сдержать улыбку. Я предложил ему конфетку – он отвернулся.

Урок этот Сенька запомнил на всю жизнь. И если находил пустую банку, поднимал, шум:

– Гав! Гав! – лаял он. – Безобразие! Разбрасывают везде

мусор. Порядочной собаке прогуляться негде! – и не успокаивался, пока эту злосчастную банку не закапывали в землю.

Сенька помогает Актару

Только мы подъехали к дому егеря, как Сенька исчез. Стоянка здесь предвиделась длительная, поэтому я не беспокоился. Пока мои друзья ставили во двор машины, пока решался вопрос о ночлеге, я любовался красивой чёрно-белой лайкой, которая на привязи стояла в соседнем дворе. Она не лаяла. Она просто стояла и смотрела на нас, чуть слышно повизгивая. Мы долго разгружали машины, и за это время лайка ни разу не присела, только нервно переступала лапами.

– Хороша! – не выдержал я.

– Актар! Стоящий пес, – подтвердил егерь и вздохнул. – Хозяин не охотник, так... Губит собаку на привязи. Я просил его продать – ни в какую! Говорит, дом сторожить некому. – Он огорчённо махнул рукой и отвернулся.

Словно поняв, что разговор шёл о нем, Актар взвыл и стал метаться по двору. В это время вывернулся откуда-то Сенька и бесстрашно нырнул в дырку забора. Актар умолк, насторожился и, вытянувшись вперёд насколько ему позволяла привязь, внимательно смотрел на незнакомца. Сенька приближался, грозно рыча, но при этом сильно махая хвостом. Начался обычный процесс знакомства – обнюхивание. Я приготовился к худшему, испугавшись за своего любимца. Ростом он едва доставал до брюха лайки и вообще выглядел перед ней несолидно. Но всё кончилось благополучно. Вот Сенька припал на передние лапы, потом метнулся в сторону, приглашая Актара играть. Тот кинулся было за ним, но ремень рванул его назад, чуть не опрокинув на спину. Актар завыл и стал бегать по двору, с грохотом катая блок по проволоке, натянутой от дома к сараю. Сенька, не дождавшись нового знакомого, вернулся. Вся его лукавая морда выражала высшую степень нетерпения.

– Гав? – спросил он. – Ну чего ты? Я же жду.

Актар ещё отчаяннее взвыл. Сенька подошёл и долго об-

нюхивал ремень, на который был привязан Актар. Такую вещь он встречал впервые, поэтому исследовал основательно. Он даже пытался грызть его, но вскоре бросил эту затею и улёгся рядом с другом, глядя в мою сторону и изредка взлаивая:

– Гав! Иди помоги нам.

А что я мог сделать? Чужой двор, чужая собака...

Сели ужинать. Я позвал Сеньку. Обычно дважды приглашать его не приходилось. Но сейчас он подошёл с явной неохотой.

– Сеня, ты что, заболел?

Он смотрел на меня своими коричневыми глазами с неммым укором.

– Глупый Сенька, ну что я могу сделать для твоего нового друга? Ничего.

Утром, ещё затемно, мы быстро погрузили всё необходимое на телегу и тронулись в путь по едва заметной дороге, через болота к дальним озёрам. Я крикнул Сеньку, через некоторое время он появился, покрутился у ног, поластился и потрусил сзади.

За разговорами с егерем я вспомнил про Сеньку спустя полчаса. Позвал, его не было.

– Сенька! Сенька! Сенька-а-а! – кричал я, безрезультатно. Ночную темень сменил густой туман – дорогу не видно в десяти метрах. «Сбежал к машине», – успокаивал я сам себя, однако тревога не унималась, и я повернул назад.

Каково же было моё удивление, когда через несколько шагов, за поворотом, я буквально наткнулся на Сеньку и... Актара. На Актаре был ошейник с обрывком ремня. Ремень кто-то перегрыз мелкими, словно мышинными зубами. Я вопросительно посмотрел на Сеньку. Тот с преувеличенным вниманием обнюхивал какую-то травку.

– Ну-ка, подойди ко мне, – приказал я.

Он подошёл неохотно, виновато опустив хвост и прижав к голове уши.

– Твоя работа? – Я сунул ему под нос кусок ремня.

Сенька дипломатично отвернулся.

Я присел на корточки и снял с Актара ошейник.

– Ну и что прикажете теперь делать?

Актар отскочил в сторону. А Сенька вдруг подпрыгнул и неожиданно лизнул меня в лицо.

Как мне поступить? Ну не вести же Актара назад? Да и говорят, возвращаться нельзя – плохая примета. И мы поспешили догонять моих друзей. Сенька бежал впереди, довольный, гордо задрал хвост и весело оглядываясь. Рядом с ним бежал Актар, иногда касаясь мордой Сенькиного уха. Наверное, благодарил за помощь, а может, рассказывал что-то интересное.

Обознался

Как-то раз мы с Сенькой поехали в сад к одному нашему приятелю. День выдался жаркий. Мы сидели на веранде на сквознячке, а Сенька, страдая в своей тёплой шубе, забился под куст сирени и часто дышал, высунув язык. Я с жалостью поглядывал на своего друга и придумывал, чем бы облегчить его участь, как вдруг увидел неторопливо идущего между грядок клубники большого кота. Был он жёлто-белой окраски и очень напоминал пропавшего Пушка.

Сходство заметил и Сенька. Он резво вскочил, весело завилял хвостом, и я понял, как свежа ещё его рана – потеря друга. Сенька бросился навстречу коту со всех ног, весело взлаивая как тогда... в игре с Пушком.

– Гав-гав! Здравствуй! Давай играть?

Но кот не понял Сеньку.

– Кто ты? Чего надо? – сердито зашипел он, выгнув дугой спину.

– Гав-гав! – весело лаял Сенька. – Гав-гав! Давай играть! Это так интересно. Так хорошо. Ну, давай! – он прямо по грядкам подбегал к коту то с одной, то с другой стороны, но тот угрожающе вопил:

– Отстань! Уйди! А то....

На Сеньку эти предостережения не действовали. Он подбирался к коту всё ближе, припадал грудью к земле, прыгал, визжал. Вдруг кот резко выбросил вперёд переднюю лапу, ударил Сеньку и, дико вякнув: «Мяу! Вот тебе!», бросился к яблоне.

Сенька взвизгнул, затряс головой, зафыркал, а кот, воспользовавшись его замешательством, вскарабкался на дерево и уселся на суку, злорадно ворча:

– Не будешь лезть, куда тебя не просят.

Сенька подошёл, задрал голову и обиженно тявкнул:

– Гав! Ты чего? Я же хотел поиграть...

– Мрря-у! – взревел кот. – Я тебе поиграю!..

Сенька, растерявшись от такого поворота, присел на задние лапы, а передними по очереди то одной, то другой стал тереть морду, изредка укоризненно поглядывая на кота. Он словно говорил:

– Вот, хоть ты и ударил меня, а я всё равно на тебя не сержусь. Слезай с дерева и давай играть.

– Мррря-у, – заунывно ревел кот. – Уйди! Не нужна мне твоя игра.

Сенька медленно обошёл вокруг яблони и прилёг в тени, очевидно, решив терпеливо ждать.

Но кота этот вариант не устраивал, и он ещё громче завыл:

– Уйди! А то слезу, тогда...

Сенька положил на вытянутые передние лапы морду и закрыл глаза. На некоторое время в саду вновь воцарилась тишина. Но вот кот стал осторожно спускаться с дерева, злобно сверкая глазами на Сеньку. А тот то ли задремал, то ли делал вид, что дремлет. Кот спрыгнул и только успел сделать несколько шагов к забору, как Сенька в два прыжка загородил ему дорогу.

– Гав-гав! Ну, давай поиграем. Ну, хоть чуть-чуть. Хоть капельку...

– Фу-ух! – зашипел кот. – Нахал! Уйди с дороги! – он принял боевую позу.

Сенька наконец понял, что из игры ничего не получится, сразу как-то сник, опустил хвост и тихо поплёлся к веранде.

– Что, Сенька, не вышла игра?.. – спросил я щенка. – Это тебе не Пушок...

Сенька посмотрел на меня полными человеческой печали глазами и чуть шевельнул хвостом.

Предательство

Мне позвонил товарищ и закричал в трубку:

– Слушай, достал спаниеля! Великолепного! Чистокровного! Собирайся на охоту. Живо! Поедем на моей машине. Даю час на сборы.

Естественно, сборы были спешные. Сенька, заражённый моим волнением, носился вокруг, мешаясь под ногами. Блестел своими коричневыми глазами, вертел хвостом и поминутно звонко лаял: «Гав! Гав! Меня-то возьмёте?»

– Сеня, ну о чём разговор. – Конечно, возьмём, куда я без тебя?

Ружье, патроны, резиновая лодка, спальный мешок, продукты... Кажется, всё... И – сигнал машины у ворот. Вовремя мы управились. Выбегаем с Сенькой. Точно – за нами. Складываем вещи в багажник. Открываем дверцу машины. Вот он! Знаменитый спаниель! Длинные висячие уши. Ухоженная чёрно-белая волнистая шерсть. Но не успел я толком его разглядеть, как Сенька уже запрыгнул на сиденье и оскалил зубы:

– Гр-гр! Это ещё что за новости?! И ещё лежит на моем месте!..

Благородный спаниель тоже зарычал. Мгновение! И клубок собачьих тел уже катался по машине. Полетели клочья чёрно-белой и рыжей шерсти. Ах! Ах! Мы срочно вмешиваемся. Тяжело дышащие противники растащены за задние лапы.

– Сеня! Ты что это? Как тебе не стыдно? Помиришь сейчас же, – уговаривал я своего друга.

Но не тут-то было. Ни Сенька, ни спаниель не хотели уступать. Что делать? И в спешке было принято единственное решение: Сеньку оставить дома. Рыжий рычащий комок был выдворен за калитку. Калитку на запор. Взревела машина, и мы помчались вперёд. Ну что мне стоило обернуться назад?

В начале нашего пути, увлечённый обсуждением ярко выраженных признаков чистых кровей спаниеля и выбором места предстоящей охоты, я как-то забыл про моего друга Сеньку. Потом, чуть позднее, в душу мне закралось сознание вины перед ним, которое уже не оставляло до самого возвращения. Настроение из-за этого было скверное, потому и охота не удалась, и спаниель не понравился, хотя работал он неплохо.

Но вот наконец через два дня снова родная калитка, снова дома, но никто меня не встречает, не прыгает вокруг, не ластится, не вертит хвостом... Вхожу во двор – тишина. Поднимаюсь на крыльцо – вот он!

– Сеня, привет!

Но Сенька как лежал на верхней ступеньке крыльца, так и остался лежать, только глянул на меня грустными-прегрустными глазами и отвернулся.

– Ты что, заболел? – встревожился я и нагнулся, чтобы приласкать, но Сенька выскользнул, из-под моей руки, спрыгнул с крыльца и улёгся под кустом смородины.

– Что с тобой, Сеня, дружище? – Я направился к нему. Он – от меня. – Да что же это такое? Ты меня не узнал?

– Обиделся он, – пояснила моя мать. – Как вы уехали, он за вами погнался. К вечеру только вернулся. Весь в грязи, усталый. И с той поры ничего не ест, всё лежит и лежит...

Я взял любимую Сенькину ливерную колбасу, подсунул кусочек ему под нос. Он отвернулся. Я гладил его. Называл ласковыми именами. Просил прощенья – ничего не помогло. Я позвонил своему другу – посоветоваться.

– Обиделся сильно, подтвердил и друг. Но не огорчайся, через день-другой отойдёт. Побольше будь рядом с ним. Собака – не человек. Она прощает всё, даже предательство...

На следующий день я вывез Сеньку за город. Там он немного оттаял. А через два дня стал снова самим собой – весёлым, забавным, ласковым.

Но я, как только вспомню про этот случай, так снова чувствую вину перед моим Сенькой.

Спасибо, выручил!

Устав за дорогу (мы поехали на дальний кордон к леснику в гости), Сенька вылез из машины медленно, нехотя. Потянулся. Зевнул. И посмотрел на меня. «Давай отдохнём здесь подольше», – прочитал я в его взгляде.

– Ты только поосторожней, пожалуйста. Если что, сразу в машину, дверь открыта.

Он презрительно фыркнул, повернулся ко мне своим пушистым хвостом и направился к забору. Но не успел я дойти до дома лесника, как услышал сзади грозное рычание и, оглянувшись, увидел двух огромных лаек, мчащихся от опушки леса.

Сенька, увлечённый исследованием забора, заметил опасность слишком поздно – путь к машине был отрезан. Его маленькая фигурка так жалко выглядела по сравнению с двумя взрослыми лайками, что я, не раздумывая, бросился к нему на помощь. Очевидно, надеясь на неё, Сенька вздыбил шерсть, прижался задом к забору и зарычал. Но в его рычании не было ни капли уверенности. Оно скорее походило на мольбу о пощаде.

Лайки тем временем, чуть не сбив грудью моего друга, затормозили в полуметре от него. Я явно не успевал. А свирепые пасти были так близки, что Сенька закрыл глаза, перевернулся на спину и позорно задрал лапы вверх. У меня пересохло в горле. Вот сейчас!.. Но сначала одна лайка, затем другая, с шумом втягивая воздух, стали обнюхивать моего любимца. Видимо, сам Сенька как противник был для них так ничтожен, а запахи, исходящие от него, так непривычны и интересны, что потребовали тщательного изучения.

Почувствовав, что опасность быть растерзанным на клочки миновала, Сенька перевернулся на живот, встал на лапы и приветливо завилял хвостом. Теперь моя помощь уже не требовалась. И Сенька посмотрел на меня торжествующе: «Ну и как я их? Видал!».

– Молодец! – похвалил я его вслух, но не удержался от ехидства: – Держался ты крепко.

Заслышав мой голос, лайки вновь приняли боевые позы и разинули пасти теперь уже на меня. Я почувствовал себя не очень уютно. Рослые, серой волчьей масти, на крепких ногах, с мощными челюстями, эти зверюги спокойно держат медведя, загоняют лося... А у меня в руках нет даже палки. Потом, уже после, я сообразил, что палка их бы, конечно, не остановила. Наоборот, она только бы раздражила их и побудила к нападению.

Они сделали бы это и сейчас, если бы не Сенька. Он отважно встал между мною и лайками и, оцетинившись, залаял:

– Гав! Гав! Только посмейте! Я вам...

Лайки удивленно скосили глаза на него, и Сенька понял, что переборщил, поэтому сразу же припал на передние лапы грудью, вильнул перед мордами своим пушистым хвостом, подпрыгнул, стараясь лизнуть их в оскаленные пасти, и взвизгнул:

– Ребята, вы что?! Это же мой хозяин. Не связывайтесь. То ли нам нечего больше делать?! Айда играть, – и метнулся в сторону.

И лайки, ещё настороженно оглядываясь на меня, бросились за ним. Через несколько секунд эти свирепые звери носились за Сенькой, словно щенки, дурашливо взлаивая и озорно блестя глазами. Обо мне они забыли.

– Ох, Сенька, ты и прохвост, – выдохнул я облегченно. – Ну, спасибо, выручил.

Страх

Много интересного было на дальнем кордоне, но эта встреча запомнилась особо.

Закончив исследование прилегающего ко двору лесника пространства, Сенька, естественно, захотел ознакомиться и с самим двором. Он не последовал за лайками в дыру забора, а толкнул носом скрипучую калитку и бесцеремонно, на правах важного гостя ступил во двор. Для начала, отдавая дань моему, хотя и несколько посрамлённому во встрече первой, старшинству, он подошёл, позволил себя потрепать по лохматому загривку и тут же заспешил продолжить знакомство с окружающим миром в почётном сопровождении лаек, которые теперь не отходили от него ни на шаг.

Я особенно внимательно наблюдал за ними и вот почему.

Посередине двора под деревом стояла вместительная клетка, оббитая железной сеткой. А в ней безразличная ко всему лежала волчица. Настоящая. Живая. Её поймал в капкан лесник, и теперь она дожидалась оказии, чтобы ехать в зверинец.

Наши разговоры, хождения по двору, даже присутствие

лаек, к которым она уже привыкла, не трогали волчицу. Она лежала неподвижно, вытянув вперёд лапы и положив на них крупную, остроносую голову. В глаза её, дремотно прикрытые, невозможно было заглянуть. Ни один волосок, ни один мускул не отреагировал и на скрип калитки, когда Сенька вошёл во двор.

Но когда он, деловито елозя носом, заспешил по тропинке, волчица приоткрыла глаза, и они вспыхнули страшным зеленоватым светом. Волчица неслышно поднялась и также неслышно улеглась уже у самой сетки.

Сенька, маленький, лохматый, ничего не подозревая, бежал близко от клетки, семеня своими короткими лапами. И вместе с ним рядом, рывками, но совершенно бесшумно передвигалась и волчица. Вся её напряжённая фигура, взгляд, неотрывно устремлённый на щенка, слаженная работа мышц, которые не выдавались из-под шкуры, как у наших охотничьих и сторожевых собак, а только угадывались, кошачья бесшумность движений – всё обличало настоящего хищника, свирепого и безжалостного.

Волчицу от Сеньки отделяло расстояние всего в полпрыжка, в четверть прыжка... Но она не бросилась, потому что видела перед собой железную преграду.

А когда Сенька, так ничего и не заметив, стал удаляться от клетки, волчица села и вдруг, широко разевая пасть, зевнула. Зевнула громко и застыла, глядя куда-то вверх. Сенька, услышав зевок, оглянулся и, заинтересовавшись, повернул назад. Он никогда не отличался хорошим чутьём, видеть же волков ему не приходилось ни разу. Поэтому смело подошёл к клетке и уже поднял лапу, чтобы поставить метку, как вдруг...

Я даже не смог проследить рывок взглядом, только почувствовал дрожь его тела уже у моей ноги. Лайки стояли, недоуменно оглядываясь, – кого так испугался их новый знакомый? Сенька же дрожал всё сильнее и, чего никогда не было, вскарабкался мне на колени.

Волчица не сдвинулась с места, всё глядя куда-то вверх, в синющую даль родных алтайских гор. И мне стало жаль её.

Приехали

Только мы подъезжаем к дому из своего очередного путешествия, как Сенька шариком выкатывается из машины, оббегает вокруг и звонко лает:

– Гав! Гав! Приехали! – и отходит в сторону, мол, свои обязанности я выполнял исправно, теперь твоя очередь, хозяин, – разгружай машину, таскай палатки, лодки, удочки, а мне некогда. У меня тоже дел по горло. И тут же начинает проверять и обновлять свои метки.

Но на его лай уже выскочил из соседней подворотни чёрный, как жук, щенок – Шарик. Выскочил и мчится к Сеньке, усиленно виляя хвостом. Сенька, свысока поглядывая на Шарика, даёт ему возможность как следует себя поприветствовать и трусит дальше. Шарик следом, вытягиваясь в струнку, старается носом достать хоть кончик Сенькиного хвоста.

Из калитки напротив выходит кокетливая болонка – Барселона. Потягивается, жеманно щурит глаза под нависающими кудряшками и вдруг, заметив Сеньку, взвизгивает и бросается к нему. Навстречу даме Сенька галантно делает несколько шагов, вежливо виляет хвостом и даёт себя обнюхать. Потом поворачивается и продолжает свой путь. А вот и Мушка, помесь дворняжки со спаниелем, мчится, заискивающе повизгивая. За ней пристраивается огромный добродушный пёс с редкой кличкой Лай. Из-за угла выворачивается лохматый Боб, за ним ещё, ещё... Наконец, Сенька, окружённый целой свитой поклонников, останавливается где-то в укромном уголке. Садится. Обожатели плотно окружают его и начинают обнюхивать.

Наверное, это так же как и у нас, у людей. Когда встретишь знакомого, вернувшегося из интересного путешествия, хочется послушать его рассказы.

Здесь же рассказы – это запахи, принесённые в густой Сенькиной шерсти оттуда, куда ни одна из этих собак попасть даже не мечтает.

И Сенька, гордый оказанным вниманием, с самодовольным видом даёт возможность своим поклонникам пережить хоть в малой мере то, что пережил сам.

Я представляю себе это так:

– Сеня, милый, а что это за запах? – начинает подлизываться Барселона.

Даме нельзя не ответить, и Сенька, оттопыривая нижнюю губу, поясняет:

– Это? Лось пробежал неподалеку.

– Лось?! Настоящий?! И ты... Ты...

– Нет, – Сенька притворно вздыхает. – Не пустил меня хозяин. А то бы я... конечно...

– А вот этот? – несмело спрашивает Шарик.

– Ни разу неграмотный, что ли? Не знаешь? Эх, ты... – презрительно фыркает Сенька. – Это же ондатра. Я сидел на её домике.

– Ой! – восклицают хором Барселона и Мушка. – На самом её домике. И... И не боялся?

– Кого? – возмущается Сенька. – Ондатру? Да я...

– Врёт он всё! Врёт! – лает за забором и гремит цепью огромная овчарка Дик.

– Завидуешь, пустолайка, – небрежно бросает Сенька.

– Это я... я пустолайка?! Ну, погоди! Дай мне освободиться от ошейника, я тебе покажу, жалкий хвастунишка!

На эту угрозу Сенька и ухом не ведёт. Верит – цепь крепкая.

Храбрясь, он подходит к самому забору, поднимает заднюю лапу и ставит свою метку.

Дик, взбешённый таким нахальством, хрипит и исходит пеной.

– Оставь его, дурака, – ворчит добродушно Лай. – Лучше скажи, вот это что?

– Зайчишка попался, – облизывается Сенька.

Облизываются все, роняя на землю слюну.

– А это? – громко спрашивает чем-то встревоженный Боб.

– Волчица! – выдыхает Сенька, и все замирают, оцетинившись. Барселону начинает бить дрожь. И даже Дик перестает греметь цепью.

Такая или почти такая встреча длится с полчаса. Затем Сенька встаёт и ленивой трусцой направляется к дому. Остальные собаки нехотя разбредаются по своим собачьим делам.

После каждой нашей поездки такое обнюхивание повторяется. И, наверное, из-за этого, несмотря на свой малый рост, Сенька пользуется огромным уважением у окрестных собак. Что интересно, в дни нашего приезда я не видел ни одной собачьей ссоры. Они будут потом, завтра, а сегодня... Сегодня нельзя, сегодня Сенька приехал!

Последняя рыбалка

Приближалось время сенокоса. Погода держалась пасмурная. Поэтому нас очень донимали комары. Они тучами вылетали из высоких, уже созревших трав.

Комаров было так много, что даже Сенька в своей густой лохматой шубе не выдерживал их натиска. Они набивались в нос, глаза, уши, и он, спасаясь от их укусов, выкапывал в земле нору, залезал в неё и закрывал морду лапами. Комары облепляли Сеньку так густо, таким плотным слоем, что мой бедный друг становился из коричневого серым. Ночью мы спасались в палатке, а днём приходилось уплывать на лодке подальше от берега. На открытой воде комаров было меньше. Если бы не эта кровожадная братия, отдохнули бы мы хорошо. Рыба клевала отменно, ночи были тёплыми, днём не жарко. Отпуск мой заканчивался, вечером мы уезжали домой, но в полдень, когда сборы были в самом разгаре, к нам пожаловали гости.

Двое мальчишек, дочерна загорелых, босиком, с простенькими, вырезанными из тальника удилицами, подошли, глаза на машину, яркую палатку, на спиннинги с блестящими катушками... Подошли, робко поздоровались, опасливо косясь на Сеньку.

С мальчишками Сенька всегда знакомился быстро и относился к ним доброжелательно. На этот раз он слишком долго обнюхивал их, и я, боясь за гостей, прикрикнул:

– На место!

Он подчинился с неохотой и ушёл под машину обиженный. Но через минуту выскочил оттуда. Шерсть на загривке дыбом, горло подергивается в грозном рычании. Никогда я не видел его таким сердитым.

– Сенька! Ко мне! – крикнул я, он не послушался и бросился мимо нас по тропе.

– Это он на нашу собаку, – пояснил один из мальчишек.

И точно, из-за поворота вышла большая и лохматая, какого-то неопределённого цвета собака. Шла она медленно, еле переставляя лапы. Шерсть висела сосульками.

– Отчего она у вас такая? Уж не бешеная ли? – заволновался я.

– Не-а! Старая сильно. И не ест ничего.

И хотя объяснение было не очень вразумительное, я успокоился. Угостил мальчишек конфетами, оторвал им японской лески, показал новую польскую лодку, но краем глаза не переставал следить за Сенькой. Уж очень странно он повёл себя с нашими гостями. Не обидел бы... Но Сеньке было не до мальчишек. Он целиком занялся собакой. Он не давал ей приблизиться к нам, прыгал перед мордой, рычал, лаял. Собака тоже показывала зубы, и хотя была больше Сеньки, нападать боялась. Она несколько раз пыталась пробиться к своим хозяевам, и каждый раз получала такой яростный отпор, что наконец отступила и улеглась прямо на тропе. Сенька присел неподалёку и, поглядывая на непрошеную гостью, громко лаял:

– Гав-гав! Разлётся тут... Убирайся отсюда!

Мальчишки побыли с час и ушли. Сенька далеко проводил их, не переставая лаять. И даже когда вернулся и обнюхал то место, где лежала эта, так не понравившаяся ему собака, вновь встопорщил шерсть на загривке и зарычал.

– Хватит тебе, – успокаивал его я. – Ну, прогнал... Ну, хватит.

Вечером мы уехали домой. А через неделю Сенька вдруг стал вялым, отказался от еды, глаза у него воспалились и покраснели. В начале болезни мы пробовали лечить его домашним способом – насильно поили молоком, промывали глаза слабым раствором борной кислоты. Ничего не помогало. Сенька сильно похудел, рыжая, прекрасная шерсть потемнела и свалялась космами.

Мы, вызвали врача. Он только глянул на моего друга и выдохнул:

– Чумка! В народе её называют собачья смерть. Ничего нельзя сделать. Где-то он заразился...

И я вспомнил нашу последнюю рыбалку, мальчишек, собаку, на которую так лаял Сенька. Наверно, он чувствовал, что она больна, и старался не пустить её к нам, не зная, что люди этой болезнью не болеют. Оберегал нас, а сам вот не уберёгся.

Мы с Игорем повезли Сеньку в ветеринарную лечебницу. Он лизал нам руки, словно прощаясь, и язык у него был сухой, шершавый. Игорь плакал. Я сам не мог сдержать слёз. Врачи делали всё, но спасти Сеньку не удалось.

Так не стало Сеньки. Он был самым породистым из всех непородистых собак. Он был верным другом...

Рекомендуем почитать

Свинцов, В. Б. Олежкины каникулы : повести и рассказы / [худож. Р. Прохневский]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1978. – 80 с. : ил.– Содерж.: Начало испытаний ; Олежкины каникулы : повести ; Кони : рассказ.

Свинцов, В. Б. Мой друг Сенька : рассказы / [худож. В. Максименко]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1982. – 47 с. : ил.

Свинцов, В. Б. Несостоявшаяся охота : рассказы / [худож. В. Максименко]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1983. – 169 с. : ил.

Свинцов, В. Б. Лопоухий бес : рассказы и повести / [худож. А. Емельянов]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1986. – 178 с. : ил. – Из содерж.: Ушел человек на войну ; Лопоухий бес : повести.

Свинцов, В. Б. Временный вариант : повести и рассказы / [худож. А. Емельянов]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1988. – 328 с. : ил. – Из содерж.: Временный вариант ; Натюрморт с яблоками ; Волчьим следом ; Егерский дневник ; Димкино озеро : повести.

Свинцов, В. Б. Мама Вася : рассказы / [худож. А. Емельянов]. – Новосибирск : Дет. лит., 1990. – 40 с. : ил.

Свинцов, В. Б. Диана-охотница : рассказы. – Новосибирск : Дет. лит., 1991. – 63 с.

Свинцов, В. Б. Неполная обойма : повести, рассказы / [ху-

дож. А. Емельянов]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1991. – 320 с. : ил. – Из содерж.: Четыре дня ноября ; Хроника ; Когда протекают крыши ; Случай в раю ; Неполная обойма : повести.

Свинцов, В. Б. Звенья одной цепи : повести и рассказы / [ред. и авт. послесл. Е. В. Кобзева] ; Алт. краев. дет. б-ка им. Н.К. Крупской. – Барнаул , 1999 (Алт. полигр. комбинат). – 126 с. – Из содерж.: Обыкновенная история обыкновенной кошки : маленькая повесть ; Без родословной : повесть.

Свинцов, В. Б. Избранное. – Барнаул : Алт. полигр. комбинат, 2000.– 416 с.– (Библиотека «Писатели Алтая» ; т. 7). – Из содерж.: Временный вариант ; Четыре дня ноября ; Когда протекают крыши ; Счастливый билет ; Частное расследование ; Димкино озеро : повести.

Свинцов, В. Б. Привет из родных мест : повести и рассказы. – Новосибирск : Сиб. горница, 2003. – 300 с. – Из содерж.: Димкино озеро ; Егерский дневник : повести.

Свинцов, В. Б. Димкино озеро : рассказы и повести. – Барнаул : Алт. дом печати, 2005. – 287 с.– Из содерж.: Егерский дневник ; Умирает речка ; Частное расследование ; Димкино озеро : повести.

Свинцов, В. Б. Жизнь собачья и кошачья : повести и рассказы / [худож. А. Карпов]. – Барнаул : А.Р.Т., 2005. – 294 с. : ил. – Из содерж.: Без родословной ; Обыкновенная история обыкновенной кошки ; Мой друг Сенька ; Лопухий бес : повести.

Свинцов, В. Б. Ищу друга : рассказы и повести. – Барнаул : Алт. дом печати, 2007. – 368 с. – Из содерж.: Олежкины каникулы ; Шпора Д`Артаньяна ; Без родословной ; Ищу друга : повести.

Свинцов, В. Б. Клыч-клу-у : рассказы и сказки. – Барнаул : А.Р.Т., 2007. – 134 с. – (Городская библиотека). – Из содерж.: Опять обманула ; Сорока ; Нахальный лягушонок ; Сказка о погибшей яблоньке ; Как кошка с человеком подружилась ; Цветок шиповника ; Сказка про мальчика Мишку, пса Тишку и кота Мурлышку ; Из пункта «А» в пункт «В» : сказки.

Свинцов, В. Б. Мои собаки : рассказы. – Барнаул : Алт. дом печати, 2007. – 202 с. – (Городская библиотека).

Свинцов, В. Б. Мой друг Сенька : рассказы. – Барнаул : Алт. дом печати, 2008. – 76 с. : ил.

Свинцов, В. Б. Необыкновенный день : рассказы и повести. – Барнаул : [Азбука], 2008. – 184 с. : портр. – (Городская библиотека ; вып. 22). – Из содерж.: Милый Гриша ; Ищу друга : повести.

Свинцов, В. Б. Родные пенаты : рассказы и повести / [вступ. ст. Н. Т. Герцена ; послесл. С. Бузмакова]. – Барнаул : Алт. дом печати, 2008. – 399 с. : портр. – (Собрание сочинений В. Б. Свинцова ; т. 1). – Из содерж.: Три дня после дембеля ; Мужики, стреляйте в Шарика! ; Плотина (Откровения сельского жителя) ; Родные пенаты : повести.

Свинцов, В. Б. Бабушкина крынка : рассказы и повести / [предисл. В. Тихонова]. – Барнаул : Алт. дом печати, 2008. – 396 с. – (Собрание сочинений В. Б. Свинцова ; т. 2). – Из содерж.: Федин карьер ; Мы ещё повоюем ; Временный вариант ; Бабушкина крынка : повести.

Свинцов, В. Б. Рыбацкое счастье : рассказы и повести. / [вступ. ст. В. Песоцкого, М. Черепановой]. – Барнаул : Алт. дом печати, 2008. – 373 с. – (Собрание сочинений В. Б. Свинцова ; т. 3). – Из содерж.: Умирает речка ; Димкино озеро : повести.

Свинцов, В. Б. Последняя охота : рассказы и повести / [предисл. А. Власова]. – Барнаул : Алт. дом печати, 2008. – 308 с. – (Собрание сочинений В. Б. Свинцова ; т. 4). – Егерский дневник ; Лопухий бес ; Частное расследование : повести.

Свинцов, В. Б. Про них и про нас... : рассказы и повести / [предисл. Л. Зинянка]. – Барнаул : Алт. дом печати, 2008. – 406 с. – (Собрание сочинений В. Б. Свинцова ; т. 7). – Из содерж.: Без родословной, или Жизнь и злоключения бездомной Шавки... ; Мой друг Сенька ; Милый Гриша ; Ищу друга ; Олежкины каникулы : повести.

Сидоров
Виктор Степанович

(22.06.1927 – 12.05.1987)

Родился в г. Уссурийске Приморского края в семье рабочего-железнодорожника. В Барнауле с 1936 г. Трудовую деятельность начал в 1947 г. слесарем на Барнаульском меланжевом комбинате. Работал литературным сотрудником, ответственным секретарём, редактором многотиражных газет «Алтайский текстильщик» и «Строитель», в краевом комитете по телевидению и радиовещанию.

Писал стихи, фельетоны, рассказы, очерки, публикуя их в периодических изданиях и коллективных сборниках. Произведения адресованы главным образом детям.

Принимал активное участие в общественной жизни края, был депутатом городского Совета народных депутатов.

Лауреат премии Ленинского комсомола Алтая (1968), лауреат первой премии краевого конкурса на лучший рассказ для детей (1982).

Член Союза писателей России с 1977 г.

ФЕДЬКА СЫЧ ТЕРЯЕТ КЛИЧКУ

Повесть

ГЛАВА 1

Чрезвычайное происшествие. Новый Шерлок Холмс. Голубой велосипед. Банда Одноглазого.

Вани Тузова пропал велосипед.

Этот велосипед мать купила Ване в день рождения. Как только новенькая сверкающая машина появилась во дворе, ребята потеряли покой: всем хотелось покататься на ней. И Ваня больше стоял у подъезда, чем ездил. Такой уж у него характер – не мог отказать друзьям.

Ваня был влюблён в свою машину. Каждое утро он выводил её из подъезда, начинал мыть, чистить, смазывать. Ребята удивлялись: и как не надоест ему! Другие за всё лето тряпкой не дотронутся до своих велосипедов, а он ежедневно трёт его до солнечного блеска.

В это утро Ваня, как всегда, побежал за велосипедом в подвал дома, где находились кладовки. Однако через минуту он выскочил во двор, размазывая по щекам слёзы. Увидел в скверике ребят, бросился к ним.

– Ребята, кто-то мой велосипед украл!..

– Как украл? – поднялся со скамейки Андрюшка Шустов, серьёзный и вечно лохматый хлопец.

– Нет его в кладовке...

Ребята сначала не поверили, но когда спустились в подвал, убедились: велосипед пропал.

– Вот тебе и на-а! – Ещё сильнее взъерошил волосы Шустов. – А мамка-то дома?

– На рабо-о-те, – завывая, проговорил Ваня. – Только вечером придёт...

Все, кто прибежал на место происшествия: и Шустов, и Алька Жохов, и Тимка Корольков, и Котья Блинчиков – задумались: как быть?

Они хорошо знали историю покупки Ваниного велосипеда. Началось всё ещё прошлой осенью, когда дом только что был отстроен и заселён жильцами. К ребятам неожиданно подошёл маленький черноголовый мальчишка с большими, тоже чёрными глазами и без всяких предисловий заявил:

– А мне летом исполнится восемь лет и мама купит велосипед! Она уже отложила немного денег.

– Ну, а дальше что? – мрачно спросил Тимка Корольков, возмущённый таким бесцеремонным вмешательством в их деловой разговор.

– Дальше? – опешил мальчишка. – Я тогда всем вам дам покататься.

Тимка сразу подобрел.

– Тогда – хорошо. Не люблю скупердяев.

Мальчишка обрадовался и выложил, что зовут его Ваней, Ваней Тузовым. Что отец его, геолог, погиб в горах при обвале. Теперь они живут с мамой в шестой квартире, и у него есть сестрёнка Нюся, правда, совсем ещё маленькая, ходит в детский садик...

Мальчишка понравился ребятам.

Шустов хлопнул его по спине:

– Когда купишь велосипед – скажи. И если кто обидит – тоже скажи. Мы ему дадим! А теперь беги играть.

С этого времени ребята стали интересоваться, как идут дела у Вани, сколько у него уже денег. Все понимали, что сразу купить велосипед трудно: ведь Ванина мама, Мария Семёновна, одна работала на троих.

Наконец однажды мама сказала Ване:

– Ну, сынок, идём покупать велосипед.

Ваня мигом слетал во двор и сообщил радостную новость. И когда Мария Семёновна, Ваня и Нюся отправились в магазин, за ними двинулось человек двенадцать во главе с Андрюшкой Шустовым.

В магазине сразу стало тесно. «Покупатели» кольцом окружили продавца, который пытался, как им казалось, подсунуть Ване самый плохой велосипед.

– Этот не бери! – кричали они.

– И чёрный не бери, – перебивали другие.

– Голубой проси!

– Товарищ продавец, покажите голубой.

– Или вон тот, коричневый!

Продавец, маленький очкастый старичок, заткнул уши пальцами и хотел было прорваться сквозь кольцо ребят, но это ему не удалось. Он беспомощно опустил руки, сморщился, словно у него заболели сразу все зубы.

Ребята облепили голубой велосипед с коричневыми шинами, который понравился всем.

– Мы этот берём, – сказала Мария Семёновна.

Ваня осторожно взялся за руль, выкатил велосипед на улицу. Он как улыбнулся в магазине, так и шёл с этой улыбкой до самого дома. Он устал, вспотел, но никому не разрешал помочь ему. А когда Нюся потрогала седло, Ваня испуганно зашипел:

– Нюся, не трогай, а то сломаешь что-нибудь.

Ребята засмеялись: что это за велосипед, если Нюся такими маленькими пальчиками может сломать его!

И вот велосипед пропал. Что же делать? Как помочь Ване?

В подвал влетел Яшка Коржнев, Андрюшкин одноклассник.

– Что случилось, граждане? – торопливо произнёс он,

с любопытством просунув в кладовку длинноносую голову. – А что, в самом деле у Ваньки велосипед стибрили?

Тимка кивнул головой.

– Да ну?! – изумился Яшка. – Вот здорово!

Андрюшку словно иголкой ткнули.

– Чего же тут «здорово», балбес?

– Я это сказал в смысле того, что... – Яшка пошевелил пальцами около своего носа. – Понимаете? А вообще, очень и очень жалко.

Но по тому, как вел себя Яшка, было видно, что ему совсем не жаль ни велосипеда, ни Вани.

Сначала он глубокомысленно помолчал, шевеля губами, потом стал на цыпочках обходить полутёмную кладовку. Он останавливался в каждом углу, водил носом по сторонам, к чему-то принюхивался. Затем прищурил глаза и долго глядел в потолок, будто видел там что-то особенное.

Ваня продолжал плакать, ребята с интересом, а Андрюшка сердито следили за Яшкой, а тот всё ходил и ходил по кладовке.

Кто и откуда мог знать, что Яшка в эти дни до одури зачитывался приключениями знаменитого Шерлока Холмса и сам захотел стать таким.

И теперь Коржнев вовсю строил из себя сыщика.

Наконец Яшка остановился у двери, пристально осмотрел замок.

– Сломан ломиком. В три часа ночи.

Яшка ждал, что ребята заинтересуются такой осведомлённостью и, конечно, спросят, как это он узнал. Но все продолжали молчать, лишь Ваня, глотая слёзы, твердил, тыча рукой:

– Вот здесь он стоял... Вот тут, в этом углу...

Яшке даже обидно стало, что никто не клюнул на его удочку. Он уже привык к тому, что большинство мальчишек слушают его, подчиняются и считают атаманом. Вот почему, проглотив обиду от первой осечки, он загадочно улыбнулся и почти равнодушно сказал:

– А я знаю, кто украл велосипед.

– Кто?! – почти хором спросили мальчишки.

Увидев, что у ребят глаза загорелись от любопытства, Яшка поломался слегка, покуражился и важно сказал:

– Только чтоб никому ни звука! Появилась банда. Главарь Одноглазый. У каждого по пистолету и ножу...

– Да брось болтать, Яшка, – хмуро проговорил Андрюшка.
– Охота же тебе! У парня беда, а ты...

– Не веришь? – загорячился Яшка. – Так я скажу... – Он дважды осторожно оглянулся и зашептал: – Получено сообщение из достоверных источников.

– Из источников? – удивлённо поднял брови Котька Блинчиков, юркий, постоянно шмыгающий носом мальчишка.

– Ну да, из источников.

– Из воды, что ли?

– Дубина! Источник – это... Словом, один знакомый оперативный уполномоченный милиции мне по секрету сказал... Сейчас вся милиция поднялась ловить банду Одноглазого...

Андрюшка слушал, слушал и махнул рукой.

– Айда, ребята. Теперь этого звонаря не остановишь.

И Андрюшка, Тимка и всхлипывающий Ваня ушли.

А Яшка плёл и плёл всякую всячину, пока Алька и Котька не поверили в его выдумку. Тогда Яшка предложил:

– Давайте поможем ловить бандитов.

– Мы? Как это мы поможем? – пролепетал Котька и даже струсил немного.

– У меня есть план! Для нас безопасный.

– А где ловить-то будем?

– В подвале, где же ещё!

Тут уж удивился Алька:

– Да что они, твои бандиты, совсем безмозглые, что ли? Зачем они снова в подвал полезут?

– Эх ты, криминалист, – презрительно сплюнул Яшка. – Запомни, тот, кто украл, например, вчера, сегодня обязательно придёт на это место, чтобы убедиться, не оставил ли он следов. Это же каждому младенцу известно.

После этих слов и Алька, и Котька совсем приуныли.

– Неужели приходят?

– А как вы думали?

Яшка был доволен, что нагнал на ребят страху.

– Вы прямо скажите: будете участвовать в операции?

Алька долго морщил лоб и, наконец, выдохнул:

– Буду. Только боязно что-то... – На него почему-то слово «операция» произвело особенно удручающее впечатление.

– Я тоже буду, – бодро произнёс Котька. – Чего там бояться! Я вообще ничего не боюсь.

Сказал, а у самого губы побелели. Яшка глянул на Котьку, усмехнулся.

– Ты – молодец! Главное не трусить. Со мной никогда не пропадёте. – Потом потёр от удовольствия руки, обратился к Альке: – Ну что, идём, Ватсон?

– Какой ещё Ватсон?

– Ватсон – это друг Шерлока Холмса. Словом, не будем, коллеги, терять времени, идём на пустырь.

ГЛАВА 2

Вороловы. Привычка Альки Жохова. Кто первый лезет в подвал? Луч света в темноте. Таинственная троица. «Спасите!»

Двор, где развёртывались события, находился между тремя четырёхэтажными домами, которые расположились наподобие буквы «П». Двор был обширный и красивый. В центре его раскинулась детская площадка с павильончиками, катушками, каруселью и песочницами. Целыми днями там копошились, смеялись и плакали малыши.

Вокруг площадки зеленели густые кленовые скверы. Деревья подступали почти к тротуарам, и казалось, что это не двор, а настоящий сад.

И только одно портило вид двора: обшарпанная, неуклюжая постройка, которая вклинивалась одним боком в сквер. Раньше, когда строились дома, здесь была контора и обогревалка для рабочих. А теперь помещение пустовало.

За этой постройкой, или, как её называли ребята, «скворечником», сразу же начинался пустырь, заросший высокой полынью и лебедой. Он весь изрезан большими и малыми оврагами, и потому там никогда никто не селился. За пустырём начинался старый город с маленькими бревенчатыми домишками, с громадными огородами, высокими заборами и злыми собаками.

Слева от пустыря целыми днями гудят машины, работают башенные краны. Там строится новый квартал больших домов. А справа, за самым дальним оврагом, торчит, как сирота, старинная полуразвалившаяся церквушка.

Новый город с большими многоэтажными домами, асфальтированными дорогами и тротуарами, с зелёными бульварами всё больше наступает на старый город. Шёл разговор, что овраги хотят засыпать, а на пустыре разбить новый городской сад. Сначала этому никто не верил, но когда весной было завалено два оврага – никаких сомнений не осталось. Пустырь ещё недавно служил мусорной свалкой. Поэтому здесь, если хорошенько порыться, можно найти много интересных и полезных вещей. Вот почему Яшка повёл своих друзей сюда. Слух о том, что Коржнев затеял какую-то «операцию», заинтересовал весь двор, и скоро на пустыре собралось много ребят.

Яшка, гордый от сознания, что на него смотрят, пыжился и покрикивал на своих помощников, которые терпеливо распутывали ржавую проволоку, подвязывали к ней верёвочками консервные банки, железки, горлышки от бутылок. Стоило только тронуть эту «гирлянду», как раздавался невообразимый шум.

Яшка объяснял, как он собирается изловить бандитов с Одноглазым главарём.

– Подвешу эту штуку в подвале, а сам буду сидеть в засаде...

– Прямо в подвале? – испуганно спросил кто-то.

– Нет, в сквере, против разбитого окна, там, где скамеечка стоит.

– Ну, тогда другое дело... А дальше что?

– А дальше, – захлебываясь, хвастал Яшка, – а дальше

идёт всё, как по маслу... Когда бандиты войдут, они чёрта с два увидят проволоку в темноте. Хоть один, да запнётся. А запнётся, сразу грохот. Я стрелой к постовому милиционеру: здрасте, товарищ, идите и заберите бандитов.

– А мешок-то взял? – спросил Андрюшка.

– Какой мешок? Зачем? – насторожился Яшка.

– Воров складывать.

Ребята засмеялись, а у Яшки от обиды даже уши покраснели.

– А тебе здесь чего надо? Ишь какой остряк-самоучка выискался. Смеёшься, а сам, наверное, и днём в подвал зайти боишься.

«Ну погодите, вороловы, – подумал Андрюшка. – Я сегодня вам кое-что устрою».

Зажглись первые огни в окнах домов. Подготовка к «операции» была, наконец, закончена. Теперь оставалось перенести связку погремущек в подвал и натянуть её в проходе. Однако прежде нужно было узнать: заперт подвал или нет. Если он не на замке, то подвешивать проволоку рискованно: вдруг кто-нибудь из жильцов упадёт, споткнувшись о неё. Тогда беды не оберёшься.

Яшка послал на разведку Альку. Тот вскоре вернулся.

– Всё в порядке. Тётка Мыльничиха только сейчас заперла дверь. Хорошо заперла – я проверил. И свет в подвале выключил.

Яшка и его верные друзья двинулись к дому, торжественно неся грохочущую связку погремущек.

Забраться в подвал через небольшое разбитое окно, выходящее в густой и тенистый сквер, не составляло труда. Яшка и Алька почти бесшумно спрыгнули в подвал, а минут через десять уже вылезли обратно.

– Теперь все в засаду, – сказал Яшка, стряхивая с коленок пыль.

Ребята быстро попрыгали через оградку, расселись в кустах и затихли.

Где-то на главном проспекте громыхали трамваи, гудели

автомшины, а во дворе стояла тишина. Просто удивительно: сколько раз приходилось играть до поздней ночи – и никакого страха не было, даже темноты не замечали. А теперь, когда устроили засаду, стало немного жутковато. И ночь кажется темней и двор каким-то чужим.

– Ух, тихо как, аж противно... – прошептал Алька.

– То-то и оно, – зябко передёрнул плечами Котька. – Ты уж лучше помолчи...

Прошло, наверное, часа два. Оживление давно пропало. Ребята сидели, тревожно поглядывая по сторонам, прислушиваясь к непонятным звукам и шорохам, которые рождались во всех концах сквера.

– Никаких бандитов нет, – произнёс кто-то сдавленным шёпотом. – Ты, Яшка, всё выдумал.

– Есть. Надо ещё подождать.

– Чепуха. Я пошёл домой, а то влетит от мамки.

– И я тоже, – вдруг сказал Котька. – Замёрз что-то. – И нарочно стал стучать зубами.

Они ушли. За ними виновато потянулись другие. Яшка сначала уговаривал ребят подождать ещё хоть час, но никакие уговоры на них не подействовали.

Один лишь Алька не решался покинуть друга.

– Ну и трусы! – хорохорился он. – Зря только связались с ними. Ведь верно – зря?

Яшка молчал. Он уже и сам не рад был своей засаде: устал, продрог, ужасно захотел есть. Эх, очутиться бы сейчас в постели, читать о потрясающих приключениях сыщика Холмса и жевать пирожки с мясом, которые сегодня напекла домработница тётя Глаша. Но из гордости Яшка не мог бросить свой пост. Алька, не дождавшись ответа, принялся за своё любимое дело: стучать себя по голове костяшкой согнутого пальца.

Откуда взялась у Альки эта глупая привычка – никто не знал. Как только у него появится свободная минута и руки окажутся без дела, он немедленно открывает рот, вытягивает губы трубкой и пальцем начинает стучать по самой макушке. И тогда

из Алькиного рта вылетают глухие звуки, словно из бочки: бум, бум, бум. Постучит несколько раз, прислушается, а потом примется делать губами трубку то уже, то шире. И льются тогда изо рта звуки: пим, пэм, пам, бам, бом, бум. Будто у Альки не голова, а ксилофон.

– Ну, опять начал, – зашипел Яшка. – Перестань, а то как тресну по твоей башке, не такой звон пойдёт.

Алька послушно спрятал руки в карманы и притих.

А в это время из-за кустов выглянул Андрюшка. План мести у него был простой: выскочить в удобный момент и страшным голосом крикнуть:

– Руки вверх! Я – Одноглазый!

Андрюшка уже готовился ринуться из кустов, как вдруг раздался Яшкин голос:

– Пожалуй, на сегодня хватит. Завтра продолжим... Идём, Алька, домой.

– Правильно! – подхватил Алька. – Сегодня бандиты уже не придут. Только зря торчать здесь будем.

– Ну идём, нечего болтать.

– А проволоку? – беспокойно спросил Алька. – Её надо снять, а то утром кто-нибудь споткнётся – нам влетит. Ведь многие знают, что это мы её натянули.

Яшка, немного подумав, с неудовольствием произнёс:

– Это верно. Давай-ка, Алька, спустись в подвал.

– Я?! – воскликнул друг Шерлока Холмса. – Я не найду проволоку... Честное слово, забыл, в каком проходе натянули.

– Не ври, что забыл, просто боишься.

– И совсем не боюсь! – запетушился Алька. – Знаешь, у меня в последнее время память какая-то плохая стала...

Яшка, махнул рукой:

– Ладно уж, полезем вместе.

Алька сразу повеселел:

– Вместе, конечно, лучше.

Они перепрыгнули через оградку и нерешительно остановились у тёмного подвального окна. Было ясно, что оба «сыщи-

ка» трусили. Наконец Яшка согнулся, зажмурил глаза и прыгнул вниз, будто в пропасть. За ним осторожно и медленно полез Алька.

«Ещё лучше получается – обрадовался Андрюшка. – Эх и покажу вам сейчас Одноглазого!» Он быстро добежал до другого разбитого окна, ловко спрыгнул в подвал и сразу будто ослеп и оглох: такая здесь была тишина и темень. Он ошупью стал пробираться к главному проходу, где висела Яшкина проволока. Он знал, что там светлее: было больше окон, и они с улицы освещались фонарями. Впереди показался серый просвет – это и был главный проход. Но только Андрюшка хотел выйти посмотреть, где ребята, как в другой стороне подвала внезапно хлопнула дверь и по стенам беспокойно заметался снопик света.

«Кто это?» – ёкнуло сердце. Андрюшка плотно прилип к стене и застыл, напрягая слух. «Кто-то» глухо топал уже где-то совсем близко: топ-туп, топ-туп, топ-туп... И хотя Андрюшка был не из робкого десятка, однако здорово испугался. «Может, в самом деле Яшкины бандиты, – мелькнула мысль. – А где же он сам с Алькой?» Хотел бежать к ним, но коленки противно задрожали.

А шаги все ближе, ближе... Потом, как в страшной сказке, из бокового прохода появилась огромная тень человека, а за ней выползли ещё две, поменьше. Они медленно двинулись по главному проходу влево от Андрюшки, туда, где должны были находиться Яшка с Алькой. И только Андрюшка сообразил это, в подвале раздался дикий визг и крик: «Спасите!» Кричали ребята.

Фонарик сразу погас. И почти в то же мгновение поднялся звон и грохот: загремела Яшкина проволока. «Надо удирать!» – пронеслась мысль. Но не успел Андрюшка переступить с ноги на ногу, как ещё плотней прижался к стене: шаги торопливо возвращались.

– Погодите, – почти рядом раздался вдруг хриплый голос. – Коленку ушиб... Сволочи.

Шаги прекратились. Несколько секунд раздавалось только кряхтенье и сдерживаемые стоны, потом послышался нетерпеливый шёпот:

– Айда быстрее, а то ещё прибегут сюда... – Потом громче, со злом: – Говорил, зря придём, так этот Жмырь: «Лафа будет!» Вот тебе и лафа! Дал бы по носу!

– Заткнись ты, давала, – произнёс хриплый. – А то сам получишь. Надо было умней делать. Идём!

ГЛАВА 3

Отражение в зеркале. «Было дело, коллега!..» Самая прямая дорога – через забор. В мастерской Юрки Бабукина. «Руки вверх!» Современный Плюшкин.

Яшку всю ночь мучали кошмары. Как только заснул, сразу и пошло: то свирепый с козлиной бородой разбойник гонялся за ним с огромной дубиной, то одноглазый бандит целился в него из пистолета и дико скалил зубы. Яшка со всех ног бросался от них наутёк, но, к ужасу, убежать не мог. Он ворочался, стонал, а один раз, когда козлобородый нагнал его и уже примеривался хватить дубинкой по голове, Яшка заорал и слетел с кровати.

Утром Яшка поднялся усталый и разбитый. Болела голова, и почему-то сильно ныл левый глаз. Яшка заглянул в зеркало и обомлел: на него смотрело диковатое лицо с большим синяком под глазом. В центре синяк был чёрным, потом шёл фиолетовый круг, а за ним зелёный и жёлтый. Нос сильно распух и торчал, как огрызок морковки. Такой рожи, пожалуй, мог испугаться и козлобородый.

В этот момент в комнату проскользнул Алька, взглянул на Яшку и даже поздороваться забыл.

– Ого! Неужели вчера?

– А когда же, – сморщился Яшка. – Болит сильно, чёрт...

– Я плечо ушиб... Яшк, кто же ходил в подвале?

Яшка открыл было рот, но в комнату вошла мать. Она увидела Яшкину рожу и ахнула.

– Яшустик, как это случилось?

– Упал, – хмуро сообщил Яшка.

– А может, ты не упал? Может, тебя какой-нибудь хулиган ударил?

Мать присела на стул, схватила Яшку за руки, поставила между колен. Она смотрела на Яшкин глаз и так сильно стонала, будто синяк нацепили не ему, а ей.

– Я упал...

Тогда она обратилась к Альке.

– Алик, скажи, милый, кто побил Яшустика? Скажи, ты ведь хороший мальчик. Я тебе за это что-то вкусное дам.

У неё было такое испуганное лицо и так печально она спрашивала, что Алька даже хихикнул: «Как с маленьким разговаривает».

– Я не знаю, тётя Лена. Да вы не переживайте. Это быстро пройдёт – синяк-то!

Прибежал отец. Он был врачом, поэтому стал делать Яшке какие-то примочки на глаз.

А тётя Лена всё охала.

– Ой, Янечка, больно глазик? Сильно? Аркаша, посмотри внимательно, вдруг глазик повреждён. Ты, Яшустик, хорошо им видишь?

Яшка страдал. Ему было невыносимо стыдно родительских нежностей, тем более, что в комнате торчал доктор Ватсон. «Всем разболтает, – думал он, угрюмо поглядывая то на мать с отцом, то на Альку. – Ещё дразниться будут...»

– Ой, несчастье какое! И всё у нас. Не жизнь, а горе, – говорила тётя Лена.

У Яшки лопнуло терпение, и он закричал:

– Ну что вы стонете и ахаете, словно я смертельно раненный! Синяк и синяк!

Наконец родители оставили Яшку в покое. Как только они вышли, Яшка взглянул на Альку.

– Ты смотри, про вчерашнее, да и вообще – ни гу-гу! Узнаю, что болтаешь – по морде надаю.

– Будь спокоен, Яшка, не разболтаю... Только интересно, кто же всё-таки был в подвале?

– Кто-кто!.. Бандиты, вот кто!

– Так почему ты за милиционером не сбежал, как говорил?

– А ты почему не сбежал? – рассердился Яшка. – Как заяц паршивый, завизжал и умчался домой...

– Это ты завизжал, а не я!

– Нет ты! «Спаси-и-те!» Как дурак.

Ребята заспорили и чуть не подрались. Яшка первый опомнился.

– В общем, ладно, – миролюбиво заговорил он, решив, что сейчас не стоит обижать Альку. – Идём во двор, но смотри – молчок!

Ребята, как увидели Яшку, сразу обступили его и, изумлённые, стали рассматривать радугу под глазом, кто-то спросил, где это он получил такую знатную гулю. Яшка многозначительно подмигнул и сказал:

– Было дело, коллега. Вчера. В подвале...

Больше Яшка ничего не говорил. Алька тоже молчал и как-то уж особенно загадочно всем подмигивал. Ребята понимали, что у Яшки с Алькой есть какая-то тайна. Но какая?

Котька Блинчиков прямо из кожи лез, чтобы загладить вчерашнюю вину. Он лебезил, заглядывал Яшке в лицо, но тот презрительно отворачивался от Котьки. Тогда Блинчиков стал усиленно предлагать Яшке то тыквенных семечек, то леденцов.

– Яша, мне-то скажешь? А?

Но Яшка и Алька молчали, словно каменные. Так никто и не проник в их тайну.

Андрюшка, конечно, знал, что скрывают злополучные «сыщики», но открывать секрет пока тоже не собирался: для этого у него были свои причины.

Утром он забежал проведать Ваню Тузова. Мальчишка совсем раскис. Сидит дома и плачет. Мария Семёновна не знает, как и успокоить его. Пообещала даже купить новый велосипед. Ваня, может быть, и поверил этому, но только не Андрюшка. Он-то отлично понимал, что купить новую машину не так про-

сто: на днях он случайно слышал, как Мария Семёновна говорила соседке, что у Нюси на зиму нет шубки, у Вани – валенок. Так что Ваня не скоро получит велосипед.

Посмотрел Андрюшка на Ваню, и так стало жаль мальчишку, что не удержался, сказал:

– Не горюй, Ваня. Я тебе добуду велосипед. Только ты не плачь.

Ваня сразу повеселел, вытер слёзы.

– Правда, Андрюша?

– Конечно. Охота мне болтать.

И в самом деле, у Андрюшки был план что надо! Он решил достать какой-нибудь старый велосипед, отремонтировать его и подарить Ване. Андрюшка даже знал, у кого есть подходящий велосипед – у его одноклассника Юрки Бабукина. Только одна беда – Юрка не очень щедрый, задаром не отдаст.

Юрка жил на Овражной, первой улице, что проходит за пустырьём. Этой улицей начинается старый город. Попасть к Бабукину можно двумя путями, но оба они ведут в обход пустыря. Андрюшка же нашёл третью дорогу, самую короткую. Нужно пройти через пустырь к церквушке, затем влево по тропинке, которая въётся между оврагами, и, наконец, свернуть с тропинки, пробраться сквозь заросли лебеды и – вот они огороды. У Юркиного огорода забор невысокий – перелезть через него не составляет большого труда.

Юрка – странный человек: вечно чем-то озабочен и почти всё время молчит. А если заговорит, то отдельными словами, а фразу от него редко услышишь. В школе, когда Юрку вызывают к доске, учительнице приходится почти вытягивать каждое слово, будто они все позастревали у него в горле. Юрка мало водится с ребятами, презрительно относится ко всем играм. Его даже футбол не увлекает. Всё лето он проводит в дровянике, который гордо называет: «Моя мастерская». Здесь у него хранятся всевозможные инструменты и материалы, их очень много. На полочках и в ящичках лежат сотни винтиков и болтиков, штепсели, розетки, выключатели, патроны. На вбитых

в стены гвоздях висят целые мотки различных проводов. Но это ещё не всё. У Юрки можно найти такие вещи, что позавидуешь: и часы-ходики, и радиоприёмники, и патефон, и даже телевизор КВН. Все эти вещи, конечно, давно вышли из строя, их повыбрасывали, а Юрка снёс к себе.

Юркин отец сколотил небольшой прочный верстак, прикрепил к нему настоящие слесарные тиски, и с тех пор Юрка словно прирос к дровянику. Он и спит на чердаке, на который ведёт шаткая лестница. Зимой «мастерская» переносится в утеплённую кладовку в сенях, и там Юрка проводит всё свободное время: паяет, стучит молотком, что-то обтачивает напильником. Юрка влюблён в радиотехнику и считает, что это самое интересное дело. Вот почему его ничто другое не увлекает и не трогает.

Когда Андрюшка вошёл в дровяник, Юрка припаивал к репродуктору провод. Он мельком взглянул на Андрюшку, и его лицо не выразило радости.

– погоди, кончаю.

Андрюшка потоптался, не зная, что делать, потом увидел единственную табуретку, хотел присесть.

– Не садись! – грозно закричал Юрка.

Андрюшка испуганно отскочил.

– Что такое?

– Ничего.

Наконец проводок был припаян. Юрка поставил репродуктор на верстак, а сам торопливо вышел во двор. Через минуту он возвратился и хмуρο буркнул:

– Садись.

– Куда?

– На табуретку.

– Так ты же не разрешил?

– Пошутил.

Андрюшка пожал плечами, сел. И в это же мгновение из репродуктора кто-то рявкнул:

– Руки вверх!

Это было так неожиданно и властно, что Андрюшка не успел ничего сообразить и быстро поднял руки.

Юрка захохотал. Такого эффекта от своей выдумки он не ожидал.

– Здорово! Я сам чуть не испугался.

Андрюшка понял, что его провели, хотел обидеться, но, взглянув на Юрку, тоже засмеялся.

– Ну и штука! Как ты сделал?

Юрка без лишних слов снял сиденье с табуретки. Андрюшка увидел четыре пружины по углам и блестящие медные полоски, к которым присоединены провода.

– Контакты. Сядишься – пружины сжимаются, контакты замыкают электроцепь. А вот тут... – Юрка залез по лестнице на чердак и позвал Андрюшку, – а вот тут магнитофон.

– Магнитофон?! – восхитился Андрюшка.

– Ну конечно. Когда контакты на табуретке замыкаются, вот здесь, – Юрка показал на небольшой ящичек, соединённый проводами с магнитофоном, – срабатывает реле, включает магнитофон и в репродукторе раздаётся всё, что запишешь на плёнку.

– Интересно, – пробормотал Андрюшка. – Купил? Магнитофон-то.

– Вот ещё! Капиталиста нашёл! Брат Николай отдал испорченный. Почти месяц бился, исправлял. Книг перечитал – кучу. До сих пор в глазах буквы прыгают. – И вдруг весело: – Ну так что? Здорово получилось: «Руки вверх!»? Это я отцов голос записал. Он на войне научился, когда фашистов бил.

Но тут Андрюшка увидел в дальнем углу дровяника то, ради чего пришёл, – велосипед. Он живо спрыгнул с лестницы.

– У тебя и велосипед есть!..

– Барахло. Я его в позапрошлом году у одного пацана на карманный фонарик выменял.

– На фонарик? – удивился Андрюшка. – Велосипед на фонарик? Твой приятель, наверное, дурак.

– Как не так! Просто велосипед дрянь. Там половины деталей нет.

– Тогда другое дело. Отчего же не отремонтируешь?

– Зачем?

– Кататься будешь.

Юрка презрительно сплюнул:

– Думаешь, мне делать больше нечего?

– Зачем же менял?

– Мало ли что! Авось пригодится.

Этот ответ понравился Андрюшке. Он почти равнодушно произнёс:

– Знаешь что, Юрка? Отдай-ка велосипед мне. Зачем он будет тут ржаветь?

Юрка сразу же взъерошился.

– Как это – отдай?

– Ну, подари.

– Нет уж, дудки. Мне он ещё понадобится. Я коляску, управляемую по радио, сконструирую...

– Брось болтать, Юрка. Никакой коляски ты не будешь делать, а просто жалко тебе эту рухлядь.

Сколько Андрюшка ни уговаривал Юрку, ни просил, тот упёрся, как бык, и твердил одно и то же:

– Не дам, пригодится.

Андрюшка, наконец, разозлился, обозвал Юрку скрягой, заявил, что такого товарища, как он, нужно просто-напросто уничтожить, и ушёл, не оглянувшись.

«Ах ты жадоба, – зло думал Андрюшка. – Ах ты Плюшкин».

Но первая неудача не повергла Андрюшку в уныние. Он знал, что у Юрки не так-то просто выудить что-нибудь. Выбрав в скверике укромное местечко, Андрюшка улёгся, чтобы не спеша обдумать, как заполучить велосипед.

ГЛАВА 4

Драчливые близнецы. «Сыщики-разбойники». Что было видно из лебеды. Два удара по шее. Андрюшка нападает на след.

Но думать пришлось недолго. В сквер, словно метеор,

влетела Светка Королькова, а за ней её брат Тимка. Светка остановилась, приняла грозную позу и стала поджидать брата. Тот, увидев это, сбавил ход и издали заорал.

– Ага, сама остановилась! Сейчас получишь!

Но Светка лишь презрительно скривила губы да передёрнула плечиками. Убегать она и не подумала.

Тимка и Светка – близнецы. Они очень похожи друг на друга: у обоих большие зелёные глаза, курносые носы и рыжие волосы. Только у Светки косички торчат, как рога у козы, а у Тимки впереди вихор. И характеры у них, пожалуй, одинаковые: оба вспыльчивые, крикливые и драчливые. Они вечно украшены синяками да царапинами. Но, в общем, ребята славные, смелые и весёлые. Особенно Тимка. Он никого и ничего не боится, разве только Светкиных когтей.

Тимка приближался нерешительно, будто под ногами у него не земля, а тонкий лёд. Шагах в пяти остановился.

– Ну что, попалась?

Светка усмехнулась.

– Ой боюсь! – А потом закричала: – Ага, не нравится, когда тебе правду говорят? Не нравится? Тогда ты дважды трус!

– Это я-то?! – угрожающе произнёс Тимка и сделал шаг к Светке. – Я – трус? Да? А вот я тебе сейчас по глазу двину.

– Попробуй, попробуй, – закричала Светка и пошла на Тимку.

Она наклонила голову, косички у неё сильнее стали напоминать рога. Казалось, что вот-вот бросится бодаться. Если бы не Андрюшка, между Тимкой и Светкой обязательно произошла бы очередная потасовка.

– Эй-эй! – крикнул Андрюшка. – Перестаньте дурака валять.

Тимка и Светка оглянулись, увидели Андрюшку и поспешили к нему. Светка кивнула головой в сторону брата:

– Это он всё. Испугался двух каких-то хулиганов. – И уже к Тимке. – Эх ты, воробей!

– Это я-то? – подпрыгнул Тимка, как ужаленный. – Ты у меня дождёшься!

– Чего ты мне всё угрожаешь? Надо было тем мальчишкам угрожать, а не мне. Балда.

– Это я-то? – взвизгнул Тимка.

– А кто же ещё?

Андрюшке надоело слушать эти крики. Он махнул рукой:

– Чёрт с вами – деритесь. Посмотрим, кто – кого.

Светка сразу оставила Тимку.

– То есть, как это – деритесь?!

– Обыкновенно, – усмехнулся Андрюшка, – кулаками.

Светка совсем разозлилась, стала так кричать на Андрюшку, так махать руками перед его лицом, что тот отпрянул.

– Ты что кричишь? Лучше расскажи, в чём дело.

– Пусть он, – презрительно кивнула Светка на Тимку.

Тимка поскрёб пальцем затылок и нехотя рассказал.

Дело было вот в чём. Ребята затеяли игру в «сыщики-разбойники». Тимка и ещё пять ребят оказались «разбойниками». Они помчались к пустырю. Все разбежались по оврагам, а Тимка нырнул в заросли лебеды. Место оказалось очень удобным: Тимку заметить трудно, а ему всё видно. Недалеко от него, на полянке, играли малыши, справа две женщины развешивали бельё. Несколько минут Тимка сидел настороженно, ожидая, что вот-вот откуда-нибудь с гиком вырвутся «сыщики». Но их всё не было. Настороженность сменилась нетерпением. Куда же они, черти, пропали? Почему не ищут?

Тимка привстал над лебедой, чтобы оглядеться. И сразу увидел четырёх ребят: Яшку, Котьку, Генку Зубова, по прозвищу «Заяц», и ещё какого-то незнакомого мальчишку. Яшка и Котька в игре не участвовали, Генка жил в старом городе, поэтому их нечего было опасаться, но Тимка из лебеды не вылез, боясь, что в любой момент могут нагрянуть «сыщики» и сцапать его.

Ребята остановились почти рядом с Тимкой.

– Ну дай, Гена, стрельнуть, – просительно произнёс Яшка.

Только сейчас Тимка заметил в руках Зайца красивое пневматическое ружьё.

– Ишь чего захотел, – оскалил Заяц крысиные зубы. – А в зад дробинку не хочешь? – И захохотал.

Засмеялись и Яшка с Котькой. Смех мелкий, униженный.

– Дай, а? Ну хоть разок?

Заяц важничал, насмеялся над Яшкой, а тот будто и не замечал этого. А Заяц тем временем зарядил ружьё и стал целиться то в одну, то в другую сторону. Яшка жадными глазами следил за ним и лепетал:

– Ты, Гена, просто так не стреляй, целься во что-нибудь. Ты только целься... Не порть дробинку...

– Брось скулить, – грубо оборвал его Заяц и выстрелил в воздух.

Яшка даже сморщился от огорчения. Заяц снова зарядил. Яшка ещё униженнее стал просить выстрелить.

– Дай ему, – сказал незнакомый мальчишка. – Пусть пальнёт. Надоел.

Заяц взглянул на Яшку.

– Хочешь?

– Хочу...

– Сильно?

– Сильно... – Над Яшкой явно издевались. – Ну бери.

Яшка протянул руку, но Заяц быстро отвёл ружьё.

– Э, нет! Ты не торопись. Сначала знаешь, что сделай?

– Что?

Заяц заглядывался по сторонам, пытаясь придумать что-нибудь поинтересней. Увидел мокрое бельё, обрадовался.

– Знаешь что? Перережь верёвку с бельём.

– Зачем? – глотнул слюну Яшка.

– Просто так. Перережешь – пять выстрелов дам.

Яшка с минуту размышлял, потом сказал:

– А чем я верёвку перережу?

Заяц обернулся к незнакомому мальчишке.

– Жмырь, дай ему ножик.

Яшка взял нож и, больше не раздумывая, кинулся к ближайшему столбу, за который была привязана верёвка, чиркнул по ней,

и всё мокрое бельё с шуршанием упало в пыль. Яшка, как трусливый пёс, помчался назад. Заяц и Жмырь стояли, улыбаясь.

– Спустимся в овраг, – выдавил Яшка, – поймают.

Но Заяц и не думал лезть в овраг.

– Идём, Жмырь, домой.

– Как домой? – заорал Яшка. – А пострелять?

– Завтра утром.

Яшка кинулся к Зайцу.

– Обманщик!

– Ну-ну! – угрожающе произнёс Заяц. – Осторожней на поворотах.

А Жмырь добавил спокойно и рассудительно:

– Валяй отсюда, а то съезжу в нюхало. Больно будет.

И они пошли хохоча. А Яшка с Котьюкой стояли, глядя им вслед, и молчали. Потом Яшка оглянулся, увидел валяющееся в пыли бельё, сказал: «Бежим!»

– А когда Яшка сказал: «Бежим», – закончил Тимка, – я вылез из лебеды, подошёл к Яшке и дал ему два раза по шее, чтоб в другой раз не обрезал верёвок с бельём. Встретил её во дворе, – кивнул на Светку, – рассказал, а она набросилась на меня: почему я и тех не набил. А я что? Чемпион, что ли?

Андрюшка подумал и согласился с Тимкой: с двумя, конечно, трудно справиться, да и бить-то их почти не за что. А вот Яшку правильно стукнул. Мало ещё.

Светка обрадовалась:

– Вот я и говорю: почему он позволил Яшке верёвку резать? Дал бы ему сразу как следует, и всё в порядке. А то просидел в лебедь, как трус, и ещё обижается.

На этот раз Тимка ничего не ответил, а только вздохнул. Светка тряхнула косичками и ушла гордо, как победительница. Едва Светка скрылась за деревьями, Андрюшка живо спросил.

– Как Заяц своего дружка называл?

– Жмырь. А что?

– Ну, Тимка, я, кажется, напал на след!

– На какой след? – насторожился Тимка.

И Андрюшка рассказал всё, что он видел и слышал минувшей ночью в подвале.

ГЛАВА 5

Цена трансформатора. Рухлядь на двух колёсах. Неожиданная встреча. Тимка начинает верить в привидения. «Скворечник». Кастрюля тётки Мыльничихи.

Андрюшка всё ещё безуспешно ломал голову над тем, как заполучить от Юрки Бабукина велосипед. Сходить снова к нему и ещё раз попросить? Бесполезно: если Юрка упрётся – не убедишь его, хоть тресни. Купить? Денег не было. Что делать? Долго думал бы Андрюшка и придумал ли что-нибудь в конце концов – неизвестно. Помог сам Юрка. На другой день часов в шесть вечера вдруг раздался нерешительный стук в дверь. Андрюшка открыл – Юрка!

– Вот не ожидал! Заходи.

Юрка вошёл в комнату, быстро огляделся, сел.

– Ну, как живёшь? – спросил он.

– Живу, – неопределённо ответил Андрюшка, а сам подумал: «Неспроста пришёл Плюшкин, ишь как ёрзает на стуле».

Андрюшка угадал: Юрка пришёл не в гости. Он оказался плохим дипломатом. Посидев минуты две, нетерпеливо спросил:

– Помнишь, Андрюшка, ещё зимой, в школе, на уроке физики ты говорил, что у тебя трансформатор есть?

– Помню, – насторожился Андрюшка. – Он и сейчас у меня.

Юрка так и засиял весь.

– АСБ-0,3 220 на 127 вольт?

– Откуда я знаю.

– Но ты же сам тогда говорил!

– Мне всё равно: АСБ или ЭЮЯ.

– Такого трансформатора нет – ЭЮЯ, не выдумывай... Так ты покажи мне его.

Андрюшка достал аккуратненький, покрашенный в малиновый цвет трансформатор. Юрка жадно схватил его и стал вертеть в пальцах, будто рассматривал диковинку.

– Хороший... – И, не выпуская его из рук: – Слышь, Андрюшка, ты у меня просил велосипед?

– Просил.

– Давай поменяемся? А? Я тебе велосипед, ты мне – трансформатор.

Андрюшка молчал, боясь показать свою радость. А Юрка тревожно следил за Андрюшкой.

– К велосипеду в придачу новую цепь дам и ключ гаечный универсальный... А?

После этой «добавки» Андрюшка милостиво согласился.

– Ладно, бери. Ради дружбы, иначе – не дал бы.

Юрка чуть не целовал трансформатор: он ему нужен был позарез. Сегодня целый день ходил по магазинам, а такого АСБ-0,3 220 на 127 вольт нигде не нашёл. Да вдруг вспомнил про Андрюшку. Нет, Юрке невероятно повезло! Такой удачи и не ждал. Чудесный трансформатор за дрянный изломанный и никому не нужный велосипед!

– Идём, Андрюшка, – заторопился Юрка, боясь, как бы тот не передумал. – Идём ко мне, заберёшь велосипед.

Андрюшку тоже не нужно было упрашивать, и ребята немедля отправились к Юрке.

Дома Бабукин прежде занёс трансформатор в комнату, а уж потом пошёл в кладовку за велосипедом. Долго они вдвоём вытаскивали из-под груды всякого железного хлама бедную машину, а когда выволокли её во двор, Андрюшка ахнул:

– Так ведь это велосипед для взрослых!

– Всё, всё! – испуганно воскликнул Юрка. – Всё: сменялись и баста. Трансформатор не отдам.

Хоть и расстроился Андрюшка, но улыбнулся.

– Не ной, меняла. Не заберу трансформатор.

Юрка сразу успокоился и стал тряпкой усердно обтирать велосипед, будто от этого он мог стать лучше.

Только сейчас Андрюшка внимательно рассмотрел своё приобретение. Оно оказалось такой старой рухлядью, что стоило удивляться, как велосипед довели до такого печального

состояния. Руль у него был сильно погнут, колёса не имели, наверное, и половины спиц, одна педаль сломана, разорванная цепь жалко болталась, наглухо заклиненная между большой шестернёй и рамой.

– Ну и ну! – взъерошил волосы Андрюшка. – Сильно не обрадуешься. – А потом постоял, подумал и вздохнул. – Ладно. Лучше этот, чем никакого.

Юрка был доволен, что всё обошлось благополучно. Он вынес обещанную цепь, велосипедный универсальный гаечный ключ и от избытка чувств пригласил Андрюшку посмотреть фильм «Суворов» по телевизору. Телепередача закончилась поздно. Юрка помог перебросить велосипед через забор, и Андрюшка вывел свой «драндулет» на тропинку.

Вечер стоял тихий и тёмный, а здесь, на пустыре, вдали от уличных фонарей и освещённых окон домов было ещё темней. Не очень-то приятно оказаться одному в такую пору на пустыре. Андрюшка то и дело оглядывался по сторонам и торопливо толкал вперёд велосипед. А он повизгивал, поскрипывал и еле-еле катился. У церквушки Андрюшка вдруг остановился: оттуда донёсся шорох и слабый стук. Сердце лихорадочно забилось: «Кто там?» Постоял с минуту – тихо. «Показалось, – решил, успокаиваясь. – Наверное, кирпич обвалился». Но только сделал шаг, от церквушки метнулась чья-то тень. Андрюшка не успел ничего сообразить, как эта тень бросилась к тропинке и чуть не налетела на него.

– Ай, – взвизгнула тень.

– Кт-то?.. – заикаясь, пролепетал Андрюшка и от страха чуть не свалился на тропинку.

Тень вдруг шагнула к Андрюшке и радостно сказала:

– Это ты, Андрюшка? А я так напугался, аж ноги дрожат...

– Тимка?! Ты чего здесь лазишь?

Тимка настороженно оглянулся на церквушку.

– Тсс! Идём отсюда.

И когда прошли далеко вперёд, Тимка произнёс шёпотом.

– Тут, брат, такое, что волосы дыбом...

– Что, что?.. – И от предчувствия чего-то необыкновенного и страшного сердце Андрюшки заныло.

– Если бы сам не видел – не поверил бы, честное слово. Чертовщина какая-то... Это было вчера, помнишь, я к бабушке пошёл?

– Ещё бы! Конечно, помню.

– Ну и вот... Иду, значит, обратно, по пустырю, а темень такая, как сегодня. Подхожу к церквушке и вдруг вижу: кто-то шмыгнул в неё. Сначала я подумал, что ребята играют. Подкрался к окошку – тихо. Постоял, постоял и пошёл домой. Только отошёл шагов десять, а в церквушке как заскрипит что-то. «Ну, думаю, тут дело неладное». Лёг на землю и пополз назад...

– Ну, ну! – заторопился Андрюшка. – Интересно.

– То-то – интересно! А знаешь, как я боялся? Думаю: выскочит какой-нибудь чёрт и сцапает меня... Близко-то к церквушке подобраться не решился, а залёг на плитах... Знаешь, которые в бурьяне?

– Какие плиты? – наморщил лоб Андрюшка.

Но тут же вспомнил, что в нескольких метрах от церквушки лежали плотно одна к другой штук восемь широких и длинных каменных плит. Эти плиты настолько вросли в землю, что были видны только их ровные шершавые поверхности.

– Знаю, знаю!..

– Улёгся я на эти плиты и решил выследить, кто выйдет из церквушки. Ждал, ждал – никого, даже шея заболела. Опустил голову, глядь, а через щелку между двух плит свет...

– Свет? – выдохнул Андрюшка.

– Ага, свет. Я стал смотреть. Сначала ничего не видел, а потом вдруг кто-то прошёл там, внизу. Потом свет сразу погас, а я домой. Побоялся, что заметили меня.

– Ну и?..

– Что «ну и»? Вот пришёл сегодня пораньше, засел в уголке, думал, увижу кого-нибудь, но все бесполезно. Никто не пришёл...

Пока Тимка рассказывал, добрались до дома. Остановились у Андрюшкиного подъезда.

– Кто же это мог быть?

– Откуда я знаю? – пожал плечами Тимка. – Может, привидения?..

Андрюшка усмехнулся.

– Ну, это ты брось. Какие там привидения. Бродяга какой-нибудь живёт в церквушке.

Тимка решительно заявил:

– А мне наплевать: привидение или бродяга. Всё равно выслежу и узнаю кто.

Помолчали. Тимка задумчиво глядел на освещённые окна дома.

– Ты понимаешь, Андрюшка, – снова заговорил он, – сегодня днём часа два лазил по церквушке и не нашёл никакого хода в подвал. Если бы не свет, то сроду и не подумал бы, что там подземелье есть.

Андрюшка был потрясён Тимкиным рассказом. Вот она – настоящая тайна! И они с Тимкой откроют её. Во что бы то ни стало откроют.

– Надо ещё раз пообследовать, найти ход. Ты никому не рассказывал про церквушку?

– Что я, дурак? – буркнул Тимка.

И только тут удивлённо уставился на велосипед, который Андрюшка держал за погнутый руль, как быка за рога. Он взял его и покатил к фонарю. Долго осматривал, крутил во все стороны и, наконец, захохотал.

– Где ты нашёл такую развалину?

– Выменял...

– Чего уж тут выменивать было? И так бы выбросили.

– Это Юрка-то Бабукин выбросил бы?

– А-а! – протянул Тимка. – Этот ничего задаром не даст...

А на кой тебе такой велосипед?

Андрюшка замаялся было, но потом рассказал о своей затее – отремонтировать велосипед и отдать Ване.

– Жалко мальчишку, – закончил Андрюшка. – Переживает, а другой не скоро получит...

Тимка сразу посерьёзnel, ещё раз осмотрел велосипед.
– Я тебе помогу, Андрюшка.

Ребята попрощались. Тимка побежал к себе, а Андрюшка стал затаскивать велосипед на третий этаж, в свою квартиру.

На другое утро Андрюшка разыскал кое-какой инструмент: молоток, плоскогубцы, отвёртку, прихватил Юркин гаечный ключ, склянку с машинным маслом и вывел велосипед во двор. Хотел было расположиться тут же, во дворе, но только начал отвинчивать первую гайку, набежали малыши. Они задавали десятки глупых вопросов, хватали разложенный на тряпочке инструмент, крутили колёса. Андрюшка сначала уговаривал ребят не лезть и не мешать ему, потом стал гнать. А малыши, как назойливая мошкара, липли и липли. Андрюшка разозлился, сгрёб инструменты, схватил велосипед и направился в «скворечник», пожалуй, самое удобное место во дворе.

Только поставил велосипед, сквозь разбитое окно заглянул Тимка.

– А, вот ты где! Еле нашёл... – И тут же через окно влез к Андрюшке.

В «скворечнике» царили хаос и запустение. Весь пол был усеян битыми кирпичами, комьями земли, щепками. Друзья быстро расчистили площадку посередине комнаты и расположились на ней. К обеду велосипед был полностью разобран, детали вычищены, протёрты и смазаны. Тимка разогнул спину.

Разобрать-то разобрали, а вот соберём как?

– Не бойся! – бодро ответил Андрюшка. – Было бы из чего собирать.

Вдруг скрипнула дверь, и в «скворечнике» появилась тётка Мыльничиха. Ребята выжидательно уставились в её морщинистое лицо: что ей понадобилось тут?

– А я иду мимо, – заулыбалась Мыльничиха, – и думаю: кто тут стучит и разговаривает. А это вон кто!

Подошла к ребятам, глянула на разобранный велосипед и ахнула.

– Неужто сами ремонтируете?

– Сами, – буркнул Тимка.

– Вот молодцы! – И тут же просительным тоном: – Хлопчики, а не почините, случаем, мне кастрюльку? Прямо беда: в городе и мастерской такой нет – кастрюли чинить. Носила, носила и принесла обратно: кастрюлька-то почти новая, выбрасывать жалко. А мужичков у меня нет, некому о вещи позаботиться. Сделайте милость!

Андрюшка поморщился.

– Некогда нам, тётъ. С велосипедом дела хватает.

Мыльничиха закивала головой.

– Понимаю, понимаю, хлопчик. Это так – любое дело время любит. А дырочка у кастрюльки совсем маленькая... Будьте добры...

– Ну вот, – вспыхнул Андрюшка, – вам одно говорят, а вы за своё. Говорю: некогда нам!

Но тут вмешался Тимка.

– А что, Андрюшка, может, в самом деле поможем? – И не дожидаясь ответа, добавил: – Несите вашу кастрюльку!

Мыльничиха так и просияла:

– Вот спасибо, хлопчик, вот спасибо! Я сейчас, я мигом!

И она торопливо засеменила к двери. Зато Андрюшка был мрачнее ночи и совсем не глядел на Тимку.

– Я так и знал, – глухо пробубнил он, – так и знал, что с тобой не наработаешь. Кастрюлю ремонтировать взялся! На кой чёрт она нужна тебе, эта кастрюля?

Тимка загорячился:

– А если вправду негде её отремонтировать? Видел, как обрадовалась Мыльничиха? «Я сейчас, я мигом!»

– А ты чем ремонтировать будешь? Пальцем? – съехидничал Андрюшка, принимаясь собирать инструмент.

– Электропаяльник дома возьму.

– А электричество где?

– Вот оно, – ткнул пальцем в потолок Тимка. – Провода видишь? А розеточку мы быстренько поставим.

Сказал и помчался домой.

Ну и человек – Тимка! Когда захочет – всё у него найдёт-

ся, всё под рукой окажется. А если дело не по душе – будет ныть, мямлить и такую тоску нагонит, что и другой всё бросит. Пока Андрюшка собирал инструменты, пришла запыхавшаяся Мыльничиха с зелёной эмалированной кастрюлей. Глянула по сторонам, кисло улыбнулась.

– А другой хлопчик где?

– Давайте вашу кастрюлю, – хмуро проговорил Андрюшка. – К вечеру сделаем. – А потом пробубнил себе под нос что-то в роде: «Ходят тут всякие, надоедают».

Мыльничиха молча вручила Андрюшке кастрюлю и на цыпочках вышла из «скворечника», видимо, боясь, что Андрюшка передумает.

Тимка принёс целый моток провода, розетку, паяльник, напильник, ножницы по железу и всякую всячину для пайки. Он быстро укрепил на стене розетку, ловко подсоединил её к электросети, и вот паяльник уже греется на подставке.

– Вырежь заплаточку, – попросил он Андрюшку, протягивая небольшой лист толстой жести. – И зачисти хорошенько.

Когда всё было готово, Тимка умело наложил заплатку на зачищенное дно кастрюли и прихватил её в двух местах припоем.

– Теперь дело пойдёт! – произнёс он с воодушевлением, опаивая края заплатки. – Теперь её зубами не оторвёшь.

Андрюшка даже позавидовал Тимкиному мастерству: можно было подумать, что всю жизнь он только и занимается починкой кастрюль.

Близко к вечеру в «скворечник» заглянула Мыльничиха. Не желая быть надоедливой, она не стала заходить, а только приоткрыла дверь, спросила:

– Ну как, хлопчики, ладится дело?

– Ладится! – весело ответил Тимка. – Забирайте свою кастрюлю.

Мыльничиха сначала удивилась, потом обрадовалась. Она вертела кастрюлю в руках, ощупывала и приговаривала:

– Ой да спасибо, хлопчики, век не забуду. Ой да молодцы-мастерята.

Потом торопливо полезла в карман фартука и стала совать Тимке рубливку.

– На мороженое, за работу...

Тимка растерялся, спрятал руки за спину.

– Ну что вы, тётя, не надо денег. Мы сделали за просто так, зачем вы...

А Андрюшка вспылил:

– Вы, тётя, деньги уберите, а то живо заплатку с кастрюли сдерём.

Угроза произвела волшебное действие: Мыльничиха немедленно спрятала рубливку, ещё раз поблагодарила ребят и заторопилась к дому.

День клонился к закату. Ребята прибрали в угол инструменты, велосипедные части и тоже пошли домой.

Кто знал из них, что кастрюля тётки Мыльничихи сыграет необыкновенную роль в жизни не только Андрюшки и Тимки, но и всех ребят двора?

ГЛАВА 6

Яшка выходит на улицу. «Дай, а?» Верный метод Котки Блинчикова. Людоеды из племени Ньям-Ньям. Пираты бледнеют. Лейтенант милиции говорит неприятные вещи. «А где тут ребёнок?»

После случая с бельевой верёвкой и после двух крепких Тимкиных оплеух Яшка два дня отсиживался дома, боясь ещё более жестокой расплаты. Он валялся на диване, читал, пытался рисовать, но всё это ему настолько надоело, что он, наконец, махнул рукой: «А, будь что будет!» И пошёл на улицу.

Во дворе в последнее время стало как-то пусто и скучно. Многие ребята уехали в пионерские лагеря, часть – в деревни, если, конечно, у них были там родственники. Остальные же слонялись по двору, как сонные мухи, и умирали от безделья. Поэтому Яшка был встречен с восторгом.

Алька, который сидел на ограде и по обыкновению стучал пальцем по голове, издал радостный рык и слетел на землю.

– Здорово, Яшка. Ты где пропадал?

– Здорово, Ватсон. – Яшка небрежно вынул из кармана плитку шоколада, отломил кусочек и, кинув в рот, закончил: – Где был, там меня больше нет. Доволен?

Подошли Котька Блинчиков и худой нескладный Димка Удодов по прозвищу «Дай, а?». Это прозвище он получил за привычку постоянно клянчить у ребят всё, что увидит. Выбежит кто-нибудь из дома с куском хлеба, Димка тут как тут: «Дай, а?». Увидит в руках гвоздь и снова протяжно ноет: «Дай, а?», хотя этот гвоздь ему совершенно не нужен.

Первое, что заметил Димка, подойдя к Яшке, – это то, что он жуёт. Не здороваясь, не узнав, что Яшка ест, Димка сразу протянул руку и сказал:

– Дай, а?

Яшка отвернулся, будто не слыша Димку, но тот настойчиво повторил:

– Дай, а? Ну хоть маленько. Жалко, да?

Яшка, наконец, не выдержал.

– Чего тебе дать?

– То, что ешь, – торопливо проговорил Димка.

Тогда Яшка молча достал шоколад, отломил кусочек, протянул Димке. Тот хотел было взять, но Яшка быстро пронёс шоколад возле Димкиного носа и ловко закинул его в свой рот. Димка лишь облизнулся. Все засмеялись. А Котька сделал вид, что просто закатывается со смеху.

– Вот так Яшка! Вот ловкач!

Смеётся Котька над одураченным Димкой, а не прочь бы и сам отведать Яшкиной шоколадки. Но он знает, что таким способом, каким всегда просит Димка, у Яшки ничего не выпросишь. У Котьки есть свой приём: он в лоб дела не делает, а постепенно подбирается к тому, что хочет.

– Ну, как? – захлёбывался Котька, хотя смеяться ему не очень хотелось. – Вкусная шоколадка, Димка?

И снова стал корчиться, всхлипывать, будто совсем изнемогает от смеха. Все знали, что Котьке совсем не смешно, а вы-

давливают смех из подхалимства. Знал это и Яшка. Но ему всё равно нравилось, когда Котья так заискивал перед ним.

– Ну, довольно, Котья, – пренебрежительно остановил Яшка и дал ему кусочек шоколада.

Котья схватил его и победоносно взглянул на хмурого, обиженного Димку. «Видал, как надо?» – говорили его бледно-серые глаза. Яшка подумал малость и дал кусочек ещё Альке. Больше никому не дал, засунул остаток шоколада в карман.

– Ну, чем займёмся, ребята? Вы во что играли?

– Ни во что, – махнул рукой Алька. – Скучота, аж противно.

Кислые физиономии остальных ребят без слов подтвердили правоту Альки.

– Надоело всё. Может, ты, Яшка, придумаешь что?

Яшка стоял задумчивый и гордый. Ему приятно было, что все ждут от него какой-нибудь забавы и исполнят всё, что сейчас прикажет он, Яшка.

– Эх, вы, курицы мокрые. Идём на стройку сторожа дразнить.

Ребята обрадовались. Чёрт знает, почему им в голову не пришла эта простая мысль!

Стройка – самое опасное и увлекательное место. Во-первых, она близко: пересёк двор, пробрался по пустырю, перелез через дощатый забор и гуляй по ещё не достроенному громадному дому. Во-вторых, там можно кое-чем поживиться: гвоздями, досточками и рейками, разноцветными плитками. Да мало ли всякого добра на стройке! И, в-третьих, что считалось самым главным, это разозлить сторожа и вовремя убраться от него. Но уж если сторож поймает, как однажды поймал Тимку Королькова, то так надерёт уши, что неделю будут синие и пухлые, как вареники.

Пока ребята переходили двор, к ним присоединилось ещё несколько мальчишек.

– Куда идёте?

– На стройку, – небрежно отвечал Яшка.

– На стройку? Вот здорово! И мы с вами.

По двору полетел радостный клич:

– Ребята, айда на стройку! Сторожа дразнить будем.

Собралось человек пятнадцать.

У забора остановились. Яшка отыскал широкую щель и приник к ней. Минуты две он молча наблюдал за стройкой, потом сказал:

– Никого нет. Можно перелазить.

Прячась за штабели досок, за кучи кирпича и строительного мусора, искатели приключений пробрались к ближайшему дому. А тут, почувствовав свободу, ринулись с гиком по лестничным переходам и трапам на верхние этажи. Яшка, представив себя главарём пиратов, а дом купеческим кораблём, который захватили пираты, неистовствовал, носился по строительным лесам, довольно жидким переходам и свирепо размахивал железным прутом.

– Вперёд! Бей купцов! Бей толстопузых! – и хлестал прутом по чему попало.

Остальные «пираты», глядя на Яшку, тоже вошли в азарт. Они вооружились кто чем мог и громили «купцов» на всех этажах... Особенно яростный «бой» выдержали «пираты» на пятом, ещё недостроенном этаже. Яшка выворачивал из стен ещё не успевшие схватиться цементом кирпичи и швырял их вниз. Но тут появилась новая опасность: к бригадине незаметно подобралась пироги людоедов из племени ньям-ньям. Грозил неминуемая гибель: людоеды готовились живьём слопать всех «пиратов».

– Тревога! – не своим голосом заорал Яшка. – С левого борта людоеды!

– Где, где? – закричали ребята.

– Там! – указал Яшка вниз. – Бей их.

С дома с новой силой полетели кирпичи и доски.

– Выкатывай пушку! – закричал Яшка. – Не то нам крышка.

Ребята на секунду остановились, с недоумением уставились на Яшку: какую ещё пушку он придумал? Но всё стало ясно, когда увидели, как он пытается сдвинуть тяжеленную железную тачку.

«Пираты» бросились на помощь.

– Не сюда, – командовал Яшка. – Катите к краю! Людоеды врываются уже на палубу.

Ребята, пыхтя, спотыкаясь, тащили «пушку». Когда она была на самом краю, Яшка рывкнул:

– Огонь! Сталкивайте тачку!

Тачка, ударяясь о стены и гремя, устремилась вниз. Ребята увидели, как она ухнула прямо в штабель рам, как полетели от них в разные стороны щепки.

– Ура! Вот это бомбочка! Будут знать, как...

Но тут ребята увидели, как в подъезд вбежал сторож. Словно ураган подхватил и понёс ребят на другой конец дома. Там они стремительно спустились по лестничной клетке вниз и помчались к забору. Яшка оглянулся, сторож стоял наверху дома и смотрел на ребят. Показалось, что он поднимает ружьё и целится прямо в Яшку. По спине пробежал неприятный холодок. «Сейчас пальнёт!» Яшка, не помня себя, перевалил через забор и пустился по пустырю к дому.

Когда ребята вбежали во двор, Яшка еле перевёл дыхание.

– Разбегайся и молчок. Чтоб никто ни звука. Зря вы тачку сбросили. Влетит теперь вам.

– Так ведь это ты придумал! – возразил кто-то.

– Я её не сталкивал. А, во-вторых, у вас головы есть или нет?

Ребята понуро разошлись по домам и там сидели, смиренные и послушные. Все ждали, что вот-вот откроется дверь и нагрянет сторож.

Но вот прошёл день, наступал вечер.

Яшка и Котья встретились часов в пять.

– Ну, кажется, пронесло, – весело сказал Котья. – Я думал, искать нас станут.

– Куда там – искать! – презрительно бросил Яшка. – Сторож, пожалуй, и не разглядел никого из нас. Да если бы и разглядел, неужели по всем квартирам ходить бы стал? Моя мама-хен, например, не пустила бы его и на порог.

– А здорово всё-таки повеселились? Верно? – захихикал Котька. – А пушка-то? Так грохнулась, что, наверное, все рамы переломала.

Яшка самодовольно улыбнулся.

– Со мной не пропадёшь. Я ещё не такую штуку придумаю...

В это время к ним подбежал Алька, бледный и растерянный.

– Ребята – беда! Милиция пришла. Что делать?

Яшка и Котька стали белее снега. Котька втянул голову в плечи, будто его собирались бить, и беспокойно забегал по сторонам глазами. А главарь «пиратов» хотел что-то сказать, но слова застряли в горле. Он открыл рот, да так и стоял с минутой, словно подавился. Неожиданно на тротуаре появился участковый уполномоченный лейтенант Ливанов. Ребята хорошо знали его. Он твёрдо и размашисто шагал прямо на них. Рядом семенила домоуправ Агния Петровна и что-то рассказывала лейтенанту. «Пираты», не сговариваясь, кинулись в разные стороны.

Вскоре на дверях каждого подъезда появились объявления, в которых извещалось, что в семь часов на детской площадке состоится родительское собрание. Участники налёта чувствовали себя очень скверно – все понимали, что над ними собирается гроза. Они кто дома, кто в укромных уголках двора сидели и поджидали роковой час. И он наступил.

Первыми на детскую площадку пришли Агния Петровна, Ливанов и незнакомый толстый длинноусый мужчина. Позже ребята узнали, что это начальник строительства. Потом заспешили родители. Как ни боялись ребята возмездия, но находиться в полном неведении, не зная, что им готовится на собрании, они не могли. Поэтому постепенно все собрались поблизости.

Говорил длинноусый. Он долго рассказывал о своей стройке, о какой-то материальной базе, которая, «к сожалению, очень недостаточна», о том, что дети уже не раз бедокурили на строительной площадке и нанесли немалый ущерб.

Потом слово взял лейтенант. Он, молодой, высокий, бы-

стро вышел на середину. Его белые погоны блеснули на солнце, словно две маленькие молнии.

– Товарищи, – отчётливо сказал лейтенант, – случай на стройке очень прискорбный. Он говорит о том, что мы плохо следим за нашими детьми. Мы все отлично понимаем, к чему может привести подобная безнадзорность... Сегодня дети без злого умысла, ради баловства, уничтожили материальные ценности, а завтра... завтра они при стечении обстоятельств совершат уголовное преступление...

– Ого! – прошептал Алька, и надо сказать, что ему не особенно по вкусу пришлась фраза лейтенанта. – Это мы-то можем совершить преступление?!

Оглянулся на ребят. Они стояли хмурые, унылые. Яшка был непривычно молчалив. Димка Удодов, который, к своему великому счастью, не принимал участия в налёте на стройку, теперь с весёлым и независимым видом злорадствовал:

– Эх, дадут сегодня кому-то! Эх и лупцонут сегодня кого-то!

И тут же получил по шее такую затрещину, что даже присел. А Ливанов продолжал:

– Да, от хулиганства до преступления – один шаг. И то, что произошло на строительной площадке, уже больше, чем хулиганство: дети нанесли большой ущерб. Этот проступок, вы сами понимаете, товарищи родители, мы не имеем права оставить безнаказанным...

У ребят всё замерло в груди, особенно, когда увидели лица взрослых. Такие лица, все по опыту знали, не предвещают ничего приятного. А лейтенант, словно нарочно, подливал масла в огонь.

– Пока не поздно, мы должны очень серьёзно подумать о досуге наших детей. Об их интересах и увлечениях. И ещё. Убытки, нанесённые стройке, должны быть возмещены. Это сделают родители, дети которых принимали участие в уничтожении материальных ценностей.

На площадке воцарилась тишина. Родители сидели хмурые, озабоченные.

– Вот так подразнили сторожа, – уныло произнёс – Алька.
– Ух, и будет мне!

– Не умирай раньше времени, – буркнул кто-то. – Слушай, вон Яшкина мать что-то говорит.

– Я не согласна с такой мерой, чтобы родители возмещали убытки. Нужно ещё доказать, что это дети изломали ваши, как их там, – материальные ценности, а не сами строители. Может быть, они валят с больной головы на здоровую. Это, во-первых. А, во-вторых: где был сторож? Куда он смотрел? Почему не прогнал детей? Это я говорю в защиту тех, кого товарищ из милиции обвиняет. Мой ребёнок не мог участвовать в этом гадком деле. Он находился весь день дома...

На площадке сразу стало шумно. Заговорили почти все:

– Вас, товарищ Коржнева, никто не уполномочивал говорить в нашу защиту...

– Мы вполне доверяем товарищу Ливанову...

– Зачем же ставить так вопрос? А с детьми пора, товарищи, что-то делать...

Котька Блинчиков хихикнул, кивнув в сторону собрания:

– Видал, как разговорились. Тётя Лена сразу нос утёрла милиционеру.

Алька разозлился.

– Себе утри нос, вечно шмыгаешь. – Потом обернулся к ребятам. – А где тут «ребёнок»? Ах, вот ты!

Яшка весь передёрнулся от злости и обиды. Так бы и трахнул по круглой Алькиной голове, да нельзя – ребят много.

А Алька, этот добродушный и закадычный Яшкин приятель, вдруг окончательно взбеленился. Подошёл к Яшке и проговорил:

– Слушай, Яшка, если с нас высчитают деньги, а с тебя нет – бить будем! Понятно?

Яшка криво усмехнулся.

– Ты что ли?

– И я.

– Видали мы таких... – Хотел ещё что-то сказать, но повернулся и торопливо пошёл к дому.

Алька долго смотрел ему вслед, потом сплюнул и пробормотал:

– Ишь какой! «Ребёнок». Молчит, будто и в самом деле не ходил дразнить сторожа.

Собрание кончилось. Ребята поплелись по домам. У многих в этот вечер ныло сердце в предчувствии крепкого нагоняя.

ГЛАВА 7

Допомогались! Бидончик летит по «скворечнику». Под мрачным сводом церквушки. Мыльничиха митингует. Светка назначает себя начальником.

Шумные и оживлённые возвращались Тимка с Андрюшкой из города. Два дня они безуспешно искали по магазинам спицы и педаль для велосипеда. И только час назад случайно набрали на какой-то невзрачный магазинчик, в котором неожиданно нашли и то, и другое. Теперь они торопились в «скворечник».

Хорошо бы сегодня закончить ремонт велосипеда и ещё успеть сбегать в церквушку поискать потайной ход.

Эта церквушка который день не выходит у Андрюшки из головы: что ни делает, а всё о ней думает. Ведь не зря кто-то и подземелье построил, и ход в него проделал, да ещё огонь по ночам зажигает. Андрюшка и Тимка так увлеклись церквушкой, что их история с налётом на стройку не взволновала. Только ребят жалко. Альке, говорят, крепко попало от отца. И Блинчикову. И даже Яшке. Нет, дразнить сторожа – не интересно. Особенно Тимке после того, как сторож уши натёр. А вот церквушка: это – да! Рассказать ребятам – все ахнут: забудут и сторожа, и «сыщиков-разбойников».

Подошли к «скворечнику» и остановились, как вкопанные: у двери стояла тётка Мыльничиха и разговаривала с какой-то старушкой. У обеих в руках были кастрюльки, миски и бидончик.

– Ах, вот они, мои хлопчики! – обрадовалась Мыльничиха и бросилась Андрюшке и Тимке навстречу. – А я уже третий раз прихожу с соседкой, а вас нет и нет.

Андрюшка, как глянул на мятую пообитую утварь, так и обомлел. От хорошего настроения следа не осталось. Он уныло достал из кармана ключ, открыл замок (этот замок нацепил ещё вчера).

– Заходите...

Мыльничиха снова затараторила:

– Вы уж будьте, хлопчики, добры до конца: исправьте мне и эту посуду. И вот ей. Она тоже одинокая старушка...

Тимка взглянул на кислое лицо друга, засмеялся. Мыльничиха подозрительно покосилась на Тимку: не над ней ли смеётся хлопчик, но Тимка весело произнёс:

– Складывайте, складывайте ваши экспонаты. Вот сюда, в уголок. Что поделаешь – придётся отремонтировать. Только, чур, не сейчас.

– Конечно, конечно, хлопчик. Нам не к спеху. – И к старушке: – Идём, Кирилловна, идём. Не будем мешать. Они хлопчики серьёзные, коли сказали – сделают.

Только они вышли, Андрюшка напустился на Тимку.

– Ну что? Допомогались? Видал, сколько принесли? Уже и старушка какая-то появилась! А завтра они нам целую телегу металлолома приволокут, чтоб мы его чинили и паяли.

И Андрюшка от избытка негодования пнул бидончик так, что он с жалобным звоном покатился по «скворечнику». А Тимке хоть бы что! Смеётся! Смотрит на Андрюшку и смеётся: его очень забавляют и Андрюшкины переживания, и вся эта история с Мыльничихой и её кастрюлями.

– Брось, Андрюшка, злиться, – наконец, произнёс Тимка. – Разве плохо полезное дело сделать? Ведь вот ты взялся Ване велосипед отремонтировать?

– Ну, а я что, – вдруг сдался Андрюшка. – Я же не против, только почему они целую кучу приволокли? Как в мастерскую.

И увидев, что Тимка принимается за работу, стал помогать ему. Зря только Андрюшка негодовал – дела оказалось не так уж много. Ребята успели и посуду запаять, и педали поставить на велосипед, и спицы ввинтить. Осталось только выправить

руль да заклеить камеры, – и велосипед готов. Но эту работу – на завтра. А сейчас – в церквушку. Нужно ещё раз поискать люк.

Если бы Тимка не видал света в подвале, а Андрюшка не слышал Тимкиного рассказа, то, пожалуй, в этой уже довольно дряхлой постройке и обследовать-то нечего было. Ото всего здесь веяло старостью и разрухой. Стены церквушки во многих местах разрушились, вывалившиеся из кладки кирпичи образовали большие и малые проломы. Как решето, просвечивал купол. Внутри помещения тоже ничего примечательного не было, кроме разве остатков лестницы, что вела в давние времена на колокольню.

Андрюшка и Тимка долго бродили по всем закуткам церквушки, внимательно – и в который уже раз! – осматривали стены, пол, выстланный большими квадратными не то каменными, не то цементными плитами. Тимка вооружился толстым арматурным стержнем и старательно простукивал все подозрительные места. Одна плита, как показалось друзьям, издавала более звонкий звук. Андрюшка и Тимка били её стержнем, пытались подковырнуть, бешено прыгали на ней, но плита не шевельнулась, будто в землю вросла.

– Ну её к чёрту, – махнул рукой Андрюшка. – Это не люк.

Заглянули они и в две небольших церковных пристройки – тоже каменные. Но и тут, кроме отлетевшей штукатурки, битого кирпича и прочего мусора, ничего не обнаружили.

Выбрались из церквушки раздосадованные, грязные, потные. Рубахи намокли и липли к телу. Улеглись неподалёку на траве, лежали молча, с закрытыми глазами.

– Ну и жара! – вяло произнёс Тимка, открывая один глаз.

– Перед дождём, – равнодушно откликнулся Андрюшка. – Видишь, тучи какие ползут.

Тимка сел, пожевал былинку.

– Не везёт нам.

– Не везёт... – подтвердил Андрюшка и тоже сел. – А может, и нет никакого хода? Может, Тимка, тебе показалось с перепугу?

Тимка рассердился.

– Как показалось? Ты это брось, Андрюшка. Есть ход. Иначе как попадёшь в подземелье?

Снова приумолкли, думая каждый об одном и том же. Конечно, люк есть. Какой же бы он был потайной, если бы его каждый мог увидеть и открыть. Видимо, очень хитрую штуку придумали и просто так не разгадаешь, хоть ещё сто раз облазь всю церквушку. Остаётся одно – выследить, кто сюда ходит и как пробирается в подземелье.

– Сегодня и начнём, – сказал Андрюшка, поднимаясь. – Часов в одиннадцать. Не рано?

– В самый раз!

Только пришли во двор – Мыльничиха тут как тут.

– Ну, как, хлопчики?

– Всё готово, тётя. Идёмте, заберёте.

Не успели ребята привести в порядок помещение, как в «скворечник» влетела Светка.

– Где это тут великие знаменитости? – закричала она ещё с порога.

– Какие знаменитости? – хмуро спросил Тимка, опасаясь какой-нибудь пакости.

– Ах, скромники! Вы послушайте, что Мыльничиха говорит! «Какие, говорит, мастера, да какие сурьёзные и уважительные». Народу собрала, как на митинг, и кастрюли свои показывает всем.

Тимка и Андрюшка покраснели от неловкости и досады.

– Говорил тебе – не связывайся, – буркнул Андрюшка. – Так нет! Вот погоди, узнаешь...

Тимка уныло молчал – засмеют его теперь. И даже кличку, которую ему дадут ребята, тут же придумал: «Кастрюля». Фу ты, знал бы, действительно не связывался с Мыльничихой.

Светка внимательно оглядела ребят.

– А вы что такие кислые стали? Не нравится, что хвалят? Мне, например, очень приятно слышать. Ещё бы! Брат – знаменитый мастер.

– Иди отсюда, – возопил Тимка. – Иди, а то получишь гулю под глаз.

Но Светка и бровью не повела.

– Не кричи, как сумасшедший.

И спокойно стала обходить «скворечник». Потом остановилась против ребят и безапелляционно заявила:

– Вот что, мальчики. В вашей мастерской я буду начальником. – Увидела, что Тимка силится от возмущения что-то сказать, добавила: – И не орите. И глаза на меня не пучьте. Сейчас я пойду за девочками, и мы уберём весь этот сор и вымоем пол. Это же мусорная яма, а не мастерская.

И снова по-хозяйски прошлась по «скворечнику».

– А вы пока стёкла вставьте, – донесся её звонкий голос из другой комнаты. – И пыль летит, и забраться кто-нибудь может.

Андрюшка и Тимка переглянулись.

– Вот это – да! – прошептал Андрюшка.

– Ну её к чёрту, – также шёпотом ответил Тимка. Однако тут же добавил: – А стекла вставить, пожалуй, нужно: ещё сопрут инструменты, да и сквозняк...

Андрюшка усмехнулся.

– Знаю, какой сквозняк! Идём уж.

ГЛАВА 8

Ребята любят голубями. Вторая жизнь обогревалки. Яшка терпит поражение. Ваня бросается на шею. «Сыч!» Что осветила вспышка молнии. Взгляд под землю. Встретились, называется!

Высоко в небе кружилась стая голубей. Она легко носилась в солнечной лазури. Птицы то собирались вместе, то снова разлетались, казалось, они затеяли какую-то забавную, лишь им понятную игру.

Андрюшка и Тимка сидят на брёвнах близ «скворечника» и следят за голубями.

День тихий, душный. В такую пору ничего не хочется делать, а сидеть вот так, не шевелясь и не думая ни о чём. «Вот

бы туда забраться, – позавидовал голубям Андрюшка. – Там, наверное, прохладно, легко»...

Особенно привлекал внимание один голубь. Он то и дело уходил от остальных и, как стрела, поднимался вверх. И когда превращался в белую, едва заметную точку, камнем устремлялся вниз. Он так быстро падал, что, казалось, не сможет или не успеет расправить крылья и грянет о землю. Но почти у земли он легко выбрасывал крылья и молнией поднимался к самому солнцу.

Наконец, голуби сделали большой последний круг и пошли на посадку. Андрюшка привстал, чтобы угадать, чьи они.

Но голубятник, видимо, не дал им сесть на крышу. Стая покружилась, покружилась и опустилась на купол церквушки. Голуби напомнили о многих напрасных дежурствах у церквушки, о вечерах, проведённых в вонючей пыли. Сколько уже пропало без пользы этих вечеров! Но ребята с завидным упорством продолжали следить за церквушкой. Добьются ли они чего?

Время! Его у Тимки и Андрюшки почти не осталось: с утра и до вечера они увлечённо работали в «скворечнике», а ночью торчали у церквушки. Ребята и сейчас бы уже давно работали, а не сидели тут, да Светка с девчонками занялись генеральной уборкой «скворечника». Когда они кончат?

– Дожили, – сплюнул Андрюшка. – Без спроса и зайти теперь нельзя...

Да, новые времена наступили для строительной обогривалки. Некогда захламлённый пол блестел чистотой, стены старательно побелены, на окнах шторы. И это всё сделали девчонки во главе со Светкой. Они же где-то раздобыли старый стол, три табуретки, скамейку и тоже принесли сюда. И больше не стало «скворечника». Светка переименовала его в мастерскую. И горе тому, кто осмеливался назвать её по-старому! Целыми днями разносились отсюда смех, говор, стук молотков и звон железа. Стараниями Мыльничихи у ребят было столько работы, что они едва успевали с ней справляться.

Андрюшка сам случайно слышал, как Мыльничиха говорила:

– В нашем дворе не хлопчики, а золото. Такую мастерскую открыли, что и во всём городе не найдёшь. И тебе кастрюльку починят, и утюжок исправят, и даже велосипеды ремонтируют... Если у вас, гражданочки, есть необходимость, зайдите к нам в мастерскую. У нас всё на сознательности: работа добрая и деньги не берутся...

Что ещё говорила Мыльничиха, Андрюшка не стал слушать, шмыгнул в сторону, чтоб не заметили. Хоть и приятно, когда хвалят, но очень неловко. А на мастерскую спрос с каждым днём становился всё больше и больше. Даже хозяйки других дворов зачастили сюда. Шли со всякой мелочью и с серьёзными вещами. Одна женщина хотела ножную швейную машину привезти, чтоб отремонтировали, да ребята смущённо отказались.

– Не умеем ещё, – с сожалением ответил Тимка.

Зря Тимка боялся, что ребята будут дразнить его «Кастрюлей». Получилось наоборот: многие просто завидовать стали его умению мастерить. Что там ни говори, а ещё немало ребят, которые не только не знают, как, например, паять, но и паяльника-то в глаза не видели. Теперь почти все мальчишки и девчонки околачивались у мастерской: одни просто глазели, другие нерешительно и неуклюже помогали Тимке, Андрюшке и Светке. И потом, чумадые и гордые, ходили по двору, чтобы все видели, что они работают в мастерской.

Как-то примчалась сюда ватага Яшки Коржнева, шумная и взмыленная. Яшка приоткрыл дверь.

– Эй, кузнецы, у меня Алька расковался. Кто подкуёт?

Яшкины друзья дружно захохотали. Смеялся и сам Алька. После родительского собрания он дня два не разговаривал с Яшкой, но после того, как Коржнев подарил ему «Шерлока Холмса», стал снова его закадычным другом.

– Может, тут и сапожники есть? – орал Котька. – У меня ботинки порвались.

– А у меня, – вторил Димка «Дай, а?», – у меня в рубаше дырка.

Они орали наперебой, стараясь разозлить Тимку и Андрюшку. Но у тех как раз дело не ладилось с заклежкой камеры – или клей был виноват, или плохо обработали места склейки, – заплатки держались слабо.

Тимка лишь на минуту поднял голову, взглянул на орущих ребят и снова уткнулся в работу. Только Светка равнодушно сказала:

– Фи, какие дураки!

Это безразличие заметно охладило пыл ребят. Они приумолкли и уже без прежних усмешек стали наблюдать за работой. И когда Андрюшка с Тимкой, наконец, поставили последнюю заплатку, проверили камеру, забортовали её, а затем накачали шины, Алька почесал затылок.

– А ловко у них получается...

Друзья хоть и промолчали, но согласились с Алькой: что ловко, то ловко! Андрюшка вывел велосипед во двор, прокатился, затем сел Тимка. Объехал вокруг «скворечника», пощупал шины.

– Всё в порядке.

Яшка всё это время молча с полуулыбкой наблюдал за Андрюшкой и Тимкой. Наконец, рассмеялся.

– Ну и драндулет! Колесница фараона Рамзеса Второго...

Алька обернулся к Яшке.

– Ты бы помолчал лучше...

– А тебе что? – окрысился Яшка.

– Ничего, а ты не насмехайся, – ошетинился вдруг Алька.

– Привык над всеми смеяться, а сам ты какой? Что ты можешь делать? Ребята вон для Вани Тузова постарались, а ты «драндулет». Ты бы смог отремонтировать? – И сам ответил: – Ни черта не смог... Только одноглазых бандитов в подвале ищешь и то боишься...

Сердце у Яшки сжалось в комок: «Сейчас расскажет, как я закричал «Спасите!» и про синяк». Но Алька больше ничего не сказал. Да тут ещё Андрюшка крикнул:

– Айда, ребята, Ване велосипед отдавать.

И все, кто был, двинулись за Андрюшкой. Яшка, делать нечего, тоже пошёл с ребятами. «Вот ведь дрянь, – думал он об Альке. – Лучше бы ударил, чем так...»

Ваня играл на детской площадке. Увидел Андрюшку с велосипедом, ребят и всё понял. Он помчался навстречу, но, не добежав, остановился. Растерялся: к Андрюшке броситься или к велосипеду. Бросился к Андрюшке, прямо на шею.

– Ну что ты, Ваня... Девчонка что ли? – смущённо проговорил Андрюшка. – Нельзя же так... Ребята смеяться станут...

Но Ваня не слушал Андрюшку, висел на шее и лепетал:

– Спасибо, Андрюша, спасибо...

И вот Ваня встал на педали (не только с седла, но и с рамы ему ещё не достать) и покатил по тротуару. Все ребята стояли, глядели на удаляющегося Ваню, улыбались и молчали. Да и что говорить-то? Разве и так не понятно?

А время всё ближе и ближе к вечеру. На сердце у Тимки и Андрюшки стало тревожно: как сегодня пройдёт их дежурство у церквушки? Тимка глянул на небо: опять тучи ползут. Хотя бы сегодня не было дождя. Не очень-то приятно сидеть в полыни ночью да ещё вымокшему.

– Надо поестъ сходить, – проговорил он.

Андрюшка кивнул.

– Фонарик не забудь, как в прошлый раз...

Когда встретились, на улице стояла чёрная темень. Тучи заволокли уже всё небо. Поднялся ветер. Он уныло шумел в деревьях, буйно гонял по двору клочки бумаг.

– Ну и погодка, – пробурчал Тимка ежась. – Может, сегодня не пойдём?

– Ну нет уж! Хоть камни пусть сыплются...

Добрались до церквушки быстро.

– Давай в большом проломе спрячемся? – предложил Тимка. – Оттуда всё видно, как на ладони, и дождь не замочит.

Андрюшка не согласился.

– В проломе и нас сразу заметят. На старом месте спрячемся.

И они вошли в бурьян возле главного входа.

Ветер бушевал всюду. Полынь, в которой залегли ребята, шумела и трещала. По небу уже совсем низко ползли тучи, где-то вдали сверкнула первая молния и загрохотал гром.

Но как ни жутко было ребятам в этой беспокойной ночи, как ни бесновался ветер, они не двинулись с места. Андрюшка лежал на животе и напряжённо всматривался в тропинку, которая уходила по-над оврагом в темень, к кривому и узкому проулку старого города. Неожиданно над ребятами с шипеньем вспыхнула ослепительная молния и грохнул такой гром, что уши будто ватой заложило. Это произошло так внезапно, что искатели приключений застыли от испуга.

– Ну и выбрали погоду, – заворчал Тимка, ковыряя пальцем в ухе. – Какой дурак, кроме нас, сегодня будет ходить по пустырю.

И только Тимка умолк, как вдали послышался топот. Кто-то шёл по тропинке. Ребята, как по команде, прижались к земле и затаили дыхание. Не они ли пожаловали, долгожданные ночные гости? Шаги всё ближе, ближе; слышно уже чьё-то тяжёлое дыхание. И вот мимо прошёл высокий человек с огромным узлом на плече, за ним ещё двое, поменьше, и тоже с узлами.

«Переезжают что ли? – подумал Андрюшка разочарованно. – Ходят, только настроение портят. Тут и так страшно, а они...»

На этом Андрюшкины мысли оборвались: трое входили в церквушку.

Ребята подкрались к пролому. Андрюшка осторожно заглянул: темно, тихо.

– Куда они делись? – еле уловимым шёпотом спросил Тимка, тоже заглядывая в церквушку. Андрюшка растерянно пожал плечами и уж было хотел привстать, но в это время под остатками лестницы вспыхнула спичка. И первое, что увидел Андрюшка, – очень знакомое лицо с курносым носом.

«Сыч!» – чуть не крикнул Андрюшка и уже совсем решил встать, чтобы пойти к нему.

Однако в ту же секунду хриплый и тоже знакомый голос рявкнул:

– Ты что, мерзавец, с ума спятил – огонь зажигаешь?! – Из темноты появилась громадная рука и погасила спичку.

В церквушке стало ещё темнее.

– Чего переживаешь, – услышался голос Сыча. – Кто нас увидит? В такую погоду и собаки не лают...

– Заткнись, и айда вниз.

«Где же я слышал этот голос? – подумал Андрюшка. – Почему он мне знаком?» – И вдруг вспомнил: «Ночью в подвале, когда Яшку с Алькой хотел испугать». Он уже не порывался идти к Сычу, отлично поняв, что тут происходит неладное, что если увидят их – не сдобровать.

Снова полыхнула молния. И этого мгновения было достаточно, чтобы ребята с изумлением увидели вздыбленную каменную плиту, чёрный провал в полу и спускающегося в этот провал человека.

– Вот это да! – еле шевеля губами, воскликнул Тимка. – Та самая плита, что мы остукивали...

– Тише ты! – шикнул Андрюшка.

Но предостережение оказалось излишним: в церквушке глухо хлопнула плита, и всё стихло. Только сейчас ребята почувствовали, что идёт сильный дождь, что они промокли до нитки. Но что делать? Не лезть же от дождя в церквушку!

– Значит, они в подвале? – спросил Андрюшка.

– А то где же! Побежали к плитам.

Тимка долго бороздил носом мокрые и грязные плиты, пока не нашёл щель.

– Ага, вот она! – прошептал, наконец, он.

– Ну-ка, ну-ка! Дай взглянуть...

Андрюшка приник глазом к небольшой щели между плитами, оттуда струился слабый свет. Но ничего, кроме мелькающих теней, не увидел. Из подвала долетал чуть слышный глухой говор, однако, как ни напрягали ребята слух, ни слова разобрать не смогли.

Внезапно всё смолкло и погас свет. Ребята, словно угорелые, поползли на своё старое место и замерли в траве. Но из церквушки никто не выходил.

– Что они там, спать улеглись? – разозлился Тимка. – Не сидеть же нам здесь до утра!

Андрюшка встал, осторожно заглянул в пролом. Никого. Хотел вернуться к Тимке, но неожиданно увидел бегущего к церквушке, только с другой стороны, человека. Андрюшка еле успел отпрянуть и прижаться к стене, как человек торопливо вошёл в церквушку. «Опять Сыч!? Откуда он взялся?» Андрюшка был совершенно ошеломлён. В церквушке раздавались какие-то странные звуки. Не то Сыч подметал, не то скреб метлой каменные плиты, а через минуту он также торопливо вышел и бегом бросился по тропинке к старому городу.

Торчать у церквушки больше было не к чему, и ребята помчались домой. Дождь не только не переставал, но, кажется, ещё усилился – тугие водяные струи так и хлестали землю.

Ребята вбежали в первый попавшийся подъезд, чтобы передохнуть и собраться с мыслями.

– Ну, что? – вытирая ладонью мокрое лицо, спросил Тимка. – Поверил теперь? Это, брат ты мой, не шутка!

Андрюшка тоже понимал, что всё виденное не шутка. Его просто лихорадило.

– А этот мужик-то, знаешь кто? – спросил Тимку. – Тот самый, что у нас в подвале ночью был. Помнишь, я тебе рассказывал?

– Да ну?!

– Точно. Я его по голосу узнал... А Сыч... Что он с ними делает?

– Что делает! Ясно – ворует. Иначе зачем они лазят по подвалам?

– Ну, это мы посмотрим. Теперь-то мы всё узнаем, но только как Сыч выбрался из церквушки? Ведь люк больше не открывался?

...Мать встретила Андрюшку сразу двумя вопросами.

– Во-первых, где ты допоздна пропадал, во-вторых, почему весь мокрый и в глине?

Андрюшка виновато осмотрел себя и тяжело вздохнул.

– Заигрались, а тут дождь хлынул...

Мама посмотрела на Андрюшку долгим печальным взглядом, от которого стало очень неловко. Но ведь не мог же он открыть ей ещё не разгаданную тайну! Единственное, что твёрдо пообещал Андрюшка маме, – это не приходиться поздно. Всё – теперь они с Тимкой отдежурили.

Глаза у мамы сразу потеплели.

– Ну хорошо. Одежду повесь сушить, быстренько ешь – и в постель.

Она верила Андрюшке, и он никогда не злоупотреблял её доверием. Наскоро поев, он юркнул под одеяло. По телу разлилось приятное тепло, но сон не шёл. Перед глазами всё время стояла церквушка и освещённое вспышкой спички лицо Сыча. «Зачем он по ночам таскается в церквушку? Ведь не для прогулки? Узлы какие-то принесли... Кто этот мужчина?» Думает Андрюшка, думает, а ничего придумать не может. Даже голова разболелась. Одно ясно: с Сычом неблагополучно.

Последний раз Андрюшка видел Сыча год назад, когда тот бросил школу. Они учились в одном классе, дружили, и Андрюшка пошёл узнать, почему он не учится. Сыч жил на той же улице, что и Юрка Бабукин. Встретились возле дома, поздоровались. Андрюшка с удивлением рассматривал Сыча, его рваный пиджак, старые, кое-как залатанные штаны, выцветшую железнодорожную фуражку, которая была очень велика и сидела не на голове, а на ушах, сильно оттопырив их в стороны.

– Ты чего так вырядился?

Сыч исподлобья глянул на Андрюшку.

– А тебе-то что?

– Как что? – смутился Андрюшка. – Интересно...

– Я тебе не кино, – грубо сказал Сыч. – Ходит тут каждый: что да почему? Надоело.

Сыч сплюнул, отвернулся. Он долго глядел не мигая куда-то над домами, потом отрывисто сказал:

– Отец нигде не работает. Пенсию пропивает – вот почему! Доволен?

Сказал, голос его дрогнул, а в глазах вдруг заблестели слезы.

Потом каким-то глухим, но потеплевшим голосом произнёс:
– Ну ладно, Андрюшка, не обижайся... Спасибо, что зашёл, а теперь прощай, некогда мне...

– А почему в школу не ходишь? – торопливо спросил Андрюшка.

Сыч не ответил, лишь махнул рукой и медленно пошёл вдоль улицы.

После этого Андрюшка больше не видел его.

И вот встретились...

ГЛАВА 9

С отцом на заработки. Этого никогда не забудешь. Генка угощает. Петля «дружбы» затягивает шею. Долг платежом красен. Десять турманов. Как не стало Федьки Макарова.

Болезнь свалила мать, когда Федька заканчивал четвёртый класс. Болела она долго и тяжело. Но всё равно хозяйничала в доме, интересовалась, как учится Федька.

Бывало, худая, бледная, она зовёт Федьку:

– Федюнька, иди, сыночек, ко мне...

Посадит на кровать, держит горячими пальцами грязную Федькину руку и тихим голосом убеждает:

– Учись, Федюнька, хорошо учись. В люди выйдешь, не ленись только. Какая у тебя сейчас забота? Никакой, кроме ученья. Станешь большим человеком, авось, и меня вылечишь... Отец-то, видишь, какой: ни до кого у него нет дела, пьёт да пьёт...

Федька учился хорошо. С похвальной грамотой четвёртый закончил, в пятом тоже первым в классе шёл.

Светлым мартовским днём, когда зазвенела первая капель, умерла мать. Федьку словно подменили: стал хмурый, молчаливый. Уроки готовил редко, а порой совсем не ходил в школу – и день, и два. Еле-еле закончил пятый и больше учиться не стал, сказал, что пойдёт с отцом на заработки. Первое время в самом деле они с отцом занимались пилить дрова. Но однажды отцу показалось, что его обсчитали, он поскандалил и больше не стал ходить по дворам.

– Не по нам эта работа, Фёдор, – сказал отец, вернувшись откуда-то пьяным. – Мы найдём себе такую работёнку – ахнешь. Денежки сами потекут в карман.

Но такой работы не находилось. Да отец и не очень-то хотел работать: он получал пенсию как инвалид и этим вполне удовлетворялся.

После смерти матери в доме началось запустение. Все вещи приходили в негодность. Федька донашивал последние брюки и пиджак. Купить новые не было денег: отец пропивал их. Как получит, так неделю дома не живёт – пьянствует. Целыми днями Федька болтался по городу полуголодный. Мало того, что отец совсем не заботился ни о доме, ни о Федьке, в последний год вдруг озлобился и по любому поводу бил Федьку. Бил нещадно. Один раз даже табуреткой замахнулся.

Этот случай на всю жизнь, как заноза, в память вонзился...

Осень пришла как-то сразу, холодная, мокрая. С серого неба целыми днями лил нудный дождь. Ветер злобно бросался в окна, безжалостно трепал в палисаднике тощую черёмуху.

Федька сидел у окна и уныло смотрел на узкую грязную улицу. Дом был старый, прогнивший, и в нём стоял такой же холод, как на улице, только что ветра не было. Разжечь бы печку, да в сарайчике ни полена. А голодному в нетопленной избе совсем худо. К вечеру пришёл отец. На этот раз он, к Федькиному удивлению, был трезв, но чем-то сильно рассержен. Отец, не вытирая сапог, прошёл к столу, печатая на полу большие грязные следы. Одежда его промокла, и он, видимо, крепко продрог, потому что, взглянув на печь, хмуро спросил:

– Почему не протопил избу?

– Дров-то нет.

Отец сразу взорвался.

– А на стройку чего не сходил, лоботряс ты этакий!

– Да ведь сторож там, – тихо сказал Федька.

– За щепьё тебя сторож не подстрелит, – заорал отец. – Понравилось тебе, дубине, на отцовском всем сидеть. Иди, говорю, за дровами.

Федька умоляюще взглянул на отца. Он уже по опыту знал, чем всё это кончится.

– Меня уже ловили. Сторож побил...

– Мало, значит, бил! Быстро иди за щепками.

– Не пойду, – еле прошептал Федька.

– Ах ты мерзавец! – взревел отец. – Отца уважить не хочешь?

Он подскочил к Федьке и дал ему такого подзатыльника, что Федька слетел с табуретки.

– Иди, говорю, а то... – отец озверело глядел на Федьку, не находя слов. – А то... – И тут увидел табуретку, схватил её и кинулся к Федьке.

Федька заорал не своим голосом и раздетый выскочил на улицу. Вслед за ним в дверь со страшной силой вылетела табуретка, ударив по ноге. Всю ночь Федька продрожал от холода и страха на чужом чердаке, а утром, проследив, когда отец ушёл, пробрался в избу, оделся и пошёл бродить по городу. Сколько дней слонялся так, боясь зайти домой, Федька уже не помнит. Но это были самые голодные и тяжёлые дни в его жизни.

Однажды в одной из столовых, куда Федька пришёл с надеждой раздобыть хоть кусок хлеба, столкнулся с Генкой Зубовым. Генка – сосед Федьки. Он жил через пять или шесть домов от него. Генка держал в руках два бутерброда с колбасой.

– Ты что такой невесёлый? – спросил он и вгрызся крысиными зубами в бутерброд.

– Да так... – неопределённо ответил Федька и отвёл взгляд от Генкиного рта.

– Хочешь пожевать? – спросил Генка.

Федька молча схватил бутерброд и с жадностью стал есть. Они вышли на улицу, и Федька рассказал Генке о своей беде. Генка беспечно воскликнул:

– А ты наплюй на всё это!

– Как наплюй?

– А вот так! – и Генка мастерски сплюнул сквозь зубы. – Тебе отец денег, говоришь, не даёт?

– Не даёт.

– А ты сам возьми их. Не умирать же тебе с голоду.

– Прибьёт батя, – вздохнул Федька.

Генка захохотал:

– Вот дурак! Ты не жди, когда он тебе зубы пересчитает. Возьми и валяй из дома.

– Нет! – мотнул головой Федька.

– Ну, как хочешь, – миролюбиво заявил Генка. А потом хлопнул Федьку по плечу. – Идём в закусочную, пожрём что-нибудь.

Генка оказался щедрым парнем. Он купил по порции котлет, по стакану кофе и несколько пирожков с мясом. Наконец-то Федька наелся досыта! Впервые за столько дней! А Генка до конца решил быть добрым. Он предложил Федьке для ночлега свой сеновал.

– Там сухо, тепло и мухи не кусают. А утром, смотри, пораньше сматывайся, а то мой Хрыч даст тебе жару, если увидит. Хрычом Генка звал своего отца.

На другой день друзья снова шлялись по городу, и Генка продолжал угощать Федьку.

– Откуда у тебя столько денег? – удивлялся Федька.

– Разве это деньги! Семечки. Не такие бывали!

Однако, где он их брал, так и не ответил.

Быстро и крепко завязалась дружба между Генкой и Федькой, хотя они были совершенно разные по характеру.

Федьке шёл тринадцатый год. Это был крепко сбитый мальчик, с большими серыми задумчивыми глазами. Он любил

шутки, звонко, заразительно смеялся, однако, это не мешало ему быть почти всегда хмурым и настороженным. Характер был у него спокойный и прямой. Федька не любил врать. Кроме всего этого, он был смелым и сильным. И ребята не только с его улицы уважали Федьку.

Совершенно другим был Генка Зубов. В нём всё казалось каким-то чужим и неестественным: и бледное длинное лицо, покрытое редкими лепёшками-веснушками, и косая чёлка на низком лбу, и большие красные уши, которыми Генка мог шевелить. Генка был задирист и труслив. Он никогда не связывался со своими одноклассниками – боялся. Но, несмотря на это, ему частенько влетало, и Генка долго таил злобу на обидчика. Он не успокаивался до тех пор, пока не подговорит трёх-четырёх приятелей и не отомстит. Хитрость, трусость и мстительность крепко прижились в сердце Генки Зубова. И дружбу-то с Федькой Генка не зря завёл – крепкие Федькины кулаки могли здорово пригодиться Генке. Но Федька этого не знал.

Однажды, это было вскоре после встречи в столовой, Генка сказал:

– Я одну штуку придумал – ахнешь!

Федька выжидательно взглянул на приятеля.

– Тут, недалеко, через три улицы голубятник живёт. У него голуби знаешь какие? Первый сорт! Сегодня вечером сходим, стащим их.

– Как это «стащим»? – угрюмо взглянул Федька в бегающие зеленоватые Генкины глаза. – Украдём что ли?

– Конечно! – смело ответил Генка.

– Ну это ты брось. Я не пойду.

– Что, струсил? – захихикал Генка. – Кишка тонка?

– Не струсил, а воровать не пойду.

– Ну и чёрт с тобой, – почему-то быстро сдался Генка. – Не хочешь – не надо. Без сопливых обойдёмся.

И ушёл домой.

Федька не видел его дня два. И эти два дня почти ничего не ел. На третий день сам пришёл к Генке.

– Вынеси хлеба. Дома ни черта нет...

Генка быстро сбежал в избу, принёс ломоть калача и кружку молока. Когда Федька поел, Генка, будто между ними ничего не произошло, сказал:

– Ну так пойдём за голубями? Мировецкие турманы.

Федька молчал: не хотелось обидеть Генку.

– Ну так как?

Федька снова промолчал, отведя глаза в сторону.

– Ты что, удружить мне не хочешь? – напирал Генка. – Я вон для тебя сколько добра сделал. Эх ты, ещё другом называешься...

Федька вскипел:

– Да зачем они тебе, голуби? Что ты делать с ними будешь?

Генка радостно засмеялся, видя, что Федька сдаётся.

– Потом увидишь. Лишь бы они ко мне попали...

Наконец, Федька махнул рукой.

– Ну ладно, сходим. Для тебя.

Поздней ночью они пробрались во двор к голубятнику. На двери сарая, где находились голуби, висел большой замок. Федька тихо присвистнул.

– Такой замочище и пушкой не собьёшь.

– А ты в окошко лезь, – подсказал Генка. – Ты лезь, а я на атассе буду стоять.

– На каком атассе? – обернулся Федька.

– Ну на карауле... Чуть что – свистну.

Федька осмотрел окно. Генка легко выдавил стекло варежкой и помог Федьке влезть в сарай.

Федька действовал быстро. В сарае даже малейшего шума не поднялось, когда он высунулся из окошка и прошептал:

– Заяц, принимай.

Генка торопливо подбежал, вытащил из кармана мешок и сунул в него двух голубей. Потом Федька подал ещё двух, потом ещё.

– Шесть. Хватит?

– Ещё давай!

Десять голубей унесли тогда Федька и Генка.

Весь следующий день Федька провел в страхе – вдруг хозяин узнал, кто украл его голубей. Вдруг он нагрянет к Федьке с милицией. Он раза четыре бегал к Генке, чтобы поделиться своей тревогой, но того не было дома. Генка пришёл только к вечеру и сразу же забежал к Федьке.

– Идём к нам на сеновал, – многозначительно сказал он.

– Да побыстрее.

Федька поспешно зашагал за Генкой. Сердце билось бешено: значит, всё пропало, голубятник узнал о них, и придётся где-то прятаться. Когда влезли на сеновал, Федька дрожащим голосом спросил:

– Узнал?

– Кого узнал? – уставился на него Генка.

– Голубятник, что это мы украли турманов?

– Ну и чудак ты! Всё шито-крыто. Смотри! – и он вытащил из кармана кучу денег. – Вот они, голуби! Чуть с руками у меня их не оторвали. Для тебя старался, чтоб с голоду не подох...

Федька от изумления рот открыл.

– Продал?!

– Спрашиваешь. По пятёрке за пару.

– Ох ты! Вот не думал.

Генка был доволен тем, что ошеломил друга. Он неторопливо пересчитал деньги, разложил их на две пачки, одну сунул себе в карман, другую протянул Федьке.

Федька дрогнувшей рукой принял деньги, сказал:

– Спасибо, Заяц. Ты неплохой парень...

И пошла с той поры Федькина жизнь по кривой дорожке. Генка познакомил Федьку со Жмырём, с его старшим братом Сенькой, отъявленным хулиганом и вором, и другими парнями из их компании.

Не помнит Федька, как и откуда появилась у него кличка «Сыч». Дали её дружки или за то, что ночью хорошо видел, или за большие серые глаза. Но прилипла она к Федьке, как репей.

Порой даже забывал, что его Федькой зовут: всё Сыч да Сыч. Свои ребята и чужие. Сначала Федька обижался, даже побил нескольких мальчишек, потом смирился, привык и стал он не Федькой Макаровым, а Сычом.

К этому времени отец женился на костлявой тётке Варваре, жившей у своей сестры на соседней улице. Относился Федька к ней хорошо, видел, что изба приобрела жилой вид, отец стал реже пить и вроде подобрел. Жить бы Федьке по-прежнему, в школе учиться, да отвык он за это время от дома. Да и страх перед отцом не проходил. Федьке казалось, что отец нарочно прикидывается добрым, но однажды возьмёт и приберёт его. И Федька как можно реже бывал дома. Отец с мачехой будто совсем забыли о Федьке: нет дома – и пусть. А ему того и надо. Жизнь Федьке Макарову казалась лёгкой, интересной, хотя в сердце нет-нет да кольнёт тревога.

ГЛАВА 10

Мучение у кнопки электрического звонка. Йога. Шерлок Холмс – это ерунда. Жмырь предлагает. Отчаянное решение. Деньги могут жечь руки.

Котья бродил по двору и усердно шмыгал носом.

– Эй ты, чижик!

Котья оглянулся – Жмырь.

– Чего нужно?

– Ходи сюда, – позвал Жмырь.

Котья подошёл. Жмырь небрежно сунул руку в карман, достал пачку папирос.

– Закуривай.

– Я?! – пролепетал Котья и оглянулся. – Нет, я не курю.

Мамка побьёт, если узнает...

– Ну, как хочешь, – усмехнулся Жмырь и ловко закурил сам. – Где твой дружок? Яшка, кажется?

– Яшка, – подтвердил Котья. – Дома, наверное.

– Позови. У меня дело к нему. Важное.

– Важное? – проглотил слюну Котья. – А мне скажешь?

– Маленький ещё... – Но, заметив, что Котька обиделся и чего доброго откажется позвать Яшку, Жмырь миролюбиво хлопнул его по плечу. – Конечно, скажу... когда позовёшь своего дружка. Только быстрее. Я буду ждать на пустыре.

Котька козырнул и побежал к дому. Но смелости у него хватило только добраться до Яшкиной двери, а позвонить сил не стало. Ему всегда боязно входить к Коржневым. Все у них какие-то неприветливые, строгие. Откроют двери и начнут расспрашивать: зачем пришёл, что надо, а если впустят в квартиру, то обязательно скажут, чтоб снял ботинки. Особенно вредная тётя Глаша – домработница Коржневых. Та часто просто гонит Котьку прочь, даже не спросив ни о чём.

Уже минуты две прошло, а Котька все ещё нерешительно топчется у Яшкиных дверей, зачарованно глядя на пуговку электрического звонка. Но вот он стиснул зубы, зажмурил глаза и нажал кнопку. Дверь отворила тетя Глаша. Она свирепо, как показалось Котьке, взглянула на него и грубо спросила:

– Чего нужно?

– Здравствуйте, тётя Глаша, – льстиво залепетал Котька.
– Мне бы Яшу увидеть... Дело важное...

– Это у тебя-то важное дело? – грозно спросила домработница, и на верхней губе её подпрыгнула большая волосатая бородавка. – Знаю я вас... Проваливай.

– Да нет, правда, тётя Глаша, – заторопился Котька, испугавшись, что так и не попадёт к Яшке. И совершенно неожиданно соврал: – Яшу просили зайти во Дворец пионеров.

Тётя Глаша тяжёлым взглядом ещё раз окинула Котьку, вздохнула.

– Ну ладно уж, заходи, да чтоб не баловаться: наши-то отдыхают.

«Наши-то» – это отец и мать Яшки.

– Хорошо, хорошо, тётя Глаша. Я ему только словечко скажу и назад... Яша в своей комнате?

– В ванной, – буркнула домработница. – Уже час там сидит, что-то чудит. Беды бы какой не случилось...

И она пропустила Котьку в квартиру. Если бы тётя Глаша могла предугадывать события, если бы она могла знать, какие несчастья и для Яшки, и для неё самой принесёт в дальнейшем этот приход Котьки, она бы его и на порог не пустила...

Котька не стал терять времени и осторожно пробрался к ванной.

Он открыл дверь и застыл в изумлении. Яшка полуголый сидел по-турецки на плиточном полу и зачем-то макал лицо в миску с водой. Макнёт, а сам пальцем прижмёт одну ноздрю и долго-долго сидит так.

– Яшка, ты что делаешь? Ведь захлебнуться недолго.

Яшка поднял голову и спокойно произнёс:

– А, это ты, Котька... погоди малость, сейчас другой ноздрёй буду пить воду.

– Ноздрёй пить воду?! – воскликнул Котька. – Зачем?

Яшка сделал умное лицо и внушительно заговорил:

– Этого, брат, тебе никогда не понять. Это – особая физкультура, благодаря которой можно закалить своё тело.

Яшка посмотрел на Котьку таким взглядом, словно сделал великое открытие, а потом, откинув голову, зажал пальцем другую ноздрю и опустил лицо в воду. Котька видел, как вода в миске стала убывать. Значит, Яшка действительно пил воду носом! Вот чудак! Наконец Яшка отодвинул миску, встал.

– Пить не хочется, а то бы всю воду выпил...

– Ведь противно носом пить, – поморщился Котька. – Придумал же!..

– Это не я придумал, тёмная ты личность. Это придумали йоги. Пить носом холодную воду – очень полезно: во-первых, голова освежается, во-вторых, никогда не будешь простужаться, и никаких тебе насморков. Я уже третий день занимаюсь по системе йогов.

– А что такое оги?

Яшка взглянул на Котьку с таким сожалением, что тот почувствовал себя неловко.

– Ты не знаешь, кто такие йоги?! Пойми – йоги, а не оги.

Это, в общем, великие люди. Они так натренировывают своё тело, что могут делать чудеса. Йоги могут несколько часов совсем не дышать, останавливать сердце, а потом снова заставлять его биться. Ты понимаешь, как это здорово? Пойдём, я тебе прочитаю одну штуку.

Они прошли в комнату. Яшка быстро нашёл журнал «Знание – сила», развернул его и таинственным шёпотом сказал:

– Слушай. Это, брат, похлеще всяких Шерлоков Холмсов. Шерлок Холмс и в том числе Ватсон – букарашки по сравнению с йогами.

Он поудобнее уселся и начал читать, смакуя каждое слово:

«Не торопясь, словно совершая торжественный обряд, двигалась процессия. Вот она миновала центральные улицы города и устремилась на окраину – туда, где кончались жилые кварталы и начинались поля. Люди замедлили шаги и остановились около свежерытой ямы. От толпы отделился человек, подошёл к краю ямы и опустил на её дно, вытянувшись во всю длину своего тела. Прошла минута, на грудь ему упал ком земли, другой... И вскоре весь он был засыпан плотным слоем земли. Всё так же невозмутимо спокойно, храня мёртвое молчание, стояла вокруг толпа...»

Яшка оторвал глаза от журнала и взглянул на Котьку, как бы спрашивая: «Ну, каково?»

– Ну, ну, читай, – попросил Котька. – Интересно! Живого засыпали землёй – вот злодей!

– Сам ты злодей. Слушай, что дальше: «Прошло несколько томительных часов. В толпе возникло какое-то движение. Трое или четверо людей одновременно начали разрывать земляной холм. Вот показалось недвижимое тело: глаза закрыты, нет и следа дыхания. Ещё мгновение, едва заметный вздох, дрогнули веки... – и вот заживо погребённый несколько часов назад человек поднялся и шагнул навстречу ожидавшей его группе людей. Это и есть йог...»

– Здорово! – воскликнул Котька, поражённый услышанным. – Как же это он не задохнулся?

– В этом-то и вся штука, – сказал Яшка. – Я же тебе говорил, что йоги могут задерживать дыхание и останавливать сердце. Тренировка! В этом же журнале написано, как один йог лёг на битое стекло, а ему на грудь по доскам въехал грузовой автомобиль. А йогу хоть бы что – выдержал! А один мальчишка так натренировал мускулы, что на животе может держать тяжесть больше тонны...

– Заливаешь.

Но Яшка тут же дал журнал, и Котька собственными глазами убедился, что Яшка не врёт.

– Я решил стать йогом, – гордо сказал Яшка. – У меня кое-что уже получается. Видел, как воду пил? А здесь, – Яшка подошёл к кровати, поднял покрывало, – я закаляю тело.

Котька заглянул под кровать и увидел на полу несколько тускло мерцающих звездочек.

– Что это?

– Битое стекло. Когда никого дома нет, я ложусь голой спиной на осколки... Ты смотри, не проболтайся, а то мамахен мне закатит шум.

Котька был ошеломлён окончательно. Он, пожалуй, сроду бы не лёг на стекло голым телом. Ну и Яшка! Котька посмотрел на него с завистью. А Яшка решил, что Котька не верит ему, быстро задрал рубаху и показал спину, на которой сиротливо алела одна маленькая царапинка.

– Видел? Вся изранена? – сказал он радостно. – Скоро шкура, как у слона будет.

– Эй, Яшка, – воскликнул Котька, – брось эту затею – можешь заражение крови получить.

– Ты неврастеник, Котька, – сказал Яшка, очень довольный тем, что удивил своего дружка. – Тебе не быть йогом!

– А я и не хочу... – Но тут Котька вспомнил, зачем пришёл к Яшке, всплеснул руками. – Ох, я и забыл с твоими йогами!.. Тебя Жмырь зовёт. Он на пустыре. Одевайся и айда к нему. Говорит, что дело важное.

Яшка быстро собрался, и ребята помчались на пустырь.

Жмырь так и кипел от злости и нетерпения. Только увидел Котьку, чуть с кулаками не бросился на него.

– Как дам сейчас по сопатке! Целый час жду. За это время можно весь город обегать. Ух, размазня сопливая!

Котька струсил.

– Да я ничего, я задержался...

– Ладно уж, молчи. «Задержался!»

Жмырь, наконец, успокоился и повернулся к Яшке.

– Тебе нравится ружьё? Ну то, что у Зайца?

– Нравится, – ответил Яшка, не понимая, почему это может интересовать Жмыря.

– Хочешь купить его себе?

– Хочу, – живо отозвался Яшка, и глаза его загорелись.

– Ну, тогда по рукам! – сказал Жмырь. – Гони двадцатку, и ружьё твоё.

– Двадцатку?! – в один голос воскликнули и Яшка, и Котька, у которых дух захватило от этой суммы.

– Двадцатку. А вы что думали – задаром? Или за целковый отдам?

Яшка сразу поскучнел.

– Где я возьму столько?.. Мамка не даст.

Жмырь усмехнулся.

– Ну, это твоё дело... Я думал, ты настоящий парень – первому предложил... Это ружьё любой купит. С руками оторвут и за четвертную.

Яшка молчал и мучительно думал. Он вполне верил, что кто-то другой и за двадцать пять рублей купит «воздушку». Какое славное ружьё! О таком ружье Яшка мог лишь мечтать. Из него не только воробья, но, пожалуй, и дикую утку подстрелить можно. Были бы деньги, Яшка не задумываясь купил бы «воздушку». Но денег нет. Двадцать рублей! Где их взять?

– Значит, не берёшь? – сплюнул Жмырь. – Эх ты, цапля длинноносая.

И он, с шиком закурив, медленно пошёл к старому городу. Яшка чуть не завыл от отчаяния: ему так хотелось иметь ружьё!

– Послушай, Жмырь, будь другом – не продавай ружьё. Я соберу денег.

Жмырь, не останавливаясь, полуобернулся.

– Деньги нужны сейчас и – полностью.

Лицо у Яшки становилось то красным, то зелёным. Желание заполучить ружьё стало невыносимым. Вдруг в глазах его вспыхнул огонёк. Яшка мгновение стоял в каком-то напряжении, потом, словно решившись прыгнуть с пятиэтажного дома, глухо крикнул:

– Пстой, Жмырь.

Жмырь остановился.

– Ну, чего?

Яшка подошёл и срывающимся голосом сказал:

– Неси ружьё и жди здесь. Через полчаса деньги будут...

Жмырь заулыбался:

– Вот это настоящий разговор. Молодец, Яшка.

Яшка шёл домой торопясь, тяжело дыша. Котька еле поспевал за ним.

– Яшк, где же денег столь возьмёшь?

– Не твоё дело. Иди и помалкивай.

– Мать-то не даст...

Яшка бешено заорал:

– Уйди, не скули!

Котька оробел, но продолжал семенить за Яшкой до самого подъезда.

Мать и отец обедали, позвали Яшку, но он отказался. Медленно прошёл в гостиную, с минуту тыкался из угла в угол, как будто что-то искал. Увидев, что никто не заходит, Яшка подошёл к шифоньеру, открыл дверцу. И сразу движения его стали торопливыми, беспорядочными. Яшка лихорадочно перебирал одежду, рылся на полках. «Ага, вот она!» – прошептал он, вытаскивая из-под белья мамину коричневую сумку. Бесперывно оглядываясь на дверь, словно затравленный зверёк, он дрожащими пальцами открыл её.

Деньги! Они лежали, притягивая руки, как магнит, прико-

ывали глаза. Яшка, чуть ли не против воли, сунул руку в сумку, но тут же отдернул её, словно ожёлся. «Нет, не возьму, – мелькнула мысль. – Не возьму...» Яшка оглянулся на дверь, – показалось, что кто-то внимательно глядит на него. «Не возьму, не возьму!» – твердил он. Но деньги убивали всю Яшкину силу, всю волю. «Не узнают, что я взял. Подумают, что потеряли, а у меня будет ружьё!» Ружьё – эта мысль сразу прибавила решимости. Яшка выхватил одну за другой четыре бумажки по пять рублей, закрыл сумку, сунул её на место. Лицо у Яшки покрылось испариной. Он зажал в пальцах деньги, медленно вышел из квартиры и тут уж что было силы кинулся к пустырю.

Деньги жгли Яшкину руку, словно раскалённые угли.

ГЛАВА 11

Суп-лапша с мясом. Случай на улице. Удивительное открытие Сыча. Тревожные раздумья. «Прощай... Федюнька». Кто украл велосипед?

Встреча произошла при необычных обстоятельствах.

В этот день, как и вообще в последнее время, Андрюшка был по горло занят. Но сегодня – особенно. Нужно было сбегать к Юрке Бабукину, выпросить у него электропровода метров двадцать для мастерской. Ребята раздобыли ещё два электропаяльника и нужно было дополнительно поставить розетки. Затем Андрюшка договорился с Тимкой сходить в церквушку, разгадать, наконец, как открывается люк. И последнее, главное, с чего надо начать – это хозяйственные дела.

Сегодня воскресенье, но мама работает. Поэтому убирать квартиру и готовить обед должен Андрюшка. Ещё давно они с мамой так условились: одну неделю убирает она, когда работает в ночь, а днём отдыхает; другую неделю всё по дому делает Андрюшка. Домашние дела не тяготили его – он любил, когда в квартире чисто и прибрано. Хуже – готовить обед. Сбегать в магазин, закупить продукты – это ещё куда ни шло. Но варить, хоть тресни, не мог. Мама постоянно объясняет Андрюшке, какие продукты необходимо вначале класть в кастрюлю, когда ва-

ришь, например, суп, сколько бросать соли, перцу – он не может запомнить. Андрюшкин суп вечно пересолен, недоварен и, конечно, не вкусен. Придя с работы, мама, голодная, уставшая, терпеливо ест это варево. Она даже не морщится и не упрекает Андрюшку: понимает, что не каждый может вкусно приготовить обед.

Однажды он решил постараться как следует и угостить маму на славу. Задумал сварить борщ. Почти полдня гремел посудой, мыл овощи, чистил, крошил. Кастрюля весело булькала, гремела крышкой, обдавала ароматным паром счастливое лицо повара. Когда, по расчетам, борщ был готов, Андрюшка налил себе полную тарелку, чтобы снять пробу. Первая ложка борща вызвала удивление, вторая судорогой свела челюсть. В третий раз Андрюшка не рискнул хлебнуть. Он сидел расстроенный, подавленный: такой кисло-соленой бурды ему ещё ни разу не удавалось сварить. «Неужели и это мама будет есть? – с ужасом подумал Андрюшка. – И будет! Чтобы не обидеть меня!»

Тогда он подскочил к плитке, схватил кастрюлю и вылил всё в раковину. У него оставалось немного денег, и он побежал в магазин, чтобы хоть что-нибудь взять поесть. Долго бродил у витрин, пока ему не бросились в глаза брикеты с довольно аппетитными названиями: «Суп вермишелевый с овощами», «Суп гороховый», «Суп-лапша с мясом...»

– Ого! – воскликнул Андрюшка и немедленно купил два брикета «Суп-лапша с мясом». В этот раз впервые Андрюшка кухарничал с удовольствием. Что и говорить, разве трудно размять брикет, высыпать концентрат в кастрюлю с водой, включить плитку и подождать каких-то двадцать минут, пока сварится суп. Просто, легко и вкусно! С тех пор дело пошло веселее. Андрюшка быстро справлялся с приготовлением обеда, и у него оставалось много свободного времени.

Сегодня Андрюшка решил пораньше управиться со всеми домашними делами. Он уже прибрал в комнате и помчался в магазин за брикетами. Магазин был близко, через дорогу. И только

Андрюшка выбежал на тротуар, увидел перепуганного Ваню. Он крепко держался за велосипед, а какой-то уже большой мальчишка тащил велосипед и вместе с ним упирающегося Ваню.

– Чего скулишь? Прокачусь вокруг дома и отдам, – говорил он, а сам отрывал Ванины руки от велосипеда.

Андрюшка, не раздумывая, кинулся на помощь, с ходу ударил мальчишку.

– Ну-ка, отцепись!

Тот испуганно повернулся.

– А, Заяц! – произнёс Андрюшка и снова ударил его: – Не лезь к маленьким.

Заяц отпустил велосипед и, криво усмехаясь, полез в карман.

– Я сейчас тебе покажу.

Андрюшка не стал ждать, когда Заяц вынет руку, снова двинул его в скулу. Заяц попятился, трусливо заоглядывался, кого-то ища взглядом. И в это время раздался знакомый голос.

– Ну хватит, Андрюшка.

Между Зайцем и Андрюшкой встал Сыч.

– Ну-ка дай, ну-ка дай ему, как следует, – закричал Заяц.

Но Сыч спокойно ответил:

– Не ори. Сам нарвался.

Андрюшка, удивлённый неожиданным появлением Сыча, хмуро смотрел то на него, то на Зайца, который уже оправился от растерянности и теперь, когда подошёл Сыч, решительно приблизился, готовый вступить в драку.

Ваня крепко держал велосипед и жался к Андрюшке.

Заяц, увидев, что Сыч не собирается бить Шустова, а напротив, очень доброжелательно настроен, зло посмотрел на Сыча.

– Значит, так ты за друзей стоишь? Попомни это, Сыч. – И уже Андрюшке. – А ты – берегись. Попадёшься мне – не проси пощады. – И быстро пошёл по улице.

Ребята молча проводили Зайца взглядом, потом Сыч повернулся к Андрюшке, улыбнулся.

– А здорово ты его!

Улыбнулся и Андрюшка.

– Вечно задирается, послабей себя ищет... – сказал и замолчал, не зная, о чем говорить дальше.

Для него Сыч был теперь не просто обыкновенным мальчишкой, бывшим одноклассником, а человеком, окутанным тайной. Как вести себя с ним? О чём говорить? Ведь только недавно видел его бурной ночью в церквушке с какими-то узлами, а теперь стоит этот Сыч перед ним, улыбается, словно ни в чём не бывало. Кто он?

У Сыча тоже, видно, не находилось разговора. Он молча посматривал то на Ваню, то на велосипед, то на Андрюшку.

– Ну, как живешь? – спросил он наконец.

– Ничего. А ты?

– Тоже...

И снова замолчали.

Андрюшка с любопытством разглядывал Сыча. На нём была старенькая в пёструю клетку рубашка, поношенные серые штаны. Зато на голове лихо сидела новая рябенькая кепочка с маленьким козырьком. Разглядывает Андрюшка Сыча, а сам думает: спросить или не спросить про церквушку? Но так и не спросил: кто знает, как отнесётся к этому Сыч.

– А ты чей? – спросил Сыч, тронув Ваню за плечо.

– Я? Я – Ваня. Ваня Тузов. – И тут же без всяких вступлений выложил. – Это мне Андрюша велосипед сделал. А мой украли. Прямо из подвальной кладовки. А Андрюша взял и сделал этот. Хороший велосипед. Быстро идёт, только я ещё не могу с седла достать педали.

Сыч внимательно взглянул на Ваню.

– Ты где живёшь?

– Вон в том доме, – показал рукой. – Там же, где Андрюша. Хочешь посмотреть, как я катаюсь?

– А ну, валяй.

Ваня встал на педали и помчался вперёд.

– Ловко, – почему-то невесело сказал Сыч. Потом к Андрюшке: – Он что, родственник твой?

– С какой стати?

– Ну вот велосипед ему сделал...

Андрюшка засмеялся.

– Никакой не родственник. Просто жаль мальчишку стало. Его мать всю зиму копила деньги на детский велосипед, наконец, купила. Ваня ещё не успел накататься, какой-то гад украл велосипед. Другой покупать? А деньги где? Отца нет. А у мальчишки ещё сестрёнка...

Андрюшка встретил глаза Сыча, в них было что-то тревожное, беспокойное.

– Вот я и решил ему хоть какой-нибудь велосипед достать. Отремонтировал его... Ваня, видел, и этому рад, – закончил Андрюшка.

Сыч молчал. Лицо его стало хмурым, широкие брови сошлись на переносье.

– Знаешь что?... – поднял он голову, но вдруг осёкся... – В общем ладно, Андрюшка. Я, пожалуй, пойду. Заходи ко мне.

– Как-нибудь зайду... И ты заходи...

– Может, и забегу, – произнёс Сыч и, не прощаясь, пошёл.

Андрюшка постоял немного, проводив взглядом Сыча. «Странный какой-то». Потом крикнул Ване, чтобы тот ехал домой, а сам пошёл в магазин.

Невесёлым оказался этот день у Сыча. Непонятная тревога забралась в сердце и щемит, щемит... И мысли в голове какие-то беспокойные, неотвязные. Уселся во дворе на завалянке и, не мигая, уставился на бледный серпик луны. Странно, думает Сыч, ещё солнце не зашло, а на небе луна.

Такую картину он видел впервые. Но и это не может отогнать непривычную тревогу.

Из открытого окна несётся непрерывная воркотня. Это тётка Варвара снова чем-то недовольна.

– Ироды, душегубы! – то и дело доносится из комнаты. Сыч понимает, что эти нелестные слова сказаны по адресу его и отца. – Чтоб у вас ноги отпали, окаянные. Чтоб у вас руки выкручивало локтями вперёд...

Почему тётка Варвара желает им таких ужасов, Сыч никак не может понять. Но он привык к подобной брани и почти не замечает её...

А тревога не проходит и не проходит... Перед глазами нет-нет да и встанет лицо Андрюшки Шустова и этого, как его – Вани Тузова. «Вот я и решил ему хоть какой-нибудь велосипед достать. Отремонтировал его...» – слышится Андрюшкин голос. Трудно понять Сычу, как это можно где-то доставать, а потом сидеть и чинить старый разбитый велосипед. Не для себя, а для соседского мальчишки! Нет, Сыч не согласился бы на такую трату времени. А вот Шустов сделал велосипед, да ещё и радуется этому. Почему он такой, Андрюшка Шустов?

Сыч вспомнил школу, когда учился вместе с Андрюшкой и дружил. Мальчишка, как мальчишка. Ничего в нём не было особенного. Учился хорошо. Но и Сыч учился не хуже, правда, потом, когда умерла мама, дело пошло неладно. Однако и у Андрюшки отца не было. Говорят, уехал от них в другой город. Ну что ещё? Баловался Андрюшка так же, как и все. И на уроках шалил. Только вот... Он и тогда лез в драку, если увидит, что обижают слабых и маленьких. «Таким и остался, чёрт...» – грустно усмехнулся Сыч.

Из избы вдруг донёсся вопль. Сыч вздрогнул, будто его стегнули плёткой. Заглянул в окно. Тётка Варвара стояла у открытого сундука, шевелила беззвучно губами, словно рыба, выброшенная из воды. Но это продолжалось недолго. Скоро из её рта снова вырвался истошный вопль и потом, как град, посыпалась брань.

– Бандиты, грабители! Такое покрывало! Такое покрывало! – кричала тётка Варвара. – Украли!!! Вытащили прямо из сундука! Негодяи!

Сыч ничего не мог понять.

– Тётя Варя, что случилось? – спросил он, перевешиваясь через подоконник в избу.

– Что? – встрепенулась тётка Варвара. – Ах, это ты, бан-

дитское отродье! Может быть, это ты стащил моё покрывало?

– Я?! Да вы что? Зачем мне оно?

– Знаю я вас! – закричала тётка Варвара, бросаясь к нему.

Сыч отпрянул от окна.

Тётка Варвара кричала:

– Чтоб у тебя с твоим отцом-пьянчужкой пальцы отсохли, чтоб глаза бесстыжие повылазили...

В это время хлопнула калитка, и во двор не вошёл, а ввалился пьяный-препьяный отец.

– Кт-то меня вспоминает? – пробубнил отец. – Ты, Варвара?

Тётка Варвара высунулась из окна и немедленно накинулась на отца.

– Явился, дармоед? Напился на мои кровные денежки! Ты украл моё покрывало?

– Не ук-крал, а взял. Своё в-взял...

Сыч по опыту знал, что сейчас начнётся скандал, который может закончиться дракой. Он боялся этих ссор, поэтому не стал ждать и убежал со двора.

Пришёл вечером, дома было тихо. Вошёл в кухню – никого. Сердце ёкнуло в предчувствии: не случилось ли беды.

Заглянул в комнату. Отец спал на полу, тётка Варвара всклокоченная, с опухшим пунцовым носом увязывала большой узел. Она мельком взглянула на Сыча, но не заорала на него, как всегда, а неторопливо продолжала стягивать верёвку. Сыч долго глядел на тётку Варвару, не понимая, зачем она увязывает узел. Потом подошёл к ней, тихо сказал:

– Давайте помогу, тётъ Варя...

Вдвоём они быстро и туго сплели узел, вынесли во двор. Снова вошли в избу. Тётка Варвара задумчиво оглядела комнату, задержала взгляд на храпевшем отце, подошла к окну и сняла тюлевую занавеску. Сыч вопросительно глянул на мамеху. Та кивнула ему головой, будто он догадался, зачем она делает всё это.

– Да, да, ухожу от вас, – тихо произнесла она. – Сил нет жить с ним, – кивнула в сторону отца. – Пропадёт человек

и меня угробит... – И заплакала. Жалобно, как плачут обиженные малые дети.

У Сыча дрогнули губы. Почему-то стало жалко и тётку Варвару, и себя, и избу, которая снова останется с голыми стенами, с грязным полом, где больше не появится тёплого ароматного запаха жареной картошки...

Сыч вскинул глаза на тётку Варвару, на её худые, жилистые руки, на грустные голубые глаза. Он очень удивился, что у неё такие чистые, голубые глаза, из которых сейчас одна за другой выкатывались крупные слезинки. И почему он был уверен, что она злая? Видно, ей просто надоел вечно пьяный отец и он, Сыч, бездельник, шатающийся по улицам. И снова жалость резанула сердце Сыча. Что теперь будет в доме без тётки Варвары, как они будут жить с отцом? Ведь они не умеют ни постирать, ни сварить, да и варить-то, пожалуй, снова не из чего будет.

– Тётъ Варя, не уходите...

Но тётка Варвара только глубоко вздохнула и ещё ниже опустила голову. Потом, когда за окном совсем стемнело, она встала, порывисто обняла Сыча, несколько раз приладила его волосы жёсткой ладонью.

– Прощай... Федюнька. Не поминай лихом...

И ушла с узлом в темноту. А Сыч стоял, глядя на захлопнувшуюся дверь. Зашевелился отец, всхрапнул, сел. Но сидел недолго. Бессмысленно обвёл глазами комнату и снова свалился набок.

Сыч вышел на кухню, кинул на лавку старый отцовский полушубок, вместо подушки своё пальтишко и лёг. Но сон не шёл. Мысли так и прыгают то к тётке Варваре, то к сегодняшней встрече с Андрюшкой Шустовым. «А Ваня-то Тузов неплохой малый. – Приходит вдруг новая мысль. – Совсем, как девчонка. Такого обидеть каждый может...» «Какой-то гад украл велосипед», – снова слышится голос Андрюшки. – Ишь ты: гад! Крепко сказал! А велосипед, конечно, жалко. Хороший велосипед.

Почему же так неожиданно взволновала его встреча с Андрюшкой, бывшим товарищем? Почему так обеспокоила его

беда чужого мальчишки? Дело в том, что велосипед-то у Вани Тузова украл он, Сыч, вместе с Зайцем и Жмырём.

ГЛАВА 12

Ночные страхи. Котька властвует. Горсть земли, которую пришлось съесть. Однажды утром. «Вот оно – началось!» Тётя Глаша развязывает узелок.

Гнетущая тревога овладела Яшкой, думал: попади к нему в руки такое красивое пневматическое ружьё – будет самым счастливым человеком. Но вот «воздушка» уже три дня у него, а счастливым он себя никак не может считать. Даже радости, хотя бы слабой искорки, и той нет. Связало Яшку это ружьё по рукам и ногам. Где ни ходит, что ни делает, а в голове одно: не узнали ли дома о пропаже денег, не украл ли кто его «воздушку».

Купив у Жмыря ружьё, Яшка побоялся нести его домой. Решил спрятать понадежней в каком-нибудь укромном месте, пока пройдёт буря из-за кражи денег. А потом, когда всё уляжется, он принесёт «воздушку» домой. Если мама и папа спросят, откуда появилось ружьё, скажет, что товарищ дал пострелять, или ещё что-нибудь придумает.

Долго Яшка искал подходящее место. Наконец, нашёл его на пустыре, в густых зарослях полыни. Он вырыл глубокую продолговатую яму, выложил дно и стенки кирпичами, чтобы не проходила сырость. Потом обмотал ружьё тряпьем и бумагой и засыпал в яме. Засыпал так, что даже настоящий сыщик не нашёл бы Яшкин тайник. Хоть и надёжно спрятано ружьё, а покоя нет. Особенно ночами. Проснётся вдруг в глухой ночной час и думает: а что если кто-то подсмотрел, как он рыл тайник, а что если ружьё уже украли? И не спит до самого утра, а утром, чуть свет, бежит на пустырь. Никому не говорил про ружьё, а где спрятано, даже Котька не знал.

Котька! Вот самое страшное для Яшки. Котька единственный, кто знает о том, где Яшка взял деньги. Он в любой момент мог разболтать об этом, и тогда Яшка пропал. Котьку всё время приходится умасливать, а он наглед с каждым днём: то

ему принеси пирожков, которые всегда пекла тётя Глаша, то дай ему три копейки на газировку. Яшка, нечего делать, хоть и с трудом, но выполнял требования. Котька прямо-таки упивался властью над Яшкой. В последнее время он, как только увидит Яшку, сразу начинает приставать:

– Где твоё ружьё, Яшка? Почему не выносишь?

Яшка хмурился, молчал, а Котька, как назойливая муха, лип к нему.

– Давай постреляем. Страсть как охота! На пустыре воробьёв видимо-невидимо. Голуби прилетают. Давай поохотимся?

Яшка терял терпение, орал на Котьку, обзывал его ослом, но тот не унимался.

Однажды после такой перепалки Котька нахально заявил:

– Если не дашь пострелять, расскажу всем, что у тебя есть ружьё и где ты взял деньги.

Эти слова словно ошпарили Яшку. Он, как бешеный, бросился с кулаками на Котьку.

– Ах ты предатель! Ах ты подлец!

Котька даже не стал защищаться, он только завывал и просил пощады.

– Не буду, Яшка, честное слово не буду! Хочешь земли съем?

– Ешь! – кричал Яшка и совал Котьке в рот полную горсть земли. – Ешь, а то голову сверну.

Котька, дрожа как последний трус, давился землёй и клялся, что никому никогда не скажет о ружье и деньгах. А дни шли один за другим. Но никто в доме ни словом не обмолвился о пропаже денег, будто они продолжали лежать в маминной сумочке. «Может, так всё и пройдёт? Может, мама не заметит?»

Яшка уже начал оживать: повеселел, стал снова дурачиться на улице, даже хотел на часок-другой вынуть «воздушку» из тайника и пострелять на пустыре. Да вдруг разразилась такая беда, какой он не мог себе и представить.

Это произошло утром.

Яшка только что проснулся. Он с минуту лежал, глядя

на открытое залитое солнцем окно. На подоконнике прыгали, громко чирикавая, воробьи. Небо было такое чистое и голубое, что Яшке вдруг стало весело и легко. Все грустные мысли моментально вылетели из головы. «Всё будет хорошо, – подумал он. – Сегодня постреляю». Он уже схватил край одеяла, чтобы откинуть его и соскочить с кровати, но в комнату вошла мама. Яшка прикрыл на всякий случай глаза, но так, чтобы можно было всё видеть. Мама взглянула на Яшку, и, чтобы не потревожить его сна, на цыпочках прошла к шифоньеру. В груди у Яшки всё замерло: неужели за деньгами? И как бы подтверждая эту догадку, мама взяла с полочки сумку. Она долго считала и пересчитывала деньги, потом, пожав плечами, пошла к двери.

– Аркаша, ты взял двадцать рублей? – услышал Яшка тихий голос матери.

– Нет, нет, голубушка, не брал. Зачем они мне?

Яшка лежал ни жив, ни мертв. «Вот оно – началось», – со страхом подумал он. Мама сначала спокойно, потом с раздражением наседала на отца. Тот тоже вначале отвечал добродушно, а потом с тревогой.

– Да не брал я, не брал, – взмолился, наконец, отец.

– Тогда кто же?

Мама и папа умолкли. Молчали долго, видимо, раздумывая о таинственном исчезновении двадцати рублей. Затем мама решительно подошла к Яшке.

– Яшустик, проснись.

Яшка, трепеща от страха, открыл глаза, встретил суровый мамин взгляд.

– Яшустик, ты брал из сумки деньги?

Язык у Яшки словно прилип к гортани. Он захлопал беспомощно глазами и еле-еле выдавил:

– Какие деньги? Я не брал...

Мама несколько секунд молча и внимательно рассматривала Яшку, потом резко повернулась, и они с папой вышли из комнаты. Сердце Яшки, казалось, совсем перестало биться. «Что теперь будет?» – тоскливо бродила одинокая мысль. Он

слышал, как мама с папой сначала тихо разговаривали в другой комнате, потом заспорили, стали громко кричать друг на друга. Но вдруг сразу оба замолкли: Яшка понял, что пришла с рынка Глаша.

– Вот я с ней сейчас поговорю, – произнесла мама и пошла на кухню.

О чём говорила мать с домработницей, Яшка не слышал. Да ему и не до этого было. Он быстро оделся и незаметно выскользнул на улицу.

Голодный, полный тяжёлых предчувствий и тревог, Яшка пробродил до вечера. Но как ни боялся появляться дома, идти было нужно. Не станет же он целую ночь сидеть на улице!

Первое, что увидел, – это красные и опухшие от слёз глаза тётки Глаши. Она стояла на кухне с чемоданом в руках. Волосатая бородавка на её губе печально прыгала то вверх, то вниз. Тут же были папа и мама.

Мама, еле взглянув на Яшку, снова повернулась к тётке Глаше.

– Значит, смелости воровать больше, чем ответить правду?

Тётя Глаша вдруг выпрямилась, в глазах её сверкнул огонёк.

– Как вам не стыдно, – тихо, но твердо проговорила она. – И это вся благодарность ваша за три года моей работы у вас! Я ухожу, и очень обидно мне за всё, что вы на меня наговорили...

Тётя Глаша торопливо сунула руку в карман, вынула небольшой узелок. Яшка увидел, как она дрожащей рукой развязала его и стала выбрасывать на стол деньги – одну бумажку за другой.

– А это вам двадцать рублей... моих собственных... чтоб вы не считали меня должной...

Остатки денег тётя Глаша сунула снова в карман, подхватила чемодан и, больше не говоря ни слова, не оглянувшись, вышла из квартиры.

Стало тихо и тяжело. Яшка был потрясён поступком и уходом тёти Глаши. Он смотрел то на сиротливо лежащие деньги, то на маму, то на отца. Те тоже молчали и смотрели на деньги.

ГЛАВА 13

Ларчик просто открывался. «Вот это влипли!» Кто обитает в подземелье? Куда ведёт дверца? Андрюшка отрицательно качает головой.

После долгих поисков удалось, наконец, обнаружить, как открывается люк в подвал церквушки. Это делалось очень просто: стоило лишь просунуть металлический прут в специально пробитое отверстие между основанием стены и плитой пола, нажать прут снизу вверх, и плита легко поворачивалась на толстой стальной оси, открывая тёмное нутро подвала.

Самым трудным было найти это отверстие. Его, как поняли ребята, всякий раз после посещения церквушки тщательно заделывали, чтобы никто не обнаружил, а плиту покрывали мусором.

И вот люк открыт. Ребята даже растерялись, когда у их ног зачернел провал. Андрюшка заглянул туда и боязливо поёжился.

– Что-то и лезть неохота. Вдруг там сидит какая-нибудь рожа и нас поджидает...

Тимка тоже нерешительно топтался возле люка, прислушиваясь, не раздаются ли из темноты подозрительные звуки. Но там стояла мёртвая тишина. Лезть в подвал ребята не спешили. Внимательно оглядели крышку. На внутренней стороне её было массивное кольцо, в него продета толстая цепь.

– Зачем это?

– Наверное, закрывать крышку, когда спустишься в подвал, – предположил Андрюшка.

Потом он улёгся прямо на захламлённый пол, чуть ли не до пояса свесился вниз. В лицо пахло сыростью и затхлостью. Тимка пристроился рядом.

– Свети.

Луч фонарика упал в узкий каменный ход, напоминающий

колодец. С одной стороны ребята увидели вделанные в стену скобы. Они шли до самого низа и, видимо, служили для спуска в подвал.

– Лезем? – спросил Тимка.

Андрюшка кивнул головой и тут же решительно стал спускаться вниз. Тимка последовал за другом. Спустившись до половины, Тимка схватил болтающийся конец цепи и потянул на себя. Оказалось, что Андрюшка прав: крышка глухо ухнула над головами ребят.

– Ты смотри, как легко закрывается! – воскликнул Тимка.

Но Андрюшка не разделил этой радости.

– Ты что? Вдруг в подвале сидит кто-нибудь? И выскочить не успеешь, как сцапает.

Тимка струхнул, залепетал:

– Я сейчас, я открою... Она легко открывается...

Он быстро влез по скобам вверх, упёрся рукой в крышку. Она не открылась. Нажал изо всей силы – крышка даже не шевельнулась.

– Ну, что? – шёпотом спросил Андрюшка, освещая фонариком Тимку.

– Не открывается...

Андрюшка обозвал Тимку идиотом и полез к нему на помощь. Однако, сколько они ни бились, поднять крышку не смогли.

– Вот это влипши! – прошептал Андрюшка, вытирая вспотевший лоб. – Как теперь отсюда выберемся?

Ребята висели на скобах до тех пор, пока руки не онемели от напряжения.

– Давай спустимся, – мрачно прошептал Андрюшка. – Я не ласточка.

И ребята снова стали спускаться вниз, скованные страхом перед неизвестностью и мраком.

Лаз был глубокий. Когда ребята встали на дно, показалось, что попали в другой мир: такая здесь темень и тишина! Даже не верилось, что наверху сияет радостное солнце, зеленеет трава

и поют птицы. Андрюшкин фонарик нащупал в стене довольно высокий и широкий боковой ход. Ребята осторожно и почти не дыша двинулись по нему. Через несколько шагов они попали в просторное помещение, потолок которого был сделан из каменных плит. Это и было то самое подземелье, в котором Тимка через щелку заметил свет.

Андрюшка медленно водил фонариком по стенам, потолку, полу. Первое, что бросилось в глаза, – это застланный серым одеялом топчан. Он стоял в дальнем углу. Рядом с ним лежал перевёрнутый вверх дном фанерный ящик. На нём в беспорядке валялись два стакана, пустая консервная банка, засохшие куски хлеба, остатки селёдки. Под топчаном лежала груда пустых бутылок из-под водки и множество консервных банок. Над топчаном висела керосиновая лампа.

Однако то, что в подвале не оказалось ни одной живой души, заметно приободрило друзей – они стали смелее ходить и даже разговаривать вслух.

– Ну, что я тебе говорил? – взволнованно произнёс Тимка. – Кто-то здесь живёт. Ишь, выпил сколько и сожрал, – кивнул он на топчан.

Андрюшка и сам теперь видел, что подвал обитаем. Но кто живёт здесь в тёмном и сыром подземелье, почему живёт?

– Идём дальше, – шепнул он.

В другом углу ребята обнаружили ворох тряпья. Тимка не мог сдержать любопытства и стал рыться в этом хламе. И, к удивлению ребят, хлам оказался довольно новыми женскими платьями, мужскими рубашками, костюмами, скатертями, покрывалами.

– Вот это да! – протянул Тимка изумленно. – Не иначе ворьё здесь живёт. Как ты думаешь?

– Ясно! Тут и думать нечего.

Сказал и вздрогнул, словно током ударило: ведь в церквушке он видел Сыча! Значит... Значит Сыч и тот мужик с хриплым голосом – воры?! Да и Жмырь с ними. Сердце билось сильно, глухо. Почему-то даже жар прошиб Андрюшку. А Тимка тараторил, всё более горячась:

– Я сразу понял, что ворьё. Вот тебе и Сыч, вот тебе и Жмырь! Кто же третий? Но ничего! И этого узнаем. Знаешь что? Айда сейчас же в милицию.

– Ты сначала выберись отсюда, – мрачно бросил Андрюшка.

Тимка сразу скис и беспомощно заоглядывался по сторонам, будто ища выход.

– Слушай, Андрюшка, – тихо сказал он, – пойдём ещё раз попробуем открыть крышку.

Наверное, больше часа бились ребята, но толку никакого – плита будто вросла в землю. Удручённые и расстроенные, они снова спустились вниз, уселись на топчане. Сидели молча. Тревога выбила из головы все мысли. Но сидеть долго было нельзя. Мальчишки понимали, что в любой момент сюда могут пожаловать хозяева и тогда... Что произойдёт тогда – не хотелось думать.

– Давай покричим, – тревожно предложил Тимка.

– Покричим! Да тут хоть разорвись от крика, никто не услышит. Не надо было крышку закрывать.

– Откуда же я знал, что её изнутри не откроешь?..

– Знал, знал! – передразнил Андрюшка. – Сначала надо думать, а потом делать... Да что теперь говорить об этом!

Тимка уныло обвёл глазами каменный потолок, каменные стены, каменный пол, почесал затылок.

– Я всё думаю: как Сыч тогда со «своими» выбрался?

– И я о том же думаю, – ответил Андрюшка, осматриваясь вокруг. – Здесь где-то обязательно другой выход есть.

И он решительно встал.

Метр за метром осматривали ребята стены, двигали вещи, ощупывали каждую плиту. И вдруг рядом с топчаном они нашли небольшую дверцу.

– Фу ты, – с некоторым оттенком разочарования произнёс Тимка. – Тут и искать-то нечего было. Зря сидели столько времени в этой темнотище!

– Погоди радоваться. Ещё неизвестно, куда дверка ведёт. Может, в такую дыру, что вообще оттуда не выберешься.

Тимка ничего не возразил. История с верхним люком довольно крепко проучила его. Теперь Тимка сроду ничего не станет делать, пока хорошенько не поразмыслит.

– Давай откроем, посмотрим, – предложил он после минутного молчания.

Но Андрюшка не ждал Тимкиного совета: он уже тянул дверцу за кольцо. Она медленно, со скрежетом открылась. Андрюшка на всякий случай отскочил от зияющей чёрной дыры, направил туда луч света. Ничего страшного там не оказалось: нора и нора, только большая.

– Куда она ведёт? – переходя на шёпот, спросил Тимка.

Андрюшка пожал плечами. Подошёл к дверце, ещё раз осмотрел отверстие.

– Полезли?

Сказал вроде бодро, а сердце заколотилось так, будто хотело выскочить. Тимка тоже не очень весело откликнулся:

– Полезли, пожалуй...

Андрюшка первый вполз на четвереньках в чёрное нутро тоннеля. Пробирался медленно, боясь какой-нибудь неожиданности. За шиворот то и дело сыпалась земля, сбитая с потолка неловким движением. Ход был неровный, извилистый и, казалось, бесконечный.

– Андрюшк, а, Андрюшк, – донёсся тревожный голос Тимки, – а вдруг у него конца нет? Залезем далеко и задохнёмся.

Андрюшка ничего не ответил, только сжал челюсти и продолжал ползти вперёд. Внезапно лучик фонарика скользнул по стенке тоннеля и растаял в дневном свете. Земляной ход кончился. Теперь они оказались под громадными каменными глыбами, хаотически нагроможденными друг на друга. В нос ударил смрадный запах. Андрюшка, придержав дыхание, вылез из-под глыб. За ним вылетел Тимка.

Ребята огляделись. Они очутились на дне глубокого оврага среди вонючей свалки. Мальчишки отлично знали это место, но, конечно, никогда здесь не играли.

– Теперь ясно, как выбрался Сыч со своими дружками. Хитрые. Следы замечают...

– Айда отсюда, – морщась, проговорил Андрюшка. – Дышать нечем.

Страх и волнение, которые наполняли ребят, когда они сидели в тёмном подземелье, прошли. Тимка, словно продолжая свою мысль, спросил:

– Ну так как? В милицию идём?

Андрюшка отрицательно покачал головой. Нет, в милицию идти он не собирался – рано. Ещё сами толком ничего не узнали. Когда всё будет ясно – тогда другое дело. Да и... прежде бы с Сычом надо поговорить, разузнать что и как. Может, он и не виноват ни в чём. Пожалуй, так и надо сделать. А в милицию сбегать они с Тимкой всегда успеют. Тимка, подумав малость, согласился с Андрюшкой: верно, рано. Да вот и Сыча почему-то жалко. Парень он всё-таки неплохой. По крайней мере, был неплохим. Ну что ж, торопиться тогда не к чему.

ГЛАВА 14

Незванный гость. Вот так молчун! Светка приходит в восторг. «Весёлый керогаз». Ребята любят вывеской. «У них, пожалуй, интересней...» Яшка обещает.

Около «скворечника» в последние дни стало очень оживлённо. Даже малыши и те перенесли свои игры сюда, забросив качалки и песочницы. Глядя на старших ребят, они целыми часами колотили камнями ржавые консервные банки, воображая, что тоже ремонтируют посуду.

Да что малыши! Однажды в «скворечник» зашёл Фаддеич, угрюмый, молчаливый старик, обросший дремучей чёрной бородой. Он остановился на пороге, обвёл всех суровым взглядом и медленно стал обходить помещение. Шум в «скворечнике» сразу утих. Ребята настороженно следили за Фаддеичем. «Зачем он пожаловал сюда, этот бородатый молчун?» Все ребята в доме знали Фаддеича, но не любили его. Да и за что любить-то? Целыми часами сидит на ступеньке крыльца своего

подъезда и сосёт большую обгорелую трубку, а дым из неё, как из трубы котельной. Никто не видел, чтобы он был весёлым или улыбался. Сидит, молчит и курит. Иногда поздоровается со знакомым и то не по-человечески. Не скажет «здравствуйте», а вынет трубку изо рта и немного головой кивнёт.

Ребята ничего не знали о Фаддеиче. Кем он работал, где, откуда приехал сюда. Знали одно: живёт он на первом этаже в однокомнатной квартире со своей женой, маленькой старушкой, чистенькой, беленькой и тоже тихой и неприметной. С ребятами Фаддеич вообще не знался. Просто не замечал их. А тут вдруг пришёл! И хоть бы слово сказал! Ходит и смотрит. Заглянул в маленькую комнатку, но, очевидно, там для Фаддеича ничего интересного не оказалось, повернул обратно. Подошёл к куче ещё не отремонтированной посуды, взял сразу две кастрюли и чайник. Повертел их, положил на место. Остановился около Тимки, долго смотрел, как тот паяет, и, наконец, раздвинул губы.

– Хорошо робишь, парень.

И шагнул дальше, к Андрюшке.

– У тебя хуже. Так держи инструмент...

И показал, как надо держать паяльник. Остальные ребята разом принялись работать, чтобы увидел Фаддеич. И он подошёл ко всем и каждому что-то сказал. Затем, не прощаясь, вышел.

– Ну и тип, – покачал головой Андрюшка. – «Хуже, лучше, не так, вот эдак!»

На другой день Фаддеич снова заявился. Опять ходил, молчал, сурово оглядывая ребят, будто они в чём-то были виноваты. Потом вдруг подошёл к Тимке.

– Айда со мной, парень.

– Куда? – удивлённо спросил Тимка.

Но Фаддеич, не отвечая, пошёл к выходу.

Минут через двадцать Фаддеич и Тимка вернулись, нагруженные недлинными, но довольно толстыми брусьями и досками.

– Зачем это? – шёпотом спросил Андрюшка у Тимки.

Тот пожал плечами. А Фаддеич, осторожно положив поклажу, сдвинул кучу посуды от стены на середину комнаты, сказал:

– Верстаки делать будем. Без верстака – какая работа!

Ребята от радости и неожиданности даже онемели. Вот так Фаддеич! Вот так Молчун! Одна лишь Светка не обрадовалась. Ей не понравилось, что Фаддеич, во-первых, не посоветовался с ней, а, во-вторых, почему он выбрал в свои помощники Тимку. Чего доброго, Тимка начнёт ещё задаваться. Но Тимка не думал задаваться. И это Светку несколько примирило с таким грубым вмешательством Молчуна в дела мастерской.

Фаддеич работал быстро и красиво. В его больших и сильных руках, казалось, всё пело и играло. Вот он взял рубанок, и тот, будто обрадовался, что попал в эти огромные мозолистые руки. «Вжиг-вжиг, вжиг-вжиг», – весело заговорил рубанок, но не успел как следует разговориться, доска заблестела на солнце, словно отполированная. Молоток сам прыгнул в пальцы Фаддеича: тук, тук, тук; и доска легла на своё место ровно и крепко. Ребята смотрят на руки Фаддеича как зачарованные. А он, забыв обо всём на свете, пилит, строгаёт, прибивает. Лишь изредка попросит кого-нибудь помочь ему, тогда ребята сразу наперебой то придерживают доски, то суют гвозди, рубанок. И вот вдоль стены выстроились три маленьких, удобных верстака. Ребята прямо-таки налюбоваться не могли, садились на них, примерялись работать.

Даже Светка пришла в восторг от верстаков.

– Какие миленькие! Теперь у нас настоящая мастерская!

И вдруг, осенённая какой-то идеей, она присела, хлопнув себя по коленкам.

– Мальчики, что я придумала! Давайте как-нибудь назовём нашу мастерскую и вывеску сделаем?

– А что? – закричал Андрюшка. – В самом деле, почему бы не назвать «скворечник»... то есть мастерскую, ну, например, например... – И Андрюшка беспомощно глянул на ребят. – Ну, как?..

– «Три кастрюли», – брякнул Тимка.

Ребята захохотали.

– «Паяльник», – давясь смехом, подсказал кто-то.

– «Ложка-поварёжка»...

– «Дырявое ведро».

– «Весёлый керогаз»...

Тимка вдруг перестал смеяться.

– А что, и вправду назовём «Весёлый керогаз»? А?

– Давай! – закричали ребята. – «Весёлый керогаз!»

Андрюшка оглянулся: где же Фаддеич? Молчун сидел на перевёрнутом ведре, курил свою трубку. Смотрел на ребят и улыбался. Фаддеич улыбался! Это было удивительно. Все с любопытством глядели на старика. А тот не спеша выбил трубку, сунул её в карман, сказал:

– Это ничего – «Весёлый керогаз».

Сказал будто сердито, а глаза продолжали улыбаться.

– Ну вот и решили! – заулыбалась Фаддеичу и Светка.

Ребята, не теряя времени, принесли масляных красок: зелёной и красной. Только такие нашлись. Тимка выбрал длинный, но неширокий лист блестящей белой жести, положил на стол и вывел на ней:

МАСТЕРСКАЯ «ВЕСЁЛЫЙ КЕРОГАЗ»

Слово «мастерская» было зелёным, а «Весёлый керогаз» – красным. Хоть и неважным художником оказался Тимка и буквы у него клонились в разные стороны, однако надпись вышла яркой и довольно внушительной.

Первым увидел красно-зелёную вывеску, прибитую высоко над дверью «скворечника», Алька.

– Мастерская «Весёлый керогаз»? Что за керогаз, да ещё весёлый?

Побежал к своим друзьям.

– Ребята, айда к «скворечнику». Там вывеску прибили. «Скворечник» теперь называется «Мастерская «Весёлый керогаз»! Видал, что придумали?!

Скоро у «Весёлого керогаза» собралась целая толпа ребят. На этот раз Яшка не насмеялся, не острил. Особенно после того, как заглянул в «скворечник» и увидел там три аккуратненьких верстака и хмуро покуривающего Фаддеича. Неожиданная зависть прокралась в сердце Яшки. Захотелось войти в «скворечник», пройтись по нему по-хозяйски, встать за верстак и что-нибудь сделать такое, чтобы все ахнули.

Подобные мысли блуждали и в круглой, стриженной под машинку Алькиной голове. Только Алька не мог держать их при себе, а сразу высказывал.

– У них, пожалуй, интересней, чем у нас... – «У них» – это у Андрюшки и Тимки. – Видал, что сделали: и вывеску, и верстаки... Даже Фаддеич к ним перебрался...

То, что Фаддеич, этот хмурый, необщительный старик, пришёл к ребятам в мастерскую и сидит в ней, как у себя дома, особенно поразило Яшкиных дружков и вызвало острый интерес. Ведь неспроста Молчун перекочевал сюда со ступенек крыльца. Видно, в «скворечнике», действительно, замышлялось что-то интересное. Не пришёл же Фаддеич к ним на пустырь...

Яшка сразу понял настроение своих приятелей, понял и то, что, если он не придумает чего-нибудь увлекательного, все уйдут в «Весёлый керогаз», и тогда прощай Яшкино владычество и атаманство. И Яшка с презрительной гримасой произнёс как можно убедительней:

– Ничего в «скворечнике» нет и не будет интересного. Пасть кастрюли – разве это весело? Вот у нас кое-что будет! Завтра.

Яшкины слова заинтересовали ребят. Но Коржнев больше ничего не сказал, лишь многозначительно подмигнул: «Ждите, мол, и завтра увидите». Один лишь Котька догадался, на что намекает Яшка: на пневматическое ружьё. Значит, Яшка решил вынести «воздушку». Наконец-то! Ну, теперь ребята постреляют!

Яшка открывает тайник. Развлечение не состоялось. «У нас не проходной двор!» Алька радуется. Тимка умиряет горячую воду. О чём сообщали «Боевые листки». Вот это подарок! Кого скрывали кусты акации?

И вот наступило «завтра».

Яшка тайно пробрался на пустырь, выкопал ружьё и гордый, недоступный появился с ним во дворе. Ребята сразу окружили Яшку.

– Яшк, дай стрельну.

– Погоди, дробь нет.

– У меня есть, – обрадовался Алька.

– Тогда тащи её сюда, – милостиво разрешил Яшка.

Алька, как угорелый, помчался домой, а Яшка, важный, словно петух, стоял в кругу ребят, небрежно держа ружьё. Многие с нескрываемой завистью разглядывали «воздушку», осторожно протягивали руки, чтобы пощупать и погладить полированный приклад, чмокали губами и тяжело вздыхали.

– Где такое достал? – трепетно спросил Димка Удодов. – Купил? Сколь отдал?

Яшка сначала совсем не хотел отвечать, но потом, покосившись на Котьку, ответил:

– Двоюродный брат прислал из Тулы. Там их полно.

– Вот бы мне такое, – чуть не простонал Удодов. – Дай, а? Яшка даже позеленел от этой наглой просьбы.

– А этого не хочешь? – и он под самый Димкин нос поднёс кулак.

Котька захихикал и заискивающе сказал:

– Правильно. Ишь чего захотел – ружьё! Такого ему и во сне не видать, не то что руками потрогать...

Подошли, привлечённые шумным скопищем ребят, Тимка и Светка. Думали, произошло какое-нибудь любопытное событие. Но когда увидели потного, красного от важности Яшку, а в его руках красивое пневматическое ружьё, сразу поняли, что интересного ничего нет, а просто Яшка сейчас начнёт задаваться и хвастать.

– У-у! – прогудела Светка, сузив глаза. – Так бы и смазала по красной роже. И везёт же таким! Вот и ружьё у него, какого у других нет. Сейчас начнёт строить из себя принца. Вот увидишь: никому даже стрельнуть не даст!

– Идём отсюда, – сказал Тимка, поворачивая назад. – Этого индюка терпеть не могу.

Прибежал запыхавшийся Алька, принёс полкармана дробы. Целых три горсти отдал Яшке.

– Себе малость оставлю.

– А тебе зачем дробь? – с издёвкой спросил Яшка. – Ртом стрелять будешь?

– Но ты же дашь ружьё? – забеспокоился Алька. – Я тебе вон сколько дробы принёс.

– Принёс-то принёс, а тебе фигу под нос! – сострил Яшка и захохотал.

У Альки даже слёзы навернулись от обиды. Котька Блиничков захихикал было, но тут же осёкся: ребята хмуро глядели на Яшку. И их взгляды не предвещали ничего хорошего. Яшка быстро смекнул, что переборщил, и весело хлопнул Альку.

– Ты чего, Ватсон? Конечно, дам тебе ружьё. И всем ребятам дам. Что, думаешь, мне жалко? Нисколько.

Ребята сразу повеселели, а Котька, как всегда, заюлил около Яшки: то за ствол ружья возьмётся, то приклад погладит. Увидев, что всё обошлось благополучно, Яшка скомандовал:

– Идёмте на пустырь.

И все весело двинулись за Яшкой, предчувствуя славное развлечение.

Однако развлечение не состоялось. Вскоре к «Весёлому керогазу» пришёл расстроенный и совершенно разобиженный доктор Ватсон.

– Эгей, пират! – окликнул его из окна мастерской Тимка. – Чего так быстро отстрелялся?

– А ну их, – неопределённо махнул Алька рукой.

– Кого это «их»?

– Да Яшку... Барахло, а не человек, – и вдруг разозлился.

– Сам стреляет, а другим не даёт, будто мы съедим его «воздушку». Жадоба свинская! Мне всего два раза дал пальнуть. А ведь сколь дрови я принёс Яшке!..

Светка захохотала, тоже подошла к окошку:

– Ну, что я говорила? Я наперёд знала, что никому не даст стрельнуть. А ружьё у него всё-таки хорошее.

– Хорошее, – подтвердил Тимка. – Точь-в-точь как я у Зайца видел. Может, это его ружьё?

– Нет, – сказал Алька. – Ему двоюродный брат прислал из Тулы.

Тимка досадливо махнул рукой.

– И вы поверили? Врёт Яшка. Всё врёт. Что ни скажет – брехня.

– Может, и врёт, – согласился Алька. – Только... Только... Ребята, примите меня к себе, в «Весёлый керогаз»?.. – сказал тихо, а в глазах была такая горячая просьба, что Тимка, который хотел что-то съязвить, дружелюбно произнёс:

– А мне что? Заходи и работай. По мне пусть хоть все приходят...

Но тут вмешалась Светка.

– Как то есть, «пусть все приходят»? Что у нас проходной двор? Ничего подобного. И ты брось, Тимка, всякие глупости говорить...

– Ну ладно, ладно, – поморщился Тимка.

– Не ладно, а бездельников и разных балбесов в «Весёлый керогаз» мы не пустим.

Алька растерянно глянул на Тимку, дескать, помоги, брат. И Тимка пришёл на помощь.

– Алька-то ведь не бездельник, чего ты зря орёшь.

– Он – другое дело. Но если будет отлынивать и валять дурака – живо вылетит.

Хоть и не совсем приятно было слушать Светкины слова, но Алька был бесконечно рад, что ребята приняли его в свою компанию. Он перешагнул порог мастерской и ещё не успел как следует осмотреться и почувствовать себя полноправным

членом «Весёлого керогаза», торопливо вошла управдомами Агния Петровна с Андрюшкой. Она была взволнованной и растерянной.

– Мальчики, в двенадцатом доме, в пятой квартире, выбило кран с горячей водой, а слесарь куда-то делся, не можем найти... Может быть... может быть, вы что-нибудь сделаете? Квартиру заливают водой...

Тимка, не задав ни одного вопроса, быстро бросился к инструментам, выбрал необходимые ключи, порылся в ящике с разным железным барахлом, вынул медный позеленевший кран. Осмотрел его – резьба была хорошей.

– Андрюшка, у нас где-то была резина. Найди, для прокладки... А ты, Алька, бери ключи...

В квартире стояла нестерпимая жара и клубился такой пар, что сквозь него было трудно увидеть что-либо. Хозяйка, молодая испуганная женщина, металась с тазом из кухни в ванную, а в кухне растерянно стоял мужчина в пенсне на носу и с молотком в руках. Это был сосед хозяйки квартиры, бухгалтер швейной мастерской. Он жалко улыбался, глядя на вылетающую из отверстия трубы горячую струю, и перекладывал молоток с руки на руку. Увидев ребят, он пролепетал:

– Молодые люди... молодые люди, у меня есть молоток... Он, видимо, понадобится... Берите, берите...

Тимка даже не взглянул на бухгалтера и его молоток, прошёл, хлопая по горячей воде, к раковине. Он был непривычно серьёзным. Работал решительно и быстро. Вырезал из резины величиной в пятак прокладку, проделал в середине её отверстие, надел на резьбу принесённого крана.

– Дайте какие-нибудь рукавицы, – попросил он спокойно у хозяйки.

Та нашла дырявые «брезентушки». Тимка надел их, вверх намотал ещё каких-то тряпок, взял кран и вдвинул его резьбой в отверстие. Вода, почувствовав преграду, зашипела, ударила горячим веером в разные стороны. Тимка, прикрывая лицо от брызг, медленно, но упрямо ввинчивал кран в трубу.

И взбешённая вода, встретившись с волей мальчишки, смирилась: сначала она стекала струйкой, потом закапала и вскоре совсем перестала течь.

Тогда Тимка взял раздвижной ключ и довинтил кран до конца.

Хозяйка настолько была рада и счастлива, что забыла поблагодарить ребят, а бросилась убирать с пола воду.

Только Агния Петровна тихо и сердечно сказала:

– Спасибо, мальчики.

Ребята вышли на улицу, и только тут Тимкино лицо вдруг перекошилось.

– Ух, чёрт, болит...

Андрюшка и Алька, глянув на Тимкину левую руку, обомлели: она опухла, побагровела, а кое-где уже вздулась водяными пузырями.

– Ох ты!.. – выдохнул испуганно Алька.

А Андрюшка схватил Тимку за рукав, крикнул:

– Айда в больницу.

Алька стоял и смотрел вслед уходящим ребятам. «Вот так Тимка! Вот это – да!» И Алька вдруг почувствовал небывалую гордость, что он теперь Тимкин и Андрюшкин друг, что он с ними заодно во всех делах. А одно из этих дел Алька видел только что. «Ну и Тимка! Вот смелый!» И Алька побежал к своим бывшим приятелям рассказать о себе, о «Весёлом керогазе» и, конечно, о Тимке.

На другой день на дверях всех подъездов появились красиво разукрашенные «Боевые листки». В них жилуправление вынесло благодарность Тимофею Королькову, Андрею Шустову и Альберту Жохову за благородный трудовой поступок. А Агния Петровна подарила ребятам... мотоцикл. Нет, нет, не подумайте, что этот мотоцикл только что сошёл с заводского конвейера. Он был старый и изрядно разбитый. На нём сын Агнии Петровны наездил не одну тысячу километров, не раз ломал его и ремонтировал. И, наконец, довёл до такой степени, что уже не в силах был исправить. Он завёл мотоцикл в кла-

довку и бросил его там, а сам, окончив институт, уехал работать куда-то в Туркмению.

Андрюшка и Тимка были просто потрясены таким щедрым подарком. Они сразу, не откладывая дела ни на минуту, выкатили с помощью друзей мотоцикл из кладовки и повели машину в «Весёлый керогаз». За ними шла шумная толпа ребят. И никто не заметил Яшку, который жадно следил за всем происходящим из кустов акации. Он снова крепко пожалел, что не был вместе с ребятами. Котька сидел рядом и беспрерывно шмыгал носом.

– Перестань! – зло прошипел Яшка. – Не нос, а сифон.

– Чего злишься? – обиженно произнёс Котька. – Лучше идём постреляем.

– У, бегемот пустоголовый, – рыкнул Яшка. – Только и знаешь: «Постреляем, постреляем...»

Последние слова Яшка проговорил с такими ужимками и гримасами, что Котька засмеялся.

– Ну циркач!

И ещё сильнее взбесил Яшку.

– Слушай, Котька, по морде дам, если не заткнёшься!..

Не напрасно злился Яшка. Всё началось ещё на пустыре, куда Яшка опять, как король, пришёл со своим ружьём и ватагой ребят. У большого оврага он снял с плеча ружьё и приказал Котьке поставить мишень – пустую консервную банку. Котька быстро исполнил приказ. Яшка выстрелил... и промахнулся. Ещё выстрелил, ещё раз, ещё. И всё мимо.

– Дай я стрельну, а? – попросил Димка.

Яшка нехотя протянул «воздушку». Он боялся, чтобы и остальные дружки, как Алька, не ушли от него в «Весёлый керогаз».

– На, стреляй...

Димка схватил дрожащими руками ружьё, стал целиться. Бац – и попал в банку. Хотел ещё раз выстрелить – Яшка не дал.

– Довольно.

Ему стало обидно, что какой-то лопухий Димка попал в цель с первого раза, а он, Яшка, хозяин ружья, бьёт мимо. Ребята думали, что теперь Яшка даст всем испробовать свою меткость, но тот только обещал:

– Сейчас, сейчас, ещё разок стрельну...

В это время кто-то прибежал на пустырь и крикнул:

– Айда, ребята, во двор. Андрюшке и Тимке мотоцикл подарили. Настоящий!

И мальчишки, словно ветер, сорвались с места.

– Куда вы, ребята? – крикнул Яшка. – Сейчас каждому дам пострелять.

Никто не обратил на этот призыв внимания, никто не оглянулся. Но что самое обидное, побежал со всеми Димка Удодов. Яшка чуть ли не силой хотел удержать его, обещал дать выстрелить десять раз подряд, но Димка только отмахнулся:

– А ну тебя с твоим ружьём!

Яшка остался вдвоём с верным Котькой. Теперь не перед кем было ломаться и задаваться. У ребят появилось более интересное дело, чем ружьё, и они убежали. Пять минут назад Яшка был героем дня, его ласково называли Яшей, теперь он никто. Яшка чуть не плакал от досады и обиды. Ему казалось, что ребята навсегда признают его первым и будут выполнять любое Яшкино желание, а вышло иначе. Никто Яшку не признал первым, ребята плюнули на его ружьё и убежали. Очень обидно. И зло берёт.

Яшка уныло глянул на консервную банку и, не говоря ни слова, пошёл ко двору. «Что за мотоцикл? – думал Яшка. – Кто подарил? Вот повезло Тимке и Андрюшке». Подойти к ребятам не захотел из принципа, а спрятался с Котькой в кустах. Он видел, как ребята вывели мотоцикл из подъезда, как шумно покатили его к мастерской. Яшка завистливо глядел на ребят. Как бы он хотел идти вместе со всеми и так же громко радоваться, но он сидит в кустах и не трогается с места. Котька нетерпеливо топчется рядом.

– Чего мы стоим здесь, как дураки? – непонимающе пожи-

мает он плечами. – Идём к ребятам? Хоть мотоцикл посмотрим. Идём?

Яшка не ответил. Долго, долго стоял не шевелясь, потом ни с того, ни с сего заорал на Котьку.

– Уходи отсюда! Уходи, а то!.. – И размахнулся ружьём. Котька испуганно отскочил:

– Ты чего, спятил?

– Уматывай, а то башку расшибу!

Котька, так и не поняв ничего, как пуля выскочил на тротуар. А Яшка выбрался с другой стороны сквера и направился на пустырь, к своему тайнику.

Домой ружьё заносить ещё не решался.

ГЛАВА 16

Заказное письмо. Плата за обиду. Зелёный в белый горошек платок. Расправа. Обиды, которые не проходят...

Часов в девять утра в окно кто-то настойчиво забарабанил. Сыч проснулся, соскочил с лавки и, протирая глаза, бегом бросился открывать. На пороге стояла женщина-почтальон.

– Долгонько спите, молодой человек, – приветливо сказала она. – Письмо вам заказное. Извольте расписаться.

– Неужели письмо?! От кого? – обрадовался Сыч.

– Распишешься, прочтёшь и всё узнаешь...

Письмо было на имя отца. Обратный адрес воинский. Сыч недоуменно вертел в руках конверт и никак не мог угадать, кто же написал письмо. Сначала хотел дождаться отца, но его уже целые сутки нет дома и неизвестно, когда придёт.

Не так уж часто приходили к Макаровым письма. Сыч помнит только два письма, и то их получили ещё при маме. Сегодня хозяин письма он, Сыч. Тревожно бьётся сердце, предчувствуя что-то необычное и приятное. Сыч распечатал конверт, вынул письмо. Из свёрнутого вчетверо листка вдруг выпала небольшая фотография. Сыч схватил её. На него смотрел молодой большеглазый парень в фуражке и погонах. На груди красовались два значка: гвардейский и ещё какой-то.

Даже на фотографии было видно, как блестели они. На погонах Сыч заметил три полоски: сержант. «Кто он такой?» Сыч отложил фотокарточку, взялся за письмо. Прочитал его одним духом и так разволновался, что сразу и не понял всего, о чём писал сержант. Принялся вторично читать, теперь уже более спокойно и медленно.

«Дорогой и многоуважаемый Филипп Григорьевич, здравствуйте! Пишет это письмо ваш родственник, ныне воин-ракетчик Советской Армии Борис Казаков.

Как вы поживаете? Как ваше здоровье? Как живёт и учится мой племянник Федя? Он уже, наверное, сильно вырос. Я видел его, когда ему было годков пять. Помните, я ещё тогда приехал из детдома к вам в гости?

Ну так вот, дорогой Филипп Григорьевич, служу я неплохо, являюсь отличником боевой и политической подготовки, имею две благодарности от командования. Всё это, конечно, хорошо, но вот-вот заканчивается срок моей службы, а ехать мне некуда – нет у меня никого близких и родных. Была сестра Катя, ваша то есть жена, но и той теперь не стало. Кроме вас, Филипп Григорьевич, и Феди нет у меня больше родных. Вот я и решил написать вам, Филипп Григорьевич, не примете ли вы меня на первое время к себе, пока я покрепче на ноги не встану. Работы я не боюсь, кое-чему научился – я и шофёр, и тракторист, и слесарь. Вчера да и раньше я читал в газете про ваш город, что там развёртываются большие новостройки. Многие мои товарищи по оружию собираются ехать в ваш город. И я тоже с радостью поеду, если на то будет ваше согласие, Филипп Григорьевич.

Остаюсь ваш сержант Борис Казаков».

Прочёл Сыч письмо и снова взял фотографию. Вот это да – ракетчик! Долго смотрел на открытое лицо своего родного дяди, которого он совсем не помнил. Только сейчас, словно через белёсый туман, увидел Сыч давно минувшее: мать, отца с письмом, услышал слова, чудом сохранившиеся в памяти. «Борька-то, а? Башковитый малый! Из него, пожалуй, большой

толк выйдет»... «Значит, – думает радостно Сыч, – те два письма тоже были от дяди Бори». Смотрит на фотокарточку Сыч и что-то до боли близкое, родное находит в лице этого, собственно, незнакомого сержанта. Особенно глаза и брови. «Да ведь он на маму похож. Ну, конечно! Вот здорово-то!» А что здорово – Сыч так и не может объяснить. Но радость уже наполнила всю грудь, распирает её и скоро, наверное, не вместится, вырвется наружу. «Скорей бы батя пришёл. Вместе напишем письмо дяде Боре. Пусть приезжает»...

В сенях неожиданно хлопнула дверь. Сыч быстро обернулся. Вошли Заяц и Жмырь, оба злые.

– Долго мы тебя ждать будем? – заорал Заяц.

Сыч засуетился, одеваясь. Он и забыл, что сегодня в городе открывается ярмарка и им предстоит много работы. Ещё вчера брат Жмыря Сенька предупреждал, чтобы ребята пораньше пришли на ярмарку: «Пока деньги у всех целы и лежат в карманах».

– А я вот письмо получил, – проговорил Сыч. – Из армии. От дяди. Он – ракетчик. Обещает приехать жить к нам, У него тоже никого родных нет, кроме нас. И карточку прислал. Хотите посмотреть? – И протянул фотографию. Жмырь мельком взглянул на снимок.

– Приедет, говоришь? – засмеялся. – Ну, твой батя не особенно обрадуется.

– Почём ты знаешь? – спросил Сыч.

– Да уж знаю... – и передал фотографию Зайцу. Тот повертел её в руках и будто плюнул Сычу в лицо. – Ну и лоб твой дядя. Какой он к чёрту ракетчик? Кашевар, наверное. – И добавил с презрительной ухмылкой. – Спрячь и никому не показывай, а то...

Что «а то...», Заяц не досказал. Сыч, коротко взмахнув рукой, ударил его в лицо. Если бы не Жмырь, худо бы пришлось Зайцу. Жмырь вынул ножик и не дал разгореться драке.

Сыч, одерживая ярость, пригрозил Зайцу.

– Я тебе ещё покажу.

Он бережно положил фотографию во внутренний карман пиджачка, а письмо оставил на столе, чтобы отец, как только придёт, увидел его.

Ярмарка разместилась на просторной рыночной площади. Здесь и без того всегда полно народу, а сегодня и подавно. Разноцветные торговые палатки, понастроенные специально для ярмарки, несмолкаемый говор, смех – всё это создавало праздничное настроение. Но только не у Сыча. Он всё ещё не мог забыть обиду, нанесённую Зайцем. У входа на ярмарку ребят встретил Сенька, высокий детина с заплывшим от водки и сна лицом.

– Вы что так долго, мерзавцы? – хрипло заругался он.

Жмырь кивнул на Сыча:

– Из-за него. Драться на Зайца полез.

Сенька сузил глаза, скосил губы набок.

– У-у, сова лупоглазая, – и с силой провёл вонючей ладонью по лицу Сыча сверху вниз.

В это время к Сеньке подошли два незнакомых Сычу парня, о чём-то тихо переговорили. Сенька повернулся к Жмырю.

– Ты пойдёшь с ними.

Они ушли. Сенька, Сыч и Заяц тоже направились к палаткам, где гудел, словно улей, народ. Они ходили среди толпы, толкались, переругивались, зорко поглядывая на карманы, сумки, кошёлки. Но момент для удачи всё не наступал.

И вдруг плечо Сыча крепко сжала железная рука Сеньки. Сыч глянул на Сеньку. Тот взглядом указал на пожилую женщину, прошедшую мимо. Она торопливо развязывала узелок на зелёном в белый горошек платочке. Сыч и Заяц медленно двинулись за женщиной, не спуская глаз с её рук, а Сенька отошёл в сторонку, чтобы издали следить за событиями. Женщина подошла к киоску, торгующему трикотажными изделиями. Вынула из узелка трёшницу, а платок с остальными деньгами сунула в хозяйственную сумку. «Хорошо!» – отметил про себя Сыч и почти вплотную подошёл к женщине. Людей у киоска было немного, но это не смутило Сыча. Он украдкой оглянулся: не

следит ли кто за ним. Увидел бледное лицо Зайца. Он стоял поблизости и чуть приметно моргнул, дескать, опасности нет, действуй.

Всё произошло быстро и незаметно. Сыч осторожно отогнул у сумки крышку, запустил руку, прихватил кончик платка и плавно вытащил его. Снова оглянулся, встретил горящий взгляд Зайца и сунул платок в карман. Теперь нужно уходить. Не торопясь, но и не мешкая. Шаг, второй, пятый... Сзади подскочил Заяц, тревожно шепнул.

– Сыч, беги, нас застукали, – и, резко отвернув в сторону, замешался в толпе.

Сыч скосил глаза. На него в самом деле шёл мужчина. «Переодетый оперативник», – мелькнула мысль. Сыч не был трусом, но тут страх охватил его. Хотел идти спокойно, однако ноги сами по себе ускоряли ход. «Сейчас схватит, – билась мысль. – Вот сейчас...» – И, не поворачивая головы, Сыч шёл всё быстрее и быстрее, пока не побежал. Почудилось, что и «опер» бежит за ним. Теперь Сыч уже ни о чём не думал, ноги сами несли его вперёд по каким-то закоулкам, дворам и незнакомым улочкам. Остановился, когда отмахал километра два. Огляделся: никто за ним не бежал, не следил. «Ушёл!» Сыч сунул руку в карман. Что такое?! Ни платочка, ни денег! Карман пуст, лишь на дне горсточка семечек. Сыч в другой карман – тоже пусто. «Куда же делись, – лихорадочно думает Сыч. – Неужели выпали, когда бежал? Или мимо положил?» Он долго стоял, раздумывая, где он мог утратить платочек с деньгами, пожал плечами, усталое побрел домой. Тревога улеглась, и теперь Сыч ругал себя самыми последними словами за трусость. «Может, тот мужик и не опер совсем, может, никто за мной и не бежал». – Но тут вспомнил тревожный шёпот Зайца: «Беги, нас застукали!» – Ах чёрт, денег жалко...»

Отца всё ещё не было. Сыч походил по комнате, ещё раз прочёл письмо от дяди Бори, посмотрел фотографию. «Где же батя? Уже вторые сутки пошли, а его нет и нет. Сейчас бы сели и написали письмо». И Сыч замечтался о том,

как они втроём: он, отец и дядя Боря – заживут вместе, хорошо и ладно.

Вбежал во двор Жмырь, подошёл к окну, заглянул в комнату, увидел Сыча, махнул рукой. Сыч торопливо вышел. Во дворе стояли Сенька, два его утрешних приятеля и Заяц. Сенька шагнул к Сычу.

– Ты сегодня неплохо работал. Молодец. Ну, выкладывай филки.

«Филками» Сенька называл деньги. Сыч беспокойно переступил с ноги на ногу.

– У меня нет денег. Куда-то пропали...

– Что?! – прищурился Сенька. – Я сам видел, как ты их в карман сунул, а потом побежал. Ты не крути мозги, Сыч.

– Я правду говорю. Когда убежал, посмотрел, а в кармане пусто...

Сенька обернулся к приятелям, хрипло засмеялся.

– Видали? Пусто! – И уже зло к Сычу. – Брось дурака корчить: давай деньги.

– Честное слово, пропали куда-то. Выронил, наверное, или мимо кармана положил...

– А может быть, припрятал, сволочь?

– Да ты что?! – загорячился Сыч. – Потерялись деньги, говорю.

– А я думаю, – криво усмехнулся Сенька, – они найдутся. – И он хлестнул Сыча по щеке. – Куда филки дел? Говори, не то душу вытряхну.

Глаза у Сыча потемнели. Из серых сделались почти зелёными. Он исподлобья глянул на Сеньку.

– За что ударил?

Сенька снова усмехнулся.

– Ты не понял ещё?

Два Сенькиных приятеля и Жмырь стояли, спокойно поплёвывая семечки, Заяц злорадно улыбался. «Допрыгался? – говорили его маленькие глазки. – Так тебе и надо!» Помощи ждать было неоткуда.

– Так ты не понял? – ещё раз спросил Сенька и снова ударил.

Зло и ненависть охватили Сыча. Он, почти не соображая, бросился на громадного Сеньку и изо всех сил стукнул его в живот. Сенька охнул и согнулся. Он с полминуты бессмысленно глядел на Сыча, а потом ринулся на него, словно бешеный. Сыч толком и не помнит, что было дальше. Сенька бил его кулаками, пинал ногами, крутил руки. Такой трёпки Сыч не получал ни разу за всю жизнь. И никто не заступился за него! Он еле добрался до комнаты, прилёг на скамейку, лежал, бездумно уставясь в потолок. Болело всё: голова, тело, руки. Болело нестерпимо, но Сыч не стонал и не плакал. Всё внутри будто сплавилось в один железный комок.

Шёл час за часом, а Сыч лежал, не шевелясь, всё в том же положении. Только в сердце росла и росла обида. И ненависть. К Сеньке, к Жмырю, к Зайцу. «За что избил? Ведь я не виноват...» Обидно было, что не мог дать сдачи Сеньке, жалко было себя за то, что живёт он будто один на земле, что никому нет дела до Сыча, хоть убей совсем. Никто его не пожалеет, не защитит, не скажет доброго слова. Ладно. Сыч не нытик, не слюнтяй. Он перенесёт всё, перетерпит. Что его впервой били? Чепуха. Пройдёт. Только, знает Сыч, одно не пройдёт и не забудется – сегодняшний день, сегодняшние обиды.

Уже небо за грязным окошком посерело. Потянул предутренний ветерок и взъерошил чахлую черёмушку в палисаднике, а Сыч всё ещё лежал, не смыкая глаз. Ему казалось, что он самый несчастный человек на земле, что большего горя у него никогда не будет.

Но пришло новое утро и принесло Сычу ещё одно несчастье, которое было горше горького...

ГЛАВА 17

Один на свете. Андрюшка действует. В гости к ребятам. Мечта. О чём задумался Фаддеич? На Север! К Ледовитому!.. «А я-то чего радуюсь?..» Доброе слово Валентины Сергеевны.

Наконец-то Андрюшка, отложив дела, отправился к Сычу.

Хоть и крепко был занят он всё это время, но мысль о Сыче не покидала его. И вот сегодня, не заходя в «Весёлый керогаз», пошёл к пустырю. Идёт Андрюшка по тропинке, а сам думает: о чём говорить будет с Сычом. Как ему скажет, что проникли они с Тимкой в его тайну, что грозит Сычу большая беда, если обо всём узнает милиция. Странно, но Сыч стал совсем чужим для Андрюшки. Даже не верится, что они когда-то крепко дружили, защищали друг друга, помогали. Да и звали в те времена Федьку Федькой, а не каким-то Сычом.

Вспомнился Андрюшке случай. Давно это было. Надумали они с Федькой соорудить двухэтажный скворечник с мезонинчиком и балкончиками. Немало времени бились над ним, но зато скворечник получился на славу. Ни дать, ни взять сказочный домик для лесных гномов.

Пристроить скворечник решили на высоченной берёзе, что росла на Федькином огороде. Андрюшка влез на дерево, прикрепил скворечник к стволу и стал спускаться вниз. Он уже добрался до середины дерева, когда вдруг одна из веток под ногами затрещала и обломилась. Андрюшка рухнул вместе с ней вниз. Не успев ничего сообразить, налетел на нижнюю толстую ветвь и так ударился об неё грудью, что дух захватило. Но всё-таки каким-то чудом сумел ухватиться за ветку и повис на вытянутых руках.

Глянул Андрюшка вниз, и сердце зашлось – высоко над землей повис он. Если прыгнуть – ноги переломишь. Попробовал передвинуться к стволу, да сил не хватило: ветка толстая, пальцы не охватывают её, того и гляди соскользнут. Только сейчас Андрюшка понял, в какую беду попал. Понял и испугался.

– Федька!

– Держись, держись. Я сейчас, – донёсся торопливый, взволнованный Федькин голос откуда-то совсем близко.

Андрюшка скосил глаза. Оказывается, Федька вот он, рядом, уже подбирается к ветке, на которой висит Андрюшка.

– Держись, держись... – умоляюще шепчет Федька уже над самым ухом. – Ещё чуток... Я укреплюсь как следует...

Андрюшка чувствует, как последние силы уходят из пальцев. Они одеревенели и вот-вот разогнутся. «Что же Федька? – в ужасе думает Андрюшка. – Почему так долго копается? Ведь полечу сейчас». Он не видит, как напряжённо вздулись Федькины мышцы, как его рука тянется к нему, хватая за ворот пиджачка.

– Подтягивайся, – слышит Андрюшка. – Подтягивайся и ложись животом на ветку...

Да, если бы не Федька, дорого бы обошёлся Андрюшке тот день. А сейчас идёт он к Федьке, как к совсем чужому человеку. Вот и его дом. Только почему он такой старый и низенький? Крыша прогнила и во многих местах провалилась, окошки маленькие и грязные. Раньше дом был вроде и повыше и поновей. «Чего это они не починят крышу?» – подумал Андрюшка, открывая калитку.

Во дворе пусто. Всё заросло травой. Только от калитки к дому ведёт узкая дорожка. Андрюшка нерешительно постучал в дверь. Никто не отозвался. Может, дверь заперта? Но нет, даже немного приоткрыта. Андрюшка, больше не раздумывая, вошёл в избу. Он ожидал увидеть прежнюю обстановку: половики, занавески, вышивки на тумбочках, комод, шифоньер. А увидел полупустую, мрачную и грязную избу. В кухне – стол, скамья да печка. В горнице тоже стол да кровать, застланная дерюжкой. За столом, положив голову на руки, не то спал, не то сидел задумавшись Федька.

– Здорово, Сыч, – тихо произнёс Андрюшка.

Сыч медленно поднял голову. Лицо его было в кровоподтёках, опухшее, а глаза покраснели от слёз. Ни удивления, ни радости не мелькнуло в них при виде неожиданно появившегося Шустова. Андрюшка растерянно остановился: вид у Сыча был просто жуткий.

– Что с тобой, Сыч? Кто это тебя так?

Сыч поморщился.

– Подрались. Вчера...

– Вчера подрались, а сегодня плачешь, улыбнулся Андрюшка.

Сыч хотел ответить, но губы его задрожали, а на глазах выступили слёзы. Андрюшке стало не по себе. Если Сыч плачет – дело, видать, серьёзное.

– Сильно больно? Да?..

Сыч поднял глаза и тихим, дрогнувшим голосом выдавил:

– Мой папка помер...

– Папка?! Как помер – совсем? – испуганно воскликнул Андрюшка.

– Конечно, совсем. Сейчас приезжали – сказали... В какой-то канаве нашли... От водки...

Андрюшка был потрясён. Как Сыч теперь жить будет? Ведь один остался на свете. То, ради чего Андрюшка шёл сюда, совершенно вылетело из головы. Сидит, молчит и смотрит на Сыча, а тот будто заснул. Да только кто спит с открытыми глазами! Но вот Сыч глубоко вздохнул, проговорил:

– Жалко батю... Бил крепко, а жалко... Он ведь сам по себе хороший, с горя таким стал...

Взглянул на Андрюшку, а в больших серых глазах такая тоска...

– Ты, Сыч, сильно не переживай. У нас ведь и без родителей не пропадёшь. В детдоме жить будешь. Там хорошо. Я заходил раз к знакомому пацану, видел...

Сыч медленно покачал головой.

– Я в детдом не пойду. У меня дядя есть. Дядя Боря. Он ракетчик. Хочет к нам, то есть ко мне... Ну, в наш дом приехать... Я письмо вчера от него получил... И фотографию.

Андрюшка подскочил.

– Ну вот! Ещё лучше получается. Дай-ка карточку посмотреть.

Сыч исподлобья взглянул на Андрюшку: «А вдруг и этот начнёт насмехаться?» Но потом достал из кармана письмо и фотографию, нерешительно протянул Андрюшке.

Дядя Боря Андрюшке понравился. Письмо прочёл внимательно, повернулся к Сычу.

– Ответ написал?

– Нет.

Андрюшка предложил сейчас же ответить, сообщить, что умер отец, и попросить дядю Борю ехать побыстрее. Сыч ожил, разыскал листок бумаги, сел за стол. Андрюшка дал ему авторучку. За полчаса они вдвоём написали хоть и грустное, но довольно подробное письмо. Конверта у Сыча, конечно, не оказалось, и ребята отправились на почту, которая была недалеко от Андрюшкиного дома. По дороге Андрюшка рассказал Сычу о «Весёлом керогазе», о Тимке, который не испугался горячей воды и устранил аварию, а главное, о мотоцикле, подаренном Агнией Петровной. Сыч заинтересовался Андрюшкиным рассказом, однако в то, что ребятам подарили мотоцикл, пусть даже поломанный, не поверил. Поэтому, запечатав письмо и бросив его в почтовый ящик, Андрюшка повёл Сыча в «Весёлый керогаз» показать машину.

Работа в мастерской шла полным ходом. Было оживлённо и шумно. Стучали молотки, гремело железо, валил удушливый дым из-под раскалённых паяльников. Сыч остановился: он представлял, что «Весёлый керогаз» – это грязная запущенная сарайшюшка, в которой торчат двое-трое ребят и чинят от скуки вёдра и кастрюли. Оказалось всё совершенно иным. Ему было удивительно, что на окнах висели шторы, а на подоконниках атели кустистые герани, что в мастерской полно ребят и все они не просто заняты, а увлечены своими делами. Сыч внимательно оглядел верстаки с новыми поблескивающими тисками, полки-клеточки, которые протянулись во всю длину и высоту стены. В клеточках стояли чайники, электрические утюги, кастрюли, электродуховки, плитки и даже лежал самовар. А на каждой вещи прикреплена проволочкой бумажка с фамилией владельца.

– Это, – пояснил Андрюшка, – готовая продукция.

«Ого! – качнул головой Сыч. – Будто все сговорились ломать и нести сюда вещи на починку. Уж больно много!» Но, конечно, никто специально не ломал ни посуды, ни электроприборов. Просто нашлось, где ремонтировать, вот люди и понесли их в «Весёлый керогаз». Несли теперь уже чуть ли не со всего квартала.

Подошла Светка с толстой тетрадью в руках. «Журнал работы», – как называла эту тетрадь Светка. Туда она записывала, кому и что отремонтировал «Весёлый керогаз». Сыч еле узнал Светку, так она изменилась за два года.

– А ты чего пришёл сюда? – свысока глянула она на Сыча.
– Как клиент или просто посмотреть?

Сыч растерялся, промышчал что-то неопределённое. Светка оглядела его критически и важно произнесла:

– Вообще-то сюда посторонним вход запрещён, – и пошла гордой начальнической походкой.

Сыч смущённо улыбнулся:

– В самом деле нельзя?

Андрюшка захохотал.

– Да брось ты! Она у нас такая. Сама себя в начальники назначила и теперь командует. Идём в ту комнату.

И тут Сыч увидел мотоцикл. Самый настоящий «ИЖ». Приземистый, руль, как рога. У мотоцикла возились измазанные маслом Тимка и Алька. У Тимки одна рука была забинтована.

– А, Сыч, – произнёс он. – Здорово. Ты как попал сюда?

– Да вот Андрюшка привёл...

Тимка пододвинул табуретку.

– Садись. А мы вот решили пока разобрать машину, посмотреть что и как. Если сумеем исправить, тогда покатаемся. – И Андрюшке: – Гляди, я уже инструкцию нашёл и книжку. По ним отремонтируем и соберём.

Будто на другую планету попал Сыч. Здесь всё не то: не те заботы, не те разговоры, да и ребята совсем другие. Когда приятели Сыча собирались вместе, разговор у них шёл лишь о деньгах, о предстоящем или законченном «деле», о развлечениях. Трудно представить Генку и Жмыря с молотками и ключами в руках. А ведь, пожалуй, интересно повозиться с мотоциклом. Видал, как Тимка орудует! Андрюшка, и этот головастый с большими ушами – Алька.

Смотрел, смотрел Сыч на ребят, не вытерпел, взялся помогать.

Пришёл Фаддеич, достал трубку, закурил, помолчал:

– А кто из вас мотор ладить может?

Ребята приостановили работу, обернулись к Фаддеичу.

– Никто, – сказал Тимка.

Фаддеич крикнул, недовольно запыхал трубкой.

– Нехорошо. Машина – не забава. Она умелые руки любит. Сломать машину каждый сможет.

Ребята смущённо переглянулись, а Тимка бодро заявил:

– У нас книга есть про мотор. Научимся.

– Вишь ты, шустрый какой: «Научимся!»

Встал, подошёл к мотоциклу, не торопясь и очень внимательно остукал его.

– Мотор ещё послужит, коли руки приложить... Ну-ка, парень, дай ключи, – обратился он к Андрюшке.

С Фаддеичем дело пошло быстрее и интересней. Он называл каждую деталь, объяснял, для чего она нужна. Тимка с восхищением подумал: вот дед так дед! За что ни возьмётся, всё умеет и знает. Конечно, если Фаддеич поможет – будет у них мотоцикл! Сидит Тимка и мечтает о том, как будет отремонтирован мотоцикл, как раздобудут они коляску к нему, как каждый научится водить машину. А тогда, тогда!.. Да что там говорить! В какие путешествия можно отправиться! Взять ружьё, набрать еды – и айда в Кулундинские степи, на Кучукское озеро или махнуть в Горный Алтай. Там, говорят, такая красота, что и во сне не приснится! Забраться куда-нибудь в глушь, разбить палатку, развести костёр и целую ночь рассказывать необычайные истории...

Пока Тимка про мотоцикл, про коляску да учёбу говорил, ребята не особенно прислушивались. А как дошёл до путешествия, побросали всё, заинтересовались. Андрюшка вздохнул.

– Мотоцикл маленький. Сколько ребят усядется? Самое большое пять. А куда палатку, куда бензин, еду, снаряжение? Вот бы автомашину свою, дворовую иметь! Хотя бы «Москвича». Тогда другое дело! Тогда в любое путешествие можно ехать.

Размечтались ребята. Тихо отложил инструменты и Фаддеич. Задумался старик, о трубке своей забыл, устремил взгляд через окно куда-то далеко, далеко.

– А если тележку сделать и мотоциклетный мотор на неё поставить? – говорит Алька. – Потянет?

– Пожалуй, – отозвался Андрюшка.

– Вряд ли, – покачал головой Тимка.

Отвёл глаза Фаддеич от окна, слушает ребят, улыбается в заскорузлую рабочую руку. Как понятна старику красивая мальчишеская мечта о далёком путешествии в неизведанные края! «Ах вы, галчата», – думает растроганно Фаддеич и неторопливо набивает трубку. Давно ему не было так легко и радостно, как здесь, в этом «Весёлом керогазе». Словно частицу молодости вдохнули в старика мальчишки. С ними он снова почувствовал себя занятым, нужным и рабочим человеком. Смотрит Фаддеич на ребят и вспоминает своё собственное далёкое детство. И он мечтал о путешествиях. Ещё как мечтал! Да всё попусту. Десяти лет ушёл к кулаку работать. Потом был и плотогоном, был и рыбаком, столяром, мотористом, слесарем. Да разве упомнишь всё. Пришла гражданская война. Партизанил. Бил беляков по всей Сибири. Потом снова работал. Так и ушла мальчишеская мечта, оставив лишь грустное и трогательное воспоминание.

– Можно баркас с мотором сделать, – глухо говорит Фаддеич, снова глядя в окно. – Тогда до самого Ледовитого дойти можно.

Ребята притихли, будто оглушённые словами старика.

– Баркас?! С мотором?! – воскликнул Тимка. – До Ледовитого?

Нет, это слишком прекрасно! Баркас, чайки, убегающие берега Оби, Новосибирское море, тайга, Ледовитый океан... Только одни эти слова заставили замереть сердца. Нет, в такое счастье трудно сразу поверить. Но ведь это говорит Фаддеич! Не он, не Андрюшка или Алька, а Фаддеич. Значит... значит...

– Дядя Фаддеич, а можно? – выдохнул Тимка.

– Можно... – говорит Фаддеич. – Поробим как следует, а весной уплывём к дружкам моим остякам-охотникам. Много узнаем... Хорошо на Севере.

Ребята плотно обсели Фаддеича и слушали, открыв рты, глядя на него большими немигающими глазами.

Забыл на время о своём горе Сыч. Слушает Фаддеича и будто сам несётся по упругим волнам на быстром баркасе. Над ним голубое небо и ослепительное солнце, кричат чайки, а он стоит на палубе и ведёт корабль в неизведанные дали... Ветер мягко бьёт в лицо, раздувая ленты бескозырки... И вдруг мысль, тупая, как обух топора: «А я-то чего радуюсь? Мне-то не плыть...» И погасли Сычёвы глаза. Стало сразу тоскливо и уютно в комнатке. Явилось и горе: «Отца-то нет больше»... Сыч встал.

– Куда ты? – окликнул его Андрюшка.

– Пойду... Мне пора...

Вдвоём вышли на улицу. Солнце уже опускалось за горизонт. Дул прохладный ветерок. Невдалеке сидели малыши, пиסקляво и нестройно распевали:

Ехала машина пятитонка,
Задавила дядю поросёнка...

– Ну ладно, Андрюшка, я, пожалуй, пойду... – тихо произнёс Сыч. – Весело вы живёте...

– И ты приходи к нам, – живо отозвался Андрюшка. – Вместе будем баркас строить, а будущим летом – на Север. А?

Сыч ничего не ответил, ковырнул носком ботинка землю, вздохнул.

– Ладно, увидим...

Андрюшка протянул Сычу руку.

– Ты сейчас домой?

Сыч отрицательно качнул головой.

– Домой боязно что-то. К Зайцу на сеновал пойду...

Андрюшка вдруг хлопнул по спине Сыча.

– Слушай, зачем на сеновал? Идём к нам.

– Да ты что? – испугался Сыч. – Твоя мать заругает.

Андрюшка так заразительно засмеялся, что Сыч улыбнулся.

– Ну чудак! «Мать заругает!» Да она обрадуется даже. Идём, нечего ломаться.

Дома Андрюшка, как только открыл дверь, крикнул:

– Мама, а у нас гость!

Сыч, стащив с головы кепку, смущённо переминался с ноги на ногу. Из кухни вышла Валентина Сергеевна.

– Федя?.. Вот не ждала! Давно я не видела тебя. Смотри, какой вырос – совсем большим стал. Ну, проходи, проходи.

Трудно понять Сычу, отчего вдруг запершило в горле. Оттого ли, что увидел добрые лица и услышал ласковые слова, оттого ли, что впервые после мамы его назвали по имени, просто и ласково. Сыч быстро отвернулся к стене, вытер ладошкой глаза.

Валентина Сергеевна встревоженно спросила:

– Что с тобой, Федя?

– У него отец умер, – тихо произнёс Андрюшка. – Теперь он совсем один...

Он рассказал маме, что у Сыча есть дядя, что сегодня они написали ему письмо, просили приехать поскорее.

– Ну и отлично сделали, мальчики, – одобрила Валентина Сергеевна. – А пока ты, Федя, будешь жить у нас. До приезда дяди Бори. Согласен?

Сыч был согласен. Ещё бы! Жить у Шустова – да это просто здорово! Только как отнесутся к этому Сенька и другие? Ведь живя тут, не станешь ходить с ними по ночам...

Валентина Сергеевна накрыла на стол. Ребята умылись, поужинали, улеглись в постель. И долго, долго разговаривали. Вспоминали школьные дни, смеялись своим проделкам, говорили о предстоящем строительстве баркаса.

– А как живёт этот... Ваня Тузов, – неожиданно спросил Сыч.

– Катается. Что ему?

О многом переговорили товарищи, но Андрюшка так и не

решился спросить Сыча про церквушку – неудобно, да и не до этого Сычу. «Ладно, после, – решил Андрюшка. – Жить-то вместе теперь будем...»

Утром Сыч сказал:

– Схожу домой. Скоро вернусь.

Но прошёл день, прошла ночь, а Сыч не возвращался.

ГЛАВА 18

Новая «родня». Прошное не повторится. Чужие ноги топчут двор. Петро опускает руку.

Только вошёл Сыч в дом, прибежал Заяц.

– Приветик! Ты где пропадал? Сегодня уже третий раз прихожу.

Сыч хмуро глянул на Зайца.

– А тебе что за дело?

– Мне – ничего. Хрыч зовёт тебя.

«Старик Зубов?! Зачем я понадобился ему?»

Из всей Генкиной семьи Сычу нравился один старик Зубов. Заяц хоть и говорит, что Хрычу палец в рот не клади – откусит, но Сычу он не сделал никакого зла. Наоборот, разговаривает с ним, как с равным, иногда приглашает в дом поесть. Правда, это бывает редко. Старик вечно чем-то занят, да и вообще не очень общителен.

– Ну идём, идём, – заторопил Заяц.

Сыч одёрнул пиджачок, застегнул пуговицы, и ребята вышли со двора.

Сыча ждал не только старик Зубов. Ждала вся родня Зайца – Генкина мать, тётка Авдотья, злющая тётка Матрёна и её муж Петро, большой, мрачный человек, пьяница и вор. С ним Сычу приходилось не раз ходить на всякие «дела».

Как только Сыч перешагнул порог, старик Зубов подошёл к нему, обнял за плечи, повёл к столу. Все, кто был в комнате, печально смотрели на Сыча, а Генкина мать тоскливо запричитала:

– Дитяточко горькое, сиротинушка одинокая, без отца и матери горе мыкать остался...

Она противно трясла толстым животом, тёрла платком глаза и сморкалась. Сыч был несказанно смущён этой встречей. Он топтался на месте, не зная, что делать, исподлобья поглядывал то на одного, то на другого.

– Ладно, ладно, мать, – произнёс старик. – Перестань причитать. Слезами горю не поможешь...

Он усадил Сыча на стул, опустил тяжёлую руку на плечо.

– Проголодался, чать?

И, не дожидаясь ответа, приказал:

– Давай, мать, накрывай на стол что бог послал.

Бог Зубовым послал наваристый борщ с большими ломтями мяса, жареную утку, солёные грибки. Старик поставил на стол две бутылки водки. Сыч ел нехотя: не то ещё не проголодался, не то удерживали взгляды зубовской родни. Старик и Петро то и дело прикладывались к рюмкам. Ели быстро, сопя и чавкая. Вскоре захмелевший Зубов обратился к Сычу.

– Жалко отца-то?

Сыч кивнул головой.

– То-то, что жалко. Отец – это отец. Кормилец. Без отца – петля. Всё хозяйство рухнет, коли отца нет.

Зубов снова выпил, икнул и продолжал.

– Я тут много думал о тебе, Хвёдор... Да, думал много. Худо тебе будет одному. Голодно и холодно. Вша заест.

Сыча даже передёрнуло от последних слов Зубова. «Зачем он мне всё это говорит? Про вшей придумал. Фу ты, аж противно». А Зубов продолжал:

– Ты кто мне такой? Никто. Нуль. Пустяк. А я вот решил о тебе позаботиться. Чуешь?

– Чую, – прошептал Сыч, мельком глянув в покрасневшие желтоватые глаза Зубова.

– То-то, что чуешь. Хочу добро тебе по-соседски сделать. Коли уж и при отце помогал, не дал тебе с голоду сгинуть, сейчас и пововсе обязан не дать в обиду.

Все внимательно слушали старика, поглядывая на Сыча. Только один Петро уткнул лицо в тарелку и ел, ел. «Куда только

помещается, – подумал Сыч. – Уже две тарелки борща слопал, пол-утки, наверное, а сейчас грибы наворачивает. Вот пузо!»

– И вот решили мы, – Зубов провел рукой слева направо, – не давать тебя в обиду, а приютить в своей семье, как дорогого сына... Ведь так, Авдотья?

Генкина мать мелко закивала головой, снова начав тереть платком глаза.

– Видал? – спросил Зубов.

Сыч подавленно ответил:

– Видал...

– То-то, что видал. Для нас теперь, что ты, что сын наш Генка. Будете отныне вместе, сытые, одетые, весёлые.

– А с избой как? – глухо произнёс Сыч.

– А что с избой, Хвёдор? Думаю, что не пропадать зря избе-то без присмотра. Пусть живёт в ней сестрица моя Матрёна. Петро – мужик хозяйственный. Будет содержать избу в полном параде, подремонтирует, то-сё. Избёнка-то совсем никудышная, без хозяина быстро пропадёт... Ну как?

Жалко Сычу избу, ох жалко. Если бы хоть кто другой в ней жил, а то Матрёна! А её Сыч ненавидел. Задумался Сыч и решить ничего не может. Одному в большой и пустой избе – худо. Уйти к Шустовым? У них славно. Андрюшка и Валентина Сергеевна простые и добрые. Да жить у них дружки не дадут. Это Сыч тоже отлично понимает. И оттого ещё тяжелее становится на сердце. «Эх, невезучий я...» – горько думает он. Сыч смотрит на Зубова, обводит взглядом и тётку Авдотью, и Мётрену, и Петра, и Зайца. Все они выжидательно молчат, ждут его ответа. «Значит, Зубовы? – думает Сыч. – Значит, у них жить буду?» И хоть совсем не хочется Сычу, он с трудом выдавливает:

– Я согласен.

– Ну вот и добро, – говорит Зубов.

А Матрёна сразу засобиралась на свою улицу, где она снимала квартиру – маленькую тёмную комнатку.

– Идём, Петро, идём. Надо засветло собрать вещи да перевезти...

Сыч вышел во двор, следом за ним – Заяц.

– Айда к Жмырю?

Сыч не ответил. После того, что произошло в день ярмарки, он не только разговаривать, видеть его не мог.

– Идём, Сыч. У них сегодня вечеринка будет.

Сыч полуобернулся.

– Отстань!

Вышел на улицу, побрёл к своему дому, выбрал во дворе травку погуще, лёг, закрыв глаза.

Грустно и тяжело Сычу. Что-то надломилось в его сердце, что-то произошло в нём за последние два дня, а что – понять не может. Столько обид, столько горя! До сих пор всё болит у Сыча от кулаков и пинков Сеньки. Ни за что избил, сволочь. А Заяц улыбался. Доволен был, что Сычу попало. Нет, нехороший человек – Генка Зубов. Жадный, трусливый. А как над дядей Борей издевался! «Лоб, кашевар!» Ух ты, крыса проклятая. Нет, Сыч ни за что не простит ни Зайцу, ни Сеньке. В другое время, возможно, и не думал бы Сыч ни о Сеньке, ни о Зайце, ни о других... Ведь и до этого его били и он бил... А разве впервые ему нанесли обиду? Нет, не впервые. Много раз обижали. Почему же сейчас ему особенно горько и обидно?

Сыч знает почему. Если бы не Андрюшка с «Весёлым керогазом» да не Фаддеич с баркасом, может, и забылись бы недавние обиды.

Перед глазами стоят и стоят оживлённые, измазанные машинным маслом лица Андрюшки, Тимки, Альки. Они создали мастерскую, занимаются интересными делами, мечтают о таком, что Сычу никогда бы в голову не пришло! А разве Сыч не хочет путешествовать? Хочет. Да ещё как! Сегодня много думал об этом. Да толку что? Ведь он один не поедет в путешествие, а если поговорить с Зайцем или Жмырем? Сыч даже улыбнулся, так нелепа была эта мысль.

Сенька и Петро только воровать заставляют. Да бьют ни за что, ни про что. А воровать Сычу с каждым днём становится всё страшнее и страшнее. Когда начинал – ещё ничего. А сей-

час – страшно. Милиции стал бояться. Да что милиции, Сыча пугает любой внимательный взгляд. Так и кажется, что сейчас откуда-то подойдёт человек и схватит за воротник: «Ах, вот ты где попался, голубчик!» И – в тюрьму.

А в тюрьму Сыч не хочет. Ох, как не хочет, если бы кто знал!

На улице загудела автомашина, остановилась у ворот. Сыч поднял голову: Матрёна с Петром приехали, вещи привезли. Петро открыл ворота, и машина въехала во двор. Стали торопливо сгружать вещи, вносить в избу. Смотрит Сыч на снующих взад-вперёд ненавистных чужих людей и вспоминает прошлое, до боли близкое, которое уже никогда, никогда не вернётся, не повторится...

...Мама и Федька сидят в горнице. За окном бушует метель. В окна то и дело стучит снег, словно в стёкла кто-то пригоршнями бросает крупу. В трубе тоскливо воет ветер. Он, наверное, хотел пробраться в избу, да застрял там, а вырваться обратно не может, вот и гудит, вот и плачет. А в избе тепло, уютно, тихо. Нет-нет, да застрекочет швейная машина: мама шьёт Федьке костюм к Новому году. Федька сидит за столом, рисует. На бумаге появляется море, солнце, корабль. Федька будет капитаном дальнего плавания. Он это давно решил и с тех пор всегда рисует море и корабли.

Вдруг отворяется дверь и появляется отец, весь облепленный снегом. Федька бросается к нему с веником, обметает одежду. Отец крикает, сильно потирает руки. Приходит в кухню мама. Отец раздевается и хитро смотрит на маму и Федьку.

– А какой сегодня праздник? – спрашивает он Федьку.

Тот думает, морщит лоб и никак не догадается. На лице у мамы светлая ласковая улыбка. Мама знает, какой сегодня праздник.

– Скажи, мам! – тянет Федька её за руку.

– Твой день рождения, сынок.

Отец из одного кармана вынимает заводную автомашину, из другого – большой кулёк со сладостями.

Открыл Сыч глаза, и всё исчезло. Только видит он свою

избу, рябую вёрткую Матрёну, мрачного Петра. Ничего не осталось у Сыча – одни воспоминания. Нет у него ни мамы, ни отца. А теперь вот и изба станет чужой...

– Эй, Федька, – раздаётся скрипучий Матрёнин голос. – Чего валяешься? Иди подсоби.

Сыч не двигается с места, будто не слышит. «Нужны вы мне! Таскайте сами своё барахло».

– Слышишь?! Иди, занесём комод.

Сыч не шевелится. Теперь кричит Петро, но и на его зов Сыч не откликается.

– У, змеёныш, – слышит он злобную ругань Матрёны. – И такого идола взял к себе Леонтий. Да я бы во двор не впустила!

– погоди, не кричи, – мрачно останавливает Матрёну Петро. – Я сейчас поговорю с ним, живо соскочит.

Всё замерло внутри у Сыча. Он крепко зажмурил глаза, напрягся.

– Ты слышишь, тебя зовут? – подошёл Петро.

– Слышу, – ответил Сыч, открыв глаза.

– Так чего не идёшь?

Сыч медленно поднялся с травы.

– Не хочу.

– Ах ты, сопляк! – прохрипел Петро и размахнулся, чтобы ударить.

Но не ударил. Что-то такое было в глазах Сыча, что Петро опустил руку, сплюнул и пошёл к машине. А Сыч долгим взглядом проводил его и медленно побрёл со двора.

Здесь ему делать больше нечего.

ГЛАВА 19

«Нету здесь таких!» Юрка ищет лампу. «Не могу... И всё!» Яшка ломает голову. Маркиз Удодов. Хороший урок. Ещё один дезертир. Светка предлагает.

Напрасно прождал Андрюшка Сыча. На другой день побегал к нему. Толкнулся – дверь заперта. Постучал. К великому изумлению вышла какая-то рябая тётка.

– Чего надо?

– Мне бы Сыча... то есть Федьку. Макарова.

– Нету здесь таких!

И захлопнула дверь перед самым носом.

«Вот так штука! – озадаченно думает Андрюшка. – «Нету здесь таких?» В чём же дело? Куда делся Сыч? Не арестовала же милиция! А что, если в самом деле поймали его?»

Вышел на улицу и сразу увидел Юрку Бабукина. Тот шёл, уставясь в землю и что-то бормотал.

– Здорово, Юрка! Ты что шепчешь, словно колдун?

Юрка поднял голову, остановился.

– Ты понимаешь, Андрюшка, – проговорил Юрка, будто они расстались с ним минут пять назад, – обходил все магазины и опять нет!

– Чего нет?

– Лампы. Усилителя промежуточной частоты сигналов звукового сопровождения 6К4П.

Андрюшка пожал плечами, присвистнул.

– Совсем, наверное, спятил со своей радиотехникой! Я ничего не знаю про твою лампу.

– Ах, да!.. – смущённо улыбнулся Юрка. – Я забыл, что ты не в курсе дела. Это я утром с Тимкой Корольковым разговаривал. У тебя случайно нет?

Юрка так грустно посмотрел на Андрюшку, что тот пожалел, что у него нет этой, как её, 6К4П.

– Худо дело, – понуро произнёс Юрка. – Просто не знаю, что делать... А ты чего на нашей улице?

– Сыча надо... А в его избе какая-то тётка живёт рябая. Откуда она?

– Кто его знает... – неопределённо махнул рукой Юрка и пошёл своей дорогой. Андрюшка стоял, раздумывая, что делать, да вдруг сам Сыч окликнул его. Он вышел из Зубовского двора и теперь торопливо шагал к Андрюшке.

– Слушай, кто это в твоей избе живёт? – спросил Андрюшка.

– Да так... квартиранты.

Андрюшка присвистнул.

– Ну и мастак ты, Сыч! И деньги с них брать будешь, что ли?

Сыч смущённо отвёл глаза.

– Да нет... Там сестра старика Зубова – Матрёна с мужем...

А я у Зубовых живу...

С Андрюшкиного лица медленно сошло оживление. Он хмуро протянул:

– Вон оно что... Значит, у нас не понравилось? А я-то думал... – И Андрюшка отвернулся.

Сыч нервно куснул губу:

– Слышь, извини, Андрюшка... Не могу я у вас жить...

– Почему?

– Не могу... и всё!

– Ну как знаешь, – вздохнул Андрюшка. – Только, где дядя Боря будет жить, когда приедет? С твоей Матрёной?

Сыч заволновался. Как он забыл об этом? Почему согласился впустить в дом Матрёну?

– А мы их выгоним, – нерешительно проговорил Сыч.

– Ага, так они и уйдут!

Выглянул из калитки Заяц, хотел было подойти, но увидел Андрюшку, остановился, закричал:

– Сыч, батя зовёт. Иди давай. Быстрее!

Сыч заторопился.

– Ну, ладно, Андрюшка, я побегу. Встретимся – поговорим... А как с баркасом?

Андрюшка оживился.

– Фаддеич материалов понавёз – гору! Баркас хотим делать с парусом, мотором, каютой. Приходи, Сыч.

– Я приду. Обязательно.

И Сыч побежал к дому, несколько раз оглянувшись и махнув рукой Андрюшке.

Да, Андрюшка был прав: крепко взялся Фаддеич за работу. Прошёл всего лишь один день, а он откуда-то привёз к «Весёлому керогазу» целую машину свежих запашистых досок, ящик

гвоздей, скоб, каких-то причудливых крючков и крюков. Только сгрузили лес, только затащили ящик в мастерскую, Фаддеич снова ушёл куда-то и пропадавал уже второй день.

Весть о том, что ребята с Фаддеичем решили построить баркас с парусом, мотором, каютой и хотят на нём отправиться в путешествие по Оби к Ледовитому океану, потрясла всех без исключения. А Яшку особенно. Он ясно понял, что со строительством баркаса окончательно лопнет его атаманская карьера. Кто захочет водиться с ним, если рядом разворачивается невиданное увлекательное дело. Куда бы проще: плюнуть на всё и самому идти в «Весёлый керогаз». Но Яшка не такой. Кем он будет в «Весёлом керогазе»? Обыкновенным человеком, неприметным, – как и остальные. А таким Яшка не привык быть и не хотел. Так что «Весёлый керогаз» отпадает. Но что же предпринять Яшке? Что придумать, чтобы ребята бросили этот дрянной «скворечник» и снова пришли к нему? Но сколько ни ломал Яшка голову, никаких затей, как назло, не приходило. А тут грянула ещё одна беда: из Яшкиной компании, и так уже довольно реденькой, позорно бежал в «Весёлый керогаз» попрошайка Димка Удодов! Хоть и нестоящий человек Димка, а обидно. Яшка сам был свидетелем его отвратительного дезертирства.

Это произошло всего лишь час назад. Яшка со своей «дружиной» раздумывали, чем бы заняться. Из дверей подъезда вышла Димкина мать с электродуховкой. Увидев Димку, позвала:

– Дима, сходи, сынок, в мастерскую, пусть ребята исправят. Спираль перегорела что ли, а у меня тесто переспекает.

Димка было заартачился, занял, что ему некогда, но мать прикрикнула на него, и Димка нехотя понёс духовку в «Весёлый керогаз».

– Айда, ребята, и мы, – крикнул Яшка. – Посмотрим, как Тимка с Андрюшкой Удодову духовку будут ремонтировать.

Димка нерешительно переступил порог мастерской, а Яшка с друзьями остались у открытых окон. Отсюда удобней и безопасней смотреть и смеяться над «мастерами». Никто в мастерской не обратил внимания на растерянного «Дай, а?».

Он потоптался, потоптался и подошёл к Тимке, но в этот момент вбежала Светка. Увидела Удодова и к нему:

– А ты чего пришёл сюда? – сузила она глаза. – Тебя звали? Тогда покажи приглашительный билет.

Димка растерялся.

– Да я... Меня никто не звал... Я принёс духовку... Её надо исправить.

– А!.. – вдруг дружелюбно произнесла Светка. – Значит, у вас духовка испортилась?

– Ага, – заулыбался Димка, – испортилась. Вот она. – И он протянул Светке духовку.

Но Светка даже пальцем не шевельнула, чтобы принять её. Однако ещё дружелюбнее спросила.

– А зачем ты её принес?

Димка плечами пожал.

– Как зачем?! Чтобы вы отремонтировали.

Этот разговор заинтересовал ребят. Тимка первый отложил инструменты и уселся на верстак, с улыбкой поглядывая то на Светку, то на Димку.

– Вы слышите, ребята, – обернулась Светка, – этот тип пришёл сюда, чтобы мы ему духовку исправили. – И уже к Димке тихим и ласковым голосом. – Вы извините меня, я не слышала вашу фамилию?

Димка снова растерянно глянул на Светку.

– Да ты что!? Удодов я.

– Ах, Удодов! Вы князь, маркиз или барон?

– Да брось ты, Светка, – обиделся Димка. – Чего пристала? Говорю: отремонтируйте духовку.

– А мы тебе кто? – вдруг разозлилась Светка, бросив свой учтиво-вежливый тон. – Кто мы? Твои рабы, крепостные или вассалы? Мы что, обязались тебе служить? Ну-ка забирай свою духовку и марш отсюда! Ишь какой выискался: «Отремонтируйте»! Нашёл себе батраков!

Димка даже струхнул малость, глядя на разбушевавшуюся Светку.

– Ну ты чего, чего? Не мне же духовка, а мамке нужна...

– Ах вон как! – совсем разозлилась Светка. – Значит и мамка у тебя в услужении?! Она готовит, а ты только жрёшь? Ну-ка выметайся. И чтобы больше не появлялся...

За окнами никто не улыбался. У каждого мелькнула неприятная мысль: а вдруг и им придётся идти в мастерскую с какой-нибудь просьбой? Нет, тут, оказывается, не так всё просто. Видал, как Светка отчитала Димку: стоит, как столб, и даже побледнел. Но вот Димка переступил с ноги на ногу и вдруг жалобно:

– Да вы что, ребята?

– Мы-то ничего, а ты вот что? – презрительно оглядела Димку Светка. – Ну чего стоишь? Бери духовку.

Димка уныло и послушно взял свою ношу, направился к двери, но Светка схватила его за рукав.

– Не туда, а вот сюда, – и подвела оторопевшего «Дай, а?» к дальнему верстаку. – Вставай, маркиз несчастный, и ремонтируй сам. И пусть твоя мама запомнит, что ваши вещи мы ремонтировать не будем, что такой здоровый балбес, как ты, и сам отлично сможет всё сделать.

– Но я же не умею! – заныл Димка.

– Научим. – Обернулась к Тимке и уже другим тоном: – Тимоша, покажи ему, – сказала, а сама стрельнула глазами по окнам, по озадаченным лицам Яшкиной ватаги.

Ребята одобрительно загудели. Что ж, правильно делает Светка. Молодец. И вообще надо разобраться и подумать, кому ремонтировать, а кому нет. Димка растерянно стоял у верстака и выжидательно глядел на Тимку. Тот медленно, в развалку, как будущий моряк, подошёл, осмотрел духовку.

– Отвинчивай эту гайку. Вот тебе пассатижи.

Димка быстро исполнил приказ.

– А теперь вытаскивай внутреннюю коробку.

Но это оказалось нелёгким делом, и Димке пришлось немало повозиться. Наконец он вытащил эту самую «коробку» – она была обвита спиралью.

– Ну вот, теперь ищи повреждение, – командовал Тимка.

Когда Удодов исправил спираль, вставил коробку обратно, Тимка включил духовку в электросеть. Через минуту из неё пошёл горячий воздух.

– Всё. Духовка готова. А ты говорил – не умею. Захочешь – сделаешь.

Лицо Димки вдруг расплылось широкой улыбкой, а в душе он воскликнул: «Вот так я!» Он и не ожидал, что так обрадуется своему успеху. «Побегу, маме скажу, что сам отремонтировал». И помчался с духовкой домой. А минут через пять вернулся. Яшка крикнул:

– Ты куда, Димка? Идём теперь играть.

Но Димка лишь рукой махнул и вскочил в мастерскую.

– Ребята, я хочу в «Весёлый керогаз» вступить!

– Ого, – засмеялся Тимка. – Что так быстро решил? На один день, что ли?

– Не, навсегда!

– Надо со Светкой говорить, – усмехнулся Тимка и позвал: – Светка! Иди, тут в «Весёлый керогаз» вступить пришли.

– Кто? – спросила Светка. – Ты, Удодов?

– Я. Навсегда!

Светка сдвинула брови.

– Попрошайничать будешь?

– Нет! – проглотил слюну Димка.

– Отлынивать от работы?

– Ну что ты!

– За общее дело болеть будешь?

– Буду, Светка.

Вошёл Андрюшка, хмурый, озабоченный. Недавняя встреча с Сычом очень его расстроила. Услышал, как Светка допрашивает Димку, усмехнулся:

– Автобиографию ещё принеси. И три фотокарточки девять на двенадцать...

Светка проворно обернулась.

– Нечего скалить зубы и шуточки отпускать. Не смешно и глупо. А я вот что придумала: в «Весёлый керогаз» мы при-

нимать без разбору не станем, а то набегут сюда всякие, как Яшка, и только мешать будут. Каждый, кто захочет к нам, пусть пройдёт испытание. Если за две недели проявит себя в работе и дружбе – примем, а нет – пусть ещё ходит...

– В юнгах! – добавил Андрюшка и захохотал.

– А что? Это мысль! – подхватил Тимка. – Мне нравится.

– А для членов «Весёлого керогаза», – продолжала разговаривать Светка, – нужно придумать какой-нибудь значок...

Теперь заговорили все, заспорили: какой значок? В конце концов решили сами сделать значки, а какими они будут, пусть подумают Тимка и Андрюшка. Всё это время Димка Удодов только переводил глаза с одного на другого и хлопал длинными рыжеватыми ресницами. Он испугался, что о нём ребята совершенно забудут и, чего доброго, ещё не примут в свою компанию.

– А я-то как? – протяжно проговорил он.

Тимка оглянулся.

– Ты? Вот ты для опыта и походишь в юнгах.

– А если будешь дурака валять, – добавила Светка, – то из этих юнг вытурим, как миленького!

Это был настоящий позор. Так обращаться с одним из сподвижников великого атамана Яшки Коржнева! Яшка чуть не выл от злости и бессилия, глядя, как разговаривают и обращаются с Димкой. А тот будто ничего не замечает – лезет в «Весёлый керогаз».

– Дурак, – закричал Яшка. – Слюнтяй. Тряпка...

Но Димка словно не слышал. Яшка орал до тех пор, пока керогазовцы не выскочили и не разогнали его «дружину». Причём, кое-кто из Яшкиных приятелей получил несколько увесистых тумачков и пинков.

Неожиданно из-за поворота показался гружёный грузовик. В кузове сидел Фаддеич. Радостные ребята побежали навстречу машине.

**Что услышал Сыч с сеновала. «Платок-то, платок!»
Огонёк магазина. А ведь старик Зубов знает...**

Шли дни. Вот уже почти две недели Сыч живёт у Зубовых, а привыкнуть к ним не может. Со стариком он ладит, а вот с тёткой Авдотьей и особенно с Генкой мир никак не берёт. С Зайцем уже раза три поругался и успел подраться. Заяц совсем обнаглел. Стал командовать Сычом, всю трудную работу по дому, которую поручали ему, перекладывал на Сыча, а чуть что, бежал к матери жаловаться. А тётка Авдотья втихомолку то ухо Сычу крутнёт, то подзатыльник влепит. При старике не трогает, только глазами сверлит, а как Зубов отвернётся, она и норовит ударить. Поэтому Сычу дома не особенно хочется быть, то к Жмырю уйдёт, то на реку. Два раза к Андрюшке в «Весёлый керогаз» заходил. Там весело. Сыча так и тянет туда, но стесняется. Какой Сыч приятель для ребят? Всего трёх и знает – Андрюшку, Тимку да Светку. А остальные, так и кажется, косятся на него, шепчутся о чём-то.

Худо, очень худо стало жить Сычу. Мысли разные тревожные приходят. Раньше почти не думал ни о чём. Теперь думает. О себе, о жизни, о дяде Боре. Только письма от него всё нет и нет. Даже обидно: сам просился приехать, а теперь и ответа не шлёт. «А вдруг, – тревожно думает Сыч, – наше с Андрюшкой письмо потерялось? И дядя Боря решит, что он совсем не нужен Федьке?» Нет, нет, Сыч сейчас же напишет дяде Боре: пусть едет немедленно.

Спал Сыч по старой привычке на сеновале. Там хранил он все свои вещи: новую рубашку, штаны и кожаный бумажник, в котором лежали три рубля, письмо и фотокарточка дяди Бори. Сыч быстро забрался по шаткой лесенке на сеновал, чтобы взять письмо – он никак не мог запомнить адреса. Поднял ворох сена, достал бумажник. Все было на месте: и тройка, и письмо, и фотография. А вот конверта не было. Куда он делся? Сыч хорошо помнил, что письмо лежало в конверте. Он торопливо обшарил все отделения бумажника, разворочил

сено, проверил все карманы, какие только были, а конверта не нашёл. «Как же я теперь? – беспомощно окинул взглядом сеновал. – Как напишу дяде Боре?»

Горе было так велико, что Сыч не ответил Зайцу, который звал его есть.

– Наверное, опять ушёл к своим друзьям в новый город, – донеслось до Сыча.

– Что у него за дружки? – послышался голос старика Зубова.

– А, пацаны из новых домов. Мастерскую какую-то устроили, кастрюли починяют. Вот он туда и ходит. – И Заяц засмеялся. Старик помолчал, потом сказал Генке:

– Ты его не забижай зазря. Мальчишка он нужный нам. – После долгой паузы спросил: – Хвёдор больше не писал своему дяде?

– Как же он напишет, если я конверт спёр? Он адреса не знает, я спрашивал. А чего ты, тятка, вспомнил?

– Вчерась Матрёна письмо получила от Хвёдорова дядьки. Пишет: собираюсь, дескать, ехать. Но Матрёна говорит, что теперь не приедет он. Я, говорит, отписала так, что ему не для чего и ехать сюда... Оно и к лучшему. Пусть Матрёна поживёт хозяйкой, а то по квартирам всё...

Сыч был потрясён. Значит, его никто не любит и не жалеет. Даже старик Зубов. «Он нужный нам...» Вот из-за чего старик приютил Сыча... А Заяц? Вот подлец!.. И всё из-за рябой Матрёны!

Сыч лежал на сеновале, затаив дыхание, прислушиваясь, что делается во дворе. Там стало тихо. Сыч выглянул в окошечко – никого. Он торопливо спустился по лестнице, прошмыгнув через двор и выскочил на улицу. Что теперь делать – Сыч не знал. Но видеть сейчас Зубовых он не мог.

Почти два дня Сыч скрывался от них: день бродит где угодно, а лишь поздним вечером проберётся на сеновал, поспит, а утром, чуть свет, снова бегом со двора. Старик Зубов забеспокоился: куда пропал Хвёдор. И когда увидел его, подзвал к себе, усадил рядом:

– Что с тобой, Хвёдор?

Сыч ответил, что с ним ничего особенного не случилось, что он был у своего приятеля Андрюшки Шустова, который живёт в новом городе. Говорит Сыч, а сам в сторону смотрит, боится, что старик сразу догадается обо всём.

– Нехорошо, нехорошо, Хвёдор, – начал Зубов. – Мы тебя кормим, поим, и ты должен нам помочь оказывать. За водичкой сходить, то-сё. Авдотья, мать наша, чать, старуха уже... А у меня дела.

Сыч хотел было сказать, что пусть Генка помогает, а он, Федька, больше работать на них не будет, раз они такие... Но промолчал, только вздохнул. А Зубов продолжал говорить медленно, с чувством.

– Ты человек уже взрослый и, чать, сам всё в толк возьмёшь: кто полезный, тот уважаем. Коли будешь вести себя так, уважение наше потеряешь. Мы любим всё честь по чести.

«Ага, – подумал Сыч, – честные нашлись. Знаю я вас теперь...»

Старик закашлялся, вынул из кармана платок. Сыч краем глаза глянул на покрасневшее от натуги лицо, на обвисшие усы, которые тот медленно стал вытирать платком. И будто в сердце кто иголкой ткнул: платок-то, платок! Зелёный в белый горошек, точно такой он на ярмарке вытащил у женщины. Но разве такой платок один на свете? Да и как бы он мог попасть к Зубову? Чепуха. Конечно, чепуха. Но почему старик подозрительно глянул на Сыча и поспешно спрятал платок в карман? Или показалось? Сейчас Сычу только и мерещится, что от него что-то скрывают или обманывают.

– Ты слушаешь меня, Хвёдор? – доносится до Сыча.

Сыч опомнился, кивнул головой.

– Слушаю...

– Плохо слушаешь. А я тебе ниверситеты преподаю. Этого, брат, в книжках нету.

И Зубов снова заговорил о Федькиных обязанностях, о том, что стыдно есть незаработанный хлеб, что Федька дол-

жен радоваться, что его полюбил и приютил он, старик Зубов. Наговорившись, старик куда-то не спеша отправился. Пришёл он поздно и не один, а с Петром и Генкой. Заяц присел было рядом с Сычом, но тот поднялся и пошёл на сеновал.

– Ты смотри, сопля-то как загордилась!

Ночь надвигалась тёмная, глухая. Сыч улёгся поудобней, накрылся стареньким байковым одеялом, привычно устремил взгляд в большую щель в крыше. Там всегда сверкала лучистая голубая звезда. Сегодня её не было – тучи заволокли небо. Долго ворочался, не мог уснуть, думал. Но только пришёл сон, над самым ухом раздался грубый голос.

– Эй, вставай!

Сыч вздрогнул, вскочил на ноги: «Милиция?!»

– Слышь, вставай!

«Ах, это Петро. Напугал, чёрт».

– Зачем?

– Потом узнаешь. Идём.

«Опять воровать».

– Не пойду

– Ты, щенок! – взревел вдруг Петро так, что Сыч оробел.

Быстро натянул пиджак, спустился с сеновала.

– Куда?

– Увидишь. И вообще заткни глотку.

Вышли на улицу. Ночь была мрачная, тихая. Нигде ни одного освещённого окошка, будто в домишках вымерли все люди. Миновали одну улицу, другую, третью. Только сейчас Сыч сообразил, что идут они к противоположной окраине старого города. «Что ему там нужно? – еле поспевая за Петром, думал Сыч. – Куда он тащит меня?» На какой-то особенно тёмной улице от забора вдруг отделились и направились к ним две чёрные фигуры. Они подошли к Петру, о чём-то быстро зашептали. В одной из них Сыч сразу узнал Сеньку, другого ни разу не видел.

– Добро! – наконец произнёс Петро и легонько подтолкнул незнакомого. – Иди, Цыган.

«Цыган» свернул в сторону, а Сенька зашагал рядом с Петром. Минут через пять остановились на углу неширокого проулка. Сначала Сычу показалось, что он никогда здесь не был, но, оглядевшись, заметил высокую трубу бани, что торчала, как чёрный столб. «Ах, вот где мы, – почему-то обрадовался он и даже шутливо подумал. – Не мыться ли задумал Петро». Но тот, настороженно всматриваясь в темень, раза два оглянулся. Потом к Сычу:

– Видишь? – шёпотом спросил он. – Видишь, магазин?

– Вижу, – тихо ответил Сыч, глядя на неярко горящую лампочку над дверью небольшого промтоварного магазинчика.

– Вы с Сенькой туда. Я остаюсь здесь. Чуть что – дам знать. Смотрите.

Сенька и Сыч медленно пошли вперёд. С противоположной стороны проулка тоже шли двое. Сыч дёрнул Сеньку за рукав.

– Наши, – шёпотом ответил тот.

Что произошло дальше, Сыч помнит плохо. Двое незнакомых скрутили сторожа, заткнули рот тряпкой и сунули его в будочку, Сенька выдал в окне стекло и приказал Сычу:

– Лезь!

Потом, нагружившись узлами, все почти бегом помчались по тёмным глухим улицам к церквушке. Когда Сыч вернулся домой, уже светало. Во дворе стоял Зубов. Это почему-то не удивило Сыча. Он, не сказав ни слова, полез на сеновал, а старик, не спросив ни о чём, вошёл в дом. «А ведь всё знает старый хрыч», – вдруг спокойно и равнодушно подумал Сыч.

ГЛАВА 21

Очередная перепалка. С корзинкой в старый город. Потрясающая новость. Дамская туфля. Страшная догадка Тимки Королькова. Светка клянётся.

Воскресное утро Тимка и Светка встретили короткой, но горячей перепалкой. Перепалка началась, казалось, из-за пустяка: кому идти к бабушке в старый город за картошкой и ово-

щами. Мать, зная упрямые характеры близнецов, никогда не поручала работу одному из них, а всегда обращалась сразу и к Тимке, и к Светке: «Надо сходить в магазин за хлебом, дети». Ребята быстро решали, кому идти.

Сегодня, когда мама сказала, что надо принести от бабушки овощи и картофель, Тимка сразу стал небывало вежливым:

– Сбегай, Света, к бабушке, пожалуйста. У меня, знаешь, дело одно есть важное.

У него никаких важных дел не было, просто не хотелось идти. Однако Светка пожалала плечами, словно говоря: сочувствую, но помочь не могу. Тишке показалось, что в её зелёных глазах сверкнул ехидный огонёк. Это немедленно вывело его из себя.

– Эгоистка, – закричал Тимка, не желая больше соблюдать дипломатии. – Чёрствая корка, сапожная щётка – вот кто ты! Будто я из-за лени отказываюсь.

Светка словно ждала этих слов и сразу надела на Тимку.

– Вот именно из-за лени. Лентяй! Всё время на моей спине ездешь. Захребетник!

– Это я-то? – вскричал Тимка.

– Ты-то, ты-то, ты-то! – визгливо запела Светка, приплясывая. А потом отбежала к двери и оттуда спокойно заявила:

– И вообще ты мне надоел!

Тимка был обескуражен. Ему хотелось сказать что-нибудь колкое, что бы крепко задело Светку, но, как назло, ничего не приходило на ум. Он стоял, растопырив руки, открыв рот, будто куковал:

– А ты... А ты... А я... – и неожиданно для самого себя выпалил: – А я не открою тебе одной страшной тайны!

Светка засмеялась, смекнув, что Тимка хочет поймать её на дешёвую удочку.

– Чего смеёшься? – горячился Тимка. – Если бы я рассказал о ней, у тебя волосы дыбом встали.

На этот раз Светка не засмеялась. Что-то правдивое было в словах брата. Она и раньше замечала, что Тимка скрывает что-то от неё. Но что – не могла ни догадаться, ни выследить. А вдруг и в самом деле у него имеется тайна?

– Ты не врешь, Тима? – миролюбиво и очень ласково произнесла Светка, отходя от двери.

– Зачем я буду врать? Мы только вдвоём знаем эту тайну – я да Андрюшка.

– А мне скажешь?

– Тебе, такой занозе? – крикнул обидчиво Тимка. – Ты вон выручить меня не хочешь.

– А если я схожу за картошкой – скажешь?

Тимка ликовал: наконец-то поймал Светку! Теперь он шёл напролом.

– Тогда скажу.

А сам подумал: «Чёрта два ты узнаешь нашу тайну».

Светка сразу засобиралась к бабушке, взяла корзинку и уже с порога довольно внушительно заявила:

– Смотри, Тимка, обманешь – всю жизнь жалеть будешь.

Тимку хоть и встревожили эти слова, но настроение было отличное. Он вслед за Светкой выскочил во двор и пошёл к «Весёлому керогазу». Там уже собрались почти все, но, к удивлению, никто ничем не занимался. Ребята были чем-то взволнованы и возбуждены: спорили, стараясь перекричать друг друга, размахивали руками. Алька ещё издали закричал Тимке:

– Сейчас Фаддеич был, сказал, что нам речное училище отдаёт списанный баркас! Фаддеич говорит, что из него можно такой корабль соорудить, что хоть сразу в океан!

Тимка одурел от этой новости. Он только улыбался да восклицал:

– Да ну! Да ну!

Димка Удодов бросился к дверям.

– Пойду Яшке с Котькой расскажу! – и умчался.

– А где же он? – спросил, наконец, Тимка.

– Кто? Баркас?

– Да нет, Фаддеич.

– Ушёл куда-то. Андрюшку взял с собой. Говорит, скоро вернутся, а потом все пойдем смотреть баркас.

Вот это повезло! Нет, не зря Тимке сегодня не хотелось

идти в старый город! Светка, конечно, разозлится, если узнает, что они с Фаддеичем ушли смотреть баркас!

Однако время шло, а Фаддеича с Андрюшкой всё не было. У Тимки лопнуло терпение, пошёл во двор посмотреть: не идут ли. И чуть нос в нос не столкнулся со Светкой. Она торопливо шла домой с тяжёлой корзинкой. Тимка с ходу рассказал ей новость, а она похвасталась:

– Тимк, ты погляди, что я нашла, – и вынула из корзинки новехонькую коричневую дамскую туфлю на высоком каблуке.

– Ого! – воскликнул Тимка, беря туфлю. – Красивая. А вторая где?

Светка засмеялась, услышав этот глупый вопрос.

– Спроси у того, кто потерял эту.

– Не ношенная...

– Какой ты проницательный, – съехидничала Светка. – И как ты только узнал?

Тимка разозлился.

– Ну и валяй отсюда!

– А тайну? Когда расскажешь?

– После... Вечером, – неохотно ответил Тимка.

– А я тогда тебе тоже что-то страшное расскажу. – И не утерпев, проговорила. – Промтоварный магазин, что рядом с бабушкой, кто-то сегодня ночью ограбил.

– Да ну! – воскликнул Тимка. – И сильно ограбили?

– Сильно! А сторожа связали и тряпку в рот засунули, чтобы не кричал. Просто жутко!

Тимка вдруг округлил глаза:

– Светк, а если эта туфля из того магазина? Может, её воры уронили?

Светка так и ахнула.

– Ну ты скажешь! Магазин вон где – в старом городе, а я нашла туфлю у церквушки.

– Что?! – заорал Тимка. – Где нашла?

– Ты что, взбесился? – совсем струсила Светка. – У церквушки, говорю.

– Тсс! – прошептал Тимка, схватил Светку за руку и потащил в глубь двора. – Никому ни слова больше! Неси корзинку домой. Быстро.

Перепуганная Светка понеслась домой, а Тимка сначала бросился к «Весёлому керогазу», но, вспомнив, что Андрюшки нет, беспомощно остановился. Что же делать? «Это, наверное, работа Сыча и его приятелей. Не иначе! Надо проверить. Немедленно. Только как без Андрюшки лезть в подземелье? Боязно что-то...» В это время увидел Светку: она бежала из дому. «С ней пойдём!» – решил Тимка. Вскочил, замахал рукой:

– Эй, Светка, сюда!

А сам торопливо направился к пустырю. Светка еле догнала брата.

– Ты куда?

– Иди, знай! – отрывисто бросил Тимка.

Но пройдя молча шагов тридцать, остановился, серьёзно глянул Светке в глаза:

– Сейчас ты узнаешь нашу тайну. Сама увидишь. Гляди – никому ни слова. Не скажешь?

– Нет.

– Клянись!

Светка сделала свирепое лицо и придушенным голосом прошипела:

– Клянусь...

...Андрюшка мчался домой, как на крыльях: какую радость несёт он друзьям! На этой неделе речники сами, на своей грузовой машине, привезут баркас. Андрюшка видел его: большой, старый, развалившийся. Но Фаддеич только потирал руки и хвалил: «Красавец! Прямо-таки молодец! Сделаем – речники пожалеют, что отдали».

Во дворе Андрюшку окликнул взволнованный Тимка. Рядом с ним стояла Светка. Андрюшка догадался – произошла какая-то беда.

– Что случилось?

– Тише, – прошептал Тимка. – Идём! – и потащил его в скверик.

Тимка сначала не знал, с чего начать, но потом рассказал о грабеже промтоварного магазинчика, о Светкиной находке возле церквушки и о том, как Тимка слазил со Светкой в подзелье.

– Ну? – спросил Андрюшка и почувствовал, как холодеет сердце.

– Они! Чего там только нет! И костюмы, и ботинки, и туфли женские, и рубахи... И всё новое, в коробках лежит...

Тимка и Светка что-то говорили ещё, но Андрюшка ничего не слышал. «Что же делать? – металась мысль. – В милицию идти? Тогда Сыч пропал. А если не идти – нечестно. Ведь не могут же они скрыть такое преступление! Такое никогда им не простится. Эх, пойду сейчас к Сычу и всё скажу ему. Пусть тогда не думает, что мы тайно выследили и в милицию заявили».

Андрюшка посоветовался с Тимкой и Светкой. Те согласились, что так будет справедливо.

– Иди, Андрюшка, иди, – сказала Светка. – Возможно, Макаров и не виноват вовсе. А если ему нужна будет помощь – мы поможем!

– Верно! – подтвердил Тимка и даже растрогался от последних слов Светки. «Всё-таки она у меня молодец!» – подумал он.

ГЛАВА 22

Полный расчёт. Волки. Сыч бледнеет. «За кого ты меня принимаешь?» «Думай, Федюнька...» Светка и Тимка жмут руку Сычу.

Бежать через двор Сыч побоялся – могли поймать старик Зубов и Петро. Поэтому кинулся в огород, топча всё на пути своём. Перемахнул забор и очутился на пустыре. Только здесь, почувствовав себя в безопасности, Сыч остановился, перевёл дыхание. Там, в Зубовском дворе, орал благим матом Заяц. Это Сыч побил его. Побил сильно. На помощь Зайцу бросились старик Зубов и Петро. Зубов схватил палку и крепко огрел его

Сыча. Плохо пришлось бы Сычу, если бы он не удрал. «Воет! – злорадно улыбнулся Сыч, прислушиваясь. – Так тебе и надо!»

Всё случилось так.

К Зубовым пришёл Жмырь. На этот раз он не вошёл в дом, не стал искать Зайца, а сразу полез на сеновал к Сычу.

– Я тебе одну штуку скажу... Ты не продашь? – без всяких вступлений произнёс Жмырь.

Сыч удивился, пожал плечами. Это, считай, впервые Жмырь разговаривает с ним так. Он больше дружил с Зайцем. Друзья – водой не разольёшь.

– Не продам, – ответил Сыч.

– Ярмарку помнишь?

– Ещё бы не помнить! На теле только недавно сошли синяки, набитые Сенькой.

– Так вот – платок с деньгами, что ты увёл у тётки, Заяц схапал. Из твоего кармана, когда ты побежал. Заяц специально тебя пугнул тогда...

Сыча словно обухом ударили эти слова.

– Откуда знаешь?

– Заяц сам хвастался. Хрычу деньги отдал. Сенька, как узнал, тебя жалел, что зря поколотил, а Зайца бить не стал – Петра да Хрыча побоялся.

«Почему он мне всё выложил?» – подумал Сыч, исподлобья взглянув на Жмыря.

Объяснилось всё просто – Жмырь поссорился с Зайцем и решил отомстить ему. Он был уверен, что Сыч не простит.

Обида, злость захлестнули Сыча. «Все вы гады: и ты, Жмырь, и Сенька, и Заяц, и Петро, и старый Зубов. Как волки, кто у кого кусок вырвет. А чуть что и предать готовы. Вот как теперь Жмырь...». Особенно больно, что и старик дрянью оказался. А ведь всё про честность разговаривал. А сам деньги принял от Зайца, за которые Сыча жестоко избил Сенька. Ведь знали и не заступились...

– Ну ладно, Жмырь, – глухо произнёс Сыч. – Спасибо, что сказал...

Чуть ли не полдня прождал Сыч удобного момента и вот расплатился... Рёв, наконец, утих. Сыч ощупал внутренний карман – бумажник лежал на месте. А новая рубаша пусть пропадает. Больше Сыч не вернётся к Зубову. Всё. Кончено.

Идёт Сыч к новому городу, мечтает о том, как жить будет у Андрюшки. Глядь, а он сам ему навстречу. Вот повезло!

– Здорово, Андрюшка! – радостно сказал Сыч. – Я к вам! А ты куда?

– К тебе, то есть за тобой.

У Андрюшки было непривычно хмурое лицо.

– У тебя что-то случилось? – встревожился Сыч. – Может, мне не ходить?

– Наоборот, идём! – сказал, грубовато, без обычного гостеприимства.

Сыч помрачнел, остановился. Наверное, Андрюшка обиделся, что он сразу не перешёл жить к ним.

– Не пойду.

– Почему? – забеспокоился Андрюшка.

– Да ты какой-то невесёлый. Тебе, наверное, не до меня.

– Как раз до тебя... – И будто выдавил: – Из-за тебя тут целая карусель... Слушай, Федька, поговорить надо...

Сыч сразу преобразился. Серые глаза тревожно метнулись, губы сжались, он понял, что сейчас произойдёт что-то страшное.

– Я давно хотел тебе сказать, – произнёс с усилием Андрюшка, – да вот, как-то не мог... А тут твой отец помер... Ну я и... В общем, Федька, я всё знаю про тебя...

– Что, что знаешь?!

– Ну... что ты воруеть...

Андрюшка увидел, как Сыч побледнел, на носу у него заблестели мелкие капельки пота, но Андрюшка решил во что бы то ни стало высказать всё до конца. Он рассказал про церквушку, где увидел Федьку с узлом, рассказал, как они с Тимкой нашли люк в подземелье, и выложил всю сегодняшнюю историю. С каждой Андрюшкиной фразой Сыч бледнел всё больше, лицо

у него стало каким-то зеленоватым. Андрюшка встревожился, торопливо и сбивчиво забормотал:

– Да ты что, Федька? Ты не бойся, мы что-нибудь придумаем... Тебя не арестуют... Мы выручим... Я и шёл к тебе для этого.

Но Сыч или не слышал Андрюшкиных уговоров, или не понимал. Он стоял, словно каменный – не шевелясь и даже ни разу не моргнув. Андрюшка испугался – вдруг что-нибудь случится с Федькой. Он тронул его за плечо. Но Сыч неожиданно отбросил Андрюшкину руку:

– Выслеживал, да? Шпионил? А сам другом прикидывался, да? Иди, иди, заявляй в милицию теперь! Спасибо скажут!

Обида захлестнула Андрюшку.

– Эх ты! – крикнул он. – Если бы я хотел тебе плохого, то давно сообщил в милицию. Ни на что бы не посмотрел. Я и сегодня прибежал, чтобы предупредить тебя, а он... – Андрюшка замолчал, сдерживая негодование.

У Сыча мелькнула мысль, что и в самом деле Андрюшка мог уже давно заявить о нём в милицию. Но ведь не заявил. Даже к себе водил, зная, что он воришка. Как он сразу не сообразил этого? Значит, Андрюшка по-настоящему добра желает? Значит, он и сейчас прибежал помочь ему? Как будто легче стало Сычу. Он уже не злобно, а со скрытой надеждой глянул на друга.

– Не ходи в милицию...

– Нельзя. Кто с тобой в ту ночь в церквушку ходил? Сенька? Петро? Они же и магазин грабили? Ещё трое? Это же настоящие враги. Нет уж, Федька, как хочешь думай, а в милицию я пойду. Что, тебе это ворьё жалко?

Федька с болью крикнул:

– Себя жалко, а не их! Ведь и меня возьмут! Я ведь тоже воровал.

Андрюшка с минуту думал, потом обрадованно:

– А ты у нас пересидишь пока. Посчитают, что ты убежал. А через месяц все забудут о тебе.

Федька, всё такой же бледный, потрясённый, нашёл в себе силы улыбнуться, сказать:

– За кого ты меня принимаешь?

Да, за кого его принимает Андрюшка? Что скажет дядя Боря, узнав, что его племянник негодяй? Скверно сложилась жизнь у Сыча. Очень скверно.

Он вспомнил Петра, который, однажды выпив, наставлял его на путь истины. «В нашем деле главное – не плошать. Хорошо «поработал» – месяц, а то и два князем живи. Но уж коли попался – терпи. Однако бояться тюрьмы – не бойся. Тюрьма – не могила. Оттуда возвращаются... Да и сидят там не звери, а такие же люди, как мы с тобой... Для чего тебе говорю это? А для того, чтоб шёл смело, не оглядывался на милицейскую фуражку!»

Ему заранее готовили судьбу негодяя. Что ж, Сыч уже прошёл полдороги этого пути, уже попался, и его ждёт та страшная жизнь в тюрьме, о какой часто рассказывали Петро и Сенька, и о которой Сыч не мог слушать без ужаса. Он представил себя идущим под охраной милиционера, и даже озноб прошиб. «Нет, нет, не дамся!» – чуть криком не закричал Сыч.

Он взглянул на Андрюшку. Тот стоял и о чём-то думал. «Ему хорошо. Ему не страшно. Его не поведут в милицию!» До слёз захотелось быть на месте Андрюшки, на месте других таких же ребят, которым нечего опасаться и дрожать, которые играют, смеются и веселятся, не думая, что за ними следит, не мигая, суровый милицейский глаз.

– Пропал, пропал я... – шепчет Сыч. «Эх, была бы мама!» – как острая боль, появилась мысль.

Но мамы нет. Нет отца. Никого нет, кто помог бы Сычу в этот тяжёлый час. Что ж, он уже не маленький. Сам постоит за себя. Нет, он не будет прятаться, не будет где-то отсиживаться, как ему предлагает Андрюшка.

А что он сделает? В памяти всплыли печальные глаза мамы. Она смотрит на него и будто подбадривает: «Ну, ну, сынок, думай... Думай, Федюнька. Я мечтала, что ты большим

человеком станешь. А ты?.. Думай, Федюнька. Сегодня самый трудный день для тебя. Думай, сыночек, правильно думай...»

Сыч потрянул головой: мамы нет. Есть пустырь, залитый солнцем, есть он, Федька Сыч, и его друг Андрюшка.

– Федьк, а может, тебе уехать? А? Мы с Тимкой денег наскребли бы...

Славный парень этот Андрюшка. Но нет, не нужны Сычу деньги. Теперь ему ничего не нужно. Он знает, что делать.

– Спасибо тебе, Андрюшка. Не надо мне денег, – хрипло говорит Сыч. – Я сам пойду в милицию и расскажу всё...

– Молодец, Федька! Ох какой молодец, даже сам не понимаешь! Иди, Федька. Тебе ничего не будет. Мы поможем.

– Только вот... – произнёс Сыч, словно не слыша Андрюшки, – боязно одному-то идти туда... в милицию. – И смотрит в Андрюшкины глаза своими большими, серовато-синими, в которых и решимость, и страх, и мольба.

– Идём, Федька, идём. Я с тобой. Ты только не волнуйся.

Ребята медленно двинулись ко двору. Там их поджидали Тимка и Светка.

– Ну как?

– Сейчас с Федькой в милицию пойдём...

И Тимка, и Светка крепко пожали руку Федьке Макарову. Не бойся, Федька, всё будет хорошо!

ГЛАВА 23

**У «любителя» страшных тайн. «Вот тебе и на!»
Машины выезжают из ворот. Мама узнаёт новость. События
запутываются. Что видел Юрка. Неожиданная радость.**

Робко вошли ребята в милицию. В длинном коридоре остановились: в какую дверь входить? Андрюшка ткнул в одну – заперта, в другую – тоже.

– Выходной у них, что ли? – мрачно произнёс он.

Сыч беспокойно огляделся. «Уйду, – мелькнула мысль. – Уйду, пока не поздно!» Но в коридор вошёл высокий подтянутый офицер.

– Товарищ Ливанов! – позвал Андрюшка. Это был участковый уполномоченный, тот самый, который проводил родительское собрание, когда ребята совершили налёт на стройку. Офицер остановился, выжидательно глянул на Андрюшку.

– Товарищ Ливанов, у нас важное дело... Мы одну тайну знаем...

Ливанов улыбнулся.

– Так-таки тайну? И, конечно, страшную?

Андрюшка кивнул. Ливанов взглянул на часы и всё с той же широкой улыбкой произнёс:

– Тогда вам нужно к капитану Мазурову. Он любит страшные тайны. Идёмте.

Остановились возле двери, на которой Андрюшка успел прочесть табличку: «Следователь». В кабинете за столом сидел пожилой капитан с весёлыми карими глазами. Когда ребята и Ливанов вошли, капитан встал.

– Товарищ капитан, – сказал Ливанов. – Эти ребята знают «страшную» тайну. Я бы тоже с удовольствием послушал их, да беда, тороплюсь.

– О! – воскликнул капитан. – Тогда, ребятки, садитесь, прошу. Вот здесь. – И указал на два кресла возле стола. Ребята примостились на краешках.

Сыч тоскливо смотрел в пол, нервно теребя пальцами кепку.

– Ну-с, молодые люди, – капитан закурил, – готов слушать вашу тайну.

Оказалось: не так-то просто взять и рассказать о своих проступках. Сыч беспомощно взглянул на Андрюшку, но и тот чувствовал себя неважно. Ребята настолько оробели, настолько растерялись, что долго не могли вымолвить ни слова. Вся затея идти с повинной в милицию представилась Сычу совершенно безнадёжной и глупой. «Эх, пропал я, – мелькнула горькая и запоздалая мысль. – Зря пришёл. Как дурак, попался»...

Капитан весело посматривал на смущённых ребят.

– А мне, ребятки, не очень интересно слушать, как вы молчите. Туда ли вы пришли?

– Туда...

– Ну, тогда рассказывайте.

Ребята переглянулись. «Хочешь, я расскажу?» – взглядом спросил Андрюшка. «Нет. Я сам», – так же ответил Сыч и глухо произнёс:

– Я пришёл... Мы пришли... Словом, мы знаем, кто обворовал промтоварный магазин в старом городе...

Лицо капитана сразу посерьёзнело.

– Вы знаете?!

– Да!..

И Сыч рассказал. Рассказал всё. Потом капитан повёл ребят к начальнику милиции. Сычу пришлось снова повторить всю невесёлую историю, но теперь он делал это спокойнее и решительнее. Невысокий седой начальник милиции слушал Сыча внимательно и, как показалось Андрюшке, с грустью. Когда Сыч умолк, он тихо спросил.

– Родители у тебя есть, Федя?

Сыч покачал головой.

– А как ты живешь? У кого?

И Сыч тихим, срывающимся голосом рассказал свою маленькую, но тяжёлую биографию. Не только эти незнакомые люди в милицейской одежде с интересом слушали рассказ, но и Андрюшка. До сегодняшнего дня, вернее до этого часа, он был твёрдо уверен, что знает Федьку, как пять своих пальцев. Но оказалось, что Андрюшке неизвестно и сотой доли того, что пережил Федька.

Когда Сыч умолк, начальник милиции встал, прошёлся по комнате, остановился возле него.

– Да, мальчик, трудная жизнь у тебя... – Положил на Федькину голову большую ладонь. – Спасибо за сообщение, за то, что нашёл в себе силы открыть правду.

У Сыча будто груз убрали с плеч. Что там говорить! Андрюшка тоже был бесконечно рад. Ему хотелось скорее бежать

с Федькой домой, рассказать Тимке, Светке и маме о всех событиях, которые произошли. Теперь Андрюшка твёрдо верил: Федька будет жить у них! Андрюшка вопросительно глянул на начальника милиции. Тот понял.

– Ты, Андрюша, можешь идти, а Федя останется.

– Почему?

– Так надо. Ступай.

Мальчики глянули друг на друга. «Вот тебе и на! – было написано в глазах Андрюшки. – Неужели не выпустят? Но ты не робей». В Федькином взгляде Андрюшка увидел: «А я не робею, но только попался я, наверное, крепко. Ничего, не волнуйся, рано или поздно отвечать пришлось бы...»

Андрюшка сказал: «До свидания» – и понуро вышел из милиции. Присел на крыльцо. Что теперь будет? Вскоре из ворот выехали три милицейские машины. В одной из них Андрюшка заметил Сыча. «В тюрьму повезли!» – обожгла страшная догадка. И Андрюшка, больше не задерживаясь, стрелой понёсся к дому. Торопливо, глотая слова, рассказал Тимке и Светке обо всём, что произошло в милиции, и о том, как Сыча куда-то повезли.

– Наверное, в тюрьму, – закончил Андрюшка.

Ребята притихли. Тимка молча сопел, а Светка ковыряла носком туфельки землю.

– Что же делать? – спрашивал Андрюшка.

– А что тут сделаешь? – горько ответила Светка.

Андрюшка уныло махнул рукой и пошёл к себе. До самого прихода мамы просидел совершенно убитый. И как только она вошла, кинулся к ней.

– Мама, Федьку в тюрьму увезли!..

– Как в тюрьму? Что ты говоришь?

– Да, да, в тюрьму! – чуть не плача, повторил Андрюшка.

– Я тебе ещё давно хотел рассказать о Федьке, о том, что он ворует, да думал – всё будет хорошо. А сегодня... а сейчас... его арестовали.

Мама расстроилась.

– Рассказывай, Андрюша.

Андрюшка не упустил ни одной мелочи. Мама устало провела ладонью по лицу, словно снимая с него невидимую пелену, медленно встала.

– Как нехорошо получилось...

Андрюшка схватил мамину руку.

– Пойдём в милицию, к начальнику... Он добрый, я знаю... Он отпустит Федьку... Ведь Федька сам пришёл, сообщил... Он ведь и от Зубова убежал. К нам шёл...

Мама обняла Андрюшку, поцеловала в голову.

– Конечно, схожу, – сказала она. – Сейчас и пойду. Ты, Андрюша, не вешай носа прежде времени...

Мама поправила перед зеркалом причёску и решительно вышла из комнаты. А примерно через час к Андрюшке ворвались Тимка, Светка и Юрка Бабукин.

– Слышь, Андрюшка, – ещё с порога заорал Тимка, – старика Зубова арестовали. На машине увезли. Юрка сам видел!

– Ага, – ответил тот. – Увезли. И ещё какого-то дядьку.

Что ж, так и должно было произойти, ведь для этого Андрюшка с Федькой и пошли в милицию. Но он заволновался, когда Тимка сказал, что милиционеры окружили церквушку и с ними был Сыч. Это Юрка видел собственными глазами.

– Да замолчи, Тимка, – возмутился Андрюшка. – Пусть Юрка и рассказывает, если видел.

Но Юрке, собственно, нечего было больше рассказывать. Он переступил с ноги на ногу и пробубнил:

– Потом уехали на машине с красной полосой... Сыч и милиционеры, значит. И вещи увезли. Вот и всё...

Сказал, помолчал, а потом задумчиво добавил.

– Только вот одно не пойму: зачем Сыч лицо тряпкой обернул, когда к машине шёл. И милиционер его под руку, словно барышню какую, вёл.

– Это, наверное, для конспирации, – предположил Тимка. – Чтобы не узнали.

Светка съехидничала:

– Он от таких болтунов, как ты, скрывался...

Андрюшка улыбнулся, хлопнул Тимку по плечу.

– Не обижайся, Тимка. Всё, кажется, идёт, как по маслу. Значит, они Федьку не в тюрьму повезли. Это самое главное. Моя мама пошла Федьку выручать. Я ей всё рассказал.

– Вот это здорово! – воскликнул Тимка. – Ты знаешь, – обратился он к Юрке, – кто дядя у Сыча? Ракетчик! Он, наверное, тоже сбивал американского шпиона Пауэрса.

Юрке стало завидно: Тимка и Андрюшка в курсе всех событий. Они знают всё не только друг о друге, но и о том, что делается вокруг. Вот и тайну церквушки раскрыли, воров обнаружили, а теперь Федьку Сыча спасают. А он, Юрка, ничего не знает, хотя Зубовы и Сыч жили через несколько домов от него. Спасать ему тоже некого, потому что и товарищей-то настоящих у него нет.

Только недавно от Тимки услышал, зачем Андрюше нужен был калека-велосипед. Оказывается, для Вани Тузова. Знай об этом, разве Юрка взял бы с Андрюшки новёхонький трансформатор? Конечно, не взял бы! Однако тут же Юрка, к стыду своему, подумал, что всё-таки не отдал бы велосипед бесплатно.

А вчера он узнал о «Весёлом керогазе», о том, что ребята собираются строить корабль и идти на нём в путешествие. И прибежал посмотреть. То, что увидел, потрясло Юрку: самая настоящая мастерская. В ней хоть что можно делать! Юрке захотелось быть вместе с ребятами, строить, починять кастрюли, спорить, смеяться, путешествовать. Он бы рацию сделал для корабля! Но Юрка хорошо знал, что ребята считают его жадобой и Плюшкиным.

Да, обидно и завидно Юрке Бабукину. Здесь у Андрюшки и Тимки он чувствует себя чужим. А ведь с ними четыре года учится вместе. Молчит Юрка. А ребята не замечают ничего. Им-то хорошо...

Андрюшка торопливо нахлобучил кепку.

– Ну, спасибо, Юрка, что пришёл и рассказал. А теперь айда в «Весёлый керогаз». Пойдешь с нами?

Юрка от радости только мотнул головой.

Человек со смешным именем. Сыч находит мужество. В логове бандитов. Матрёна бросается в драку. Назад дороги нет. Встреча в овраге. «Это я привёл милицию!» Месть труса.

Нет, не для конспирации закутал Сыч лицо тряпкой, не из нежности вёл его под руку милиционер.

С Сычом случилось несчастье.

Когда Андрюшка вышел из кабинета начальника, Сыч понуро уставился в пол. С Андрюшкой было всё-таки лучше. И хотя у следователя и начальника милиции были не суровые и не жестокие лица, Сыч трепетал от страха. «Что они хотят со мною сделать? Не зря же Андрюшку услали... Не выбраться мне отсюда!..» И слёзы закапали из серых Сычовых глаз.

Неожиданно на плечо Сыча мягко легла тяжёлая рука.

– Не плачь, Федя, я думаю, всё обойдется хорошо, если...

– Начальник милиции, у которого было странное и немножко смешное имя – Селиван Епифанович, – умолк на секунду, глядя в лицо Сыча, потом тихо договорил: – ...если ты не сильно виноват. Сам понимаешь, преступление – есть преступление. И каждый должен отвечать за свои поступки...

Сердце у Сыча заняло ещё сильнее.

Следователь и начальник милиции о чём-то тихо разговаривали. Потом Селиван Епифанович решительно сказал:

– Не будем терять зря времени. Распорядитесь о машинах и оперативной группе.

Следователь вышел, а Селиван Епифанович обратился к Сычу.

– Сейчас, Федя, мы поедем к Зубову...

– Почему к Зубову? Он же не воровал! Это Петро...

Селиван Епифанович ласково, но твёрдо прервал Сыча:

– Ты, Федя, многого не знаешь. Твой «старик Зубов» у них главарь. Все на него работают. И ты воровал для Зубова... Но не в этом дело... Ты поедешь с нами. Покажешь, где Сенька живёт, вход в подземелье. Согласен?

– Да... – тихо ответил Сыч.

– А может быть, ты не хочешь? Боишься?

– Я поеду, – твёрдо ответил Сыч и поднялся со стула.

И вот три милицейских машины стремительно понеслись к старому городу.

Сенька спал, видно, после очередной пьянки. Лицо его было опухшим, волосы всклокочены. Увидев милицию, он никак не мог попасть в рукава рубахи. И хотя никто ни слова ещё не сказал Сеньке, он беспрерывно шевелил посиневшими губами.

– Я не виноват... Это ошибка... Я не виноват...

Когда в машине Сыч хмуро, исподлобья глянул на испитое бледное лицо Сеньки, тот украдкой прижал палец к губам, сделал свирепые глаза, что должно было означать: «Молчи, не выдавай, не то худо тебе придётся». Сыч усмехнулся. «Ага, боишься. Теперь за всё получишь!»

Машина вынеслась на Овражную улицу к дому Зубова. Ещё издали Сыч заметил людей у ворот и две милицейских машины. «Накрыли старика и Петра, – подумал Сыч. – Отворовались». Едва Селиван Епифанович и Сыч вылезли из машины, подбежал лейтенант.

– Неприятность, товарищ начальник. Зубов перед нашим носом куда-то скрылся. Шмыгнул в огород – и как сквозь землю провалился...

Селиван Епифанович нахмурился.

– Прочешите пустырь. Он далеко не ушёл.

Во дворе Зубовых у сарайчика выла тётка Авдотья. Рядом стояла Матрёна с перекошенным от злобы лицом, увидев Сыча с начальником милиции, ринулась к нему.

– Так это ты, гадёныш, продал нас?! – завизжала она. – Ты продал? Отблагодарил, значит, доброго человека, который приютит тебя, заморыша?..

И если бы не Селиван Епифанович, Сыч не досчитался бы многих волос на голове. Матрёна кричала, ругалась, но Сыч больше не обращал на неё внимания. По улице от его дома к машине провели Петра. Он, как всегда, был мрачный, но только бледный, как известь.

Смотрит Сыч, а в сердце ни жалости, ни капли раскаяния. Пусть все они: и Зубовы, и Сенька, и Матрёна с Петром считают его предателем. Пусть, что хотят, то и думают. Сыч знает одно: он сделал правильно. Он ни о чём не жалеет и, если накажут, не боится. Но по-прежнему жить Сыч не хочет. Назад дороги нет.

– Селиван Епифанович!.. А старик Зубов, наверное, в подвал церквушки забрался... Ещё убежит, там другой выход есть.

– Другой выход? Так чего же ты молчал?! – воскликнул укоризненно Селиван Епифанович. – Быстрее туда.

Сыч, Селиван Епифанович и два милиционера почти бегом направились к церквушке.

На пустыре тихо и безлюдно. В траве стрекочут кузнечики, в небе, словно пружинка, звенит жаворонок. Удушливо пахнет полынью.

Сыч привычно вошёл в церквушку. На плите, закрывающей люк, мусора не было.

– Он тут, – тихо сказал Сыч.

Селиван Епифанович и милиционеры осмотрели плиту.

– Да, – задумчиво сказал один из милиционеров, – ногти пообломаешь, пока поднимешь эту плиточку!

Сыч нашёл металлический стержень, всунул его в отверстие между плитой и полом, крепко нажал. Люк не открывался. Сыч заторопился. Он ещё и ещё раз пробовал приподнять крышку, но всё безрезультатно.

– Ну-ка дай я, Федя, – Селиван Епифанович протянул руку. – У меня силы, пожалуй, побольше.

Но Сыч отбросил стержень в сторону.

– Ничего не выйдет. Крышка закрыта изнутри. Надо к выходу...

Пока Селиван Епифанович отдавал приказание милиционерам, Сыч уже нёсся к оврагу, в который выходил тоннель из подземелья. Он быстро скатился по крутому обрыву. И только раздвинул заросли полыни, неожиданно увидел старика Зубова и Жмыря. Они настороженно сидели как раз у выхода. Сыч

появился так стремительно и внезапно, что и старик, и Жмырь застыли на месте. В их лицах было столько ужаса, что Сыч отшатнулся. Он открыл рот, чтобы позвать Селивана Епифановича, но тут раздался хриплый, дрожащий голос Зубова.

– Ах, это ты, Хвёдор. Ты откуда? Видел милицию? Ещё не уехали?

Его губы мелко тряслись, глаза, пока он говорил, так и бегали из стороны в сторону. Сыч молчал. Ему вдруг стало страшно: а что, если Зубов сейчас бросится на него и задушит? Сыч непроизвольно сделал несколько шагов назад, оглянулся, в какую сторону бежать.

Зубов понял этот маневр и уже свирепо прохрипел:

– А ну, стой! Отвечай: где милиция?

Но Сыч стоял, не в силах вымолвить слова.

Тогда Зубов сказал Жмырю:

– Тащи его сюда.

Жмырь медленно поднялся и пошёл к Сычу.

– Айда, Сыч, а то худо будет.

Жмырь протянул руку, чтобы схватить Сыча, но тот крепко ударил его в подбородок.

– Ты что?

– Не лезь, – твердо ответил Сыч. – И вы отстаньте от меня, – взглянул он на старика. – Это я привёл милицию.

Подбежал растерянный Генка. Он хотел что-то сказать, но, услышав слова Сыча, так и остался стоять с раскрытым ртом.

– Ты?! Ты привёл милицию?.. – прошипел Зубов.

– Я.

Генка взвизгнул и судорожно взмахнул рукой возле лица Сыча.

– Получай!

Щёку Сыча словно обожгло. Он так и не понял, что произошло. Но когда увидел струйки крови, стекавшие на пиджак, ойкнул, прикрыв лицо руками.

А Генка кричал:

– Тятка, они сюда идут, убегайте! Скорей!

Зубов вскочил на ноги, растерянно кинулся туда, сюда.

– Да убегайте же, – крикнул ещё раз Генка и помчался вдоль оврага, Жмырь за ним.

Только сейчас Зубов опомнился. Он скользнул глазами по Сычу и рванулся в ту сторону, где скрылись Генка и Жмырь. Но было поздно. Навстречу бежал лейтенант с двумя милиционерами. Зубов круто повернул назад и чуть не наскочил на Селивана Епифановича.

– Стой! Довольно бегать, гражданин Зубов.

Сыч почти не видел и не слышал всего, что произошло. Сквозь пальцы его продолжала струиться кровь. Голова кружилась, начинало тошнить. Будто издалека слышал он голос Селивана Епифановича.

– Товарищ Громов, завяжите лицо мальчику – и в больницу. А вы, товарищ лейтенант, проберитесь в подземелье по этому ходу и откройте люк...

Чьи-то бережные руки окутали лицо Сыча тряпкой и повели к милицейской машине.

ГЛАВА 25

Ни одной драки за неделю. Самый лучший корабль в мире. Первые керогазовцы! Ряды редеют. Новоявленный вождь индейского племени. Бледнолицый брат. Крах «Чёрного крыла».

За последнюю неделю во дворе произошли удивительные перемены. Не то чтобы двор стал каким-то особенным. Нет. Каким он был раньше, таким и остался.

Дело в том, что за целых семь дней во дворе не вспыхнуло ни одной драки. Скверик, детская площадка и пустырь – главные места шумных игр – вдруг опустели. Всюду стояла непривычная тишина. Лишь в песочницах копошились малыши.

Весь шум, крик, споры и ссоры переместились к небольшой площадке возле «Весёлого керогаза». Сюда потянулись мальчишки, девчонки, щупленькие первачки, вроде Вани Тузова, даже с соседних дворов. На этой площадке стоял на тол-

стых бревенчатых подставках баркас – длинная и широкая посудина.

Баркас был очень стар. Слово ребра обглоданной рыбы, торчали шпангоуты, рассыпалась от дряхлости корма, облупленный борт похвалялся миру, в какие цвета красили его за долгую жизнь. Но ребятам он казался прекраснейшим кораблём мира, потому что именно на нём они пойдут в дальние странствия.

Фаддеич, как доктор-волшебник, ходил ежедневно по несколько часов около баркаса, обстукивал его, измерял что-то, записывал в небольшой блокнотик, а потом куда-то исчезал, чтобы снова прийти измерять, записывать. Ребята толпились около Фаддеича.

Один лишь Тимка упорно сидел в мастерской. Он был поглощён важной работой – доделывал пятый значок члена «Весёлого керогаза». Наконец, значок был готов. Тимка положил его на ладонь, полюбовался. Значок – белая блестящая пятиконечная звёздочка с приклёпанным к ней якорьком из красной меди – весело блеснул на солнце. Что ж, значок получился на славу. Тимка выглянул из окна.

– Светка, у меня всё готово!

Светка немедленно явилась, взяла у Тимки все пять значков.

– Идём к баркасу!

– Зачем? – удивился Тимка.

– Вручать будем!

Она позвала Андрюшку и Альку. И когда те подошли, громко крикнула, обращаясь ко всем.

– Тише, ребята!

Все обернулись, приумолкли. Светка стояла раскрасневшаяся. Её рыжие косички задиристо торчали в стороны. Она оглядела притихшую толпу.

– Ребята, я сейчас вручу вот эти пять значков нашим первым керогазовцам. Значки мы сделали сами. В путешествие поедет тот, кто будет носить такой значок. Лентяй и хулиган никогда не получают значка. Это пусть учтут и запомнят все.

Потом Светка взяла первый значок и прикрепила на грудь смущённого Андрюшки.

– Поздравляю, Андрюша!

– Спасибо, – пробормотал Андрюшка. – Ну и чудачка же... Чего придумала... – И отошёл в сторонку.

Второй значок получил Тимка, третий – счастливый, улыбающийся во весь рот Алька. Четвёртый Светка без всяких церемоний приколола на свою кофточку.

Кому же пятый? Ребята заоглядывались, зашептались: вроде бы и некому пока. Десятки пар горячих глаз устремились на Светку. Вот она одёрнула кофточку, поправила косички и медленно двинулась к баркасу, остановилась перед Фаддеичем.

– Иван Фаддеич, пятый значок вам. Мы принимаем вас в члены «Весёлого керогаза».

Фаддеич не ожидал этого. Он выпрямился, вынул изо рта свою выдавшую виды трубку, глухо сказал:

– Спасибо, дочка... Эх, спасибо!..

Светка приколола значок Фаддеичу на грудь. Он погладил его заскорузлой рукой и взволнованно произнёс.

– Наградили, а?! Вот, пострелята, наградили... – И торопливо провёл пальцем под заблестевшими глазами...

На ребят церемония вручения значков произвела большое впечатление, а у многих окончательно выбила все мысли, кроме одной – стать керогазовцем.

На другой день Фаддеич с ребятами приступили к ремонту баркаса. Запели рубанки, зазвенели пилы, застучали топоры и молотки. Словно морской пеной, покрылась площадка пахучими стружками и опилками.

Впервые забыл о своём быстром велосипеде Ваня Тузов: оставил его в кладовочке, а сам пропадал у баркаса и помогал Андрюшке: то доску притащит, то гвоздь, то планку поддержит.

Работы предвиделось столько, что, казалось, её не переделать и за год. Все были заняты по горло.

Бездельничала лишь ватага Яшки Коржнева. Яшка чуть

мозги не вывихнул, изобретая что-нибудь забавное, чтобы смазать ребят из «Весёлого керогаза», но так ничего и не придумал. Он каждый день приходил к мастерской с дружками. Они прыгали, кричали, кривлялись. Яшка снимал с плеча ружьё и стрелял во что попало, лишь бы видели и завидовали ребята. Но и это не помогало. Ряды Яшкиной компании не только не пополнялись, но редели. Яшка начал бояться, что даже верный Котька Блинчиков скоро улизнёт от него.

Сегодня Яшка задумал играть в индейцев. Но, чтобы быть настоящим вождём, надо знать хотя бы несколько индейских слов, а главное, боевые кличи. Яшка не знал их. Тогда он взял географический атлас и выучил с десятков непонятных, замысловатых слов.

И вот малочисленный Яшкин отряд вышел на пустырь. Яшка сразу преобразился, сделал страшное лицо и дико крикнул:

– Джомолунгма! Я – вождь великих индейцев. И никому не будет пощады! Никарагуа?

Котька тоже заорал:

– Жолобумба!

– Что!? – вдруг обыкновенным голосом произнёс Яшка, глядя с жалостью на Котьку. – Жолобумба?! Что за «Жолобумба»?

– Сам крикнул «жолобумба», а теперь пристаёт.

Яшка страдальчески улыбнулся.

– Не «жолобумба», а «Джомолунгма»! Это мой боевой клич. – Потом обратился к приятелям, показав на высокую полянь. – Видите? Это – колонизаторы. Фашисты, значит. Они – враги. Давайте сразимся с ними?

– Давай! – не очень дружно ответили ребята.

– Тогда берите томогавки!

«Индейцы» беспомощно оглянулись по сторонам.

– А где они?

– Да вот же, вот! – ткнул Яшка пальцем на валяющиеся палки и прутья. – Хватайте, Хваннадальсхнукур!

И пошла великая битва. Ребята с остервенением кромсали толстую и крепкую полынь своими «томогавками», а Яшка палил из ружья. Шум, треск, кряхтенье и дикие крики наполнили поле битвы. Яшка, почти срывая голос, орал:

– Йошкар-Ола! Они отступают! Вперёд! Аконгагуа!

Котька, краснея от натуги, тоже кричал:

– Шкарала! Акагуа!

Вскоре игра надоела, и ребята побросали свои «томогавки». Сели на край оврага, задумались, что делать дальше. Жарко, скучно. Все игры давно надоели и опротивели. Великий вождь «Чёрное крыло» тоже приуныл, не зная, что предложить ребятам.

– Знаете что? – сказал вдруг бледнолицый брат «Чёрного крыла» Котька. – Айда пошастаем по огородам? Гороху наедемся!

«Индейцы» сразу воспрянули духом. И вот гуськом по глубоким оврагам «Чёрное крыло», вооружённый «воздушкой», вывел свой отряд на тропу войны. Шли молча. Когда, по подсчётам Яшки, первый забор был уже близко, ребята выбрались из оврага. Оставалось стремительно проскочить пустое пространство, вырвать доску в заборе и – наслаждайся всем, что растёт в огороде.

Яшка уже победно выбросил вперёд руку, крикнул свой боевой клич «Джомолунгма», и ребята уже готовы были со всех ног кинуться к огородам, как вдруг к ним подошёл пожилой человек в пенсне и шляпе. Откуда он появился – никто не мог сказать. Очевидно, занятые своим планом, ребята его просто не заметили.

– Мальчик, – обратился к Яшке человек в пенсне, – это твоё такое красивое ружьё?

– А чьё же? – грубо сказал Яшка и покраснел.

Ребята, забыв об огородах, с интересом смотрели на незнакомца.

– Дай я посмотрю, – взволнованно проговорил мужчина.

Яшка быстро отвёл руку с ружьём за спину.

– Не дам.

– Как же не дашь? Ведь я только взгляну на него.

– А я не хочу, чтобы моё ружьё рассматривали всякие... – вызывающе крикнул Яшка. И вдруг стремительно повернулся, кинулся бежать.

Мужчина за ним. Конечно, он не догнал бы длинноногого Яшку, но тот споткнулся и упал.

Мужчина схватил ружьё, глянул на приклад и ликующе крикнул:

– Так и есть! Наше ружьё! – и, повернув гневное лицо к Яшке, тихо произнёс: – Так это ты украл? Так это ты – вор? Посмотри: вот моя пометка!

Яшка вдруг тонко-тонко заплакал и жалобно забормотал:

– Дядя, отпустите меня... Дядя, это не я... Я купил это ружьё... Если оно ваше – берите... Дядя...

Ребята, поражённые происшедшим, молча смотрели то на Яшку, то на мужчину.

– Ты глянь, – прошептал кто-то, – а говорил, что ружьё из Тулы прислали...

Яшка продолжал униженно умолять, чтобы его отпустили, но мужчина крепко взял Яшку за руку и повёл к домам.

– Показывай, маленький негодяй, где ты живёшь. Мне надо повидаться с твоими родителями.

Притихшие «индейцы» медленно двинулись за своим полонённым и плачущим вождём. «Чёрное крыло» был жалким. Он понимал, что ждёт его дома и что больше никогда ему не верховодить ребятами.

ГЛАВА 26

Из таких растут сильные люди. Сыч бросается к военному. Нужна третья кровать. Юрка везёт тележку. Кличка «Сыч» ушла навсегда. Федька Макаров.

Сыч только что приехал с Селиваном Епифановичем из больницы. Щека хоть и не болела, но швы ещё не сняли, и лицо было забинтовано.

Крепко полоснул Генка бритвочкой. Почти всю левую щёку раздвоил. Чтобы стянуть рану, хирургу пришлось наложить шесть швов. Операцию Сыч перенёс геройски: ни одной слезинки не уронил. Хирург похвалил:

– Молодец. Из таких растут сильные люди.

Сычу хоть и было больно, но после этих слов он и морщиться перестал.

Сыч досматривал журнал, когда зазвонил телефон. Селиван Епифанович снял трубку.

– Слушаю... Ах, это вы! Я жду вас. Заходите, заходите. Конечно. У меня! – Селиван Епифанович улыбнулся Сычу: – Ну, дружок, поздравляю... Тебя ждёт большая радость...

Сыч не успел ещё ничего спросить, как дверь широко распахнулась, и в кабинет вскочил Андрюшка. Сыч хотел было кинуться к нему, но внезапно остановился: в дверях стоял широкоплечий военный с большими глазами, точь-в-точь как у мамы...

– Дядя Боря! – крикнул Сыч и бросился к военному.

Тот на ходу подхватил Сыча под мышки, приподнял и крепко прижал к груди.

– Ах ты, малыш мой... – взволнованно повторял дядя Боря.
– Ах ты, малыш...

Сыч заплакал. Плакал от радости, оттого, что всё кончено с прежней жизнью, что теперь он может открыто смотреть людям в глаза, что рядом с ним будет всегда дядя Боря, с такими родными, большими серыми глазами.

Селиван Епифанович обнял Сыча.

– Спасибо, Федя, за помощь, которую оказал нам. Будь счастлив... А я как-нибудь на днях загляну к вам. Можно?

Сыч ничего не сказал, а только крепко прижался к Селивану Епифановичу...

Сколько вдруг новых друзей – и ребят, и взрослых – появилось у Сыча! Разве он думал об этом когда-нибудь или мечтал? И сердце мальчика, давно не знавшее ласки, вдруг потянулось к каждому человеку, открылось для доброй дружбы. Он понял, что вокруг него живёт много людей умных, заботливых и отзывчивых.

Он радостно шёл с дядей Борей по улицам города, шёл к себе домой, твёрдо, не оглядываясь, не пугаясь милицейской формы.

Через неделю Сычу сняли швы. Розовый шрам пересёк щёку. Он, этот шрам, остался единственным напоминанием о прежней жизни, страшной и стыдной.

Как-то раз Сыч возвращался с рынка. Он накупил молодой картошки, зелёного лука, огурцов и яиц; дядя Боря давно хотел поесть крошки. И вдруг, совсем неожиданно, столкнулся лицом к лицу с тёткой Варварой. Остановились, поздоровались. Лицо её осунулось, глаза глядели печально.

– Ты совсем большой, Федюнька, – тихо и ласково сказала тётка Варвара. – И шрам. Нелегко, поди, жилось?

– Нелегко, тётъ Варя, – ответил Сыч. – Теперь с дядей живём. Из армии он приехал. Шофёром работает. Вчера койку купили и стол...

У тётки Варвары влажно затеплели глаза.

– Хороший, значит, человек?

– Хороший, тётъ Варя.

– И слава богу. Авось и счастье своё найдёте.

– А вы как? Всё у сестры?

Тётка Варвара вздохнула, отвела потускневшие глаза.

– Нет, сыночек, не ко двору пришлась ей. У соседки пока устроилась. – И потом жалобно, будто взрослому: – Ох, доля моя горькая! Ни крыши, ни тёплого слова! Трудно, Федюнька, жизнь-то построить...

И слеза крупная и светлая покатила по её щеке. Сыч остро вспомнил тот вечер, когда уходила тётка Варвара из их дома. Как это было давно! Она и тогда плакала, и слёзы тепло падали на его руку. Тогда впервые, после мамы, он услышал это ласковое слово «Федюнька». Никто его больше так не называл, никогда. И как тогда, у него вдруг запершило в горле, невольно в уголках глаз закипели слёзы.

– Тётъ Варя, идёмте к нам... Вместе жить будем. Веселей втроём-то.

Тётка Варвара всхлипнула, печально улыбнулась...

– Дитя ты моё сердечное... Спасибо на тёплом слове...

Кому я теперь нужна? Ведь дядя у тебя...

Но Сыч твердо повторил.

– Идёмте, тётъ Варя. Вместе будем.

Тётка Варвара задумалась, потом тихо:

– Спасибо, Федюнька...

И они, взяв с двух сторон сумку, медленно пошли по улице. Вскоре домой заехал обедать дядя Боря.

– Ого, как вкусно пахнет. Ты молодец, Федя!

– Это не я, – ответил Сыч. – Это – тётя Варя. – И поспешно добавил: – Помнишь, я тебе рассказывал...

Тётка Варвара, опустив голову, стояла у печки. Сыч увидел, что натруженные руки её, державшие белую тряпицу, дрожали.

– Дядя Боря! Пусть она живёт с нами. Ей негде жить...

Дядя Боря с минуту молчал, а потом весело сказал:

– Значит, ещё одну кровать покупать надо! – И крепко поцеловал Сыча.

На другой день Сыч прибежал в «Весёлый керогаз» радостный, возбуждённый. Увидел Тимку.

– А Андрюшка где?

– Здесь где-то... Эй, Андрюшка!

И когда Андрюшка подошёл, Сыч, широко улыбаясь, сказал:

– Сейчас из школы. Записался... Вместе ходить будем...

Тимка вздохнул:

– Прямо не верится, что через две недели – учиться. Работы ещё много, – и он кивнул на баркас, возле которого копошились ребята и Фаддеич.

– Зимой всё закончим, – произнёс Андрюшка. – А там... – он мечтательно закрыл глаза, – а там, как только кончим учиться – в поход!

Но тут раздался звонкий голос Светки.

– Ребята, глядите, что это?

Все оглянулись. По дорожке потный и усталый тащил до-

верху груженную тележку Юрка Бабукин. Он остановился, вытер лицо рукавом, крикнул:

– Да помогите мне!

Андрюшка и Федька бросились к Юрке.

– Ого! – закричал Андрюшка. – Откуда это?

Юрка грустно сказал:

– Ликвидировал свою частную мастерскую. Всё имущество передаю в «Весёлый керогаз»...

Федька молча глядел на друзей – на Андрюшку, Тимку, Юрку, на Фаддеича у баркаса и улыбался.

Хорошо! Хорошо, когда много друзей, когда тебя ждут интересные дела. Всё, что было, прошло. Нет больше Зубова, нет Петра и Сеньки. Они в тюрьме. В детской колонии Генка и Жмырь. А вместе с ними ушла и Федькина кличка «Сыч». Ушла навсегда.

Рекомендуем почитать

Сидоров, В. С. Федька Сыч теряет кличку : повесть / [худож. : Ю. Кабанов, В. Туманов]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1963. – 142 с. : ил.

Сидоров, В. С. Повесть о красном орлёнке / [худож. А. Щелбанов]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1965. – 224 с. : ил.

Сидоров, В. С. Тайна белого камня ; Федька Сыч теряет кличку : повести / [худож. В. Туманов]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1969. – 271 с. : ил.

Сидоров, В. С. Я хочу жить : повесть / [худож. Т. Ашкинази]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1971. – 120 с. : ил.

Сидоров, В. С. Озеро, которого не было : рассказы / [предисл. М. Юдалевича ; худож. В. Раменский]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1972. – 110 с. : ил.

Сидоров, В. С. Няма : рассказ / [худож. Б. Храбрых]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1973. – [16 с.] : ил.

Сидоров, В. С. Рука дьявола : повесть / [худож. Б. Храбрых]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1975. – 176 с. : ил.

Сидоров, В. С. Пека : рассказ / [худож. Г. Сухогузов]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1976. – 15 с. : ил.

Сидоров, В. С. Повести / [предисл. В. Серебряного ; худож. Б. Храбрых]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1977. – 407 с. : ил.

Сидоров, В. С. Сокровища древнего кургана: некоторые важные события из жизни Константина Петровича Брыскина, а также его размышления по поводу этих событий : повесть / [худож. А. Курдюмов]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1983. – 192 с. : ил.

Сидоров, В. С. Повести / [предисл. В. Л. Казакова ; худож. В. Раменский]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1987. – 544 с. : ил.

Сидоров, В. С. Сокровища древнего кургана : повести. – Барнаул : Алт. полигр. комбинат, 2003. – 288 с. : портр. – (Библиотека журнала «Алтай»).

Сидоров, В. С. Тайна белого камня : повесть о судьбе одной находки и об увлекательном походе и приключениях славного экипажа одномачтовой шхуны «Открыватель». – Барнаул : [б. и.], 2007. – 99 с. – (Городская библиотека ; вып. 8).

(06.05.1926 – 28.06.1986)

Родился в с. Кытманово Алтайского края. Детство провёл в с. Смоленском. В 1943 г. ушёл добровольцем на фронт, служил военным водолазом на Северном и Балтийском флотах до 1951 г. После окончания в 1956 г. Сибирского металлургического института работал инженером-механиком на Урале.

В 1965-67 гг. учился на Высших литературных курсах в Москве. Жил в Перми, Калининграде, но Родиной своей считал Алтай.

Победитель конкурса на лучшую детскую книгу Министерства просвещения РСФСР и издательства «Детская литература» (1962), конкурса книг на военно-патриотическую тему ЦК комсомола, Союза писателей СССР и ЦК ДОСААФ (1967), дипломант конкурса книг на патриотическую тему (1971), краевого конкурса на издание литературных произведений в номинации «Литература для детей и юношества» (2011, книга «Рассказы о Данилке»). По произведениям А.П. Соболева поставлены игровые фильмы «Письмо из юности» (1971), «Посейдон» спешит на помощь» (1978).

Награждён орденом Отечественной войны II степени, медалями: «За боевые заслуги», «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией».

Член Союза писателей СССР с 1965 г.

РАССКАЗЫ О ДАНИЛКЕ

Зимней ясной ночью

Вонкая лунная ночь распахнула морозную, синим огнём сверкающую степь. В тёмном небе стыла яркая остекленевшая луна. Широкая заснеженная равнина, сияя её отражённым светом, терялась где-то вдали, в мглистой бледности горизонта.

Гнедко охотно нёс кошёвку по накатанному зимнику, и мёрзлая дорога гудела под копытами.

– Отойди, срежу-у! – озорно кричал отец и свистел по-разбойному. Они возвращались от бабки.

Гнедко стриг ушами, прислушиваясь к голосу хозяина. Данилка, закутанный в собачий тулуп с подоткнутыми лапами, весело вертел головой, смотрел, как стелется под копыта гулкая дорога, как взблескивают голубым огнём снежинки на сугробах, как работает лоснящаяся ляжка Гнедка с чёрным расплывчатым тавром, как рядом, не отставая, бесшумно скользит короткая тень кошёвки, и чувствовал себя хорошо и удобно.

Бабка оставляла их, сокрушалась:

– Студёно на дворе-то! Переночевали бы, куда спешить? Мальчонка ить!

Данилке скоро десять, а бабка всё ещё считает его маленьким. Такие разговоры не по душе ему.

– Опять же по деревням беспокойно, – упрашивала бабка, а сама хлопотала над внуком, укутывая его шарфом и подтыкая под ноги в нагретых валенках полы тулупа.

– Живы будем – не помрём! – весело пообещал отец и, завалившись в кошёвку, гикнул на коня. Молодой, сильный жеребец, настоявшийся на морозе, с места взял рысью.

Когда выскочили за околицу, ударил в лицо ветер, и у Данилки от восторга перехватило дух. Отец же простуженным голосом запел:

Соловьём залётным юность пролетела...

Здорово, покачиваясь в кошёвке, лететь в лунную ночь, вдыхать морозный запах тулупа, настывшего сена, крепкого конского пота, слушать, как скрипит под полозьями зернистый снег, как свободно, радостно фыркает конь, слушать, как с приятной хрипотцой в голосе поёт отец, и чувствовать его, тяжёлого и сильного, рядом. Данилка рад, что едет с отцом: ему так редко это выпадает. Отец вечно занят работой, мотается по району: то кулаков раскулачивает, то посевная у него, то уборочная, то едет в Новосибирск на партийную конференцию. Появляется дома усталый, с запавшими щеками, мать говорит: «Пожалел бы хоть себя, сгоришь на работе». – «Не время жалеть, – отвечает отец. – Ни себя, ни других. Сейчас вопрос решается – уцелеет Советская власть или не уцелеет. А ты о жалости...»

Отец неделями не бывает дома и, когда видит Данилку, удивляется: «Гляди-ка, подрос! Так и вымахал – не замечу. Как учёба?» Узнав, что сын получил очередной билет ударника, который выдавался каждую четверть лучшим ученикам, довольно улыбается в рыжеватые усы и говорит: «Ты грызи науку. Советской власти грамотные люди нужны. Мы вот вам унавозим землю, посеем как умеем. Может, что и не так, ума, может, не хватает, но сеем с чистой совестью. А урожай вам снимать, новому поколению, образованному».

Отец очень жалеет, что не пришлось ему поучиться в школе. В страшной нужде жил он при царе, пас хозяйских коров, батрачил на кулаков, а как гражданская война грянула, так

в партизаны ушёл, с Колчаком воевал. Был командиром. Там и большевиком стал. А у бабки, от которой только что уехали, встретился однажды он со своим старшим братом Иваном, что у Колчака служил. Бабка не дала им тогда постреляться, но потом, в бою, когда партизаны вышибали колчаковцев из села, встретились они. Рубанулись насмерть. У отца отметина на плече с тех пор. После боя он похоронил своего брата. И до сих пор каждую весну ходит к нему на могилку: то оградку покрасит, то холмик подправит. Обелиск со звездой поставил, на удивлённые вопросы отвечает: «Если б жив остался, Советскую власть принял бы». Данилка слышал, как однажды мать сказала отцу: «Чего ты сердце надрываешь? Если б не ты его, он бы тебя». – «Росли ведь вместе, – ответил отец, – вместе нищету мыкали. Не то маюсь, что в бою убил, а то, что не сберёг его для новой жизни, не раскрыл глаза, когда у матери встретились. Заморочили ему голову, вот и стал за белых воевать. А что ему белые! Он же всю жизнь хребтину ломал на хозяев, им же богатства умножал. Теперь-то задним умом мы все умны, а тогда попробуй разберись: куда податься, за кого воевать, да ещё такому тёмному парню, как Иван. По гроб не прощу себе, что не раскрыл я ему глаза, не растолковал...»

Данилка вдруг заметил, как справа вдоль дороги катит белый круглый ком. Сначала он не понял, что это такое, потом разобрал – заяц-беляк. Зайчишка то садился и настороженно поднимал длинные уши и стриг ими, как ножницами, то срывался и, подкидывая куцый зад, катил дальше.

– Заяц! – в восторге заорал Данилка. – Заяц!

– Где? – весело отозвался отец.

– Вон, вон! – сын тыкал рукой в сторону беляка.

– Ату его! – громко закричал отец и пронзительно, как Соловей-разбойник, свистнул.

Заяц сделал высокий прыжок и полетел под горку через голову, поднимая за собой снежную искрящуюся пыль.

– Держи его, держи! – кричал отец и хохотал. – Ну нагнали страху косому! Теперь вёрст десять отмахает без передышки.

Восторг охватил Данилку оттого, что он первым увидел кого-то и от озорного свиста отца, и от ровного бега Гнедка, и от этой прекрасной морозной ночи.

А мороз давил, и, казалось, всё вокруг звенело от стылого лунного света. Ночь достигла своей высшей силы и красоты.

– Гляди, месяц рукавицы надел, – сказал отец.

Данилка посмотрел на небо: вокруг луны был размытый ореол в три кольца, и они, налитые яростью, дымились. За кольцами далеко мерцали звёзды.

– Пап, а почему звёзды мигают?

– Спать хотят, а чтоб не уснуть – моргают. Ты хочешь спать?

– Нее...

– Как захочешь, так поморгай, – засмеялся отец.

– А ты хочешь?

– Я?! – удивился отец. – Не-ет! Разве можно спать в такую пору! Гляди, какая красота!

Отец повёл кнутовищем вокруг. Гнедко принял этот жест на свой счёт и понёс ещё быстрее. Отец опять запел:

Соловьем залётным юность пролетела...

Он любил эту песню. Данилка слушал отца, смотрел в горящее исступлённым светом круглое лицо луны, на её дымные кольца-рукавицы, и на душе было радостно и легко.

Он любил и этот начищенный до блеска диск луны, и эту глухую степь, убегающую мерными валами во мглу ночи, и храп Гнедка, и скрип полозьев.

Фыркал Гнедко, из ноздрей его валил пар, поблескивала сбруя, и всё так же равномерно и сильно работала его ляжка, закуржавевшая морозным инеем, и в глаза неслась волнистая снежная зыбь.

Когда отец остановил коня и вылез из кошёвки, чтобы подтянуть ослабшую подпругу, Данилка ясно услышал тишину. Свет, красота и сила ночи ощутились ещё явственнее, обступили ещё ближе, и мальчишка замер, чувствуя что-то вечное и великое в природе, замер перед необъятным миром, частицей

которого он был, и в душе его возникло то чувство понимания величия и бесконечности Вселенной, которое возникает у человека в редкие минуты прозрения.

Заскрипели отцовские шаги, он тяжело опустился рядом и спросил, глядя, как, расставив задние ноги, шумно делает своё дело Гнедко:

– Ты не хочешь?

– Не-е... – ответил сын.

Закончив, Гнедко, не дожидаясь понукания, тронул с места. Отец пошевелил вожжами, и конь перешёл на рысь.

И снова сугробы побежали навстречу, плотнее стал бить воздух в лицо, и снова Данилка ощутил радость быстрой езды. Данилка смотрел на луну и видел какие-то тёмные пятна на ней, казавшиеся материками, какие бывают на карте полушарий.

– Пап, а почему на луне не живут?

– А чего там делать! Разве там такую красоту найдёшь, как на земле? Погляди – это ль не красота!

Данилка опять посмотрел вокруг и опять согласился с отцом, что такой красоты нигде не сыщешь.

Въехали в лес, который давно поджидал их, затаённо и молча темнея зубчатой грядой и этим зарождая в сердце мальчика какую-то непонятную тревогу.

Густой осинник тускло светил стволами. Данилка с радостной жутью косил глазом в таинственные, тёмные дебри, ожидая за каждым деревом горящие волчьи глаза. Потом пошёл ельник, уснувший под пластами снега, и в нём было ещё сумрачнее – луна плохо пробивалась сквозь высокие деревья, и Данилку ещё больше охватила робость, и он плотнее прижался к отцу. Гнедко бежал, чутко прядая ушами и тревожно косясь на темноту лесной чащобы; только отец сидел как ни в чём не бывало и спокойно курил сигарку, пуская приятный махорочный дым.

Когда вынырнули из леса, Данилка облегчённо вздохнул. Гнедко тоже побежал веселее. Внизу, в лощине, затемнели бу-

гры приземистых домов, занесённых по самые крыши снегом. Это было село, о котором отец всегда говорил с ненавистью: «Осиное гнездо». Кулацкое, богатое село. Оно лежало на полпути от бабушки к дому.

Кошёвка заскользила вниз под извоз, раскатилась на ухабе и ударила со всего маху правым полозом в выбоину. Данилка чуть не вылетел из кошёвки. Отец чертыхнулся, сани вкатили в глухой переулочек. И тут правая оглобля отлетела, кошёвку развернуло поперёк дороги.

– Тпру-у-у! – Отец натянул вожжи и соскочил с кошёвки.

Гнедко остановился, тяжело поводя боками. Отец осмотрел оглоблю, с досадой сказал:

– Завёртка лопнула. Вот чёрт! И хозяева поуспули все.

В деревне стояла тишина, даже собаки не брехали, попрятались от мороза. Светило два-три окошка.

– Посиди, – сказал отец, – я схожу.

Отец пошёл к ближайшей избе, долго стучал, наконец ему открыли.

Вернулся отец, ругаясь:

– Кулачьё! Верёвки на завёртку жалко.

Отец начал колдовать над лопнувшей завёрткой, развязывать зубами заледенелые узлы. Он долго возился с нею, отогревая время от времени дыханием заочневшие пальцы. У Данилки стало пощипывать нос, он плотнее закутался в тулуп и терпеливо ждал.

– Всё. Готово, – наконец сказал отец, поднимаясь. – Доедем как-нибудь.

Данилка выглянул из тулупа и вдруг увидел, как по ярко освещённой лунным светом улице, пластаясь над самой дорогой, летит стая собак. Мальчишка похолодел, хотел крикнуть и не успел. Свора навалилась на отца. Он отпрянул от кошёвки. Огромные, как телки, кобели молча рвали отцу тулуп. Он, хрипло бранясь, отбивался ногами и неуклюже крутился на месте. Гнедко всхрапнул, шарахнулся в сторону и увяз в сугробе. Кошёвка соскочила с тропного места и легла боком в снег

на обочине. Данилка чудом удержался. Он с ужасом глядел, как здоровенный кобель повис на отце. И тут он заметил, что у ворот ближнего дома стоят два мужика. Данилка не понимал, почему они не помогают отцу, который всё отходил и отходил от кошёвки. Только много позже Данилка понял, почему отец отходил: он отвлекал разъярённых псов от сына.

Возле ближнего дома он что-то схватил, и тут же послышался предсмертный визг: отец железной лопатой отбивался от собак. Один пёс уже скулил и полз с перебитой хребтиной, за ним тянулась тёмная вилюшка. Отец размозжил голову второму псу. Собаки, рыча, стали откатываться. Теперь наступал отец, а стая, огрызаясь, отходила. Когда на дороге остались два неподвижных кобеля, а третий, жалобно скуля, полз с перебитым хребтом, раздался угрожающий голос:

– Ты чего животину гробишь, а? Ктой-то тебе дал такую праву?

И тут отец сбросил с себя располосованный на ленты тулуп, выхватил из кармана галифе наган и хрипло крикнул:

– А ну, подходи, контра!

И только теперь Данилка увидел, что с конца улицы, с тыла, надвигается несколько мужиков и в руках одного что-то блестит.

Увидев в руках отца наган, мужики шарахнулись назад.

– Вот она, Советка власть, чуть чо – стращать, наган в зубы тыкать! – крикнул кто-то старческим, надтреснутым тенорком.

– Вас стрелять, гадов, надо, а не стращать! – прохрипел отец. – А ну подходи, у кого пупок крепче завязан!

С тёмными потёками на лице (потом Данилка понял, что это была кровь) отец стоял, широко расставив ноги, и вид его был страшен. Он был без шапки, волосы дымились.

Не опуская нагана, он стал отступать, дошёл до саней, увязших в снегу, одним рывком выдернул их на дорогу. Гнедко забился в сугробе и тоже выбрался на торное место. Отец упал в кошёвку, пронзительно свистнул, и Гнедко дико взял с места.

И тотчас позади раздался громовой раскат. Кто-то выстрелил из обрезка. В ответ сухо, плотно, раз за разом выстрелил из нагана отец. Гнедко в бешеном намёте рвал гужи, а отец, перекинувшись всем телом назад, отстреливался.

Насмерть перепуганный, придавленный отцом Данилка лежал на дне кошёвки. Отец вдруг стал заваливаться вбок, мёртвенно-белое лицо его запрокинулось, он застонал.

– Папка, папка! – испуганно закричал Данилка, думая, что отец умирает.

– Гони! – надсадно крикнул отец и безжизненно откинулся назад.

Вожжи выпали из его рук, Данилка схватил их и, испуганно оглядываясь назад, нещадно хлестал коня.

Гнедко вынес кошёвку из села на увал. И грянула в глаза чёрной жутью ночь, и застыло сердце в страхе. Над необозримой мёртвой степью нависало мрачное ледяное небо, сугробы, как могильные холмы, нескончаемо тянулись вдаль. Над этим пустынным и враждебным миром холодно и ярко сияла равнодушная ко всему на свете луна. Обжигающий ветер бил в глаза, выгонял слезу, не давал дышать. Летели из-под копыт мёрзлые льдышки, больно секли лицо. Данилка с ужасом озирался, стегал и стегал Гнедка. Конь хрипел от запала, а Данилка всё гнал и гнал его.

Когда влетели в родное село, Данилка заплакал.

– Ну-ну, – подал слабый голос отец. – Убери мокроту...

– Я... я... не плачу, – выдавил Данилка, задыхаясь от слёз, от пережитого страха и от радости, что отец жив.

Отец долго лежал после той ночи: он был весь искусан, а пуля попала в плечо. Когда ему стало легче, он подозвал однажды сына и сказал:

– Ну, счастливый кто-то из нас! Ты, видать, – не изладили они погоню. Как бы нам. Наган-то я второпях весь расстрелял. А ну как нагнали бы? – нахмурился, помрачнел. – Вот это и есть классовая борьба. Чувешь?

– Чую, – ответил Данилка.

Март, последняя лыжня

В марте, когда ровно и сильно задуют с юга сырые ветры, когда солнце осадит сугробы и снега набрякнут влагой, когда появятся на увале первые проталины, – манит степь несказанно.

В такой вот день, когда в чистом, синем и тяжёлом небе застоялось солнце, Данилка со своими дружками решили наведать зимний лес, проложить последнюю лыжню, накататься на всё лето.

На околице повстречались две подводы. На розвальнях, встав на колени, вертел вожжами над головой дед Савостий, принуждая ленивого Гнедка перейти на рысь. Лошадь второй подводы была привязана к первым саням. Дед Савостий вывозил навоз на поля и теперь возвращался порожняком. Он лихо осадил Гнедка и в весёлой улыбке обнажил беззубый рот.

– Кудай-то наострились, мазурики?

– На увал, кататься, – ответил словоохотливый Андрейка.

– Запуржит седни.

Дед Савостий слез с саней, подтянул подпругу у Гнедка. В покрасневших от встречного ветра глазах его стояли слёзы и блестели, как стекляшки. В латаной-перелатаной шубейке, в шапке, больше походившей на растрёпанное воронье гнездо, в подшитых автомобильной резиной пимах, он шустро хлопотал возле коня и, шмыгая покрасневшим носом, говорил:

– Морочит вон на закате. Небо, вишь, обрюхатело...

Данилка удивился: с чего это дед взял, что запуржит?

Небо как небо. На западе, правда, темнеет – ну и что?

– Не пужай! – Андрейка беспечно отмахнулся.

– Ну глядите! – Дед Савостий залез в сани, лихо гикнул: – Эй вы, залётные!

И укатил в деревню.

Мальчишки вышли на увал. Заснеженное, в застывших комьях поле лежало перед ними, а дальше чётко рисовался зубчатый лес. Солнце било им в спину, отбрасывая длинные голубые тени, и ребята припустили к лесу.

Лыжня тянулась слюдяной ниткой, выпукло отсвечивая на подтаявшем и выдутом позёмкой насте, хрупала льдинками под тяжестью и царапала лыжи. Идти было трудно, но мальчишкам всё равно радостно от сладкого мартовского воздуха, от весеннего света, от предчувствия лета с ягодой, купаньем и свободой от школы.

На опушке леса, когда пришли на место, мальчишки снимали шапки – пар так и повалил от голов, как после бани. И тут прямо на них выскочила косуля. На миг она испуганно остановилась. Мальчишки, разинув рот, тоже замерли. Косуля сделала огромный прыжок в сторону и сильным махом пошла по снежной целине вдоль увала. Грациозное, полное сил и красоты животное ошеломило ребят, и они молча, с восхищением глядели ей вслед, а косуля, закинув точёную сухую голову, уходила ровными сильными прыжками. Рыжая, она долго виднелась на блистающих под закатным солнцем снегах, и только когда исчезла из виду, Андрейка выдохнул восторженно:

– Вот это да!

– Откуда она? – удивился Ромка. – Они тут не водятся.

– С гор забежала, – предположил кто-то из мальчишек.

Все посмотрели на дальние горы, голубеющие над снежной белизной степи. Вот куда бы добраться, покататься с круч, посмотреть на диких козлов и косуль!

Они накатались и нападались с трамплина и уже собирались возвращаться в деревню, когда Андрейка предложил сыграть в «сыщики-разбойники». Поконались на палке, и Данилке выпало быть «разбойником». Все мальчишки, «разбойники», устремились в лес, в чащобу, а «сыщики» остались на опушке, чтобы потом ринуться на поиски. Данилка решил спрятаться так, чтобы ни один «сыщик» не отыскал. Лез напролом по бугоркам, проваливался в сугробы, забыв уже, что он «разбойник», и представляя себя первооткрывателем-землепроходцем. Будто идёт он по нехоженому лесу, идёт по неизвестным землям, навстречу открытиям, навстречу славе, как Хабаров-казак, о котором недавно прочитал книжку.

Данилка скатился в овраг, застрял в чашобе. И вдруг обнаружил, что в овраге сумрачно сгущается синева и стоят тёмные молчаливые ели. Он вспомнил, что в таких вот глухих оврагах устраивают себе логово волки. И от этой мысли у Данилки побежали по спине колкие мурашки. Барахтаясь в снегу, цепляясь лыжами и палками за поваленные лесины, Данилка выбрался из оврага и прислушался: где голоса ребят? По верхушкам деревьев шастал ветер, осыпая снежный бус. Наверное, в поле крутится позёмка. Как из колодца, между вершин елей виднелись первые звёзды. Пока дойдут домой, совсем ночь будет.

Данилка напряг слух, но, кроме ровного гуда в вершинах, ничего не услышал. На душе стало неуютно. Он закричал:

– Э-эй! Где вы-ы?!

Прислушался. Ответа нет. Даже горластого Андрейки не слышно.

Данилка перевалил через колоду, вышел на поляну и увидел, что на синем от сумерек снегу переплелись несколько лыжней. Данилка встал на распутье. Снова закричал:

– Э-эй! Ребя-а!

Тишина. Только ветер воровски пошарил в кустах, осыпая иней, сырой и тяжёлый, как мокрая соль. Данилка быстро пошёл по лыжне, которая, как ему казалось, ведёт к трамплину. Сейчас он выскочит на поляну, где сломана ель, а оттуда рукой подать до ребят.

Он шёл долго, а поляны всё не было.

– Ромка-а! Андрейка-а! Я здесь!

Ни звука в ответ.

Как волк, прокрался в кустах ветер. А если это и впрямь волк? Колючий мороз продрал Данилке спину. Тут водятся волки. По ночам приходят к скотному двору и к конюшне. Дед Савостий палит в них из берданки.

Совсем свечерело. И надо было, дураку, так далеко забираться! Ага, вот поляна! Данилка с облегчением вздохнул – теперь недалеко до трамплина. Ребята там, конечно, ждут. То-то удивятся, когда он расскажет им про волчий буерак. Он уже ви-

дел раскрытый рот и округлившиеся глаза Андрейки и прищуренный, недоверчивый взгляд Ромки. Данилку охватил приступ жуткого восторга, то-то он над ними посмеется: проиграли «сыщики», не нашли его!

И вдруг Данилка обнаружил, что поляна не та. Должна стоять сломанная ель посередке, а на этой поляне её нет.

– Э-эй! – закричал Данилка изо всех сил. – Ребя-а, где вы?!

Всё сильнее и сильнее гудело в вершинах деревьев, неслись тяжёлые низкие тучи, и что-то грозное и жуткое было в их стремительном полёте. Данилка боялся признаться себе, что заблудился, обманывал себя, но страх всё больше и больше овладевал им. Заныло сердце от недоброго предчувствия.

Данилка выбрал лыжню и пошёл быстрее, и опять ему казалось, что идёт он правильно. Углубился в сумрачный лес, стараясь не глядеть по сторонам: в каждой коряге ему что-нибудь мерещилось.

Снова вышел на поляну и на миг обрадовался, но тотчас увидел, что поляна не та. На этой – стоял большой заснеженный стог сена. Он остановился и услышал собственное свистящее дыхание, и от этого стало совсем не по себе. А может, санный след есть? Данилка с пробудившейся надеждой ухватился за эту мысль и с кошачьей зоркостью огляделся. Следа не было. Сено не тронут. Не приезжали за ним. Но всё равно где-то тут неподалёку должен быть выход из леса. В большой глубине не ставят стога, их смётывают поближе к дороге. Но где она, эта дорога?

Данилка закричал, тихо и неуверенно: он боялся кричать громко, ему стало казаться, что за ним кто-то следит. Прислушался. Справа будто донесло голос. Нет, показалось. Что-то беспощадное и необъяснимое, и от этого ещё более жуткое глянуло ему в глаза из чащобы. Он окончательно понял, что заблудился, и ему стало страшно.

Ночь накрыла землю.

В вершинах мощно и тяжело шумел ветер. Здесь, на поляне, под защитой леса, ещё тихо, а в поле теперь разыгралась

пурга. Уходить отсюда нельзя. Надо прятаться в стог. Данилка ещё раз напряжённо прислушался в надежде услышать голоса, и у него остановилось сердце: он явственно различил в тревожном шуме леса низкий, все нарастающий, набирающий силу и леденящий душу вой, который вдруг оборвался на высокой ноте. Вой шёл оттуда, где недавно был Данилка, от оврага. Значит, он и впрямь был в волчьем буераке. Они идут по следу! Похолодело в животе, будто над пропастью повис.

Данилка в отчаянии оглянулся. Бежать было некуда. Разве мог он тягаться в скорости с волками! Он знал из рассказов отца и деда Савостия, что от волков лучше не бегать. На тройках и то не уходили. Надо зажигать костёр, орать, стучать во что-нибудь. Одна тётка стучала всю ночь в ведро и этим спаслась. Но у Данилки нет ни ведра, ни спичек. Оставалось одно: забраться на стог и зарыться в сено. На стог волки не заскочат – высоко.

Данилка несколько раз пытался взобраться и не мог. Наконец сообразил подставить к стогу лыжи стоямя и, опираясь на их крепления, схватился за клок сена. Начал подтягиваться. Клок вырвался, и Данилка полетел вниз. В рукава и за ворот пальтишка насыпалось снега, пальцы в мокрых рукавицах сильно мёрзли.

Вдалеке опять раздался вой, и Данилка с решимостью отчаяния кинулся на штурм стога. Он снова прислонил лыжи, встал на них, прилепился туловищем к сену и шарил, где бы ухватиться покрепче за какой-нибудь клок, как вдруг натолкнулся на палку под снегом. Данилку опалило жаром радости. Это была жердина, которой прижимали верхушку стога, чтобы её не разметало осенними ветрами. Данилка уцепился за неё и подтянулся. Упираясь ногами в сено, скользя и теряя силу, он всё же взобрался на стог. Всё! Теперь его не достанут.

Данилка разгрёб снег на макушке стога, добрался до сухого сена, стал вырывать клочьями, чтобы сделать углубление и спрятаться в нём, согреться.

Совсем рядом раздался вой, и Данилка помертвел. Осто-

рожно вытянув шею, он глянул вниз. Тускло синел снег, в прорывах туч появлялся туманный месяц, и неверный пролетающий свет на миг озарял поляну, высвечивая в белой мути кустов что-то серое, живое и жуткое. Данилка напуган изо всех сил зрение, даже глаза заломило, но разглядеть это что-то не мог. Он только почувствовал, что это они, волки, почувствовал всем своим существом, как чуют волков кони, ещё издали. Он представил их себе, толстогогорлых, поджарых, с оскаленной пастью. Всё напряглось в нём, и он застыл, так и не вырыв до конца углубление в стогу.

Вдруг через поляну летучими прыжками пронеслось что-то лёгкое и стремительное, и тут же вслед за ним вынырнули из леса неслышные серые тени. Данилка понял: волки выгнали косулю. Косуля сделала огромный прыжок в сторону и исчезла с поляны, будто и не было её вовсе. За ней скользнули хищные тени.

Поляна опустела.

Данилка сидел заледенелый от страха, опустошённый, безучастный к самому себе. Из этого состояния его вывел выстрел. Кто-то стрелял в лесу. Снова прокатился оружейный гром, и Данилку обожгла мысль, что это, может быть, ищут его. Он закричал:

– Я здесь! Здесь я!!!

Кричал, пока не охрип.

Когда выстрел хлопыстнул совсем близко, на поляне, и слышались голоса, Данилка тихо заплакал.

– Вот он где! – услышался внизу голос отца.

– Ну, паря, задал ты нам работы, – сказал дед Савостий, когда отец снял сына со стога. – Тут волки водятся, подстрелили одного.

Данилка молчал, в ознобе у него зуб на зуб не попадал.

– Говори друзьям спасибо, в ножки кланяйся. Прибежали в деревню, тревогу подняли, – сказал отец, прижимая к себе сына.

Данилка не ответил, его била крупная дрожь.

– Сомлел парень, не оттаял ещё, – сказал кто-то.
Данилка не узнал голос.

Ван Гог из шестого класса

Он был первым, кто подошёл к Данилке в новой школе. Кончился урок, и Данилка застенчиво вышел из класса, удивляясь длинному светлому коридору, красивым картинам в рамках и паркетному блестящему полу. Ничего этого не было в школах, где он учился раньше: ни в деревне, ни на станции, откуда они недавно переехали сюда, в крупный промышленный город.

– Рисовать умеешь? – в упор спросил этот невысокий икрепкий мальчишка.

– Не-е, – растерянно протянул Данилка.

– Хочешь, научу? – требовательно предложил новый знакомый.

– Хочу, – сказал Данилка и сам удивился. Всего минуту назад он об этом и не думал.

– У нас кружок ИЗО есть, – напористо продолжал говорить мальчишка. – По вторникам и пятницам занятия. Вечерами. Записывайся.

Данилка согласно кивнул, хотя даже и не знал, что такое ИЗО. Он ещё робел от новой городской жизни: и от шумного движения машин, и от запутанного лабиринта улиц, и от незнакомых учеников в школе.

У мальчишки – звали его Сашкой – был светлый вихор на лбу – «корова языком лизнула», щербинка в верхнем ряду зубов и серые внимательные глаза, будто он всё время ко всему присматривается и изучает. Этот взгляд поначалу смущал Данилку.

Семья Данилки жила на окраине города, в бараке, у многодетной вдовой сестры отца; ютились все в небольшой комнате. Отец теперь работал на заводе и ждал, когда дадут квартиру. Сашка тоже жил в бараке почти рядом с Данилкой, и после уроков по дороге они окончательно и познакомились.

Сашка, показывая короткий путь от школы до дома, вёл

через котлован строившегося цеха, через пустырь, заросший лебедой и полынью, через маленькую речушку, чёрную от заводских отбросов. На дощатом настиле деревянного мостика Сашка вдруг остановился и, показывая на зловонный пар над речушкой, сказал восторженно:

– Гляди, как золотится на солнце.

Данилка увидел, что и впрямь клубы удушливого пара, поднимающиеся над речкой, окрашены в нежно-оранжевый цвет и ярко выделяются над глянцево-чёрной поверхностью речки.

– Вот бы схватить. – Сашка прищурил глаза, как бы впитывая в себя этот редкостный цвет. – Это только во второй половине дня бывает, когда солнце вон оттуда светит. – Он показал на гору, под которой дымил завод. – Я уж сколько раз пробовал схватить – не могу.

Он задумчиво смотрел вдоль речки.

– Может, маслом надо, а? Нет, масло тяжелит картину, лёгкости нету, а тут, видишь, – воздушность. Как раз акварелью надо.

Сашка говорил не столько обращаясь к Данилке, сколько к самому себе. Данилке даже показалось, что Сашка и вовсе забыл о нём.

Они стояли на ветхом, чудом державшемся мостике, и Данилка страдал от нестерпимой вони, исходящей от речки, а Сашка вроде даже и не замечал этих ароматов. Прищурив глаза, он всё глядел и глядел на золотистый ядовитый пар. И вдруг рассказал, что отец его погиб на заводе, когда расплавленный чугун прорвал доменную летку и хлынул в цех. Отец Сашки бежал по этой огненной реке, и никто ничем не мог ему помочь. Он сгорел весь, даже хоронить было нечего. Слушая рассказ Сашки, Данилка с опаской глядел на огромные доменные печи, возвышающиеся как горные пики над заводом.

Наутро Данилка пришёл к Сашке в барак. В комнате было столько ребятишек – ползающих, бегающих, кричащих и деру-

щихся – и столько взрослых, что и шагу ступить было нельзя, чтобы не натолкнуться на кого-нибудь. Всё это Сашкины братья, сестрёнки, племянники, дядьки, тётки. По случаю воскресенья все были дома.

Сашка завёл Данилку в свой крошечный уголок между качалками и висящими на верёвке пелёнками. Собственно, эти-то пелёнки и служили стенкой, отгораживающей уголок от кишмя кишасей комнаты. Здесь, у окна, на колченогом столике Данилка увидел акварельные медовые краски в железной коробочке, набор разнообразных кисточек и Сашкины рисунки. Данилка сразу оценил их – нарисовано было здорово. Данилка, хотя и сказал накануне, что не умеет рисовать, всё же порисовывал помаленьку, но только карандашом. У него имелась даже тетрадка, в которой на каждой странице были нарисованы Пушкин, Крылов и Чапаев. Данилка, пожалуй, не мог бы объяснить, почему именно этих людей он рисовал.

Возможно потому, что всякий узнает, кто изображен на рисунке. Пушкин весь кудрявый – любой догадается, что это Пушкин. У Чапаева – папаха набекрень и усы – тоже ни с кем не спутаешь. Ну, а у Крылова – три подбородка и распахнутый воротник рубахи. Данилка эти портреты выдавал сериями.

Посмотрев на Сашкины рисунки, Данилка сразу понял, что ему с ним не тягаться.

– Давай порисуем, – предложил Сашка.

– Давай, – неохотно согласился Данилка.

Они начали копировать рисунок с тарелки – плывущую парусную лодку между лесистых берегов озера. Сашка, конечно, сразу заткнул Данилку за пояс – у него в точности получилось, а у Данилки...

Но именно с этого дня и началась их настоящая дружба. Данилка стал часто приходиться к Сашке, и они часами рисовали.

Так Данилка попал к нему в ученики. Пощады Сашка не давал – он мог рисовать от зари до зари, не чувствуя усталости. Он таскал Данилку по магазинам, где висели выставленные на продажу картины, писанные масляной краской в местной худо-

жественной мастерской, и репродукции на бумаге. Сашка показывал всё это Данилке, образовывал:

– Это Левитан, «После дождя». Он её за четыре часа написал. Видишь, как вода блестит? Дождь только что прошёл, и трава вон ещё вся мокрая. И воздух сырой.

Сашка зябко поёжился, и по коже у него пошли пупырышки, хотя в тесном магазине было душно. Он ощущал картину кожей, всем своим существом, и это передалось Данилке, и он тоже почувствовал зябкость, как после дождя.

– А это Шишкин, – показывал Сашка на другую репродукцию. – «Утро в сосновом лесу». Рассвет. Рано ещё. Вон, видишь, дерево вдали голубое? Это из-за тумана. И воздух ещё синий, а на верхушках вон уже солнце играет. Медведей ему художник Савицкий нарисовал. Шишкин не умел их рисовать. Сумел бы, конечно, но не так. Он природу здорово передавал, особенно – лес. Вон «Корабельная роща» тоже его. Видишь, какие сосны? Как живые стоят. Вот бы в Москву попасть, в Третьяковскую галерею! – мечтательно вздохнул Сашка. – А то всё репродукции да репродукции, а их знаешь как перевирают, – когда печатают, краски смазываются. Ефим Иванович говорит, что между репродукцией и подлинником разница как между телком и коровой.

Хождение по магазинам служило им как бы посещением картинных галерей. Порою Сашка прибегал к Данилке запыхавшись и с порога кричал:

– Айда в «Канцтовары», там новые картины привезли! «Мокрый луг» Васильева и Саврасова «Грачи прилетели». Айда, пока не продали.

И они бежали по шумным улицам или «зайцами» катили в гремящем трамвае на другой конец города и часами торчали в магазине, разглядывая репродукции и открытки. Сашку хорошо знали все продавцы и позволяли даже потрогать картины руками.

– Мазок зализан, – говорил Сашка, показывая Данилке картину Федотова «Сватовство майора». – Гладко. А у Врубеля

целыми кусками холст виден. Не покрашен ничем. Я читал. Вот бы живую картину его посмотреть! В Третьяковке.

Сашка мог часами говорить о картинах, о красках, о тонах и полутонах, о разной манере письма художников. Данилка с интересом слушал, запоминал, удивляясь Сашкиным знаниям, и всё больше и больше увлекался рисованием.

Отец Данилки радовался, довольно крякал и трогал щётку рыжеватых усов.

– А что, мать, глядишь – художником станет! А? Художник Данила Чубаров.

– Не знаю, – говорила мать, сидя за швейной машинкой.
– Хорошо бы, конечно, да хватит ли таланту. Вон Сашка, тот – будет.

– Сашка – да! – соглашался отец, и голос его теплел. – Способный парень. Самородок.

Тётка Марья, сестра отца, подтирая носы своим пацанам и ласково поглядывая на Данилку, высказывала житейские соображения:

– Вот ежели бы ковры научился рисовать, большие деньги зашибал бы. И работа не пыльная – знай малюй. На базаре вон ковры с лебедями да со дворцами продают. Нарасхват.

– Ну нет, – решительно возражал отец. – Я хоть и не силён во всём этом деле, но скажу так: рисовать человек должен не для денег, а для души, чтоб люди радовались. У нас вот, когда я у Котовского воевал, парень один был, боец. Углём портреты рисовал. Возьмёт доску и – раз-раз! – углём. Как живой сидишь. Даже оторопь берёт, а он смеётся. Но и удалец тоже был. Его за храбрость сам Котовский красными галифе наградил. Орденов тогда не давали, а одежду. Зарубили его потом на Тамбовщине. Мы тогда восстание Антонова к ногтю давили. Вот бы из него художник знатный вышел. Поучить бы только в академии.

Данилке ковры с лебедями тоже нравились, как и тётке Марье, и он однажды сказал об этом Сашке.

– Ты что! – презрительно скривил губы Сашка. – Это ж мазня. Халтурщики подкалывают. Тут искусством и не пах-

нет. Ты гляди вокруг себя. Во, видишь, какой закат! Вот красота настоящая. И трубы торчат. Смотри, как впечатанные в небо.

Они шли из школы, со второй смены. Если бы не Сашка, Данилка и не обратил бы внимания на лимонный закат и на чёрные трубы мартеновского цеха, графически четко выделяющиеся на фоне закатного неба. Из труб шёл кирпичного цвета дым, а рядом белым облаком окутывалась тёмная громада домны, стреляли кудрявыми дымками маневровые паровозы.

– Вот бы цвет поймать, – тихо сказал Сашка, внимательно ощупывая взглядом местность.

На другой день Данилка увидел всё это на бумаге: и лимонное небо, и чёрные трубы, и кудрявые шарики паровозных дымков, и домну – толстую, неуклюжую и какую-то добрую, как Сашкина бабка, которую тоже звали Домной. И только после того, как увидел он вчерашнюю картину на бумаге у Сашки, у Данилки как бы раскрылись глаза на обыденную красоту окружающего мира, на простые вещи, которые вдруг повернулись к нему другой стороной, и он почувствовал их необычность и значение.

Первое волнение, первое по-настоящему творческое горение он испытал, когда осенним пасмурным днём стоял у ларька в очереди за ранетками – маленькими кисловато-сладкими яблочками.

Низко пластались над землей серые рваные облака, ветер гнал по улице пыль и опавшие тополиные листья. Надвигался дождь. И Данилку вдруг охватила какая-то счастливая тревога, и он ясно ощутил, почувствовал всем своим существом красоту окружающего мира, и сердце его заколотилось от восторга и изумления. Он вдруг обнял сердцем и этот тревожный дымный цвет стремительно несущихся облаков, и опустившийся на улицу предненастный сумрак, и седую стену дождя вдаль, и заглохшие краски дня.

Данилка прибежал домой и быстро-быстро, боясь расплескать что-то драгоценное, зыбкое, еле уловимое, набросал

акварелью улицу, ларёк, очередь за ранетками, рваные седые облака и нещадно загнутый порывом ветра молодой тополёк. И пока рисовал, его не покидало чувство счастливой лёгкости и свободы, ощущение того, что он всё может, всё ему подвластно. Закончив работу, он долго смотрел на акварельный рисунок, понимая, что ему удалось схватить и цвет, и настроение и передать всё это в красках. И от этого подкатил к горлу комок. Данилка глотал его и не мог проглотить и устало и счастливо улыбался.

Когда Данилка показал акварель другу, Сашка пришёл в восторг. Он хлопал Данилку по плечу и орал:

– Вот видишь, видишь! А то какие-то лебеди ему нравятся!

Данилка был очень польщён похвалой, уши его пылали.

Сашка многому научил Данилку, на многое открыл глаза. От него Данилка, к великому своему удивлению, узнал, что снег оказывается, никогда не бывает белым. По утрам он – голубой, в обед – розовый, в сумерки – синий, а когда свечерееет – то чёрный. Это было открытием. Данилка поначалу не поверил. Тогда Сашка потащил его на улицу в ослепительное сверкание снега.

– Видишь, видишь, снег – розовый. А тени вон голубые! – восхищённо говорил Сашка, будто всё это создал он сам. – Видишь? А вечером тени станут синими, потом чёрными, и снег тоже другого цвета.

Снег действительно был розовым от солнца, а от домов падали голубые тени. Иней на проводах тоже сверкал розовым отблеском. Данилка поразился. А Сашка всё таскал его по морозу и показывал.

– Видишь, солнце почти белое, только чуть-чуть краплаку добавлено, а трубы сиреневые. Слепой ты, что ли?

Данилка смотрел и видел, что всё было так, как говорил Сашка.

– А на провесне он глухим станет, снег.

Данилка не понял, почему снег станет глухим.

Сашка объяснил, что на провесне (это в феврале, в пред-

весенние дни) снег становится «глухим», потому что теряет блеск от влаги, сыреет, тяжелеет.

– Неужели не видел? – удивлялся Сашка. – Свету больше в воздухе становится, а снег, наоборот, глохнет, не блестит, как сейчас.

Сашка досадовал и недоумевал, что Данилка не знает таких простых вещей. Но постепенно Данилка тоже стал кое-что понимать и в цвете, и в светотенях, и в полутонах, и в композиции рисунка. Сашка хвалил и радовался.

Сашка и Данилка регулярно посещали кружок ИЗО, которым руководил физрук Ефим Иванович. Высокий, рыжий, с выпирающими скулами и мощным борцовским затылком, подстриженный по моде «под бокс», этот человек наставлял своих учеников, как ходить на лыжах, – крутить «солнце» на турнике, а вечерами учил рисовать. В изо-кружке было несколько человек, и рисовали они масляными красками. К удивлению Данилки, здесь говорили не «рисовать», а «писать». Кто что хотел, тот то и писал.

Данилка выбрал себе «Всадника» художника Орловского. На открытке был изображён поднявшийся на дыбы конь, а на нём всадник в шляпе с пером. Сашка писал «Красный виноградник» какого-то Ван Гога. Данилке картина не нравилась, он не понимал, почему Сашка выбрал именно эту невзрачную картину, но, к его удивлению, Ефим Иванович больше всего уделял внимания именно этой картине, и они с Сашкой подолгу о чём-то говорили вполголоса.

Ребята засиживались в кружке допоздна, пока уборщица не выгоняла их. Сашка всегда удивлялся, что время уже позднее. Однажды он так засиделся перед своей картиной, что не сразу откликнулся на зов Данилки. Глаза его были отрешены и задумчивы. Данилка спросил, чем уж так эта картина ему нравится.

– Трагическая, – ответил Сашка. – Видишь, красный цвет – нервный цвет, отблески на мокром. Деревья как косое пламя на ветру. Видишь, какой мазок – длинный, неровный. Всё

здесь нервно, тревожно. Не чувствуешь? Данилка сказал, что чувствует, хотя ничего не чувствовал.

Дома Сашка показал Данилке несколько открыток. На одной из них было изображено спелое поле ржи, поваленное порывом ветра, и стая косо летящих воронов. Опускалось в закат дымное кровавое солнце, зловещее, как чей-то жестокий, немолимый, смотрящий с неба глаз.

– Что чувствуешь? – тихо спросил Сашка.

Данилка молчал. Чем больше смотрел на картину он, тем больше его охватывала какая-то непонятная тревога, боязнь чего-то, смутный страх. Особенно тревожили эти вороны, их косо изломанный полёт. Нет, даже не вороны, а беспокойно завихренные мазки – нервные, полные напряжения и взрывчатой силы мазки по всей картине. И небо, и солнце, и жёлтая рожь, и птицы – всё было исполнено этими мазками.

Данилка взглянул на Сашку и поразился: Сашка был бледен, зрачки расширены.

– Ты чего? – испугался Данилка.

– Это же Ван Гог, – тихо отозвался Сашка. – Это его последняя картина. Он написал её и застрелился.

– Зачем? – почему-то шёпотом спросил Данилка.

– Ефим Иванович говорит, что душа не выдержала. У каждого гения в груди – напряжение создаётся, сила внутренняя такая.

Сашка задумчиво смотрел на открытки Ван Гога.

– Научиться бы так писать! – тихо сказал он. – Знаешь, у меня всё время на душе свербит – хочется так написать картину, чтобы все ахнули. Ну, не ахнули, а как бы это сказать, – он взглянул на Данилку серьёзно, по-взрослому, – чтобы она была написана, как у Ван Гога. Мне всё время кажется, что я чего-то недоделал. Пишу, а сам думаю. – Плохо. Даже не так. Когда пишу, то нравится, а когда напишу – смотреть не могу.

Горел в груди Сашки тот огонь таланта, который не даёт художнику успокоения, заставляет его переделывать картины бессчётный раз, быть вечно недовольным своими произведе-

ниями; тот огонь, который заставлял больных и голодных, гонимых и преследуемых непризнанных творцов идти своей дорогой, тяжкой и светлой.

Был этот огонь в груди Сашки. Он заставлял его помногу раз переделывать свои рисунки. Однажды Данилка спросил, зачем столько раз перерисовывать уже нарисованное, когда и так всё хорошо. Сашка ответил:

– Надо, чтобы ещё лучше было. Чтобы рисунок был прост и ясен.

– И так уже всё просто и ясно, – сказал Данилка.

На это Сашка сказал:

– Федотов, который «Сватовство майора» написал, говорил: «Переделаешь раз со сто – будет просто». Понял?

Своими рассуждениями о живописи Сашка поражал Данилку. В остальном он был мальчишка, как и все другие. Любил кататься на лыжах, ходить в кино, удирать с уроков, вздыхал по Аньке Скоробогатовой – вертлявой белокурой сокласнице. Писал ей записки, тайком клал их в карман её пальто в раздевалке. Любил петь под гитару песенку: «И понравился ей укротитель зверей, чернобровый красавец Андрюшка...». Младший брат его, пятиклассник, всегда при этом расплывался в улыбке. Его звали Андреем.

– Ты знаешь, – сказал однажды Сашка, широко и удивлённо раскрыв глаза. – Я всё время удивляюсь: как это так! Берёшь краски, выдавливаешь, делаешь мазок – раз-раз! – и получается картина. Это ж – чудо! А? Вот дерево, я на него смотрю, а потом – раз! – и на холст или бумагу. И делаю его таким, каким вижу. А другой видит его по-другому. А если бы все одинаково видели – скучно было бы. Я вот рисую, а у меня сердце замирает. Даже страшно становится, что я могу кистью сделать.

Однажды Сашка принёс на урок рисования – а рисование в классе вёл всё тот же Ефим Иванович – портрет своего пятилетнего племянника. Выполнен рисунок был акварелью в розовых тонах. Лицо карапуза будто бы выплывало из акварельного тумана. Но самым поразительным на портрете были глаза. Они

были устремлены и вовне, и в то же время внутрь, в себя, будто бы этот пухлогубый мальчишка размышлял, напряжённо думал о чём-то, смотрел на мир не только с детским любопытством, а хотел понять и осмыслить этот окружающий его мир.

Все притихли перед портретом и вроде бы сами задумались над тем же, о чём думал и мальчишка, неясно выплывающий из разноцветной гаммы акварели.

Ефим Иванович вывесил рисунок на доску и долго и задумчиво смотрел на него.

А потом, уже во время урока, Данилка видел, как Ефим Иванович внимательно и растерянно глядел на склонённую голову Саши, рисовавшего в это время кувшин, стоящий на столе.

– Теперь буду только на пленэре работать, – сказал Сашка, когда они шли домой из школы.

– На каком планере? – удивился Данилка и даже остановился.

– Не на планере, – засмеялся Сашка, – а на пленэре. Это французское слово такое. На воздухе, значит, с натуры писать. В прошлом веке французские художники такое правило себе сделали. И у нас Саврасов тоже своих учеников на пленэр водил, у него Левитан учился.

И как отрезал. Не стал даже Ван Гога копировать.

На Сашкиных акварелях появились городские улицы после дождя; вечерние трамваи, когда в лужах переливают огни; заводские трубы, будто врезанные в зелёное небо; горбатый железный мост через речку, пересекающую город на две части; городской сад на утренней зорьке. И всё это было выполнено нервным мерцающим мазком или штрихом. При взгляде на эти акварели возникало в груди чувство радости и тревоги одновременно. Акварели Сашки были горячи, взбудоражены, полны света, и Данилке самому хотелось рисовать, рисовать и рисовать.

А Сашка искал всё новые и новые уголки города и, забравшись куда-нибудь на крышу или пристроившись у ограды, тут

же схватывал на лету пёструю толпу на улице, одинокую лошадь у горкома или драку в детском саду.

Раз как-то он пришёл поздно вечером к Данилке и позвал его «смотреть ночь».

Они выехали за город к реке и расположились неподалёку от рыбаков. На другой стороне, на высоком обрывистом берегу, смутно белела старая крепость, поставленная казаками, покорителями этого края ещё при Борисе Годунове. Через реку был перекинут железнодорожный мост, по которому проходили поезда. Ребята сидели возле самой воды, чувствуя прохладу, ощущая невидимый в темноте бег реки. В городе гасли огни, но завод под горой продолжал грохотать, и сюда доносилось его мощное дыхание. Тёмное небо время от времени озаряло пламя в полнеба; это выливали на отвале шлак доменных печей.

Ребята сидели молча, и Данилка вспомнил деревню, своих дружков Ромку и Андрейку, вспомнил, как гонял с ними в ночное лошадей и как дед Савостий рассказывал им про колчаковщину, как наказывал любить свою землю, видеть и понимать её красоту. Сладко и грустно защемило сердце. Что-то делают сейчас его дружки – может, опять сидят в ночном у костра, только теперь уже без деда Савостия. Ещё зимой отец получил из деревни письмо от своего товарища, который и сообщил, что дед утонул, спасая колхозную телушку, и похоронен как заслуженный труженик, как человек, которого любила вся деревня.

Не было у деда Савостия детей, судьба обделила, вот и припадал он сердцем ко всем ребятишкам, хороводился с ними, а пуще всего выделял троицу – Ромку, Андрейку и Данилку.

Вспомнил его Данилка, и повлажнели глаза – так захотелось в родное село, в знакомые поля, к своим дружкам, в ночное, и чтоб дед Савостий был жив, и чтоб старый мерин Серко был с ними, и чтоб кони паслись и горел костёр, а дед Савостий рассказывал бы про гражданскую войну.

Вышла луна из-за облаков, её зыбкий свет залил пойму реки, и на душе Данилки стало ещё тревожнее, будто бы он

находился в каком-то заколдованном царстве, и вся эта тишина ночи вот-вот разрушится, взорвётся чем-то страшным. Может быть, его охватило предчувствие тех перемен, которые были уже не за горами – зимой должна была начаться война с финнами, а там – через год – покатится по стране полымя войны с фашистами.

Может быть, туманное предчувствие бед тревожило его сейчас, когда смотрел он на лунную дорожку реки, на дальние огни завода, на костёр рыбаков.

– Помнишь «Лунную ночь» у Куинджи? – спросил Сашка. – Вот такая же луна у него была. Когда он первый раз картину выставил, то люди за холст заглядывали, думали, там лампочка горит – так луна у него светила. Как настоящая. Вот как он краски, интересно, подбирал?

Они вернулись в город на заре, когда пошли первые трамваи и чистые, только что политые улицы были тихи и пустыньны. Друзья шагали по мокрому асфальту и молчали. Хотелось спать, в голове стоял шум, а на сердце было легко. В такой ранний час Данилка ещё не видел города и вот теперь, увидев, вдруг почувствовал, что город ему нравится.

На другой день Сашка показал ему акварельный рисунок, на котором была изображена ночь: луна, костёр, отражённый длинным кинжалом в реке, и лошадь, стоящая у воды, и снова дрогнуло сердце у Данилки. Он попросил у Сашки этот рисунок на память, и тот легко отдал.

– Цвет огня в воде не схватил. Надо ещё раз сходить.

И они ещё раз ходили на берег и сидели всю ночь возле реки, и Данилка рассказывал Сашке о своей жизни в деревне, о своих друзьях, о деде Савостию, о том, как стреляли в отца и как любил девчонку по имени Ярка.

А зимой, когда была война с финнами и стояли лютые холода, Сашка однажды сказал:

– Давай я тебя нарисую. Садись.

Данилка сел, неуверенно улыбаясь. Сашка прищурил глаз и начал кидать штрихи на ватман. Долго и терпеливо сидел Да-

нилка, а когда Сашка показал ему рисунок, он ахнул. Длинношеий пацан с хмурой удивлённостью смотрел с портрета. Чёлка некрасиво торчала надо лбом, жёсткие волосы не прилегали, глаза были разные – правый больше, левый меньше, острый подбородок выдавался вперёд. А главное, главное – Данилка был синий. Весь синий, будто утопленник какой.

– Я тебя так вижу, – категорически заявил Сашка на Данилкин разочарованный вопрос, почему это он – синий.

Данилка ушёл расстроенный. Дома он долго рассматривал себя в зеркало. Ну ладно, глаз левый, если присмотреться, и вправду чуть-чуть меньше правого, а Сашка сделал в два раза. Челкой действительно не похвастать – волос у него грубый, как конская грива. И шея тонкая. Мать говорит, что он растёт и потому вытягивается. Есть у Данилки и синева под глазами: война с финнами идёт, и с харчами – не очень. Если повернуть щёку на свет, то возле уха тоже синеет. Но всё равно – не такой же он синий, как сделал его Сашка.

Сашка принёс Данилкин портрет в класс, и ребята покатались со смеху, а Сашка стоял красный и надутый.

– Вы дураки, вы ничего не понимаете! – вдруг закричал он со слезами на глазах и в бешенстве разорвал Данилкин портрет.

Одноклассники перестали смеяться и с удивлением смотрели на Сашку.

В этот момент в класс вошел Ефим Иванович. Все притихли. Ефим Иванович поднял разорванный портрет, сложил кусочки и долго смотрел на рисунок. Ребята выжидательно молчали.

– Почему в синих тонах? – спросил Ефим Иванович.

– Я так вижу, – буркнул Сашка, исподлобья глядя на учителя.

– Хорошо, допустим, – спокойно согласился Ефим Иванович. – Но что ты этим хотел сказать?

– Что война идёт! – зло закричал Сашка. – Что хлеба не хватает! Он же синий, посмотрите! – мотнул он головой в сторону Данилки. – Он же голодный! Разве это не понятно?

Хлеба действительно не хватало, были перебои; по ночам люди отстаивали в огромных очередях, в стужу – усталые, плохо одетые. Стояли со взрослыми и дети.

Ефим Иванович внимательно выслушал Сашку, и в глазах его появилась горечь. Он вздохнул и сказал, обращаясь к классу:

– Это обобщённый портрет, ребята. Это не только Данила Чубаров, это – и все вы. И сам Саша, и ты, Вася, и ты, Олег, – показывал он на ребят в классе. – Это все вы. И он нарисовал правильно.

Ефим Иванович положил на плечо Сашки руку.

– Он увидел то, чего не видели вы. А теперь, после этого портрета, увидите; в этом и есть цель художника – показывать людям то, чего они ещё не видят. Зря порвал портрет. – Голос Ефима Ивановича построжал. – Правоту свою надо доказывать, Саша, а не истерику закатывать. – Ефим Иванович помолчал, легонько провёл рукой по вихрастой Сашкиной голове и тихо, серьёзно сказал:

– Тебе трудно придётся: у тебя свой взгляд, взгляд художника, а он не всегда совпадает со взглядами других. Чаще не совпадает. У настоящих художников нет лёгкой дороги.

Потом Данилка бегал в учительскую за географической картой и случайно слышал, как Ефим Иванович говорил с завучем, седым добрым историком: «Вы знаете, я даже боюсь за него, он необычайно талантлив. В таком возрасте и такой самобытный взгляд на мир, на искусство». – «Чего же вы боитесь?» – спросил завуч. «Боюсь, когда вырастет – пропадёт всё. Бывает же так: в детстве вундеркинд, а вырастет – дурак дураком. Ещё боюсь, что помочь ему не могу. Он больше меня понимает в живописи, я порою теряюсь от его вопросов. Его в Москву надо посылать, в институт Сурикова».

Зря беспокоился Ефим Иванович. Не пришлось Сашке стать взрослым, он погиб совсем зелёным юнцом. Погиб и Ефим Иванович под Москвой.

Данилка узнал об этом, когда вернулся с фронта после войны.

Как память о друге, сохранились у него два Сашкиных рисунка. На одном акварелью нарисован берег реки ночью, а на другом – девочка, обнявшая за шею барашка. Девочка не дорисована, но видно, что водила кистью талантливейшая рука. Данилка только позднее понял, что плохая красная бумага из фотоальбома выбрана Сашкой не зря и не оттого, что бумаги настоящей не было. Нет, он выбрал эту бумагу специально. Тревожный красный цвет. И теперь Данилка не может представить себе этот неоконченный рисунок на белой бумаге. Всё у Сашки было обдуманно. Он стал бы большим художником. В этом Данилка уверен.

Но Саша убит. На Смоленщине. В сорок четвёртом. Он был рядовым пехотинцем.

И могилы у него нет.

«Гренада, Гренада, Гренада моя...»

Лето выдалось грозное. На западе всё время погромыхивало, молнии полосовали чёрно-синие наползающие тучи, и дождь тугим нахлёстом бил по раскисшим просёлочным дорогам, по гравийным улицам станции, превращая их в непролазные лужи. Но ни дождь, ни слякоть не в силах были остановить мальчишек. Они собирались ватагой и, шлёпая босыми ногами по грязи, по дорожным лывам, по мокрой траве, уходили в степь, на волю.

Окрест железнодорожной станции, куда переехал из родного села с отцом и матерью и уже год жил Данилка, раскинулись поля с буераками и берёзовыми колками. В дальних лощинах, где в зарослях царствовал горьковато-пряный запах смородишного листа, где с мокрого черёмушника падали за шиворот крупные дождевые капли, черным-черноросло смородины. Кусты под тяжестью клонились долу. Ядрёная, вымытая грозами, холодная, была она необыкновенно вкусна. Ребята живо набирали лукошки, которые им насильно навязывали матери, а потом рвали рубиновую кислицу, от неё сводило скулы, и в лукошках становилось красно и черно.

Так и остался в памяти Данилки тот цвет – красно-чёрный. И время было тогда тоже чёрно-красное – истекала кровью Испания. И мальчишки на маленькой сибирской станции бредили баррикадными боями, носили «испанки» – красные шапочки с кисточкой спереди, и кричали: «Но пасаран!» – Фашисты не пройдут!

Мишка, сын райисполкомовского шофёра, чернявый, вёрткий, задиристый вожак станционной мальчишечьей оравы, дважды пытался бежать на помощь республиканцам, но дальше Новосибирска укатить не удавалось – снимала с поезда железнодорожная милиция, поднаторевшая в то лето на ловле таких бегунов. Мишку прозвали «испанцем» за смуглость, за чёрные глаза и за неукротимое желание удрать в Испанию и помериться силой с фашистами.

Тем летом приехал Мишкин дядя, лётчик-истребитель, лейтенант с двумя красными кубиками в голубых петлицах и с золотыми крылышками на рукавах гимнастерки. Когда он, в синих галифе, в хромовых сапогах, в серой гимнастёрке, туго подпоясанной широким командирским ремнём, и в синей фуражке с голубым околышем, прошагал от вокзала к Мишкиному дому, все станционные мальчишки раз и навсегда влюбились в него. И с того дня двор Мишкиного дома превратился в походный бивак – пацаны являлись туда каждое утро, будто в школу на занятия. Дядя Володя выходил на крыльцо в спортивных тапочках, в майке и смеялся, показывая белые, крепкие зубы из-под щеголеватых золотистых усов.

– Эскадрилья к полёту готова? – Он глядел на небо и говорил: – Лётная погодка. Куда курс держать будем, боевые соратники?

– В лес! – кричали одни.

– В поле! – предлагали другие.

– Купаться! – настаивали третьи.

– Хорошо, побываем везде, – соглашался дядя Володя. –

А теперь на физзарядку становись!

Орда быстро становилась в шеренгу и повторяла за дядей Володей гимнастические упражнения.

– Подтянуть фигуру! Убрать животы! Глубже вдо-ох, выдо-ох! Не сопеть! Вдо-ох! Выдо-ох!

Мальчишки добросовестно выполняли всё, что он приказывал.

– Бего-ом, марш! Я – ведущий, вы – ведомые!

И мальчишки бежали вокруг Мишкиного дома.

– Не отставать! Следить за дыханием! Дышать только через нос!

Ватага не отставала, но дышать через нос не могла.

– Высморгаться!

Мальчишки послушно выбивали свои носы.

– Лётчик должен быть здоров, весел и дисциплинирован, чтобы в бою решительно атаковать противника и победить его.

Пацаны очень хотели стать лётчиками и поэтому лезли из кожи, чтобы показать, как они веселы, улыбки не сходили с их конопатых лиц; пыхтели и выпячивали животы вместо груди, чтобы дядя Володя видел, как они здоровы; и беспрекословно подчинялись, демонстрируя свою дисциплинированность, чтобы дядя Володя знал, что они способны решительно атаковать противника и победить.

После бега дядя Володя окатывался ледяной водой из колодца, а мальчишки считали великой честью подержать его полотенце, зубную щетку и мыло. Он брызгал на них водой, они шарахались с визгом, а он говорил:

– Лётчик не должен бояться воды. А вдруг придётся прыгать в воду?!

Устыженные пацаны возвращались к колодцу и мужественно терпели студёные брызги. А Мишка-испанец даже и обливался, во всём следуя своему дяде.

Дядя Володя растирался полотенцем, и его плотная, ловкая и коренастая фигура становилась медно-красной, и мальчишки тоже хотели быть такими же вот ловкими и сильными, будто вылитыми из металла.

Наконец раздавалась долгожданная команда:

– Запустить моторы! Выруливай на взлётную дорожку!

Дядя Володя, светловолосый, с влажными прядями на лбу, белозубый, шурил в усмешке серые глаза, и мальчишки весёлой оравой «выруливали» со двора и пылили босыми ногами по станционным улицам.

Данилке хотелось быть поближе к лётчику, но Мишка-испанец ревниво оттирал всех и сам шёл рядом с родным дядей, как прилепленный. Но чаще всего возле дяди Володи оказывался всё же Яшка-адъютант. И если уж ему удавалось схватить руку дяди Володи, то – будьте уверены! – он её не отпускал весь день. Да и лётчик явно благоволил к этому ласковому и простодушному мальчонке, который за отзывчивость и расторопность получил кличку «адъютант».

Мальчишки обожали дядю Володю, ловили каждое его слово, бросались со всех ног выполнять любое его желание, были горды, когда он шёл с ними, одетый в форму военного лётчика. Если же он пытался пойти в спортивном костюме, мальчишки всей оравой упрашивали его надеть «лётчицкое». И дядя Володя сдавался и переодевался. Но вот пройти мимо ларька с папиросами он не мог. И всегда покупал «Казбек» у молоденькой франтоватой продавщицы, которую звали Катей. Она, до того как приехал дядя Володя, торговала в белом халате, а теперь стала каждый день надевать новые платья и каждый раз, когда видела дядю Володю, вспыхивала и поправляла свои светлые кудряшки, украдкой заглядывая в зеркальце.

Мальчишкам не по нутру были эти продолжительные, с их точки зрения, совершенно зряшние остановки, тем более что дядя Володя и Катя говорили о всяких пустяках: о танцах, о погоде, о кино. О кино, правда, разговор стоящий, особенно если кино про гражданскую войну, но о танцах...

Пацаны терпеливо ждали окончания разговора, прощая своему кумиру эту слабость, но зато продавщицу возненавидели. «Хи-хи» да «ха-ха» только и знает, да ещё глазами играет. Чего в ней нашёл дядя Володя? Мальчишки доподлинно зна-

ли, что вечерами дядя Володя танцует с ней на танцплощадке в железнодорожном саду, а потом провожает домой.

Зато как было хорошо, когда дядя Володя наконец наговорится с этой курносой пухлощёкой хохотушкой и шагает с пацанами дальше, покручивая золотистые усики и хитровато улыбаясь. И уж совсем наступала чудная пора, когда начинал он рассказывать про разные самолёты: истребители, тяжёлые бомбардировщики, самолёты-разведчики, и про полёты днём и ночью, и как живут и летают военные лётчики. Мальчишки слушали дядю Володю, боясь пропустить слово. Он видел самого Чкалова!

А дядя Володя рассказывал про фигуры высшего пилотажа – «бочки», «горки», «мёртвые петли», виражи, пикирование; про заходы со стороны солнца на врага, чтобы он был ослеплён; про атаки лоб в лоб; про огонь из пулемёта по фюзеляжу снизу, в брюхо; про таран, когда пропеллером обрубаются крылья у врага.

У мальчишек перехватывало дух, спирало в груди, колотилось сердце. Не замечая, отмахивали по несколько вёрст, а когда усталость брала своё, дядя Володя запевал песню:

Мы ехали шагом,
Мы мчались в боях...
Мальчишки подхватывали:
И «Яблочко»-песню
Держали в зубах...

Может, песня не так уж здорово получалась, но сердце билось громко, ноги сами собой несли лёгкое тело, и оставалось только разбежаться по траве, чтобы взлететь в воздух, болтая босыми ногами, и лететь-лететь в голубом высоком небе над весёлой тёплой землёй.

Однажды дядя Володя был хмурым: в тот день он прочитал в газете, что в Испании ожесточились бои между республиканцами и фашистами. Он сказал, что каудильо – генерал Франко, фашист, – с помощью Гитлера и Муссолини пытается задушить республику.

Мальчишки давно знали, что в Испании идёт гражданская война, знали, что испанские дети привезены в Советский Союз, видели кино о Мадриде, о бомбежках и про то, как умирают на баррикадах смелые республиканцы. Радио каждый день приносило тревожные известия о далёкой Испании. Поэтому, когда дядя Володя сказал, что в Испании тяжёлое положение, они стали давать разные советы, как быстрее расправиться с фашистами и спасти республику. Дядя Володя задумчиво слушал советы мальчишек. Он рассказал, как весной этого года, в апреле, немецкие лётчики по приказу Геринга, который командует всеми фашистскими лётчиками, стёрли с лица земли испанский городок Гернику. Три часа подряд фашисты бомбили и расстреливали из пулемётов на бреющем полёте мирных жителей.

Мальчишки слушали, широко раскрыв глаза, ещё не зная, что впереди будет и английский город Ковентри, и французская деревня Орадур, и польский Освенцим, и киевский Бабий Яр, и белорусская Хатынь, и русская деревня Красуха и что им самим придётся сражаться с фашистами.

Быстро пролетел короткий отпуск дяди Володи, и вот уже ребята провожают его. Он стоит на подножке вагона с надписью: «Владивосток – Москва» и, подняв руку со сжатым кулаком, говорит: «Но пасаран!» – и мальчишки отвечают: «Но пасаран!» Поезд трогается, дядя Володя машет рукой. Мальчишки долго бегут за вагоном по перрону, а когда поезд скрывается, они шагают по тёплым шпалам и прикладывают ухо к холодным блестящим рельсам. Рельсы гудят всё тише и тише, едва донося глухой стук колёс уходящего вдаль поезда.

Шумная стайка восторженно говорит о дяде Володе, больше всех гордится Мишка-испанец. Увёз поезд весёлого дядю Володю далеко-далеко на запад, в другую жизнь, где живут сильные люди, летают на самолётах в высоком синем небе. Как завидовали ему пацаны, как хотели вместе с ним попасть на аэродром, где рядами стоят краснозвёздные истребители, где не умолкает гул моторов и лётчики ходят в красивой воен-

ной форме. Далёкий мир взрослых! Скорей бы вырасти и взять штурвал в руки, стать лётчиком, как Чкалов, как дядя Володя!

Потом пришло известие, что дядя Володя погиб в воздушном бою над Испанией. И только теперь ребята поняли, почему, когда уезжал дядя Володя, он говорил: «Но пасаран!»

У Мишки-испанца осталась фотокарточка дяди Володи. В лётном комбинезоне стоит он у самолета, держится одной рукой за пропеллер, а в другой – шлем лётчика. Ветер сдул на одну сторону русые волосы. Дядя Володя смеётся. Мальчишки смотрели фотокарточку, молчали. И никак не могли поверить, что дядя Володя погиб.

Я хату покинул,
Пошёл воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать...

По-прежнему каждый день мальчишки отправлялись в степь и всегда придерживали шаг возле ларька Кати, чтобы сказать ей: «Здравствуйте!» Теперь они жалели её, забыв свою былую неприязнь. Катя снова торговала в белом халате и, увидев мальчишек, с тихой грустью улыбалась им.

Из степных набегов они возвращались на озеро, покупаться. На противоположном обрывистом берегу высился сосновый бор, угрюмый, густой, а здесь, где сидели ребята, пологий берег был покрыт травкой-муравкой и ромашками. К самому берегу подступала рожь с васильками по краю. Слепило низкое закатное солнце, и рожь отливала золотом. Озеро было как светлая бездна, куда падали медноствольные сосны вниз вершинами. Казалось, что сосны на той стороне растут от кромки берега вверх и вниз.

Мальчишки плавали, ныряли и, накупавшись до озноба, лежали на траве-мураве и глазели в небо, где тянулись невесомые облака. Хорошо им, облакам! Лети куда хочешь! Хоть в Испанию. А может, они уже были там и видели ту загадочную Гренаду, о которой пел дядя Володя.

Данилка завидовал испанским мальчишкам. Где-то там,

далеко-далеко, идут бои с фашистами, где-то там, в грозовом небе Испании, погиб дядя Володя.

Не надо, не надо,
Не надо, друзья.
Гренада, Гренада,
Гренада моя... –

звучит в ушах у Данилки песня, и ему немножко грустно, хочется совершить что-то необыкновенное, быть в той далёкой и таинственной Гренаде...

– Эй, кто не дрейфит, айда на тот берег! – крикнул вдруг Мишка-испанец.

– Айда! – заорали все, потому как никто не хотел быть трусом.

Поначалу плыть было легко, и мальчишки обгоняли друг друга, брызгались водой, хватали за ноги, кричали, но на середине озера притомились и плыли уже без охотки. До противоположного берега было ещё далеко, когда кто-то не выдержал и крикнул:

– Айда обратно!

Все повернули назад. Не повернул только Мишка-испанец.

– Кишка тонка! Слабаки! – презрительно скривил он губы. – Салют, Испания! – И поплыл ещё быстрее вперёд.

Данилка, который тоже хотел вернуться, после таких слов поплыл за Мишкой-испанцем. Ему хотелось доказать Мишке-испанцу, что он, Данилка, годится ему в друзья. Мишка бросил на него удивлённый взгляд, но промолчал. Так молча они и плыли.

Они заплыли в тень, которую отбрасывал бор. Вода здесь была холоднее, чем на освещённом месте. Данилка знал, что место здесь глубокое – никто из мальчишек не доныривал до дна. Внизу был омут с холодными ключами.

У Данилки всё чаще и чаще тянуло вниз усталые ноги, и он испуганно болтал ими – там, в глубине, вода была совсем ледяной, и сердце замирало от страха. Мальчишки доподлин-

но знали, что в этом омуте живёт водяной. Он хватает за ноги и утаскивает на глубину. Шибко захотелось вернуться обратно. Но Мишка-испанец упрямо плыл вперёд, и Данилка не отставал.

Чем ближе подплывали они к берегу, тем неудобнее становилось на сердце. Напряжённо дыша, не спускали глаз с высокого обрывистого берега. Сумеречная тишина сгустилась в сосновом бору. Этот бор пользовался дурной славой – в гражданскую войну колчаковцы расстреляли в нём красных партизан, потом, уже на памяти ребят, здесь был убит начальник политотдела тракторной станции. Кто убил – неизвестно. Говорили, враги народа.

Мальчишки молча доплыли до прибрежных камней. Мишка встал на ноги, Данилка тоже. Вода была по шейку. Вылезать на берег не хотелось – он угрюмо нависал глинистой кручей. Здесь, в тени, было холодно и неудобно, солнце заслонило высокие затаившиеся сосны.

– Коснулись ногами – и всё, – сказал Мишка-испанец. Данилка согласно кивнул.

Они доказали, что не слабаки, и теперь могли плыть обратно.

Данилка оглянулся, и у него похолодело в груди. Пологий низкий берег был так далёк, что казалось, его не было вовсе, а озеро огромно, как море. Данилка с тоской подумал, что ему не дотянуть. Дернуло же его плыть за «испанцем», который и старше, и сильнее. Яшка-адъютант вон не дурак, совсем не доплыл, остался на берегу. Сидит себе, пузо греет на закатном ласковом солнышке.

Мишка-испанец тоже прицельно посмотрел на далёкий берег и решительно приказал:

– Не отставай!

Данилка жалко улыбнулся в ответ, дескать, давай, всё в порядке.

Мишка-испанец поплыл первым. Данилка, пересилив заползающий в душу страх, за ним.

Всё ниже опускалось солнце. Его блеск отражался на воде, и эта солнечная блестящая дорожка выводила прямо к берегу. Мальчишки, которые повернули раньше, уже подплыли к нему. Вон кто-то уже вылез и в лучах закатного солнца блестит мокрым загорелым телом, а вокруг, на зелёной мураве, разноцветными заплатами разбросаны рубахи и штаны.

Данилка бессильно шлёпал по воде вялыми руками и чувствовал, что ещё немного – и он сдаст. Невзначай хлебнул воды, закашлялся и совсем потерял силы. Страх сжал сердце. Он отчаянно забарахтался на месте и вдруг рядом увидел мокрую голову Мишки-испанца.

– Ты чего? Устал?

Данилка отрицательно мотнул головой. Мишка строго взглянул на него, всё понял и ободряюще сказал:

– Не робей, я рядом поплыву. Совсем пристанешь – ложись на спинку, я тебя поддержу. Только за меня не хватайся...

Он не договорил, но Данилка понял.

– Давай! – решительно приказал Мишка-испанец, и они поплыли.

Тяжким и долгим был этот путь. Не один раз покидали силы Данилку, и он с ужасом чувствовал, что всё, больше не может. Но рядом упрямо плыл Мишка-испанец и зло шептал, задыхаясь:

– Держись!

И Данилка держался.

Наконец они выплыли на солнечное место, боровая тень осталась позади, и Данилка приободрился, но ненадолго. Руки-ноги отказывали, одеревенели, и он бестолково шлёпал ими по воде, с обречённостью глядя на далёкий берег. А Мишка-испанец, захлёбывая со стоном воздух, выкрикивал надсадно:

– «Я хату покинул, пошёл воевать!» Держись!

И опять, как заведённый, зло повторял:

– «Я хату покинул, пошёл воевать!..»

К берегу Данилка подгрёбал вконец обессиленный. В голове звенело, в глазах тёмные круги.

На траве сидели пацаны и смотрели на них. Данилка попробовал достать ногами дно, не достал и начал захлебываться. И тут же почувствовал, как рука Мишки-испанца подхватила его. Данилка вынырнул, судорожно глотнул воздуха и отчаянно заколотил руками по воде. Мишка-испанец подтолкнул его к берегу, и Данилка вдруг нащупал под ногами твёрдое.

Он встал на ноги и, сдерживая судорожное дыхание, старался, чтобы мальчишки не заметили, как он перепугался.

Мишка-испанец медленно, чтобы дать себе отдышаться, вышел на берег и преувеличенно бодро сказал осипшим голосом:

– Салют, Испания!

Ноги его подкашивались, он почти упал на траву, но тут же поборол свою слабость и крикнул беззаботно:

– Навалимся на ягоды, пацаны! Охотка пришла!

Данилка понял, что он отвлекает внимание ребят от него. Данилка отдышался и, пошатываясь, вылез на берег. Тело было чужим и дрожало от перенапряжения, ноги подкашивались. Сердце колотилось где-то в горле, в груди было пусто и больно, голова кружилась. Он сел на траву, ко всему на свете безразличный, и громко икнул. Мальчишки засмеялись. Данилка икнул ещё раз, потом ещё и ещё и уже не мог остановиться. Его трясло, он чакал зубами, и мальчишки покатывались со смеху.

– Чо смеётесь, дураки! – закричал Мишка-испанец. – Сами трусились, а над ним смеётесь! Слабаки!

Он дал подзатыльник Яшке-адъютанту, пнул чью-то корзину с ягодой и громко заявил:

– Кто вякнет ещё, будет иметь дело со мной.

Пацаны притихли. Никто не хотел иметь дело с Мишкой-испанцем.

Данилка икал и икал, вздрагивая всем телом, а в сердце рождалась гордость от сознания, что он всё же не отстал от Мишки-испанца.

Они не знали тогда, что пройдет не так уж много лет, и они станут форсировать Днепр. Их батальону будет прика-

зано взять на обрывистом берегу клочок земли, чтобы с того пятачка начать наступление. На лодках, на плотках, на брёвнах в предрассветной мгле будут плыть бойцы к высокому, неприступной горой возвышающемуся берегу над холодной стремниной, будут плыть вперёд и только вперёд, навстречу победе или смерти. И комбат, стоя на плоту, побледнев от напряжения, сквозь сжатые зубы будет цедить: «Я хату покинул, пошёл воевать, чтоб землю крестьянам в Гренаде отдать...» Вокруг будет кипеть вода от взрывов, визжать осколки, будут взлетать на воздух лодки и плоты, будут кричать и тонуть раненые, и высокая круча оцетинится шквальным орудийным и пулемётным огнём.

Это потом будут петь песню: «Ой, Днипро, Днипро, ты широк, могуч, над тобой летят журавли...» А тогда они будут плыть на одном плоту, и нельзя им будет повернуть, как в детстве, назад или передохнуть. Уже у самого берега взлетит их плот на воздух, всех разбросает взрывной волной, и Данилка, тогда уже гвардии лейтенант Данила Чубаров, будет поддерживать раненого Михаила, своего отчаянного комбата, стараясь дать ему дохнуть воздуху, но на берег вытащит мёртвым.

Это потом будут петь: «Кто погиб за Днепр, будет жить в веках, коль сражался он, как герой...» А тогда с ходу мокрые бойцы кинутся в ожесточённую рукопашную схватку на узкой песчаной полоске берега под кручей, и в предрассветном тумане будут слышны яростные крики и команды, звон сапёрных лопаток о каски, выстрелы в упор, и брань, и предсмертные хрипы, и тяжёлое дыхание.

Они отобьют тот пятачок, зароятся в землю, и ни огонь, ни смерть не смогут столкнуть их назад в Днепр. Они собьются со счёту, сколько отразят контратак рас-свирепевших немцев. «За Мишку, за дядю Володю! – будет кричать в беспмятстве лейтенант Данила Чубаров, в упор стреляя вседающих немцев. – Но пасаран! Но пасаран!»

И лишь на следующую ночь, чудом оставшись в живых, он найдёт тело своего друга и похоронит в обрывистом берегу, на отбитой у врага земле. И впервые за всю войну заплачет.

Военный хлеб

Первой военной зимой давили Сибирь лютые холода. Прокалённые морозом, лопались деревья. Раздирало их по стволу с хрустом, как арбузы. Длинный засыпной барак, в котором жил Данилка на краю города, сильно выстывал к утру. Вода в вёдрах покрывалась прозрачной плёнкой льда, а от дыхания в комнате стоял пар. Шумные игры по вечерам, в продуваемом насквозь барачном коридоре при тусклом свечении малосильной лампочки, прекратились. Горе и заботы старших свалились и на ребят.

В ту зиму Данилка сдружился с мальчишкой из своего барака, Валькой Соловьем. Прозвали его так за удивительно красивый голос и лёгкое беззаботное пение. Вечерами, когда ещё была весна и не было войны, высыпал барачный люд на лавочки полузгать жареных семечек, калёных кедровых орешков, переброситься новостями, посудачить о политике. Пацанва, после весёлых догоняшек, после игр в прятки и «сыщики-разбойники», сбивалась возле взрослых и слушала захватывающие истории дяди Мити – слесаря с копрового цеха. Когда его запас иссякал на этот вечер, или женщинам, чаще всего его жене – тётке Марье, надоедало слушать про хитроумных царских солдат, варивших суп из топора и ловко объегоривавших чертей-недотёп, наступал черёд Вальки Соловья.

Валька никогда не ломался и пел в своё и чужое удовольствие всякие песни. Какие просили, такие и пел. Взрослая мужская половина барачного населения просила, как правило, спеть что-нибудь военное: «По долинам и по взгорьям...», «Три танкиста», «Если завтра война, если завтра в поход...» – или, наоборот, «Александровский централ» и «Бежал бродяга с Сахалина». Женщины же, обременённые оравой детей, просили спеть что-нибудь жалостливое и «про долю». Девчата повзрослее, которые уже невестились, смущаясь, заказывали про Катю, которую гармонист Коля-Николай повел совсем не по той стежке-дорожке, или про другую Катюшу, как выходила она на берег крутой и хранила любовь.

Валька, вытянув худую шею и напустив грустного туману в большие чёрные глаза, заливался соловьём и «про долю», и про любовь.

«Ангельский голосок, – умилялись богомольные старушки. – На клиросе бы петь».

«Скажут же, кочерыжки! – вступались за Вальку мужики. – Козловский будет или Лемешев. Раскидаешься таким по клиросам».

Ну, а кто посерьёзнее, твердили, что надо Вальке учиться на певца, не зарывать свой талант в землю.

Валька был первым из восьми пацанов в семье, за ним шли мал мала меньше. Мать его работала уборщицей в заводууправлении, отца придавило бревном на стройке два года назад. Вот и выходило, что Вальке надо вместе с матерью думать, как прокормить ораву в семь ртов, а не музыкой заниматься. Рты хоть и маленькие, а ели помногу. Вечно братовья и сестрёнки шастали по бараку голодные, высматривая кусок хлеба на чужих столах.

Характер Валька имел лёгкий, да и пацан он ещё был, мало думал о своём положении, знай себе пел-заливался. Кто-нибудь начинал подпевать ему, а то и подсвистывать, и незаметно складывался настоящий хор, в котором Валька был запевалой. На песню тянулись жители соседних бараков, засыпушек и землянок городской окраины. Набиралось народу изрядно – слушали, как выводил щупленький парнишка трели необыкновенно чистым и звонким голоском.

В ту военную зиму Валька петь перестал. Не до песен было. После школы бежал на заводской шлаковый отвал, куда паровозы ссыпали из топок золу, выбирать несгоревший уголь. Насобирает угольной крошки, обгорелых комочков четверть мешка, притащит домой и печку затопит, мелюзгу свою отогревает. Мог и побольше притащить, чтобы на второй день не бегать, да только много таких Валек ходило на шлаковый отвал, и бывали там порою драки.

Учился Валька с Данилкой вместе в восьмом классе. Да-

нилка помогал ему делать домашние задания, давал списывать задачки, пока Валька кормил свою ораву какой-нибудь баландой, читал вслух, а Валька запоминал. Память у него была цепкая. Стоило прочитать вслух один раз, как он уже всё запомнит. Данилка же зубрит-зубрит – вроде вызубрит, а утром хватится – забыл.

В декабре морозы завернули – земля трескалась. Солнце вставало дымное, холодное, в оранжевом студёном кольце, и жёлтый свет его едва пробивал утренний туман. Стужа придавила бараки, обезлюдели улицы, заиндевелые трамваи со слепыми замёрзшими окнами одиноко звенели в тумане. Обросшие куржаком провода обвисали и рвались под собственной тяжестью. Хватишь такого воздуха – зубы заломит. А уж нос так и держи в варежке, отогревай дыханием. Прибегут ребята в школу и сразу к зеркалу, смотреть – не обморозились ли. А когда за сорок перевалит – гудят по утрам заводские гудки. Это значит – в школу не ходить. Надо сказать, ребятам такая жизнь нравилась: сиди дома, занимайся чем хочешь. Набьются огольцы в одну комнату, где нет взрослых, читают какую-нибудь завлекательную книжку – и совсем благодать. Как на каникулах. И хоть в барачных комнатах куржак в промёрзлых углах, и от дыхания пар стоит, и окна затекли льдом, а всё ж – не на голом месте, где продувает насквозь. Сибиряки – народ привычный к морозам и не очень-то от них страдают, принимают как должное. Двадцать градусов ниже нуля для сибиряка – уж теплынь.

Всё бы хорошо, да только стало с хлебом туго. В магазинах большие очереди. Сначала они возникали только днём, а потом и утром, ещё до открытия магазина, а потом дело дошло до того, что очереди стали занимать с вечера.

У зелёного хлебного ларька, который был неподалёку от Данилкиного барака, с вечера выстраивалась длиннющая очередь и люди толкались всю ночь напролёт, чтобы утром получить хлеб. Человеку на руки давали одну буханку. Хлеб сильно пошёл в ход, потому как приварка стало мало, – сразу же, как началась война, подорожали на базаре и картошка, и капуста,

и мясо, и всё прочее, чем жил рабочий люд. Данилка сам стал съедать столько хлеба, сколько раньше никогда не ел.

Ладно бы ещё занял очередь и стой, так нет – придумали через каждый час пересчитываться. По нужде лишний раз не отскочишь. Если отлучился и без тебя проверили – всё, пропала очередь, занимай снова. Бузу эту затевали задние, чтобы поближе продвинуться. Писали цифры мелом на спинах, на пальто, или, при свете фонарика, наслюнявленным химическим карандашом на ладони. И пока до утра достоятся человек – вся рука у него фиолетовая или спина исчёркана мелом, как классная доска. Цифры были трёхзначные. У Данилки однажды был номер ровно тысяча. А хлеба в ларёк привозили восемьсот буханок. Но всё равно надо было стоять. Авось кто-нибудь проворонит свою очередь или в сутолоке удастся проскользнуть в дверь.

Поначалу, когда морозы ещё не набрали силу, стоять в очередях ещё было можно. Кто-нибудь рассказывал последнюю сводку Совинформбюро о том, что под Москвою началось наступление и что немцы не такие уж и вояки – тоже драпать умеют. Женщины вздыхали горестно, думая о своих сыновьях и мужьях, которые где-то там, далеко на западе, ломали хребет врагу. Мальчишки слушали, затаив дыхание, завидовали старшим, которые воют. Когда мороз начинал пронимать, толкались, чтобы согреться. Стояли до полночи, а там, глядишь, кто-нибудь из взрослых сменит, и только под утро разбудят, чтобы идти получать свою буханку.

Булку хлеба растягивали на два дня, потому что стоять каждую ночь напролёт невозможно. Даже в школе, если ученик не отвечал урок и говорил, что всю ночь простоял за хлебом, ему не ставили двойку.

Данилка с матерью стояли всегда вдвоём, получали две булки хлеба, и им хватало на два дня. Отец работал уполномоченным по заготовке металлолома для завода и вечно был в отъездах. В ту зиму Данилка его почти не видел. Так что им с матерью этого хлеба хватало. А Вальке! Тому каждую ночь

надо было стоять, чтобы хоть немного накормить свою ораву. Мать его день-деньской на работе, придёт – рук-ног не чувствует, да и хворая вся насквозь. Вот Валька ночи напролёт и стоит за хлебом. Замотался так, что глаза провалились в чёрные глазницы, щёки втянуло. Идёт, а его качает.

А морозы! Ох, и морозы были! Хоть совсем пропадай!

Где-то там, далеко на западе, ломают хребет врагу, а здесь, среди длинных низких бараков стоит чёрная очередь, толкается народ, чтобы погреться, бегают, хлопают себя рукавицами по бокам и, в который раз, пересчитывается. Пока пересчитают тысячу человек, опять сначала начинать надо. Так всю ночь и толкуются, пишут номера. И радуются, если на несколько номеров подвинутся вперёд. Убежит кто на минутку погреться в барак, и уже кричат: «Пересчёт!» И бежит человек обратно, так и не успев хоть каплю тепла взять.

Однажды пацан из дальнего барака присел на корточки у ларька и задремал. Народ толпится, внимания не обращает. А сон на морозе – это конец. Утром, когда рассвело, когда хлеб уже распродали, хватился кто-то, чего это мальчонка сидит съёжившись. Толкнули, а он упал. Еле отвадились с парнишкой – совсем было жизнь улетела, прямо на глазах у всех обморозился. После этого случая стали пацанов отпускать греться. Запоминали в лицо, кто за кем стоит, и если шёл пересчёт и не было какого-нибудь сопливого мальчонки, то говорили: «Греется», и номер его сохранялся. Но потом всё это опять отменили – кое-кто приспособился, стал обманывать.

Утром, когда поднималось в морозной сизой мгле солнце, становилось совсем невтерпёж. Тепло из пальтишек за ночь выветривалось, и пацаны дрожали, синие губы склеивались, в носу замерзало. И вот тут-то и начиналась давка. Стоит всю ночь очередь, вроде всё нормально, все соблюдают её, а как откроют ларёк, так кости в дверях хрустят. Тут и задние проходят, тут и нахальные мужики со стороны прут – норовят без очереди прорваться, тут и контролеры добровольные и те, кто действительно первыми стоят. Куча мала. Дверь не открыть!

Наконец открывается, и человек двадцать вваливаются в ларёк. Первая партия. И двери на защёлку хоп! Великое блаженство охватывает человека, когда втолкнув его в этот долгожданный ларёк, в тепло, в сытный дух свежего хлеба. После мороза, после бессонной ночи обалдевает он, глаза разбегаются от обилия только что выпеченного красивого хлеба, что рядами лежит на полках. Позднее Данилка понял, что совсем и не был красивым тот военный хлеб – чёрный, клёклый и тяжёлый. Ешь – к зубам прилипает. Но с голодухи хлеб казался необыкновенно красивым и вкусным.

Получит Данилка буханку, сграбастает её, тёплую, прижмёт к груди и ещё не успеет выйти из ларька (из него тоже выпускали партиями), как уже отломит кусочек горбушки. Поначалу впитывает, вбирает в себя хлебный дух (а во рту уже ощущает вкус распаренного зерна и горького масла, на котором пекут хлеб), потом откусит самую малость и катает, сосёт во рту, чтобы подольше продлить наслаждение, и уж только потом – не сразу! – всю эту до конца высосанную и измочаленную кашницу проглатывает с сожалением, потому как в животе уже не почувствуешь ни запаха, ни вкуса.

А ещё лучше сначала съесть липкий мякиш – поджаренную же горьковатую корочку оставить на лакомство и обглаживать её долго и благоговейно. Лучше всего, конечно, сначала мякиш, а потом сверху корочку положить – сытнее на желудке. Блаженны эти минуты! И хлеб уже в руках, и морозные муки кончились, и на следующую ночь отоспаться можно.

В такие минуты, когда жевал Данилка тёплую корочку, вспоминал он деда Савостия, райисполкомовского конюха. Дед всегда ел хлеб благоговейно, после еды собирал со стола в свою широкую, раздавленную работой ладонь крошки и ссыпал их в рот. Все до единой. Как-то на покосе в раннем ещё детстве, выпорол этот дед Данилку за то, что тот бросил кусок хлеба на землю. Дед порол Данилку жидким прутом и приговаривал: «Знай, почём хлеб, знай, почём хлеб». И никто не заступился, как ни орал Данилка – ни мать, ни отец, хотя порол

Данилку совсем чужой дед на глазах родителей. И только в эти морозные ночи узнал цену хлеба Данилка. Да ему ещё, если разобраться, грех было жаловаться! Он получит булку хлеба и ест её на ходу, а вот Валька Соловей, получив буханку на девять ртов, не мог позволить себе и кусочка отломить.

Как-то раз, уже в полночь, случилось вот что: чтобы скоротать время, запел Валька в очереди. Запел потихоньку, среди своих, барачных пацанов. В тот день подфартило ему в столовке, подработал на выносе помоев и накормили его «от пуза». Данилкина бабка всегда говаривала: «Серёdochка сыта, и кончики заиграли». Вот и у Вальки так – запел он. Да и мороз в ту ночь не так сильно давил. Спел он одну песню, а ему тётка, что рядом стояла, говорит, чтоб ещё спел – время быстрее победит. Валька не стал ломаться. Спел. Народ, кто удивляется, кто слушает со вниманием, а кто подпевать даже начал. Глянули – утро брезжит. Незаметно с песнями время скоротали. Какая-то бабка сказала, что мальчонку надо бы без очереди пропустить, на всех, мол, работал, талант тратил. Кое-кто, правда, заворчал, нашлись противники. Но всё равно Вальку подтолкнули к дверям, и вошёл он с первой партией в ларёк.

На вторую ночь то же самое повторилось. И с тех пор повелось: как ночь, так Валька поёт. Барачные ребята долго ему толковывали, чтоб он задарма не пел, пусть без очереди пропускают. Валька стеснялся. Тогда Мишка Однорукий, был в Данилкином бараке такой – из поджига стрелял, все пальцы правой руки оторвало, а доктора и кисть отхватили, – вот этот-то Мишка и сказал всем громогласно, что Валька петь не станет, если его без очереди не будут в ларёк пускать. Посудили-порядили люди и решили, что одного мальца можно и без очереди пустить. Всё равно человек двадцать, а то и поболее, как ни сторожи, без очереди просачиваются. Так что ещё один лишний – не беда. Тем более, что всю ночь он честно отстаивает, да ещё и поёт для всех.

И стали Вальку пускать без очереди. Ну и пел он за это на совесть.

Пел-пел и охрип. На морозе вообще петь нельзя. Говорят, настоящие певцы даже дышать на морозе боятся, не то что – петь. Шарфом шерстяным или пуховым горло и нос закутывают. А у Вальки и шарфа-то никакого не было, вечно голая шея из воротника худого пальтишка торчала. Захрипел Валька, перестал петь. Но без очереди его всё равно пускали – на работе, так сказать, производственную травму получил.

Придёт Валька, посипит чего-то, покашляет, получит хлеб и идёт-бредёт тихонько обратно. Потом слёг совсем. Горло перехватило.

А через неделю помер.

Данилка пришёл в комнату Вальки и увидел его белого, с лиловыми губами, с чёрными провалившимися глазницами. Увидел на столе. Лежал Валька в гробу из некрашенных досок, в новой рубашке, купленной по случаю его смерти. При жизни он вечно донашивал перешитые из отцовских рубах или материнских кофт. Мать перед ним стояла на коленях и молча рвала на себе волосы. Орава мальков испуганно сидела на лавках.

Ужас охватил Данилку. Ему ещё предстояло видеть много смертей, хоронить фронтовых товарищей, самому убивать врагов, но на всю жизнь самой большой несправедливостью, самой острой болью и великой утратой, самым страшным лицом войны вошла в сознание Данилки смерть Вальки Соловья.

Старуха

Виктору Астафьеву

Крест врос в землю, покосился, исхлётан непогодой и щеляст. Давно не обихоженный могильный холмик осел и густо порос полынью. Что-то остановило меня перед этим крестом, хотя он ничем не отличался от других на деревенском погосте. Вглядываюсь в выжженную надпись и еле различаю слабый след букв: «Здесь покоится раба божия». Ниже совсем плохо видно: «Чуркина Анастасия Евлампиевна». И глубоко чётко выжжено: «Преставилась 1946 г.».

Сдаётся мне, что я уже видел когда-то этот крест, именно

этот. Или возвращение в деревню через двадцать пять лет так подействовало на меня, что я во всём ищу что-то знакомое, давнее, полузабытое. Даже на этом кладбище, куда завернул, прежде чем войти в деревню. Кто такая Чуркина? Сорок шестой. Раба божия. Год рождения не указан. Молодой бы так не написали и крест не поставили. Старуха, значит. Знавал я одну старуху. Уж не она ли? Анастасия Евлампиевна. А как же звали ту старуху? Лицо помню, ясно помню, а вот как звать... Стоп! А уж не тот ли это крест, который мы видели тогда у неё ночью? Вот тут была иконка, теперь углубление только осталось, тонкий слой земли нанесло туда и вьюнок принялся. А тогда крест был совсем новый и блестел в лунном свете. Мы в ту ночь... Нет, это было потом. Мы на покосе её увидели... Хотя нет, тоже нет. Из города мы прибыли сразу после окончания девятого класса. Покосу было ещё рано...

Я смотрю поверх креста в даль, открывающуюся с косогора, на котором находится погост, и вижу степь, берёзовые колки, рожь, речку, уходящую за холм. Направо деревня. Ровная улица, дома большие, новые. Тогда избы были темны, приземисты и разбросаны как попало. А вон свинарник. Он и прежде на этом месте был. Мы тогда сидели и ждали плотника. Сёмка, Вовка и я. Школьная бригада ушла пропалывать свёклу, а нас, поздоровше, председатель оставил крыть свинарник, сказал, что прийдёт плотника. Мы сидели и ждали, болтали о чём попало и не обратили внимания на босую старуху с обеденным узелком в руках и с двумя ребятишками. Сухая, длинная, как жердь, она приморённо опустилась на доски.

– Ох-хо-хо, ноженьки мои! – сказала она нараспев и погладила набрякшие, в синих толстых узлах, запылённые ноги.

– Отвалились, баба? – спросило маленькое существо, закутанное в старый платок по случаю раннего утра.

– Отвалились, касатушка, отвалились, – ответила старуха и начала распелёвывать существо, которое через минуту предстало перед нами девчуркой лет четырёх.

Второе существо, тоже закутанное в драную шаль, сопело

и угрюмо разглядывало нас чёрными диковатыми глазёнками. Когда бабка распутала и его, это оказался мальчишка, тоже лет четырёх.

– Ай помощники сидите? – спросила нас бабка.

– Плотника ждём, – небрежно кинул Сёмка.

– Угу, – согласилась старуха. – Покурить вот.

На удивление нам вытащила она откуда-то из-под юбки большой кисет, вышитый узорчиком, и начала сворачивать здоровенную козью ножку.

– Вы поиграйте, порезвитесь, – сказала она ребятишкам и пояснила нам: – Внучата мои. Ванятка да Полюшка.

Малыши послушно отошли и сразу же затеяли игру.

– В «еду» играть будем? – спросила Полюшка.

– В «еду». – Ванятка сел на горбыли и, явно кому-то подражая, сказал басовито: – Ну-ка плесни мне щец, да поболе. Цельный день, чай, спины не разгибал.

– Нетути щец. – Полюшка развела руками. Большие глазёнки её светились правдиво и ясно, как два голубых солнышка.

– Ну, тогда чаю с сахаром, – потребовал братец.

– Нетути сахару, – снова развела руками крошка. – Кипяточку без заварки хошь?

– Чо ты всё без заварки да без сахару! – уже сердито сказал мальчонка, исподлобья глядя на сестрёнку.

– Вот тятя с войны придёт, – пообещала Полюшка, – леденцов принесёт и пышки будут.

Подперев подбородок рукой, как делают пожилые женщины, и тоже кому-то подражая, вздохнула:

– Даст бог, похоронку не принесут.

Мы переглянулись, нам стало не по себе от такой игры.

– Всё в «еду» забавляются, – вздохнула старуха.

С терпеливым смирением глядела она на внучат и о чём-то думала, потом тщательно притушила окурочок о толстый кривой ноготь большого пальца босой ноги и сказала, тяжело подымаясь:

– Примемся, касатики.

Мы вылупили глаза. Теперь только дошло до нас, что это и есть тот самый плотник, которого ждём.

– Я на потолок взлезу, – сказала она, – и один кто со мной, остальные горбыли подавайте. Только сначала ошкуряйте, с корой не след ложить, загниют быстро. По приставной лесенке старуха с трудом взобралась на потолок. Водрузила себе за ухо плоский плотницкий карандаш (за другим у неё была недокурная козья ножка) и застучала топором.

– Касатик, – сказала мне, – изладь-ка вырубку в горбылю, а то гвозди коротки, не доходят до стропил.

Я рубанул с силой и, вместо того чтобы сделать вырубку, перерубил тонкий горбыль.

– Ты силушкой-то не балуй, – с мягкой укоризной заметила старуха. – В плотницком деле глаз да взмах нужон. Силушку-то дуриком чо спускать. Поначалу изладься, как рубить, смекни, семь разов отмерь, один – рубани.

Сама она работала споро, без роздыху и на вид легко. Порою выпрямлялась медленно, брала щепку, нюхала её глубокой затяжкой, говаривала:

– Дух от дерева пользительный. Понюхайте-ка.

Мы нюхали, перемигивались, нас так и подмывал смех: уж больно необычна была старуха-плотник. Она или же не замечала наших ухмылок, или делала вид, что не видит, и смотрела на нас спокойно и добро.

– Кто с деревом дело имеет, тот век проживёт, потому как здоровым духом дышит.

– Нюхай, ребя! – орал Сёмка. – По сто лет обеспечено!

– Эх, горластый какой, – незлобиво качала головой старуха. – Лужёная глотка-то.

В полдень старуха слезла с потолка и, охая, прилегла на траву. Кликнула внучат.

– Опять помираешь? – серьёзно спросил Ванятка.

– Сердце закатывается, – ответила старуха. – Потопчите-ка мне спину, поясница совсем отломилась.

Внучатам, видать, это было не впервой. Они живёхонько взобрались на бабкину спину и старательно топотали по сухому телу. Бабка кряхтела.

– Ну будя, вот и ладно. Отмякло малость. Не упадите, слизимши-то. Поди, промялись, ись хотите?

– Хотим, – басом сказал Ванятка, а Полюшка кивнула. Старуха поднялась на колени, чёрствыми пальцами вытерла носы ребятишкам, вытащила из узелка горбушку хлеба, перья зелёного лука и соль. В туюске у неё был квас. Внучата уплетали за обе щеки.

– Может, и вы покормитесь? – спросила старуха нас.

– Нет, спасибо, – сказал Вовка, – у нас обед скоро. Вот с нами, пожалуйста...

Как же звали её? Вот память! Хорошо помню лицо, усталое, спокойное, длинное, перепаханное морщинами. Толстые губы, большой висячий нос. Глаза блеклые, когда-то, видать голубые. Помню голос, грубый, с хрипотцой, какой бывает у заядлых курильщиков и у людей, которые не прочь выпить. Помню жест, интонацию, а вот имя совершенно забыл. Может, здесь, под этим крестом, совсем и не она. С чего я решил, что она? Поди, живёт и здравствует старуха, а я её похоронил.

А что было потом? Та ночь?

Тогда вечером вся наша школьная бригада сидела у костра. Неожиданно из темноты вынырнула лошадь, верхом сидел председатель колхоза, однорукий усатый фронтовик. Пустой рукав выгоревшей гимнастёрки был заправлен за офицерский новый ремень. Он поманил меня пальцем. Я подошёл.

– Просьба есть, – тихо сказал председатель, нагибаясь в седле. – Возьми парней да покарауль ночку в горохе. Кто-то горох шевелит, косит, подлец. Ночью опять полянку выхватили за ельником. Покараульте, кроме вас, некому. А?

– Ладно.

– Ну вот спасибо. Хватайте и тащите ко мне, я его, гада, в тюрьме сгною за это дело. По законам военного времени.

На облаву со мной пошли Сёмка и Вовка. Мы представля-

ли себе, что лежим в разведке и вот-вот появятся немцы, но это не мешало нам потихоньку переговариваться и уплетать молодой сладкий горох.

– Когда же наконец возьмут? – вздохнул Вовка.

Мы сразу его поняли.

– Люди воюют, а мы тут среди девчонок, – поддержал Сёмка. – Так и война кончится.

Сёмка был прав. Война шла третий год, а нас всё не брали. Вся надежда была на осень.

Луна светила неистово. Гороховое поле блестело, под косягом речка, будто расплавленное серебро, струилась. Поля уходили в призрачную даль и где-то терялись в светящейся дымке горизонта. Красота этой ночи заставила нас замолчать, и мы зачарованно глядели вокруг.

Около полуночи, когда нас стало уже клонить ко сну, на фоне светлого неба возникла тёмная фигура. Мы вздрогнули, такой она показалась большой и внезапной. Всмотрелись: женщина. Ожидали здорового детину, который стал бы отбиваться и с которым сразу-то и не справишься. А тут женщина. Стало обидно. Втайне мы уже видели восхищённые взгляды девчонок.

Женщина подошла к краю поля и принялась рвать горох и совать его в мешок.

– Пусть нарвёт, – шепнул Вовка. – С поличным накроём.

Когда она нарвала достаточно, Вовка вскочил и крикнул:

– Эй, что вы делаете!

Женщина охнула и уронила мешок.

– Господи, перепугали-то как, – сказала она.

Мы охватили её кольцом, по всем правилам военной тактики.

– А ну, тётка, пошли с нами! – сурово сказал я.

Когда она повернулась лицом к луне, мы растерялись. Перед нами стояла старуха-плотник.

Первым опомнился Вовка.

– Забирайте мешок и идёте к председателю! – приказал он.

– Не надо меня вести, касатики, – вздохнула старуха. – Засудят. Ребятёнки останутся.

– Раньше надо было думать, – отрезал Вовка.

– Да рази ж пошла бы я? Полюшка прихворнула, кисельку горохового просит. Вот и побегла чуток сорвать.

– А чего мешок притащили? – усомнился Сёмка.

– Да мешок-то я вовсе не за этим взяла, думала на возврате веничков наломать, попариться завтра – поясицу разломил.

– Ну-у, веники! – понимающе протянул Вовка. – Знаем мы эти веники. Я молчал. По законам военного времени за килограмм колхозного зерна давали три года, не считаясь ни с чем. Толком не отдавая себе отчёта, куда идти и что делать, но внутренне озлобляясь на Вовку, закинул я лёгонький мешок на плечо и шагнул к деревне.

– Как вам не стыдно, – совестил Вовка. – На старости лет. Люди на фронте воют, а вы...

Старуха безропотно слушала, вздыхала.

Мы шли по тёплой мягкой пыли, отогревая босые ноги. Пыль не успела остыть, ночь только началась. Вовка все строжился, Сёмка сопел.

У околицы я спросил:

– Где ваш дом?

– Вот моя изба. – Старуха кивнула на крайнюю хибарку.

Покосившийся тын, ворота из жердей. Никак не походило, что тут плотник живёт.

Я свернул к избе и сбросил мешок на крылечко.

– Забирайте.

Почему не повёл её к председателю, не знаю. Обещал доставить вора, а, главное, сам был твёрдо убеждён со всей непримиримостью и бескомпромиссностью юности, что с расхитителями нечего церемониться, и всё же не повёл.

Старуха пожевала губами, поглядела на тощий мешок и вдруг поклонилась в пояс.

– Век не забуду, касатики.

– Ты чего! – оторопел Вовка. – К председателю надо.

– Катись ты!.. – вместо меня огрызнулся Сёмка.

– Кваску не желаете? – засуетилась старуха. – Свеженький квасок.

– Желаем! – весело согласился Сёмка и первым шагнул на порожек.

Вот тут-то мы и увидели крест. Большой, новый, блестящий, он подпирал дверь в избу.

– Что это? – разинул рот Сёмка. – Крест?

– Он, – подтвердила старуха, опережая Сёмку. Поднатужилась, отодвинула, видать тяжёлый, крест от двери и прислонила к стенке. – Замок куда-то запропастился. Дверь подпираю, чтоб корова Маланькина не влезла. Такая скотина дикошарая, всё по дворам шастает, в двери лезет.

Сёмка хмыкнул, мы с Вовкой тоже смотрели с удивлением.

– А зачем он вам? – спросил я.

– Как – зачем? – в свою очередь удивилась старуха. – По-мру – поставят. Как без креста? Я ведь крещёная, а не какая-нибудь. Без креста нельзя. Сама и изладила. Заходите в избу-то, заходите.

Старуха вздула огонь, и при свете чадающей лампы без стекла мы увидели убогое жильё. На широкой деревянной кровати с высокими спинками спали внучата, укрытые одеялом из лоскутных ромбов. Ванятка разметался во сне и, уложив ноги на Полюшку, сладко посапывал. Старуха убрала ноги мальчика, но они тут же опять оказались на сестрёнке.

– Ах ты, варнак! Ну завсегда так. Хворая ведь Полюшка-то, пожалел ба, – ворчала старуха. Она всё же упрятала упрямые мальчишечьи ноги под одеяло, потрогала лоб девочки. – Спит, касаточка. Видать, полегчало. – Она кивнула на стену: – Его вот они. – С увеличенной фотокарточки смотрел паренёк в фуражке с ромашкой за ремешком козырька. Весёлые глаза, чуб на бок. Совсем мальчишка.

– Хозяин был, – с уважением сказала старуха. – Старика-то давно у нас порешили, вот он за мужика в доме с тринадцати

годков и остался. Перед финской женился. Рано женился-то, семнадцати годов. Сходил повоевал, вернулся живой, Клавдия ему двойню принесла, Полюшку вот да Ванятку.

Сонный внук успел уже выпростать из-под одеяла ноги и уложить их на сестрѣнку. Старуха снова убрала их, сокрушѣнно вздохнула, продолжая прежнюю мысль:

– Только и пожил-то, что перед войной, повеселила жизнь маненько, опосля опять петлю накинула. Ой, да чо это я! Со всем умом тронулась. Напоить, поди-ка, вас надо.

Она принесла жбан. Мы никак не могли напиться душистого и вкусного напитка, пахнущего и мѣдом, и воском, и хмелем, и берѣзой одновременно.

– Что это за квас? – спросил я.

– Берѣзовик, – отозвалась старуха. – На берѣзовом соке замешан.

Она свернула козью ножку, прикурила от лампы.

– Не курите, примечаю.

Мы дружно кивнули.

– Ну и ладно. Не к чему отраву-то глотать. А я давно курю, как старика порешили, так и курю. Чудно небось – старуха самосад смолит?

Мы замялись.

– Чудно, знамо. Через это меня и ведьмой кличут. И образина у меня удалась редкая, и курю вот. Как старика порешили, так и курю, – снова повторила она.

– А кто порешил? – осторожно спросил Сѣмка.

– Люди, кто ж, – спокойно ответила старуха. – В тридцать третьем ещѣ.

Застонала во сне Полюшка, старуха подошла к ней.

– Матери-то нету у них. Померла сношка в первый год как война началась. Сѣмушку-то, сына моего, как объявили войну с немцем, так на второй день и забрали. А тут невдолге возьми да помри сноха на Покров. Остудилась на переправе, коров гоняла сдавать на мясокомбинат, к вам, в город. Всего и хворала-то три дни. Вот и кукую теперя с двойней. А мне ить

седьмой десяток под горку. И сердце заходится, и ноги опухают. За день-то так умаешься – к вечеру месту рад. До нынешнего лета всё ждала, – старуха взглянула на фотокарточку сына, – всё надеялась, господь помилует, воротится. А теперь и жданки кончились.

Она скорбно поджала губы, замолчала, вытирая стол ладонью.

– Похоронную получили? – тихо спросил Сёмка.

– Нет, – вздохнула старуха.

– А-а... почему тогда?..

– Получу...

– Не всех же убивают, – сказал я.

– Знамо, не всех, – горько согласилась старуха. – Токо его-то убили. В сумке у почтальонши похоронка-то лежит. Две недели уж.

– Да откуда вы взяли? – поражённо глядел я на старуху.

С мудрой печалью подняла она глаза на меня.

– Вижу, касатик. Сердце у неё ласковое, а на личике-то всё прописано. То, бывало, бегала, письма носила, когда были, а когда не было: «Пишут, скажет, ждите. Взгляд-то раскрытый. А теперь мимо торопится, глаза в сторону отводит, будто сама виновата. А я-то вижу – время оттягивает. Меня боится убить, сердечко-то пташечье ещё. И на том спасибо, за жалость спасибо.

Глубоко затянулась дымом.

– Мы тут, бабы-то, почтальонов страсть как боимся. Как увидишь, так сердце и обомрёт. Господи, думаешь, пронеси мимо, оборони, милостивец! Хоть бы не в наш двор! Ласточка, милочка, – молишь почтальоншу, – пройди мимо, пройди, желанная! Со взгляду уж видишь – несёт. Ещё только появиться в деревне из району, а уж все бабы знают – несёт. Сердцем чувят. Только кому несёт – не знаем. Завернёт к соседке, а ты слушаешь: что там? Выскочит простоволосая на крыльцо с рёвом аль нет? Согрешишь иной раз со страху-то: хоть ба кому-нибудь, лишь ба не мне. А как увидишь, что выскочила

баба да ударила в голос по убиенному, так ещё хуже на сердце камень ляжет. Свет белый не мил. Теперь вот мой черёд.

– Да вы что! – сказал я. – Просто вам кажется.

– А может, только ранен, – высказал догадку Сёмка.

– Кабы ранен, я б давно из её рук весточку получила.

Хоть и горькая известия, а все радостная – жив. А тут нет, и сердце поёт, будто заноза вонзилась. Вещует сердце. Вот и надо теперь выхаживать мне двойняток-то, дура старая, сраму понатерпелась с горохом с этим, будь он неладный. Думаете, легко мне перед вами гляделками-то хлопать! Хоть и говорят: стыд не дым, а душу-то томит.

Шли мы от неё молча. Всё так же неистово светила луна, и ночь была прекрасна.

– Вот ведь как бывает, – задумчиво сказал Сёмка.

– Заливает, – отозвался Вовка. – И про киселёк, и про похоронную тоже.

– Ну, это ты брось, – возразил я.

– Да вы что, чокнулись! – закричал Вовка. – Бабка про какие-то предчувствия им поёт, а они и уши развесили. Всё это она сочинила, чтобы головы вам заморочить. Сторожа! Её в контору тащить надо, а они квасок попивают да басни слушают. «Сердце вещует»! Дурачье!

– А ты чего, умный, сидел и тоже слушал? – наершился Сёмка.

– Думаешь, я ей поверил? Как бы не так, держи карман шире. А завтра я вам докажу, что никакой похоронки нет. Вы лучше скажите, что председателю говорить будем?

– Ничего не скажем, – ответил я.

– А-а, – протянул Вовка и даже присел, иронически разведя руками. – Жалеем старуху, и чёрт с ним, с государством! Так? Гуманизм проявляем. Пусть, значит, все воруют колхозное добро, а мы в сторонке, мы – гуманисты, мы людей любим, мы будем молчать! На обман идём?

Он долго тогда распинал нас на кресте. Я помню, Сёмка всё наускаивал на Вовку и кричал, что существует обман ради

спасения человека. Вовка отвечал, что всё это ерунда. Обман есть обман, и нечего прикрывать его высокими фразами.

Мы были тогда юны, азартны, бескомпромиссны, у нас часто были споры о честности, о совести, о чести. И я тоже горячо доказывал, что человек не должен лгать ни при каких обстоятельствах, только тогда он может прямо глядеть людям в глаза. Впрочем, я и сейчас говорю это своим детям...

Что было потом? Потом Сёмка набил морду Вовке. На следующее утро девчонка-почтальонша привезла нам письма из дому. Она всегда приезжала верхом на сером мерине. На почтальонше была новая косынка, а голенастые ноги болтались в огромных мужичьих сапогах, густо смазанных дёгтем. Как они не спадали с неё – оставалось загадкой. Мы все знали, что эта пятнадцатилетняя девчонка безответно влюблена в Вовку, самого красивого из нас, высокого, стройного и чернобрового. Тогда мы посмеивались над этим, а сейчас мне грустно. Ведь это была её первая любовь, самая чистая, самая открытая. Как наивно хотела она понравиться, обратить на себя внимание. То завьёт себе чёлку гвоздём, то ленту вплетёт в свои русые косы, то платком чистым повяжется.

В тот раз, когда она раздала нам почту, Вовка спросил:

– Ты только письма раздаёшь или и похоронные тоже?

– Всё раздаю, – ответила она, в восхищении глядя на Вовку.

– Если так, то почему не отдаёшь похоронную старухе?

Почтальонша побледнела и испуганно округлила глаза.

– Откуда вы знаете? – только и нашлась что ответить она.

– Знаю, – сказал Вовка и тоже побледнел.

Видать, он и сам не ожидал такого оборота, и его взгляд растерянно заскользил по лицам ребят, молча наблюдавших за этой сценой.

У почтальонши задрожали губы, она неверными руками засовывала в сумку газеты и никак не могла засунуть. Потом она пошла, как слепая, а за ней покорно двинулся конь. Мы все молча проводили её глазами.

Сёмка бледный – веснушки ещё ярче выделились – подскочил к Вовке.

– Ты что, с ума спятил? С ума спятил, да?

– Я, я... – отступал Вовка, – я не думал...

– Думать надо, думать! – орал ему в лицо Сёмка. – Олух царя небесного!

– Ну ты, не очень, – огрызнулся Вовка.

И тут Сёмка закатил ему звонкую оплеуху.

– Ты это брось! – повысил голос Вовка. – Брось, а то я тебе тоже!

И он ударил Сёмку прямо в нос. Сёмка дал сдачи. Они сцепились. Сёмка явно брал верх. Я растащил их и сказал:

– Иди, милый, к маме, а то и я бить начну.

– Ах, вот вы как! – заорал Вовка. – И уйду! И уйду! Ещё попомните!

Таким я его и запомнил. Мы видели его тогда в последний раз. Через два месяца его убило на реке Псёл, под городом Веприн. Об этом мне написали уже на фронт девчонки из нашего класса. Если бы мы знали тогда, молодые петухи! Если бы знали! Он ведь был хороший и честный парень.

Потом мы пошли к председателю, ещё разгорячённые, и рассказали о драке. Он выслушал нас и начал сворачивать одной рукой на груди у себя сигарку.

– Дайте я, – предложил Сёмка.

– Ничего, я уж и сам наловчился. – Председатель ловко скрутил сигарку, провёл языком по бумаге, вглядываясь прищуренными глазами в нас. Потом достал «катушку» и подал мне. – Вот тут ещё не могу. Высеки огонька.

Я высек, председатель прикурил, затянулся, а сам всё продолжал рассматривать нас, будто впервые видел.

– Вон вы какие, оказывается, – произнёс наконец он.

Что он этим хотел сказать, мы не поняли, а он, отвернувшись к окну, вдруг спросил:

– Ну, а как дежурство прошло?

Мы с Сёмкой замялись, поглядывая друг на друга. Пред-

седатель не оборачивался, и мне показалось, что спина его выпрямилась и весь он внутренне напрягся.

– Проморгали, что ль?

– Проморгали, – обрадованно ухватился Сёмка за спасительную соломинку, подброшенную председателем.

И тут я увидел, как председатель облегчённо расслабился, мне показалось, что он боялся услышать другой ответ.

– Луговинку-то выпластали опять у полевого стана.

Мы не успели сообразить, про какую луговинку говорит председатель, как за окном неожиданно раздался громкий плач и причитания. Председатель метнулся к окну и распахнул его. По улице, шатаясь, шла женщина с тремя малышами и причитала:

– Егорушка, родной мой, да что я теперь буду делать, ненаглядный ты мой!

Малыши дружно поддерживали мать рёвом.

– Та-ак, – скрипнул зубами председатель. – И Егора, значаща...

Возле женщины быстро образовался круг колхозниц. Среди них металась почтальонша. Женщины опасливо косились на конверты в её руках.

– Раздаёт, – со стоном вздохнул председатель и яростно затянулся сигаркой так, что глубоко запали щеки.

А старуха была уже здесь и отхаживала Егорову вдову. Она усадила её на крылечко конторы и требовательно крикнула в открытую дверь:

– Водицы дайте, холодненькой.

Сёмка вперёд меня зачерпнул ковшом из бадейки и выскочил на крыльцо, я за ним, следом за нами председатель.

Старуха набрала в рот воды и прыснула на сомлевшую женщину, привела её в чувство. Успокаивала, как малое дитя, гладила по худому плечу, а женщина билась и рвала на себе волосы, немо хватая ртом воздух и дико устремив невидящие глаза в одну точку. Рядом заходились в плаче пацаны, мал мала меньше.

Старуха встретилась глазами с председателем, и они какое-то время смотрели в глубину зрачков друг другу.

– Дай-ка, курну я, – сказала старуха.

Председатель протянул окурочек. Она жадно затянулась несколько раз, бросила сигарку и решительно шагнула к почтальонше:

– Давай уж и мне, дочка. Чтоб до разу.

Почтальонша с плачем кинулась старухе на грудь.

– Бабуня, прости меня, бабуня!

– Да кто ж тебя виноватит? – гладила её по голове старуха. – Рази ж твоя вина есть, несмышлёныш?

– Вот она, проклятая война! – глухо сказал председатель.

– Неужто не последняя? А?

Я испугался тогда. Лицо его враз почернело, обрезалось, слепые от ненависти глаза полоснули меня, как бритвой. В пустом рукаве его шевелился обрубок.

– Не может быть! – закричал председатель. – Не может быть, чтоб не последняя!!

Грохнул кулаком по перилу крыльца...

Неужели не последняя была? В мире всё сильнее и сильнее пахнет порохом. Всё слышнее бряцание оружием. Неужели опять по таким вот дорогам будут уходить отцы, братья, сыновья? Уходить и не возвращаться.

Я смотрю на дорогу, по которой четверть века назад ушли мы на фронт. Для многих она стала последней. Сейчас по ней гремит самоходная сенокосилка. Машину ведёт молодой парень в фуражке. За ремешок козырька вдета ромашка. Он с любопытством глядит на меня. Чего, мол, этот городской делает на погосте. Я тоже смотрю на него, он мне кого-то напоминает. Парень здоровается со мной, по деревенскому обычаю приветствовать незнакомого человека, и машина тарахтит дальше. Может, это Ванятка? Нет, какой Ванятка. Ванятке сейчас под тридцать...

Тогда тоже был покос. Косили литовками. Машин таких ещё не было. В первый день деревенские пришли, как на

праздник, в чистом, в новом. Председатель медали повесил на выстиранную гимнастёрку. Старуха пришла в новом переднике, почтальонша ленту вплела. Председатель снял фуражку, постоял, поглядел на луга, на нас и сказал:

– Кажись, с кормом будем. Трава ноне как по заказу. Ну, с богом! Начинайте.

Старуха пошла передом. Мы за ней. Ходко шла, сноровисто, мы угнаться не могли. Но когда кончился первый прогон, она не могла никак отдышаться. Пот так и катил бисером по её лицу, и она всё утиралась новым передником. У меня ныла спина, шея налилась свинцом, и рук не поднять. Но сдаваться было стыдно – впереди шла старуха.

Когда выкосили полянку, она сказала, с трудом переводя дыхание:

– Передохнём, касатики.

Мы побросали литовки и кинулись к ручью.

– Погодите, – остановила нас старуха. – Так передышитесь аль лицо сполосните, а то нутро остудить можете, и сила уйдёт, ежели напьётесь...

Позднее, в многочисленных марш-бросках, в больших переходах, когда двигались к фронту, я не раз вспоминал старуху. Действительно, нельзя пить человеку разгорячённому. Сила уходит. Перетерпеть надо.

Старуха села на кошенину и смотрела на внучат. Они собирали клубнику, срезанную литовками.

– Бабушка, бабушка – ягодка! – кричала в восторге Полюшка и показывала бабке каждую ягодку.

– Ешь, касаточка моя, ешь, – говорила старуха. – Зубками её, зубками.

Ванятка собирал ягоду молча. Сопел и деловито клал рдяные капельки в картуз. Хмурился, думал о чём-то своём, серьёзном.

Старуха отдышалась и закурила козью ножку, задумчиво и ласково глядя на поля, простирающиеся до самых дальних гор на окоёме. Берёзовые колки, речка, поспевающая рожь –

всё это хорошо было видно с косогора. Тихая, горестная и радостная улыбка не сходила с лица старухи.

– Соберёшься помирать, – вдруг сказала она, – а как помотришь на эдакую красоту, так и раздумаешь. Я чо молвить-то вам хочу. Вы к своей земле приглядывайтесь, к родной сторонке. Она устойку человеку даёт, земля-то. И кто на войне, и кто тут – всем. В народе сказывают: где отцы-матери произрастали, где самим вам пупок отрезали, тут вам и корень жизни, тут вам и сила. Родной сторонке цены нету. Без родины человек не человек, дырка от бублика – пустота одна.

И мы затихли и пристально посмотрели вокруг, посмотрели на землю. И потом, на фронте, не раз вспоминал я этот солнечный день, синие дали, покос и мудрую старуху на пригорке.

Я иду по косогору, узнаю и не узнаю места. Вон там вроде берёзовый лесок должен быть. Свели, что ль? Или не было вовсе? Ручей вот есть. Не пересох. Живуч родник. Черёмухой зарос, тогда её не было, дорога сейчас пойдёт вбок, за холм. Точно, пошла. Тогда ночью здесь я их и встретил, у этой дороги.

Я шёл в лунном свете и сочинял стихи. Стихи в ту ночь не получались, и всё время вертелась в голове есенинская строчка: «Свет луны таинственный и длинный...»

Луна заливала землю, и вправду свет её был длинный, пришедший из глубин мироздания. Голубовато-серебристый, рассеянный, он был таинственным. Было удивительно тихо, и где-то нежно, загадочно и прекрасно позванивало. Казалось, сам воздух звенит. Я шёл, охваченный восторгом, благоговейной любовью к земле, видел каждую высветленную былинку, улавливал трепет каждого листка. Пахло увядающими травами, их тёплый аромат доносило с луга, где мы косили днём.

– Так я и думала, ты это, – вдруг раздался голос за кустарником.

Я вздрогнул, оглянулся. И тут же услышал ответ:

– А ты всюду затычка.

Я вытянул шею и увидел за кустами старуху и приземистого чернобородого мужика с лошадьёю, запряжённой в телегу.

Мужика этого я видел раньше, он нас всех удивлял. Он был единоличник и имел собственную лошадь. Нам было странно видеть единоличника, мы о них знали по истории, а тут – на тебе! – живой осколок старого.

– Покричи, покричи, – сказала старуха. – Могёт, и лом у тебя припасён, как в тридцать третьем.

– Слышь, – с придыхом сказал мужик, – не наводи на грех! Никакого лому у меня нету. Кто ты такая? – Голос мужика набирал высоту. – Председатель? Уполномоченный? Думаешь, я не знаю, как ты тут паслась? Парней-то чем улестила? И то сказать, недаром ведьмой кличут.

– Для тебя ведьма, верно сказал. И боишься ты меня, как ведьму. После амбаров боишься.

– Ты брось, ты это брось поклёп наводить! – захлебнулся криком мужик. – Доказать надо! Ты мне дела не пришивай!

– Злобишься, сердце на меня имеешь – вот и весь доказ. Пойдёшь со мной сейчас. Старуха взяла лошадь под уздцы.

– Не подходи! – стонущим от ненависти и страха голосом закричал мужик и ударил жеребца ногой в пах.

Конь всхрапнул, рванулся, но старуха не отпустила узду и, повиснув на ней, волочилась под ногами жеребца.

А мужик все бил и бил коня, люто матюкаясь.

– Что вы делаете? – закричал я и выскочил из-за кустов.

Мужик испуганно оглянулся и кинулся бежать. Жеребец остановился и храпел, высоко вздёргивая головой.

Я поднял старуху с земли. Она охала и не могла шагнуть.

– Нogu выставила, о господи. Ты откель взялся-то?

Я помог ей взобраться на телегу, где лежала охапка свежекошенного гороха.

– Больно вам?

– Ничего, бог миловал, ничего, – с перерывами ответила она.

Мы поехали по дороге, и я всё поглядывал по сторонам, боялся, не покажется ли мужик. У околицы встретили председателя, рассказали ему всё.

– Та-ак, – протянул он. – Подозревал я его. А тебе не надо было самой. Мы его и так выследили бы.

– Ох, сама я виноватая.

– Ну, мне бы твою вину, – сказал председатель, заскакивая на телегу.

– А как с ним? – спросила старуха.

– Далекое не уйдёт, – заверил председатель. – За лошадью явится.

Мы отвезли старуху домой. Тогда я ещё раз увидел крест. Он тускло блестел под навесом крыльца. Потом мы поехали в колхозную конюшню, поставить лошадь.

– Живуча старуха – страсть, – сказал председатель. – Диву даюсь. Она ведь перед войной совсем помирать собралась. Крест вон сготовила. Сама. Под образами лежала. Деревенские уж и простились с ней, со дня на день ждали – преставится. А тут война. Сына её сразу забрили, а осенью сноха померла. И встала старуха. «Внучат, говорит, подымать надо, не время помирать». И живёт вот. А теперь ей и вовсе помирать недосуг. Семён погиб.

Помолчал, почмокал на лошадь.

– Да-а, жизнь. По-иному она так переедет, что за одно то, что живёт ещё, – к награде представлять надо. Её же вот возьми. Смолоду батрачила, хрип гнула, за кусок билась. Революция свершилась – полегше дышать стало. А в коллективизацию мужа у ей убили, Ивана. Амбары он сторожил с колхозным хлебом. Помню, от набата деревня вскинулась. На пожар сбежались, глядим – Иван лежит и в рот ему зерно насыпано, снег кровью улит. Голову проломили. А амбары огнём пластают...

– Нашли их?

– Кого?

– Ну, кто убил и поджёг.

– Где найти?

– Так и не узнали?

– Знать-то, может, и знаем, а поди докажи. Не пойманный – не вор.

Лошадь остановилась по малой нужде, председатель терпеливо ждал. Тронулись, и он снова начал.

– А до этого у ей ребята мёрли. Трoих похоронила. Парней уже. Одного конь зашиб, другой утоп, а третий с крыши сорвался да животом на кол. За одно лето все убрались. Сенька один остался, он у них последний, поскрёбышек. Умом тронуться можно от такой напасти.

Председатель свернул сигарку, подал мне «катюшу».

– Выбей огонька.

Я выбил, председатель пыхнул крепким дымом.

– А плясунья была в девках-то, с кругу не сходила. А уж песню как заведёт! Иван-то, муж её, смолоду буен был во хмелю, никто, бывало, усмирить не мог. А как услышит её песню, так сядет и слезу уронит. Рубаху на себе порвёт, скажет: «Душу ты из меня вынаешь!»

Я никак не мог представить старуху молодой. Мне казалось, что она всегда была такая вот старая, сухая, с хриплым голосом и козьей ножкой во рту.

– Поднатужиться придётся бабам, войну одолеть, – задумчиво продолжал председатель. – Повертаются мужики с войны и поклонятся жёнам своим в пояс. Ещё неизвестно, чья чаша перетянет, мужичья или бабья, кому солонее за войну достанется. Опять же голод. Летом-то ещё полбеда, травы всякой много, ягоды там, грибы. А вот зима навалится – люто будет...

А наутро мы косили без старухи. Сёмка шёл передом, я за ним. Наловчились уже, косили ходко, и были довольны этим и веселы.

Мы давно заметили председателя. Он выехал из берёзок, сидел верхом на коне и смотрел на нас. А мы старались показать себя и делали вид, что не замечаем его. А он грустно глядел на нас. Когда поравнялись с ним, он сказал тихо:

– Бросайте работу, ребята.

– Докосим вот, – сказал я, как старший.

Оставалось совсем немного на этом лугу, ещё пройти прокоса два.

– Ну докосите, – согласился он.

Мы докосили.

– Подойдите-ка, – подозвал председатель.

Мы, довольные работой, подошли. Он оглядел нас всех с седла и сказал, будто извиняясь:

– Призывают вас, ребята. Вот повестки.

У нас радостно и испуганно застучали сердца. А он смотрел на нас и грустно улыбался.

Только позднее я понял и его взгляд, и грустную улыбку. Он уже побывал там, куда уходили мы, и вернулся без руки. Он понимал, что кончилась наша юность, наше детство, и, кто знает, все ли вернутся обратно. Я вернулся, а шестеро из нашего класса остались. Остался и Сёмка. Он погиб в конце войны на Балтике, он был матросом на торпедном катере.

Мы уходили вот этой дорогой, по которой шагаю я сейчас. Тогда мы здесь и увидели в последний раз старуху. Она вышла из березника с вязанкой хвороста.

– Мы уходим, бабушка! – крикнул Сёмка.

– Куда-то? – спросила она.

– На фронт! – гордо сказал я.

– Господи! – уронила она вязанку. – Дай-то вам бог живыми вернуться, касатики.

Она перекрестила нас широким крестом.

– Мы в бога не верим, – сказал Сёмка.

– Зато я верю, – сурово сказала старуха. – С богом, сыночки, живыми вам, живыми...

Я оглянулся, она всё стояла, приложив ладонь козырьком к глазам, и всё смотрела нам вслед. Такой и осталась в памяти, сухой, высокой, сутулой. И лицо, спокойное и мудрое...

И вот опять я на этой дороге. Вернулся на круги своя. Старуха как-то сказала: «Война пройдёт, а жизнь останется». Война давно прошла, а жизнь осталась. И я иду в деревню, теперь совсем новую, с новыми людьми, с новой жизнью.

Тополинный снег

Возвращались ли вы через много лет в родные места? Туда, где промелькнуло ваше детство, откуда ушли на большую и не всегда ровную дорогу жизни. Как стрижи, пронеслись годы, вы выросли, мужали, теряли детские иллюзии об окружающем вас мире и, чего таить, черствели душою, а родительский дом оставался для вас землёй обетованной, куда никак не могли вы попасть. Всё чаще и чаще (чем старше становились) вспоминали вы отчий край, светлые детские годы и наконец, не выдержав или по какому-нибудь случаю, собирались и ехали хоть одним глазком взглянуть на ту давнюю, полузабытую синюю даль, что зовётся босоногим детством.

Чем пахнет детство? Летом, солнцем, ягодой, весёлою грозой, степными травами. Мало у человека воспоминаний о детстве зимних: зимы ему хватает во взрослой жизни.

Видимо, и ещё тридцать лет не побывал бы я на родине, если бы не «горящая» путевка и не мой радикулит.

С поезда я сошёл в Бийске. Смотрел на белое каменное здание вокзала, на высокие тополя, на подходившие за курортниками автобусы со знакомыми и полузабытыми названиями селений, через которые они держат путь, и та давняя милая жизнь, сам воздух детства окружили и заполнили меня.

Я сел в автобус «Бийск – Белокуриха», заранее волнуясь оттого, что на полпути этого маршрута лежит моё село, что я увижу его и вернусь в далёкое прошлое.

Автобус трясся по булыжным мостовым, и я не узнавал города, но по каким-то мне самому непонятым приметам догадывался, что вот именно по этой улице ехал когда-то с отцом на райкомовской «эмке», а по этой вот шёл с ним на фильм «Мы из Кронштадта», который потряс меня событиями, рассказанными в нём, а, главное, может быть, звуком, ибо до этого в своём селе я видел только немые кинокартины.

Когда выехали на берег Бии, увиделся на той стороне великолепный сосновый бор. В неё была больница, она и сейчас, наверное, там стоит. Когда-то из той больницы мы с отцом уво-

зили мать после операции, не ведая, что через два дня будет она лежать на простом кухонном столе и ей будут зашивать лопнувшие швы на животе, а в окнах будет полыхать отсвет пожара. Зимней морозной ночью подожгут кулаки райком партии.

Старого разводного моста через Бию не оказалось, над рекой высился новый добротный мост, под которым свободно проходили пароходы. И дорога, после моста повернувшая вдоль светлого бора на курорт, была совсем другая – асфальтированная, прямая, взамен ухабистой и петливой. Даль, открывшаяся отсюда, – синие горы в степном мареве, и сама степь, обдута ветрами, и низина, сжатая двумя реками – Бией и Катунью, – всё это, освещённое полдненным солнцем, было памятным, до боли в сердце родным, ничего здесь не изменилось, и я сразу узнал всё.

Проехали долину, которая в половодье заливается двумя реками и превращается в море, и наш автобус подошёл к наплавному мосту через Катунь, холодную и быструю. Тогда его не было, и мы всегда ждали паром. Ранним утром, после тягостного ожидания и надрывного крика на противоположный берег: «Паро-ом!» – он выплывал из розового от восходящего солнца тумана, сначала смутно и расплывчато чернея неясной грудой. Потом всё отчетливее прорисовывалась какая-нибудь повозка или оседланный конь. Снесённый свирепым течением паром выплывал всегда откуда-то сбоку и казалось, проскочит мимо, не угадает к причалу. Но вот уже слышно, как перебирает, волнуясь, ногами конь, гулко стучит подковами по дощатому настилу; вот уже глухо шаркает о причал паром и замирает, натянув канат. Вот уже облегчённо ступает конь по сходням, косит настороженным глазом на воду, стараясь побыстрее сойти с неверной опоры. И вот уже наша телега на пароме, и снова зыбится туман, и просвечивает где-то внизу и сбоку белая подсиненная Катунь. И река кажется безбрежной и враждебной, и мне, мальчишке, жутко, но я не признаюсь и сижу, нахохлившись, на возу сена, которое мы с дедом везём в город продавать. Сижу, прикрытый попоной, пропахшей лошадиным потом,

а подо мною холодное шуршащее сено с чистым и крепким запахом разнотравья. От одной мысли, что где-то внизу, под тонким настилом, катит студёная волна, у меня по спине ползут знобкие мурашки. На это испытание я соглашаюсь только из-за волшебного слова «город», из-за этого сказочного царства с его пыльными мостовыми, с базаром, шумным и пёстрым, с женщиной-пауком в балагане. Каждый раз, когда я видел человеческую улыбающуюся голову на фоне зеркал и вместо рук и ног паучьи лапки, меня охватывал сладкий страх. Как достигался этот фокус, до сих пор не знаю. Видимо, при помощи оптического обмана, так как вокруг этой женщины-паука было много зеркал. А ещё меня ждали в городе медовые пряники и восхитительное мороженое, которое иные пацаны в селе нашем и не едали. И ещё шипучая розовая вода, бьющая в нос. Пьёшь её – и дух захватывает. Город – это другая земля, другой мир, и уже накануне я обмирал от счастливого трепета и никак не мог уснуть, а ночью вскакивал с ужасной мыслью: «Проспал!» Но нет, даже дед ещё не вставал, и рассвет едва-едва брезжил в окне, и я засыпал в счастливом нетерпении.

А автобус всё катит и катит по сверкающему зеркалу асфальта туда, где лежит моё село, где мечтал я о чём-то далёком, горел непонятной любовью, не сознавая, что именно люблю. И только позднее, когда лишился всего этого, понял, что люблю эту степь, это несказанно высокое небо, эти горы на горизонте и с понятием Родина связываю именно эти места. Тогда я не понимал, что самое яркое, самое дорогое, самое чудесное и неповторимое – это моё детство здесь.

У обочины дороги пасутся две лошади. Возле них взбрыкивает на тонких ножках, сыт и весел, рыжий сосунок-жеребёнок. Его мало ещё интересуется трава, ему довольно материнского молока. Он изумлённо уставился на автобус и вдруг решил потягаться с ним в скорости и, выскочив на асфальт, припустил впереди машины. Ах, как он старался, как выцокивал по асфальту, показывая нежное светлое подхвостье и распушив по вольному ветру мягкую гривку! Шофёр гудел, сбавив скорость,

а жеребёнок всё наддавал и наддавал, гордый, что вот бежит впереди дурно пахнувшей машины и она не может догнать его, и косил на нас ясной черносливиной глаза. Одна лошадь подняла голову и заржала. Чисто и звонко отозвался жеребёнок на зов, отскочил на обочину, взбрыкнул, показав нам опять нежное подхвостье, и, прядая торчком поставленными ушами, будто навострив их на призывное ржание матери, запыллил бодро к ней, видимо, тут же забыв о нашем существовании. А лошадь-мать снова опустила голову и спокойно, трудолюбиво начала щипать окрепшую и набравшую силу траву.

Я оглянулся и увидел, что жеребёнок уже толкает мордой под материнский пах, и хвост его дрожит от нетерпения и, видимо, он уже захлебывается тёплым молоком.

В автобусе повеселели, заулыбались, оттаяли сердцем, и подумалось мне: счастлив тот человек, детство которого прошло в деревне. Он ближе к природе душевно и, в полном смысле этого слова, лучше понимает её, острее чувствует. Эта степь, эти берёзы, этот осинник, этот жеребёнок, светлый и чистый в своей детскости, – все это Родина. Да разве заменишь эту опушку леса каким-нибудь городским сквером, порою небрежно и безвкусно возделанным, с подстриженными по ранжиру куцыми деревьями? Спросите у городского жителя, что он помнит из детства, и он ответит, что помнит, как ездил в деревню к бабушке или в пионерлагерь, как удил рыбу и ходил на охоту, то есть вспомнит лучшие часы, проведённые на природе, в сопричастности с нею.

Деревня – исконное, изначальное селение человеческое, оно остаётся в нас, хотим мы этого или не хотим.

И как жаль, что так много теряют городские ребята, не видевшие ни коровы, ни овцы, я не говорю уж о таком вот жеребёнке, способном осчастливить любого мальчишку. Пожалуй, отсюда и возникает потребительское отношение к природе, неуважение к ней. Посмотрите лес, поляну или берег реки после ухода городской молодежи, грамотной, модной, с транзисторами, орущими в первородной тиши леса или степи. Обрыв-

ки грязных газет, пустые консервные банки, разбитые бутылки, остатки еды, сломанные и срубленные деревца, вытоптанная трава – будто орды Чингисхана прошли. Не вся, конечно, молодежь такая, но – увы! – есть и такая. И не только молодежь. Бездушные к альма-матер – природе – заставило впервые за всю историю человечества создать закон об охране природы и не просто какого-нибудь участка, а всей природы.

Я попросил остановить автобус, прихватил свой чемоданчик и под удивлённые взгляды пассажиров сошёл. И сразу же оказался в степном безмолвии, на тёплой земле среди духмяного запаха нагретых трав и поспевающих хлебов. И вдруг уловил я сухой горьковатый дурман, памятный с детства. По обочине дороги росла полынь. Мы ломали её на веники, зимой хорошо таким веником обметать валенки. Не удержался и вошёл в полынь, высокую, по пояс. Она цвела мелкими жёлтыми пуговками и была удивительно похожа на мимозу, которую в Москве к Восьмому марта продают на углах за бешеные деньги. Такой же мелкий цвет, такая же ветка, такой же крохотный листок. И ведь не поверит иной городской житель, что запах у полыни приятный, великолепный запах. Уж очень её охаяли в литературе. И вдовья-то трава она, и судьбину горькую опять же с ней сравнивают, и ещё всяких нелестных эпитетов надумали. А трава эта полезна, и не только тем, что идёт на веники, но и лекарства из неё изготавливают, и запах, повторяю, отменный, в комнате освежает, и блох не будет – не терпят они полыни.

Вдали на тракторном прицепе таскали сенокосилку. В этих местах когда-то косили и мы. Вон там, на опушке, стоял наш шалаш. Может, правда, и не на той опушке, но очень похожей на ту, давнюю, и мне хочется, чтобы это была именно она. Сейчас вот стрекочет сенокосилка, а тогда вручную косили. И старики, и бабы, и пацанва постарше становились в ряд с мужиками. А девчонки ворошили граблями сено в валках. В обед, когда старшие отдыхали в тени, бродили мы по скошенным луговинам, подбирая осыпанную клубнику. А вечером, когда остывшее солнце уйдёт за горизонт, когда в лощинах соберутся синие су-

мерки и потянет свежестью, лежим мы на холодеющей траве или у костра и слушаем страшные истории про чертей и нечистую силу и робеем отбежать по нужде в темноту, от костра. Сидишь, слушаешь, покуда сладкая истома не разольётся по телу и не слипнутся глаза, но ещё слышишь непонятное «бу-бу-бу», а сам уже спишь и только почувствуешь сквозь сон, как кто-то заботливо накроет тебя дерюжкой. А утром проснёшься от звука натачиваемой косы: взрослые уже встали и готовятся к покосу. Эти детские сенокосные дни! Работаешь только по охотке, купаешься вволю и носишься по лугам – свободный, счастливый и беззаботный. И сердце лёгкое и крылатое. И минутные беды проходят быстро. Не успеют ещё просохнуть слёзы, ещё искрятся они на ресницах, а уже смеётся пацан и несётся сломя голову по степи зелёной.

Я иду по шоссе, меня обгоняют машины, гудят, шофёры предлагают подвезти. Я отказываюсь, я хочу войти в своё детство пешком. Много раз протопал я по этой дороге, тогда пыльной и разбитой, протопал навстречу удивительному и прекрасному, и жизнь казалась бесконечной. С детства тянет человека вдаль, в неизвестное, навстречу какому-то чуду, и часто, как часто, он его не находит! И оглянется человек и увидит, что самое счастливое уже прошло, промелькнуло, а он его и не заметил. И всё же какой удивительный дар дан человеку – надеяться на лучшее будущее. Без него жизнь была бы невозможной.

Сколько раз здесь, в степи, заставала нас гроза. Обломится небо, и ответный гул прокатится по земле, а за ним ливень хлынет, и, хоть беги не беги, всё равно не удержешь. А после дождя засверкает на солнце степь – глаз режет, и несёмся мы по мокрой траве, поднимая брызги, несёмся навстречу радуге, вставшей над землёй в полнеба. Набегаемся, уморимся и долго ещё месим грязь до села. Придём такие усталые, что за столом засыпаем. А утром, едва перехватив чего-нибудь и припрятав горбушку хлеба за пазуху, снова в степь, на волю, в синь!

А вот и увал. Увал моего детства. Тогда он мне казался гораздо выше. Прямо передо мной, внизу, раскинулось село.

Боже мой, а тогда мы от села до этого увала шагали-шагали, а он, оказывается, совсем рядом. Пожалуй, всё же это село разрослось и подступило к самому увалу. Отсюда, с косогора, обозревали мы землю.

Я ложусь в тихие травы и лежу, как когда-то в детстве. Куда ни кинь глаз – колосятся овсы, зеленеют островки березняка, на далёком и высоком горизонте, будто приподнятые над землёй, парят горы. И тишина, тишина, несказанно прекрасный покой.

Тогда мы любили лежать здесь после набегов на степь, глядеть в непостижимую красоту неба, на белые лёгкие облака, и хотелось плыть с ними куда-то далеко-далеко по слепящей синеве в тот прекрасный и яростный мир, который ждал нас. О-о, сколько воспоминаний связано у меня с увалом! Здесь мы гоняли в догоняшки, едва сойдёт снег, здесь мечтали летом о дальних странах и морях-океанах, сюда приходили зимой кататься на лыжах. Избегивались по степи так, что рёбра просвечивали сквозь кожу, носы лупились и с плеч сползало по десять шкур. И вот теперь лежу я на увале и, кажется, не было тридцати лет, как уехал я отсюда. Ибо где же они, эти годы? Куда подевались? И кто я? Прежний мальчишка или взрослый поседевший мужчина? Неужели прошло целых тридцать лет?

Целая жизнь! Но я и сейчас готов мечтать о дальних странах, о неведомых островах, о морях-океанах, о диве дивном, о чуде чудном. Я готов побежать и босиком, я всё тот же мальчишка. Вон идёт в степь орава пацанов, размахивают руками, горланят от избытка чувств. Кто они? Может, мои сверстники? Эй, ребята, возьмите меня с собой! Куда вы идёте? Остановитесь! Счастье здесь, диво дивное здесь, чудо чудное здесь. «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» Летит, не остановится. И тридцать лет – как мгновение.

Под увалом обелиск расстрелянным за Советскую власть в девятнадцатом году. В моём детстве его не было. Много изменилось, много и нет. Нет, например, знакомой церкви, куда

влезли однажды мы и впервые испытали чувство высоты, задохнулись от счастья и страха и увидели под ногами село. Может, тогда и родилось желание стать лётчиком. Мы долго не решались тронуть колокол, висевший на перекладине, белой от голубинового помёта, а когда тронули, низким утробным гудом отозвалась медь. Я помню, как снимали с той церкви крест, как ночью ударил колокол, а наутро по селу пополз слух, что господь разгневался и быть беде великой. А через несколько дней сгорел райком и в отца моего стреляли. Нет церкви, снесли. На её месте стоит новый красивый клуб. Нет и деревенского погоста с часовенкой, где поздним вечером увидели мы жуткого человека, волчьим порывом уходящего в степь. Потом узнали, бандит это был, а ещё позднее сами видели, как ловили его милиционеры. Кладбище теперь на новом месте, а здесь, на старом, разбит сквер, а рядом стадион.

Я оглядываю запущенный сквер, зная, что где-то здесь лежит дорогой мне человек, Ликановна, старушка-соседка, которая спасла мне жизнь, когда меня топил в реке кулацкий сын. К ней бегал я осенью лакомиться сладкими паренками – тыквенными ломтиками, паренными в русской печи. И не было ничего слаще их! Она следила за мной и нашим домом, когда болела мать.

Куда я положу букетик полевых цветов и где постою в грусти?

Возле сквера воздвигнут обелиск погибшим в Отечественную войну. На нём имена. Много имён, очень много. Далёкое сибирское село отдало войне полтысячи своих сынов. Я читаю длинный список и вижу знакомые фамилии, но не знаю, те ли это люди, о которых я думаю, или нет. В моём селе, как и во всяком русском, много однофамильцев. Вот она, война! Не кончилась и не кончится, куда будут на земле живые люди, куда будет память о погибших.

У обелиска насыпано белым-бело тополиного пуха, будто снегом запуржило. Мы любили собирать этот снег. Собирали целыми комками, кисти срывали, раскрывали зелёные зёрна

и вытаскивали из них шелковистые, прохладные, чистые комочки пуха, с удовольствием жевали.

Я подхожу к дому, в котором провёл своё детство. Но во двор не вхожу, не знаю почему, но не вхожу. Совсем недавно мой знакомый писатель жаловался: «Понимаешь, приехал на родину, заглянул в дом и всё испортил. Пишу книгу, в ней мой дом должен быть тот, давний. А теперь всё разрушил, все воспоминания, хоть плачь».

Странное у меня сейчас состояние. Будто живу в двух измерениях. Знаю, что старого кладбища нет, что вместо него сквер, а всё равно вот отошёл и опять вижу внутренним взором старое кладбище. И церкви нет, и площадь базарная изменила свой вид, а я всё вижу по-старому. Вижу все изменения, а память сопротивляется, ей хочется видеть село тем, давним, селом моего детства.

Я хожу по селу, по берегу речки, хожу и вспоминаю. Вот здесь топили меня. Спасибо Ликановна шла полоскать бельё и отняла меня. А вот тут мы с Вовкой, дружкой моим, тонули уже совершенно самостоятельно, со страха вцепившись друг в друга. Речка два маха ширины, курица перейдёт – перья не замочит, но есть под берегом омуты. В один из них мы и угодили. А вот мост, с которого ныряли. Мост всё тот же, только висит дорожный знак, запрещающий въезд машинам. Ветхий стал. Под ним проплыли мы с Женькой на льдине. Приткнулась в половодье к берегу льдина, забрались мы на неё, чтобы показать пацанам свою храбрость. Не успели оглянуться, как уже поплыли. Обсосанные рекой сизые крыги налетали на нашу льдину, и у нас из-под ног уходила зыбкая опора. Поймали нас за селом. Дома так выпороли, что до сих пор помнится.

Хожу я по родному селу, и щемящая грусть заполняет сердце. Никто не знает меня, никто не останавливает. Я из другой жизни.

А вот и школа с её тополиным садом.

Когда я вспоминаю село, то в первую очередь вспоминаю этот школьный сад, высокие тополя, видимые далеко-далеко

в степи. Сюда в первый класс привёл меня мой дядя, тогда ещё молодой парень.

Привёл и оставил одного с ребятами, шумевшими вокруг костра. Прозвенел звонок, все разошлись, я остался один, не зная, куда идти и что делать, и робея перед этим длинным одноэтажным зданием. На моё счастье, из четвертого класса в первые же минуты первого урока был изгнан за какую-то проказу Вадим Тонких, старший брат моего дружка Толика. Он-то и привёл меня в первый класс. Открыл дверь, больно толкнул меня в спину и крикнул учительнице: «Вот вам ещё один голупузий!»

Надо мною шумят тополя, увешанные гирляндами белого пуха, и вся земля покрыта тополиным снегом. От лёгкого ветерка сыплется этот снег мне на голову, которая и без того уже забуранена по вискам.

Здесь горел костёр, когда меня принимали в октябрята, а позднее – в пионеры. Сейчас в пионеры принимают оптом, всем классом. Утверждают, что непедагогично, если принять только лучших. В моё время принимали только лучших. И как же мы старались, чтобы быть принятыми! У меня до сих пор хранятся билеты ударника. Только с такими билетами за учебу и имел право стать пионером. И ничего – педагогично было. Мой же сын не беспокоился, он знал, придёт время – примут. Утеряна революционная романтика слова, а ведь всё начинается с малого – и любовь к родине, и сила идеи. «Ну, уж это слишком!» – скажет кто-нибудь. – Ведь дети. К чему такие обобщения, к чему такая прямолинейность». Я так и вижу того писателя, который на одном из совещаний обвинил меня, ни много ни мало, в публицистичности моих книг. В одной из них взрослый человек объясняет сыну суть классовой борьбы, объясняет по-взрослому, как равный равному. «Поймёт ли мальчик? – воскликнул писатель. – И зачем так прямо, в лоб? Тоньше надо, тоньше!» А я вот думаю: ничего, мы понимали. Да и трудно было не понять, что такое классовая борьба, когда в отца твоего стреляют, когда поджигают райком, когда ломаются ночью

в дом вооруженные люди, совсем не для того, чтобы пожелать спокойной ночи, когда выходишь утром на крыльцо и видишь прирезанную корову и отравленную собаку. Не до тонкостей было тогда, и почему, спрашивается, сейчас, я должен писать обо всём этом «тонко»?

В школьный сад выходят окна больницы, где я лежал когда-то после операции, которую сделал Семён Антонович Завражный, бессменный хирург сельской больницы. Я знал, что где-то рядом находится и домик хирурга, и без труда нашёл его. На крыльце сидела девочка лет двенадцати и мальчик лет восьми. Я подумал, что это дети моего дружка Олега, сына доктора, и спросил, дома ли отец. Они сказали, что папы дома нет. Вышла молодая женщина и подтвердила их слова. Я пообещал зайти попозже и подумал уходя: «А жена Олега ничего, симпатичная женщина».

Я пошёл искать свою первую учительницу, ту самую, к которой меня втолкнул Вадим Тонких на первый урок. Домик её утонул в сирени. Я вошёл в калитку со сложным чувством радости и грусти. Из-за дома, по каким-то своим делам, выскочил огромный рыжий пёс. Увидев меня, остолбенел на миг и залился тонким испуганным лаем. Я поспешно брякнул в низкое окно. «Сожрёт, дьявол!» На мой стук вышла пожилая женщина, босая, с тяжёлыми крестьянскими руками, но лицо ещё молодое, с короткой модной стрижкой. Странно, я почему-то думал, что встречу ту давнюю, молодую и красивую свою учительницу, и хотя знал, что так не может быть, но всё же никак не мог представить её вот такой.

– Евдокия Андреевна? – спросил я, хотя уже видел, что это она.

– Да.

Она выжидательно смотрела на меня. Я назвался.

– Толя! – ахнула Евдокия Андреевна, сразу же вспомнив моё имя, чем немало удивила меня, ведь у неё тысячи учеников. – Боже мой, какой стал! Не узнать.

Где уж было узнать! Целая жизнь прошла. И фронт,

и госпиталь, и учёба в институте, и работа на заводах Урала и Сибири – всё было в этом многолетнем и мгновенном отрезке времени, который теперь отделял меня от того далёкого мальчишки, что учился когда-то выводить первые буквы у этой вот учительницы.

– Да что же мы стоим? – спохватилась Евдокия Андреевна. – Проходи, Толя, проходи.

Страшный рыжий пёс умиленно махал хвостом и старался лизнуть мне руку. Теперь только я разглядел, что пёс-то совсем ещё щенок. Вымахал с телка, а сам ещё глуп, любопытен и добродушен.

Евдокия Андреевна хлопотала возле стола и засыпала меня вопросами.

И вот мы давно уже сидим за столом, на котором начатая бутылка, свежие огурцы, сметана, яичница, успевшая остыть, а мы всё говорим, говорим, вспоминаем, вспоминаем.

– А Федю Цыплакова помнишь?

– Нет, – сознаюсь я.

– Ну как же! – удивляется Евдокия Андреевна. – Он всё большой палец сосал в первом классе. Все пальцы фиолетовые от чернил, а большой белый. Не помнишь?

– Нет, – улыбаюсь я, – не помню я обсосанный палец.

– Вы с ним вышивали лучше всех на уроках труда, – старается напомнить мне Евдокия Андреевна.

– Убей, не помню даже, что вышивал когда-то.

– Он ещё, когда райком сгорел, когда вы давали клятву бороться за Советскую власть, он тогда расплакался в строю и убежал из класса. Помнишь, как райком горел?

О-о, это я помню! Очень хорошо помню. Райком был напротив нашего дома, через дорогу. Накануне мы с отцом привезли из Бийска мать после тяжёлой операции. Отец снова уехал в командировку. В ту ночь я проснулся от тревожного стука в окно, на стёклах плясали отблески огня, и мне показалось, что началась война. Я торопливо оделся, выскочил на улицу, в зимнюю ночь, и остолбенел: пылал райком. Яростные клубы огня и дыма

рвались из окон, ярко освещая дорогу. На перекрестке стояли два пьяных мужика, и один из них, высокий, в тулупе, говорил: «Надо в райком сообщить, образовался пожар». «Он и есть вот райком», – отвечал другой, поменьше. Высокий тупо глядел на огонь и снова начинал: «Надо в райком известию пустить».

Мать, которой совершенно нельзя было ещё подниматься, вышла к калитке и тут же упала. Её унесли в дом председателя райисполкома и там, на кухонном столе, Семён Антонович Заовражный зашил ей лопнувшие швы. А во дворе в морозном синем воздухе необычно и крепко пахло духами. Посреди двора были свалены наши вещи, их вытащили и перенесли сюда, боясь, что займётся и наш дом.

Утром, в дымном рассвете стоял я у пепелища. На месте двухэтажного райкома чадили только головёшки. Прискакал на запалённом коне отец и долго стоял над пожарищем, а когда поднял голову, я содрогнулся от жёсткого взгляда его серых глаз. «Посмотрим, кто кого!» – процедил он сквозь зубы и пошёл, прямой, сильный, не заметив даже меня. Этот морозный рассвет, чад пожарища и отца, решительно шагнувшего прочь, я запомнил навсегда.

– А Валя Дрезов где? – спрашиваю я о сыне аптекарши.

– Погиб, – вздыхает Евдокия Андреевна. – В самом начале. Он лётчиком был. Мать его умом тронулась, как узнала.

Ах, Валька, Валька, мой соперник! Мы с ним за одной девчонкой бегали. Валька был примечательный мальчишка. У него был двойной ряд зубов вверху. Как у щуки. Мы им гордились. Не в каждом классе такой найдётся.

– А Рита замужем, в Новосибирске живёт. Трое детей.

– Какая Рита? – спрашиваю я.

– Перова. Помнишь, нет? Он ей письма с фронта писал. Они ведь договорились пожениться.

Ритка! Это та самая девчонка, за которой мы ухлёстывали. У меня сохранилась фотокарточка, где мы сидим все вместе: Валька, она и я. Отличники. Стриженные под машинку, лопухие и хмурые.

– А Нежданову Риту помнишь? – спрашивает Евдокия Андреевна.

– Помню, но очень смутно.

– Тоже погибла, – вздыхает Евдокия Андреевна, – медсестрой была. В Берлине уже, после войны. Письмо подружки прислали, писали, что из какого-то дома выстрелили. Очень она уважительная была и стеснительная. Между прочим, о тебе часто вспоминала, всё интересовалась, где ты и как.

– Да? – удивляюсь я. – А я её плохо помню.

– Бывает, – понимающе улыбается Евдокия Андреевна. – Часто мимо человека проходим. Хотя, что я говорю, дети вы совсем были.

Мне становится неловко оттого, что не помню я эту девочку. Я понимаю, что хочет сказать учительница. Мы действительно часто проходим мимо настоящей любви, всё ищем её где-то, а порою и не верим, что бывает такая любовь, что, мол, всё это писатели придумывали.

– А Володя Кораблин? – спрашиваю я.

– Это военного комиссара сын?

– Да.

– Без вести пропал. С сорок третьего. Как пошёл, так в первый же месяц и пропал.

В сорок третьем. Значит, мы с ним в один год пошли. Его отец катал нас на сером, в яблоках, рысаке. Таких на лубочных картинках рисовали. Рысак этот у бандита был отобран, у знаменитого в наших краях бандита, кулацкого сына. Мы бегали смотреть, как его ловили мартовским утром на огородах. И несколько дней жили этим событием, играли в игру, где захватывали бандита, и никто не хотел быть им. Помню, когда мы с Вовкой рассказывали Фильке о том, что видели, то он плакал от обиды, что не видел этого зрелища.

– Я всё жду, когда спросишь о Филе, – вдруг говорит Евдокия Андреевна, будто прочитав мои мысли. – Не забыл своего дружка? Он здесь, в совхозе работает. Заведующий ремонтной мастерской.

– Жив Филя! – восклицаю я, поражённый. Уж и не знаю откуда, но дошёл до меня слух, что дружок мой закадычный погиб на фронте. Поэтому я и не спрашивал учительницу.

– Жив Курилка, – улыбается Евдокия Андреевна. – Сходил на войну и жив остался.

– Встретиться бы!

– Встретишься. Раз приехал – встретишься. Он тобою гордится, всем говорит, что на одной парте сидели, дружками были – водой не разольёшь. Ты у него – главная тема, как выпьет.

– Далеко он живёт?

– Да нет, в новом посёлке. У нас теперь новый посёлок есть, на берегу Песчанки. Там механизаторы живут. Квартира хорошая у него.

– Ну и как он? – с нетерпением хочу услышать я о Филе.

– Да как, – замялась было Евдокия Андреевна. – Не знаю, рассказывать ли. Да уж заикнулась – расскажу. Свой ты человек, да и в писательстве, может, пригодится.

Евдокия Андреевна вытирает рукой сухие губы, как это делают пожилые деревенские женщины, и начинает:

– На войну-то он ушёл женатым. Рано женился, в семнадцать. А когда вернулся, жена уже двойню принесла.

– О-о! Молодец Филя!

– Молодец, да не он, – с тихой горечью улыбается Евдокия Андреевна. – От другого принесла. Ну и запил он, забуянил. Убивать её собирался сколько раз. Она ко мне прибежит, бывало, ночью, трясётся вся. Мы тогда в соседях жили, тут вот они жили, через дом. А он ко мне не шёл, он меня уважает. Утром я его корю, а он упрёт глаза в землю, ровно бык, и гудит басом: «Пущай она на вас молится, Евдокия Андреевна, свечку ставит – решил бы я её вчерась». – «Посадят, говорю, дурак ты эдакий». – «Это не резон для меня. – Вот ребяташки осиротеют – жалко». – «Чего ж ты, – говорю, – бегаешь за ней с ножом, ежели так?» – «Кровную обиду нанесла», – говорит.

– А кто его жена?

– Как кто? – удивляется Евдокия Андреевна. – Разве я не сказала? Настя Черемшанова.

– Настя! – ахаю я.

– Она, она. Я вам с ней первым билеты ударников выдавала в первом классе.

Вот тебе раз! Настя – Филина жена. Рыжий конопатый Филя и строгая красавица, смуглая, как цыганка, Настя! Интересно. Впрочем, почему – интересно? Жизнь – она такая.

– До сих пор воюют или как?

– Да нет, приутих Филя. Да и годы прошли. Совместных двоих заимели. А те, двойнятки, взрослые уже. У девки-то сын уж народился недавно. И любит их Филя, как родных. Поколачивает Настю, правда, когда перепьёт. А так – ничего, живут.

Как всё же летит время! Филя уже дедушка. Во всяком случае, Настя – бабушка. Ах ты, жизнь скоротечная! Пыхнет и нету. Хорошо ещё, если она ровная, а если нет?

– А Назаровы? – вспоминаю я.

– Старший на Курской дуге в танке сгорел. А младший – инженер, в Бийске на заводе работает. А Борис-то – Герой Советского Союза.

Сгорел Борька! В детстве был слаб здоровьем, всё прихварывал, потому, видать, и читал много, и всё рассказывал нам про Робинзона Крузо, про Тиля Уленшпигеля, капитана Кука. Был выдумщик и романтик. Вставал на зорьке и спать ложился тоже рано, с курами. И всё тянуло его на свершение дел необычных. К Северному полюсу звал нас, меня и своего братишку Витьку. По пояс в снегу лазали мы за ним по сугробам, представляя, что наша экспедиция идёт по следам Роберта Скотта к Южному полюсу. А потом, после таких путешествий, он болел обязательно. А на Курской дуге вёл за собой танки капитан Назаров, Герой Советского Союза.

– А Тонких? – не совсем уверенно спрашиваю я, уж очень страшные ответы даёт наша учительница.

– Один тоже остался, – вздыхает Евдокия Андреевна. – Вадим разведчиком был. Погиб неизвестно где. А младший

учился в институте в Новокузнецке. А потом не знаю куда уехал. Родители-то их давно отсюда уехали. Ведь от родителей всё узнаёшь, где да как их дети.

И Вадим погиб. Это он пихнул меня в первый класс в тот далёкий день первого сентября. И бил однажды. Крепко бил. За то, что предал я его. Стащил Вадим в одно прекрасное утро отцовский наган, спрятал в брёвнах перед домом и похвастался мне, когда я ни свет ни заря припёрся к его младшему братишке, Толику, моему другу. Обмер я, увидев наган. А когда он сообщил, что собирается с пацанами в степь уток стрелять, я стал проситься с ним. Он сказал, что мальков не берёт. Потом мы с Толькой вдвоём просились, опять отказал. И надо же было случиться так, что именно в тот день мы с Толиком, видимо, с горя, решили научиться курить, чтобы почувствовать себя взрослыми. Надергали моху из пазов бани, залезли на чердак и засмолили. За этим восхитительным занятием и застала нас Толикина мать, когда полезла на чердак за веником. Над нами нависла более чем реальная угроза порки. Вот тут-то и ляпнул я, чтобы отвести угрозу, про наган. Тётя Лена ахнула, побелела, кинулась в дом к сундуку, где хранился мужнин наган. Через полчаса в степь ускакали несколько конных милиционеров. Вадим не успел даже выстрелить ни разу, как накрыла их милиция. Потом я носил совершенно справедливые синяки и распухшую губу.

Как-то встретил ты свой смертный час, разведчик Вадим Тонких? Где, когда? Знаю одно, сражался ты на славу. Ты с детства был храбрецом. Это ты первым кидался с моста в омут, первым лез драться на зареченских кулацких сынков и по огородам тоже лазал первым. Не было тебе равных на селе. Разве что Женька Зорин мог потягаться с тобой.

– А Зорины как? Их тоже было двое. Неужели...

– Нет. Двое и осталось. Повезло. – Евдокия Андреевна вздыхает. – Так повезло, что дальше некуда. Евгений-то вернулся контуженый, на этой почве у него стало тихое помешательство. Живёт под Новосибирском, запоматовала, как городишко называется. А младший, Витя, кажется?

– Виктор.

– Он военный, подполковник. Ракетами командует, на Дальнем Востоке где-то.

Вот как прокатился каток войны по моим друзьям и ровесникам. Женька, здоровяк Женька, страдает теперь таким недугом. Он был самым сильным из нашего класса. У меня сохранилась фотокарточка, где лежим мы в школьном саду: Борька Назаров, Женька и я. Борька – худенький, болезненный, я – с девчоночьими бровями, за которые меня дразнили, и Женька. И вот самый здоровый из нас – теперь самый больной, а другого нет совсем. Ах ты, распроклятая война!

Я сказал, что был у Заовражного, видел Олегову жену и детей.

– Олеговых? – удивилась Евдокия Андреевна. – Нет, он в Томске живёт и дети его там. У него двое, мальчик и девочка.

– Я их видел.

– Нет, – улыбается Евдокия Андреевна. – Это самого Семёна Антоновича дети.

– Семёна Антоновича? – удивляюсь я и мысленно представляю себе седого ещё в моём детстве доктора.

– Самого. У него другая жена.

– А Мария Павловна?

– Померла. Давно уже. Прямо на огороде и померла, лук полола. Семён Антонович один совсем остался, ну, а пожилому мужчине обиход нужен. Да не только пожилому, – тихая улыбка касается губ учительницы. – Куда вы без нас? Нанял домработницу он, а потом на ней женился. И дети от неё. А Олег знаешь на ком женат?

– На ком?

– На Лёле Трусовой.

– Да что вы говорите!

– Да.

Ну надо же! Филька на Насте женат, а Олег на Лёле. Тогда, в далёком детстве, таскал я записки к Лёле от Витьки Карташова, самого красивого, на мой взгляд, паренька в школе. Кра-

сота его заключалась в том, что у него была сильно разрезана нижняя губа и срослась она неправильно, бугром. И это придавало ему мужественный вид и что-то такое таинственное. Мне очень хотелось тогда, чтобы и у меня была расплоскована губа. Лёля училась в пятом классе тогда, Витька в шестом, Олег тоже в пятом, а я в третьем. И от Лёли к Витьке я тоже таскал записки. Их дразнили – жених и невеста. А вот теперь Лёля за Олегом.

Мы долго молчим. За окном меркнет день. Солнце низко, блестит на огороде обрызнутая дождичком картофельная ботва, по которой шастает пёс-телок.

– Я всё спросить хочу, – нарушает молчание Евдокия Андреевна, – почему ты писателем стал?

– Не знаю, – пожимаю плечами я.

Я ответил правду. До сих пор, действительно, не знаю, почему меня потянуло на эту стезю, совсем не усыпанную розами. Свернул на неё и теперь никак не могу выбраться, и давно заметил, что по-настоящему счастлив был тогда, когда не был писателем, когда жил нормальной человеческой жизнью. Иной человек может сказать на это: «Ну, загнул!» Нет! Если к литературе относиться честно и серьёзно, если не смотреть на неё как на средство материального обеспечения и удовлетворения тщеславия – то я прав. Это – без преувеличения – каторжный труд, постоянное неудовлетворение сделанным, постоянная забота о том, что надо сделать, постоянное нервное напряжение, отсутствие душевного спокойствия, отсутствие отдыха – всё это накладывает определённый отпечаток на писателя. Правда, по первости, когда я начал печататься, было лестно, что на меня показывают глазами и за спиной шепчут: «Писатель», что в газетах и журналах появляется моя фамилия. Но потом всё это стало обычным.

– Тут спор о книжке твоей, кто хвалит, кто ругает. Наврал, говорят, много. Отца не убили тогда, а пишешь, что убили. Мать у тебя была, а в книге – ты сирота. Старики говорят, что и покос не на том месте описал.

– Я ведь дух времени хотел сохранить, Евдокия Андреевна, а не документальную точность.

– Я-то понимаю, а вот другие недовольны.

– Всегда найдётся кто-то недовольный. Такая уж судьба писателя.

Казалось бы – чего проще, возвращайся к прежней специальности, будешь счастлив, спокоен, твёрдый заработок обеспечен. Ан нет! Сочинительство, как алкоголь, раз начнёшь – уж не бросишь.

Евдокия Андреевна успела сообщить мне о том, что есть теперь у них музей истории села, и в том музее выставлены мои книги. Может, ради этого не стоит бросать писать. Ну, а если говорить серьёзно, то я рад, что внёс свою лепту в познание истории села, описал события тридцатых годов, рассказал об односельчанах.

Ещё долго говорим мы с Евдокией Андреевной, многое вспоминаем: и как я с Филей вытащил её из колодца, куда бросили её ночью кулаки, и как она меня привела домой с разбитым лицом, когда кулацкие сынки били меня за пионерский галстук. Было что вспомнить нам о том сложном и трудном времени.

Свечерело, когда пошёл я проведать Заовражного, пообещав Евдокии Андреевне вернуться ночевать.

Седой, с буденовскими усами здоровяк-старик встретил меня улыбкой.

– А я уже знаю, что ты по селу ходишь, тут тебя уже признали.

Я удивился, кто мог меня признать, если сама учительница не узнала сразу.

– Есть, есть кому признать, – увильнул от ответа доктор. – Ну-ка, покажись, покажись. Вот какой стал, в отца попёр. Ну, и мне обязан. Помнишь операцию?

– Помню.

– То-то. Кланяйся в ножки.

Я полушутя-полусерьёзно поклонился.

– Ну-ну, – сконфузился Семён Антонович. – Отец-то как? Мать?

– Отец умер, мать жива.

– Помер! Ах ты! Отчего помер?

– После операции, перитонит.

– Жаль, жаль, видный был мужчина. Здоров был твой отец. Когда мышьяком его отравили, я ведь отваживался с ним, помнишь?

Ещё бы! Я сам тогда купил ту муку в сельпо и принёс домой. Мать напекла пышек, и отец наелся первым и тут же упал со стула и катался по полу с пеной на губах. Но железный организм его выдюжил.

– Сколько ему было?

– Шестьдесят.

– У-у, какой молодой! Это я на шестнадцать лет его старше. Молод, молод убрался. Жаль, очень жаль. Как он тут кулачишек шерстил, до сих пор помнят. Идёт, бывало, стройный, как тополь. Орёл! А сколько тебе?

Я ответил.

– Выходит, ты теперь старше, чем он тогда был.

Это меня поразило. Я старше отца! Странно сознавать это. Отец был человеком судьбы необычной. А может быть, обычной, но в необычное время, как говорил Гайдар. Безграмотный парень из глухой алтайской деревни, стал он солдатом царской армии в Первую мировую войну. Был продан во Францию за снаряды, должен был вместе с другими тысячами русских солдат защищать интересы французских капиталистов. Когда солдаты узнали о Февральской революции на родине – подняли бунт, потребовали отправить их в Россию. Бунт подавили, и отец стал каторжником в Алжире. Бежал из концлагеря через Грецию, Македонию, Сербию, Румынию, Бессарабию. На родине сразу же стал красноармейцем. На Кавказе подхватил он малярию, был уволен по здоровью. Вернулся к себе в деревню, батрачил на кулаков. Был мобилизован Колчаком, симулировал припадочную болезнь и агитировал за Советскую

власть, за это был приговорён к расстрелу. Бежал за час до казни. Снова воевал. В деревню вернулся большевиком. Первый большевик в деревне. Потом партийный работник. Здесь, в моём селе, был секретарем райкома партии. Умер трагически. После сложной операции по ошибке влили ему кровь другой группы. Медсестра, которая это сделала, приходила к нам с матерью, молила не подавать в суд, у неё трое детей. Не подали. Когда писал книгу об отце, перебирал его документы и не переставал удивляться необычности судьбы и в то же время обыкновенности её. Ибо такой путь прошли миллионы, благодаря революции. Сколько их, таких отцов наших! Поклоним до земли.

– А как Олег? – спрашиваю я.

– Олег! Работает в Томске на военном заводе. А Лёлю его разнесло – в машину не влезает. «Волга» у них. Бомба баба стала.

Она была такая тоненькая, стройная девочка, такая нежная. Я никак не могу представить себе, что её «разнесло».

– А мы ведь с Олегом на фронте встретились, – вдруг говорит Семён Антонович.

– Да?!

– Да, – улыбается Семён Антонович. – Я в санбате хирургом был, а он батареей командовал. Капитан. Мне его резать пришлось, пулю из лёгкого вынимать. Бои сильнейшие за Кенигсберг были. Раненые конвейером на стол шли. Перекурить некогда было. Кладут на стол, говорят, капитан. А мне всё равно: капитан, генерал, рядовой. Лицо простынею закрыто, пуля в лёгком. Ранение плохое, рядом с сердцем, много крови потеряно. Посмотрел, подумал: плохо твоё дело, парень. Из ранки кровавые пузырьки идут. Ну, думаю, держись, капитан! Семь атак, говорят, танковых отбил, отобьёшь ли её, старую, с косой? А может, и не думал так, это сейчас кажется. А тогда некогда размышлять было. В общем, сделал сечение, достал пулю, всё сделал как надо. Не особенно чисто, условия не те, но сделал. Торопился: двое уже лежали на очереди, пока я его закан-

чивал. Убирать стали, простыня с лица соскользнула, глянул я – и ноги подкосились. Олег! До сих пор содрогаюсь. Тысячи раненых прошли через руки, а тут! Не знаю, сделал бы я операцию, если бы знал, что это он. Сейчас вот думаю, сделал бы, выхода не было. Обычно своим родственникам хирурги не делают, всё равно что себя резать. Да-а, но на этом не кончилось дело. Только принялся за другого, как доложили: капитан умирает! Кровь нужна. Кинулись, а крови такой группы нету, вся кончилась. Сам лёг. Одна у нас с ним группа, – улыбка трогает усы Семёна Антоновича. – Отдал сразу поллитра. Выжил, чертяка. Сейчас каждый раз выслушиваю его, как приезжает. Ничего, здоровый мужик.

Семён Антонович смотрит куда-то вдаль, и улыбка медленно сходит с его лица.

– Только до сих пор покоя не найду.

– Да чего уж теперь-то, – удивляюсь я, – живёт ведь.

– Он-то живёт. А тот, другой, помер. Которого я должен был зашивать. Пока я с Олегом возился, умер тот лейтенант. Вот и мучает совесть: сына кинулся спасать, а чужого бросил. С другой стороны, Олег бы умер. Вот и разберись. Тут как раз для вас, писателей, проблема.

Я промолчал. Может, тот лейтенант был моим двоюродным братом, он погиб под Кенигсбергом.

Мы сидим на крыльце. Догорает заря, на селе тихо. Вплотную подступила ночь. В такие минуты хорошо думается. Человек молчит в такие минуты, что-то происходит в его душе при виде заката, может быть, это отголоски тех времён, когда у человека не было огня и он боялся наступления ночи, тьмы.

Семён Антонович курит, огонёк тоненькой папироски освещает его пышные усы, и они из седых становятся медными. Задумчиво смотрит на последнюю полоску зари, говорит:

– Я вот думаю всё. Пуля та, которую вытащил из него...

Не договорив, он встаёт и идёт в дом, возвращается с коробочкой из-под пудры, зажигает лампочку на крыльце. Открыв коробочку, показывает. В ней на ватке лежит маленький ком-

чек свинца, бурый, вроде заржавленный. Я не сразу догадываюсь, что это не ржавчина, это – кровь Олега.

– Вот я всё думаю, – продолжает Семён Антонович, – пуля эта убила бы с ним и меня, и Лёлю, и детей бы его, хотя их и на свете не было ещё.

Глядит сквозь меня куда-то.

– Не было бы их, детей его. А от них ещё дети пойдут.

Он вертит пулю в пальцах.

– Вот этот комочек убил бы весь наш род, на все поколения вперёд. Понимаешь! Весь род. С лица земли бы свёл! А!?

Строго глядит на меня.

Меня поражает эта мысль. Мне как-то ни разу не приходило в голову такое. Весь род Заовражных на сотни поколений вперёд! И не только Заовражных. Убили бы тех детей, которых ещё и нет в помине, и мы их не знаем и знать не будем, не доживём. А они уже были бы убиты двадцать три года назад под Кенигсбергом. Меня продурает мороз по спине, когда я до конца осознаю значение этой пули, когда в таком вот обнажённо ясном смысле предстаёт передо мной война. А сейчас?! И сейчас где-то на складах, в обоймах, в дисках мирно лежат пули и ждут своего часа.

– А ты где воевал? – спрашивает Семён Антонович.

– На Севере.

– Мм-м, на Севере там – не малина, – задумчиво говорит Семён Антонович.

– А где она, малина, была?

– Оно конечно, война везде – не мёд.

Уже совсем темно, лампочка светит на крыльце, на неё летят мотыльки и, обжигая крылья, падают.

Мы прощаемся. Я иду мимо школьного сада. Ветер гудит в тополях, и сыплется пух, сыплется, как снег, покрывает землю. Снег, снег, тополиный снег. Метёт позёмка, замечает моё детство.

Рекомендуем почитать

Соболев, А. П. Тополиный снег : [повести и рассказы] / ил. Ю. Синчилина. – Калининград : Калинингр. кн. изд-во, 1970. – 255 с. : ил – Из содерж.: Ночная радуга ; Вася-Василек : (фрагмент) ; Тихий пост : повести.

Соболев, А. П. Грозовая степь : повести. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1990. – 460, [2] с. : ил.

Соболев, А. П. Искупление вины : повесть / Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова ; Администрация Смолен. р-на Алт. края. – Барнаул : Азбука, 2005. – 120 с. : портр, [4] л. фото.

Соболев, А. П. Рассказы о Данилке : рассказы / предисл. В. Астафьева, М. Муха ; оформ. А. Карпова. – Барнаул : Алт. дом. печати, 2011. – 270, [2] с. : ил, портр.

(р. 08.08.1963)

Родилась в с. Клепечиха Поспелихинского района Алтайского края. Окончила Барнаульский педагогический университет. Живёт в г. Рубцовске, работает в системе дошкольного образования.

Почётный работник общего образования Российской Федерации, автор ряда методических статей и разработок, имеет публикации в педагогических изданиях.

Руководила литературным объединением «Старт» г. Рубцовска. Публиковалась в местной периодической печати, журналах «Алтай», «Барнаул», «Культура Алтайского края», коллективных сборниках.

Победитель краевого конкурса на издание литературных произведений в номинации «Литература для детей и юношества» (2011, книга «Большие тайны маленьких людей»).

Член Союза Писателей России с 2012 г.

ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ

М

Мы с папой пускали воздушного змея.
Он в небо просился: «Скорее! Скорее!»
Мотал в нетерпенье бумажным хвостом,
До самого солнца взлетел он потом!

Мы с папой смеялись и следом бежали,
И нашему змею руками махали.
А я всё боялся, что нить оборвётся,
И змей улетит, и ко мне не вернётся!

Притихшего змея несём мы домой...
Когда же у папы опять выходной?

РЫБЁНОК

Знаешь, кто такой рыбёнок?
В речке он живёт с пелёнок,
Смело плавает один,
Ведь рыбёнок – рыбкин сын!

ВСТРЕЧА С АЛТАЕМ

Здравствуйте, горы!
Вот вы какие –
гордые
края земли часовые.
Скалы-ступени –
в небо дорога,
В камне застыла
музыка Бога.
Там, на вершинах,
чей возраст – века,
ветер-погонщик
пасёт облака

СТИХИ ДЛЯ МАМОЧКИ

Разве без солнышка розы цветут?
Разве без мамочки детки растут?
С мамой любая игра веселей!
С мамой – и хмурое утро светлей.
Мама меня понимает всегда!
С ней не страшна никакая беда.
Если я ей по хозяйству помог, скажет она:
«Молодчина, сынок!»
Если не слушаюсь – чуть погрустит,
чуть поругает, а после – простит.
Вместе смеёмся, гуляем, поём,
вместе с работы мы папочку ждём.
Счастлива дружная наша семья!
Солнышко в ней – это мама моя!

ТАЙНА

Если мне доверят тайну –
Никому не разболтаю!
Разве только Кате с Ленкой
Расскажу на переменке.

Брату Сашке расскажу,
Юле – я ведь с ней дружу!
Кошке, папе своему,
Ну, а больше НИ-КО-МУ!

Можно мне доверить тайну –
Ни за что не разболтаю!

СИБИРСКАЯ ЗИМА

Кажется, воздух
насквозь проморожен.
Город застыл
в ожиданьи весны.
Мёрзнут осинки и клёны –
но всё же
Видят зелёные тёплые сны...
Нынче зима
разгулялась с размахом!
Птицы в морозы молчат,
не поют.
Лишь воробьишка –
бесстрашная птаха! –
Звонко чирикает:
– Солнцу – салют!

СТРАШНАЯ ИСТОРИЯ

Был огород недавно вспахан,
И вдруг... ЕЁ увидел я!
Я закричал, дрожа от страха:
– Ой, мама, мамочка! Змея!
Но мама рассмеялась звонко:
– Чего боишься ты, чудак?
Что раскричался, как девчонка?
Здесь дождевой ползёт червяк!
Нахмурил брови я упрямо,
Обиду в сердце затая:
Моя змея – червяк для мамы,
Но для меня червяк – змея!

ЛЕТНЯЯ МЕТЕЛЬ

По квартире снег летает,
Юля в валенках идёт...
Мама двери открывает
И с порога не поймёт,
Для чего достали санки,
Что за перья на ковре,
Почему в ушанке Санька,
Если лето на дворе?!
– Мы потом бы все убрали
И заправили постель.
Просто в зиму мы играли,
А зимой была метель...

МАРТ

Ярок ослепляюще
В марте солнца луч.
Ветер пролетающий
Всё ещё колюч,

Но в полях проталины
Увидали мы –
Тёмные подпалины
На боках зимы.

ЗИМНЯЯ КАРТИНКА

Белый снег – листом бумаги.
За окном – два снегиря,
как игрушечные флаги,
как подарки января!

А сорока им стрекочет:
– Эй, кто смелый – все за мной!
Мы свои оставим строчки
в зимней книжке записной!

РАЗГОВОР ЛЯГУШЕК

Ива склонённая
В озеро сонное
Жёлтые лодочки листьев бросает.

Шепчет лягушка
Подружке на ушко:
– Ква-жется, осень уже наступает!

Прыгнем на дно и уснём до весны,
Будут нам сниться зелёные сны!

ФЕВРАЛЬ-ОБМАНЩИК

Обрадовал теплом
Февраль,
Да обманул потом.
Вот враль!

Рекомендуем почитать

Такмакова, О. В. Акварели : стихи / [предисл. В. Коржова]. – Барнаул : [б. и.], 2010 (Корвус). – 78, [1] с. – (Городская библиотека ; вып. 29).

Такмакова, О. В. Большие тайны маленьких людей : стихи для малышей и взрослых / предисл. А. Зуева ; худож. О. Матушкина. – Барнаул : Алт. дом печати, 2011. – 95 с. : ил.

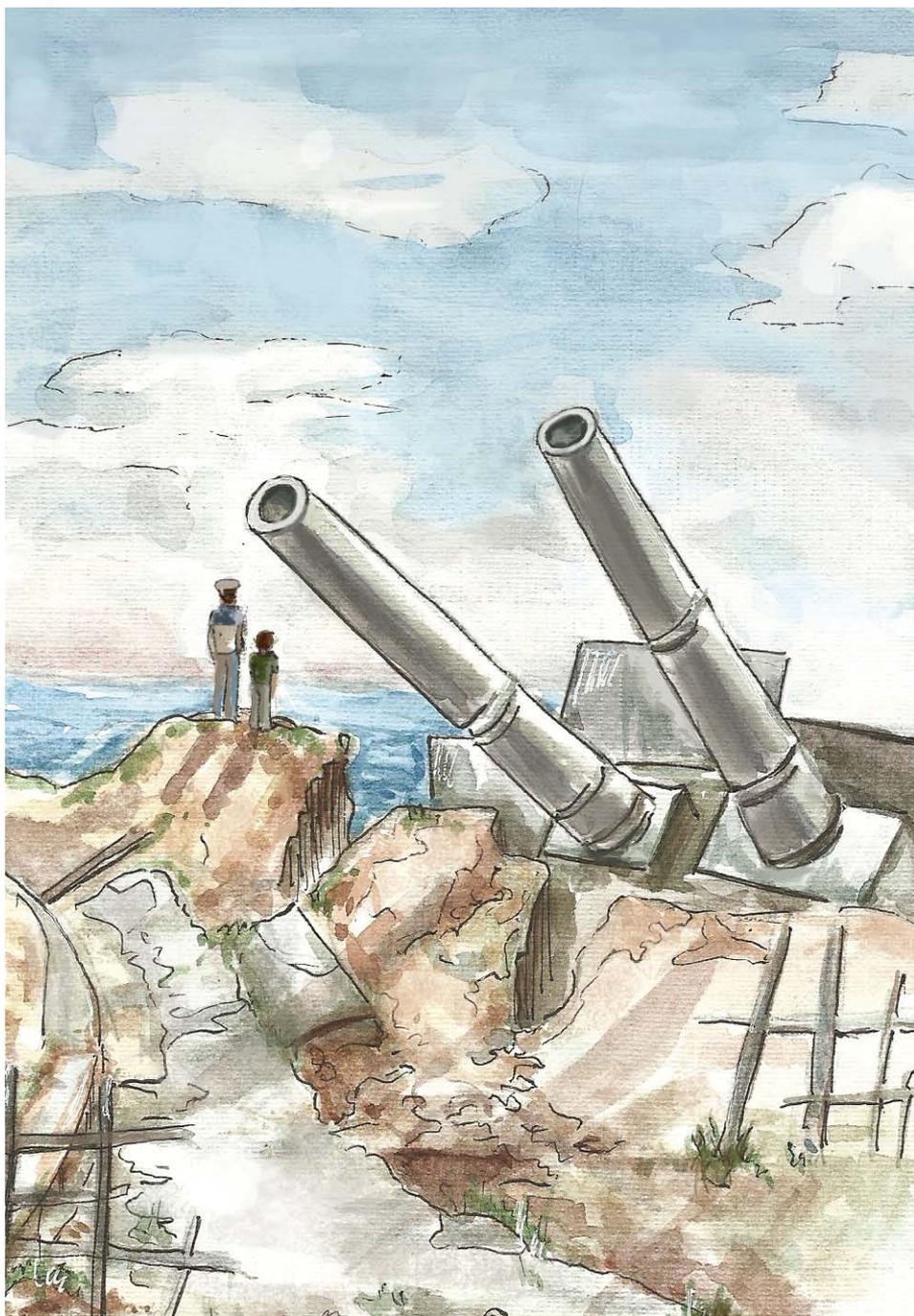

Тарасова
Юстасия

(р. 01.04.1975)

Родилась в Барнауле в семье военнослужащего и учительницы. Училась в школах № 22 г. Барнаула, № 6 г. Рубцовска, в санаторных школах г. Евпатории. Окончила филологический факультет Алтайского государственного университета.

Победитель международного литературного конкурса «Сказки волшебного лотоса» в номинации «Родина – слово большое, большое» (2015). Победитель краевого конкурса на издание литературных произведений в номинации «Литература для детей и юношества» (2009, книга «Егорка и Змей Добрыныч»; 2016, книга «Просыпаемся мы»).

ПРОСЫПАЕМСЯ МЫ

Саньке снились странные сны. Не страшные, а именно странные. Тягучие и липкие, как карамель. Проснувшись, Санька весь день не мог избавиться от чувства неясной тревоги. Но что именно тревожило, почему – он не понимал. Даже сквозь сон Санька чувствовал, что эти сны какие-то не такие. Но что в них было не так, объяснить невозможно. Сны были простые и однообразные: вода, много воды и человек в грязной одежде. Человек смутно напоминал кого-то, но кого – Санька никак не мог вспомнить. С каждым разом сон становился чуть длиннее, открывая Саньке новые подробности. Как кино с продолжением. Однажды Санька понял – это море. Вода без берегов. В другом сне догадался, что замызганная одежда на человеке, который ему снился, – это военная форма. Потом разглядел, что закопчённое, усталое лицо вовсе не старое – боец улыбнулся, и Санька увидел, что это совсем ещё молодой парень. Просто помещение, в котором он находился, очень тускло освещено, а сам парень измучен.

Саньку беспокоило, что с ним творятся такие непонятные дела. Но сны были завораживающе сильные, и Санька с нетерпением ждал, что ему покажут в следующий раз. А потом он услышал. Боец – тот, во сне, позвал его: «Саня!» Шёпотом, тихо-тихо, одними губами: «Саня, помоги!» Санька подскочил

на кровати. Сердце бешено колотилось. Человек там, во сне, обращался к Саньке, звал его по имени. «Откуда он знает, как меня зовут?» – лихорадочно соображал Санька. – «Бред какой-то!» Санька принял ледяной душ, растёрся жёстким полотенцем, поел. Но и после завтрака тоненькая иголочка покалывала Санькину душу. Было жутковато – а вдруг он сошёл с ума? И никому ведь не расскажешь. И в то же время нестерпимо хотелось помочь. Просит человек, именно его просит. Ну и что, что из сна. Просит ведь!

На улице Саньку окликнул одноклассник: «Сань!», – а он на секунду увидел того человека из сна. Санька моргнул. Нет, это Лёнька Бобров его зовёт. Физику списать просит. Боброву не откажешь, он каратист.

По вечерам Санька стал торопиться доделать уроки, чтобы быстрее лечь спать. Мать радовалась, а он волновался: увидит сегодня или нет?

Потом они познакомились. Боец улыбнулся и сказал: «Здравствуй, Саня!» «А вы... кто?» – набрался смелости Санька. Парень вроде удивился чему-то, а потом ответил: «А я – Ваня». «Какой Ваня?» – опешил Санька. «Иванов. Оба мы с тобой Ивановы». Он сказал это так грустно, что Саньке стало не по себе. Он проснулся на рассвете и долго ждал, пока встанет мать. На кухне, как бы между прочим, Санька спросил: – Мам, а у нас в семье есть Ваня?

– Какой Ваня? – не поняла мать. Она опаздывала на работу, а яичница, как назло, подгорела.

– Иванов, – промямлил Санька, чувствуя себя полным дураком.

– Нет, – отрезала мать.

– Может, ты его не знаешь? – настаивал Санька.

– Если я его не знаю, значит, он не из нашей семьи. В своей семье я, слава богу, всех знаю!

Мама даже немного обиделась и ушла на работу хмурая.

А Санька пошёл в школу. Там о снах размышлять некогда. В школе у Саньки одна мысль: «Как дожить до конца уроков?» Школа как минное поле, на секунду внимание ослабишь

и нарвёшься на неприятности. То физичка, то математичка, то немка, то Бобров с компанией порядки свои навязывает, то девчонки друг против друга интриги плетут. Конечно, есть такие люди, которым по фигу и физичка, и Бобров, и интриги. Вон, Вовка-ботан живёт себе в своём параллельном мире, как будто его нет в классе, и класса для него нет. А Санька так не умеет. Саньке приходится приспособливаться. Все силы на это уходят. Поэтому после школы он отлёживается, а мать это бесит. Она думает, что он бездельничает.

Но сегодня мать довольна и лежание на диване ему прощает. Сегодня пятница, завтра выходные начнутся и можно пока не думать о понедельник. Мать гремит у плиты и напевает, а это значит, она в самом лучшем своём настроении. Наверное, на работе хвалили. «Сань!» – кричит мама из кухни. – «Сань, слышь, что скажу!» Приходится вставать и плестись в кухню. «Санечка!» – это она явно подлизывается. – «А ты чего утром спрашивал про какого-то Иванова? В школе задали?» Санька кивает. Ну, не объяснять же. «Сань, а ты бы у бабушки спросил, а?» – предлагает мать. – «Заодно варенье принесёшь из погреба. Я тесто поставила на пирожки». Санька вздыхает и идёт обуваться.

На лестнице он сталкивается с отцом, тот возвращается с работы.

- О, Санёк, а ты куда?
- К бабушке, – буркает Санька.
- Меня подожди. Вместе пойдём.

Отец не просит, он приказывает. Приходится ждать. Отец выходит в полной боевой готовности – с ведром, в котором лежат сетки-авоськи и тряпичные варежки. Санька ненавидит эти хозяйственные походы. Не дай бог одноклассники увидят, засмеют ведь.

- Молодчина, Санёк, что бабуле помочь собрался, – похвалил отец. – Сейчас мы с тобой в четыре руки быстренько.
- Чего в четыре руки?
- Погреб почистим. Один я бы не справился. А так мы с тобой живо там порядок наведём.
- Может, завтра? – уныло тянет Санька.

– Завтра нельзя. Бабуле ждать надоест, она сама полезет порядок наводить. А в её возрасте это уже опасно.

Дошли до бабушкиного дома. Как Санька и опасался, во дворе сидела компания из его школы. Нет, ну до чего обидно. Мало того, что у его семьи нет ничего такого, чем можно гордиться – ни джипа, ни шмоток, так ещё и в дурацкие ситуации попадает постоянно. Вот сейчас, с этим оцинкованным ведром и отцом, который даже от мазута не отмылся после работы, Санька становился посмешищем всего класса и чувствовал это. А ведь ему ещё погреб чистить у них на глазах. Может, у бабушки отсидеться? Сделать вид, что ему плохо стало? Санька зашёл в подъезд с твёрдым намерением спрятаться за стенами бабушкиной квартиры.

Бабушка как всегда кинулась обниматься и причитать, как быстро дети растут. А чего он там вырос за два дня? Она же к ним позавчера приходила. Угощать начала, как обычно. Но отец отказался: «Потом, когда из погреба вернёмся. А то после чая в погреб лезть тяжелее». Ну вот, пора. Санька только начал вполне правдоподобно зеленеть и сползать по стенке, как в дверь позвонили. Вовка ввалился в крошечный коридорчик и жизнерадостно загорланил:

– А я смотрю – ты идёшь. В погреб, что ли? Ну, пошли, помогу.

Санька делал ему знаки глазами, выталкивал на площадку, но Вовка не замечал. Наконец Санька выдавил: – Там наши тусуются.

– Кто? – не понял Вовка.

– Ну, Бобров там, Снежкова...

Вовка искренне удивился. – Да какие же они наши? Верховный гоблин со товарищи. Пошли давай! Варенья-то дашь попробовать?

Саньке пришлось пойти. Он старался не выглядывать из погреба, делать всю работу внутри, а Вовка пусть бегаёт с ведром на помойку, если ему так хочется. Отец был доволен и всё повторял, какой у него помощник вырос. Санька морщился, но в глубине души ему было приятно.

Наконец уборка закончилась, они набрали банок с вареньями и соленьями и пошли к бабушке. Она усадила их пить чай за уже накрытый стол и расспрашивала отца, всё ли в порядке в погребе. Саньку это всегда коробило. Что за мелочные интересы у родителей, всё какое-то бытовое, некрасивое. Полное отсутствие романтики. Он дождался паузы в разговоре и спросил:

– Ба, ты не знаешь, у нас в семье есть Ваня?

– Какой Ваня? – вздрогнула бабушка.

– Да хоть какой-нибудь. Иванов, – пожал плечами Санька.

Бабушка побелела. Руки её задрожали, и чашка стала выбивать дробь о блюдце.

– Мам, ты чего? – испугался отец. – Валидолу?

Бабушка не отрывала взгляд от Саньки, который уже и сам был не рад, что спросил. Он понял, что Ваня у них в семье есть. И что с этим связана какая-то история. И он, Санька, эту историю нечаянно напомнил. И теперь придётся самому её узнать. А он прекрасно жил себе, не зная никаких тёмных историй. И кто его только за язык тянул!

– Саша, а почему ты спрашиваешь? – Бабушка смотрела, как будто она увидела привидение.

– Так, просто. Интересно стало, есть ли у нас в родне Ваня Иванов, – ответил Санька, не поднимая глаз.

– Ты что-то о нём знаешь? – бабушка замерла.

– Ну... – Санька замялся. Про сны рассказать – засмеют.

– Нет. Значит, нет у нас в семье Вани Иванова? – наигранно спросил он.

– Нет. Уже, – прошептала бабушка.

– А был? – удивился отец. – Что-то я не знаю такого.

– Был. – Бабушка с усилием произнесла. – Твой дед.

Отец присвистнул.

– Вот-те на-те! всю жизнь жил, а оказывается, деда своего не знаю. – Отец выглядел до того обескураженным, что Саньке стало его жалко. – Это по отцовской что ли линии? А Пётр Данилович мне тогда кто?

– Дед, – выдохнула бабушка. – Но он на твоей бабушке женился, когда твой папа уже в школу пошёл. Он твой дед, он тебя вырастил. Он даже фамилию бабушкину взял.

Вовка ёрзал за столом. Неловко оказаться в эпицентре семейного землетрясения, а похоже к этому всё идёт. Вовка встал. – Пойду я. Мне алгебру ещё делать.

Санька был рад, что он ушёл. Разговор получался непростой. Бабушка волновалась так, словно Санька спрашивал о страшной тайне. А в чём тайна-то? Мало ли кого отчимы вырастили. Да половину человечества.

– Мам, а ты его помнишь? – спросил отец.

– Ну как я могу его помнить? Он на войну ушёл, когда твоему отцу три месяца было. А мы с папой познакомились в институте.

– Дед... погиб? – отец достал таблетку валидола и для себя.

– Пропал. Жена ждала. А потом перестала о нём говорить, чтобы прошлое не ворошить. Чего ребёнку лишний раз напоминать такое. – Бабушка заплакала. – Саша, откуда ты о нём узнал? Скажи нам, что с ним случилось?

Санька растерялся. Взрослые почему-то считают, что ему известно больше, чем им. Но он сам впервые слышит об этом Ване. Прадедуске Ване. Как то есть прадедуске?! Боец из снов был совсем молодой, лет двадцати. Чушь какая!

– Ба, а фотография его есть у тебя?

Бабушка растерянно посмотрела на шкафы.

– Не знаю, Сашенька. Я поищу.

Чай допили молча.

По дороге домой Санька нёс авоськи, и его совсем не волновало, как посмотрят на него знакомые. Тяжёлые сетки с банками варенья врезались в ладони плетёными ручками, но Санька этого не замечал. Понять бы, что с ним происходит? Что-то странное вошло в его жизнь с этими снами. И это странное стало управлять его жизнью. Санька был и напуган, и заинтересован. Хотелось скорее уснуть, чтобы спросить у человека из сна, тот ли он Ваня, о котором говорила бабушка. Дома Санька быстро переоделся и нырнул в постель.

– Саня, – мать заглянула в комнату. – Ты не заболел? Ужинать будешь?

– У-у, – промычал Санька и укрылся с головой.

Мать осторожно прикрыла дверь, и Санька услышал, как она звякает чем-то в кухне. Отца кормит. Санька зажмурил глаза, но сон не шёл. Он слышал, как разговаривали родители, как голосил телевизор, как наступила тишина, которую изредка нарушал скрип пола. Отец курить ходил. Тоже уснуть не может. «Да уж, уснёшь тут, когда бог знает что происходит», – подумал Санька и провалился в сон.

Сегодня вода золотилась на солнце, скала нависала над морем, и люди, – Санька впервые заметил, что кроме Вани здесь ещё очень много людей, – напряжённо вглядывались в горизонт. Санька услышал, как едва слышно Ваня произнёс: «Транспорт ждут». «Какой транспорт?» – не понял Санька. «Известно, какой», – Ваня усмехнулся. – «Домой хотят. Жить хотят». «А ты?» – испугался Санька. «И я хочу. Ой, Саня, так жить хочется!» – Ваня криво усмехнулся. Саньке стало страшно. Он поспешно спросил: «Ваня... Иван, а ты мой прадед?» – и сам смутился глупости сказанного. Ваня кивнул. «Выходит, Саня, что так». Вдруг заухало, загрохотало. «Где ты?» – прокричал Санька. – «Как тебе помочь?». Небо потемнело, уши резал противный звук скрежещущих по скале пуль. Совсем рядом. Страшно близко. «Где ж мне быть?» – удивился Ваня. – «На тридцать пятой. Найди...» Всё завывало, потом смолкло. Санька видел, как коршунами налетают самолёты, как краснеет вода в море, как Ваня, не обращая на него внимания, тащит на себе куда-то вниз раненого солдата. Но всё это происходило уже в абсолютной, звенящей тишине.

Санька проснулся от того, что мать трясла его за плечо. Он сел на кровати. Мама раскрывала рот, но слов не было слышно. Появился в дверях отец, покачал головой. Мать трогала Санькин лоб, смотрела его горло, плакала. И всё это – беззвучно. Отец положил на кровать Санькины вещи, и Санька понял, что надо одеваться. Он оделся, родители вывели его из

квартиры за ручку, как маленького и повезли куда-то. В больницу. Заспанная тётка-врач что-то записывала с маминых слов. Саньке подумалось, что его жизнь стала похожа на телевизор с выключенным звуком. Больничная тётка всполошилась, побежала куда-то и вернулась с высоким грузным и тоже заспанным врачом. «Чего это они все тут сонные?» – удивился Санька и посмотрел в окно. Чернота. Значит ещё ночь. Зачем его привезли? Он позволял себя сгибать, ощупывать, стучать молоточком, слушать пульс. Врач заинтересованно разглядывал его, как редкое животное. Санька послушно выпил жидкость в стаканчике, не почувствовал ни вкуса, ни запаха. Врач звонил по телефону и, наверное, зачитывал кому-то записи дежурной тётки о нём, Саньке. Ну и пусть. Пусть делают, что хотят. Саньке всё равно. Он улёгся на кушетку досмотреть сон и закрыл глаза. Сна не было. Была холодная пустая темнота. Санька очнулся от того, что его снова тормозили. Теперь врачей было много, полная комната. Мать плакала, отец сидел бледный и держал её за руку. Саньку снова крутили, вертели, смотрели язык, стучали по коленкам, и всё это вызывало у врачей непонятную радость. Санька покорно, как марионетка, выполнял их просьбы. Сначала он не мог понять, чего от него хотят, но потом пожилой задумчивый врач стал писать ему записочки, и Санька выполнял написанное. Саньке понравился этот доктор. Он вызывал доверие. То ли своей сединой, то ли спокойными умными глазами, то ли чем-то ещё, что невозможно уловить, но врач Саньку успокаивал одним своим присутствием. Врач написал вопрос: «Что Вы слышите?» Санька написал ответ: «Ничего». «Совсем ничего?» – «Тишину», – подтвердил Санька. Врач покивал и пошёл разговаривать с родителями. Мама написала Саньке записку: «Тебя кладут в больницу. Мы придём утром. Любим тебя. Держись!» Санька кивнул. Родители ушли. Саньку отвели в отделение, дали пижаму и уложили спать. Утром его подняли, мерили температуру, брали анализы, обследовали на каких-то аппаратах. Приходили врачи, чаще всех заходил седой задумчивый доктор, с которым он переписывался. Санька

безропотно и безразлично всё выполнял, надеясь скорее лечь спать. Спать хотелось невыносимо. Но снов больше не было. Санька проваливался в чёрную пропасть, отключался. Не было ни моря, ни Вани, ничего.

Потом вернулся звук. Резко, так что по ушам резануло. На Саньку вдруг обрушились разговоры соседей, шум телевизора, лязг и голоса из коридора. Он зажал уши руками и застонал. Мальчишка с соседней койки выскочил в коридор и заорал: «Он слышит! Он слышит!» В палату снова набилось полно народу, теперь кроме врачей здесь были ещё и любопытные больные из других палат. Санька занырнул под одеяло. Пришёл седой доктор и всех разогнал по палатам, а Саньку отвёл в ординаторскую.

– Да, напугали Вы нас, молодой человек.

– Я сам напугался, – буркнул Санька и впервые почувствовал, что произошло что-то непонятное, и это и вправду было страшно.

– Редкое явление. Контузия. Как это вас угораздило?

– Контузия? – не поверил Санька.

– Представьте себе. Редкий случай. Поделитесь опытом.

Санька молчал. Рассказать, что война приснилась и его оглушила? В дурдом отправят. Соврать? А что тут придумаешь? И зачем?

– Я не знаю, как это вышло, – выдавил наконец Санька.

Врач понимающе улыбнулся. – Значит, не знаете? Ну-ну. Что ж, идите в палату, Вам нужно больше отдыхать.

Родителям разрешили навещать его в палате, и Саньке казалось, что мама тут живёт. Она всё время хлопотала и щебетала, пытаясь его отвлечь от переживаний, как она думала. А ему хотелось тишины. Но в больнице тишины не бывает. Потом он сообразил попросить принести ему телефон и наушники и отгородился от посторонних звуков. Необходимо было подумать, вспомнить, что ему снилось перед тишиной. И он вспомнил. Ваня на какой-то тридцать пятой. Что это за тридцать пятая? Где она? Ваня сказал: «Найди». Как найти, не зная ничего, кроме номера? Что это может быть? Воинская часть? Высота? Километры? Нет, тогда было бы «на тридцать пятом». А он точно помнит, речь

о тридцать пятой, о ней. Кто она? Вернее, что она? Где она? Как узнать? И тут же в голове мелькнуло: «Вовка! Вовка должен знать! Он же военной историей болел». Санька набрал номер.

– Привет! – сказал телефон придушенным Вовкиным шёпотом. – Что случилось?

– Вован, не спрашивай, потом расскажу. Скажи только, говорит ли тебе о чём-то название «тридцать пятая». Ну, в смысле войны?

– Шутишь? – Вовка перестал шептать. – Да там до фиго чего тридцать пятого было! Подробнее скажи. Что ещё знаешь?

– Ну... Что ещё? Море вроде было.

– А, ну так это тридцать пятая береговая батарея, – поставил диагноз Вовка.

– Это что? – Саньке Вовкина абракадабра ни о чём не говорила.

– Севастополь. Вторая героическая оборона. – Вова почему-то обиделся. Он считал, что все должны знать то, что он знает.

– А подробнее, Вов?

– Подробнее не могу, у нас вообще-то контрольная. Я тебе после уроков позвоню.

– Лучше приходи, – неожиданно для себя пригласил Санька.

– Приду, – согласился Вовка. – Адрес скинь. – И отключился.

Санька отправил ему сообщение с адресом и задумался.

Какая контрольная, выходные же? Ботаник он и есть ботаник. Жди теперь, пока ему учиться надоест. Ладно, попробуем без Вовки. А если посмотреть в Интернете? Санька набрал в телефонном поисковике «тридцать пятая береговая батарея» и принялся читать. Да-а, теперь ясно...

Вовка примчался после уроков. Как обычно взъерошенный и в разных носках. Сегодня это Саньку не раздражало.

– Совсем заучился? – сочувственно спросил он. – Ни выходящих, ни проходных?

– Так среда же, – оправдывался Вовка.

Санька засмеялся.

– Мам! – крикнул он. – Какой сегодня день?

– Среда, – удивлённо отозвалась мать из коридора.

– А разве не суббота? – растерялся Санька.

Мать покачала головой. Ой, беда, беда. Да что ж это за возраст такой? И контузия эта – ну вот откуда она взялась? Не иначе как подрался и не говорит. Она снова уткнулась в вязание.

Вовка днями не интересовался.

– Сань, а тебе зачем тридцать пятая-то? С чего тебя батареи заинтересовали?

– Прадед у меня там воевал.

– Круто! – У Вовки всё, что про войну, круто. – Погиб или эвакуировался?

– Не знаю. Ничего не знаю. Знаю только, что он там был.

– Санька вздохнул. – Что делать, Вов?

– Искать.

– Как искать? Ты представляешь, сколько Ивановых было на той войне?

– Как все ищут. В архивах военных. Ты на тридцать пятую-то написал?

– Нет. А что писать? – Санька растерялся. – Их там 80 тысяч бросили, разве найдёшь?

– Дурак, что ли? – Вовка рассердился. – Их же в плен брали, документы на них заполняли. Может, он эвакуироваться успел. Может, погиб как герой. И что, что 80 тысяч, у тебя-то прадед один.

– Четыре, – поправил Санька.

– Что четыре? – не понял Вовка.

– Четыре прадеда у человека.

– Вот именно! – заорал Вовка. – Всего четыре, и тех не знаем. Давай, пиши на тридцать пятую. Пиши в архивы. Ищи.

Санька вспомнил, как Ваня во сне сказал ему: «Найди». Может, он про это говорил? Найди меня, память обо мне найди. Плохо ему, видно, там. Без памяти-то. У Саньки что-то закружилось в голове: память, вспоминать, помянуть. Он закрыл глаза.

– Ты чего? – испугался Вовка.

– Ты, Вовочка, иди, – выпроводила его вошедшая в палату мать. – Устал Саша.

– Иди, – согласился Санька. – Я ничего. Я полежу немного. Спасибо, Вован!

Вовка ушёл. Мать тоже ушла. Думала, Санька спит.

Пришёл седой врач. Сел рядом и долго смотрел на Саньку. Потом сказал:

– Вы же не спите, молодой человек, и мы с вами оба это знаем.

– И что? – спросил Санька, открыв глаза.

– Ничего, – пожал плечами доктор. – Просто если мы с Вами не установим причину Вашей болезни, боюсь, Вам поставят неправильный диагноз. И будут лечить мозги. А они у Вас совершенно здоровы.

– Откуда Вы знаете? – не удержался Санька.

– Уж Вы поверьте моему опыту, – улыбнулся врач.

– А что же тогда у меня за болезнь?

– Вот это я и хотел бы узнать, – сказал доктор, выходя из палаты. – Как надумаете побеседовать, милости прошу.

«Не дождётесь!» – подумал Санька. Я расскажу, что мне война снится, а потом что? Лечить начнут? Скажут, в стрелялки переиграл? Или ещё что похуже. Никому ничего нельзя рассказывать, решил Санька. И тут же, вопреки логике, почему-то пошёл в ординаторскую и всё рассказал седому врачу. Про сны, про Ваню, про 35-ую Береговую Батарею. Доктор кивал, словно давно уже обо всём догадался.

– Вот и славно, – сказал он. – Завтра мы Вас выпишем.

– Домой? – удивился Санька.

– Конечно, домой. Вы человек здоровый, незачем больничное место занимать.

– А... контузия? – осторожно спросил Санька, боясь, что доктор передумает.

– Бывает. – Врач развёл руками. – Ничего не поделаешь, острый приступ прорастания.

– Чего приступ? – Саньке показалось, что он ослышался.

– Синдром Касторской¹. «Почему же мне снится война, на которой я не был?»

¹ Касторская Елена – выпускница лицея-интерната г. Бийска Алтайского края. Автор стихотворения «Почему же мне снится война, на которой я не был?».

Санька с подозрением смотрел на доктора – тот сам-то с головой дружит? Приступ прорастания, с ума сойти.

– Я не псих? – спросил Санька. – Это нормально?

– В смысле, нормально ли, что Вам снится война? Это закономерно. «Ребятам, родившимся после войны, за нас отоснятся военные сны». Борис Вахнюк¹, кажется, сказал. Память предков.

– И что мне теперь с этим делать? – закричал Санька. – Всю жизнь во сне войнушку смотреть?

Доктор вздохнул.

– Жить. Вам теперь с этим жить. Это не войнушка. Это война. Ищите прадеда. Найдёте – полегчает.

– Спасибо, – проворчал Санька. – А можно мне сегодня домой?

– Идите, – отпустил врач. – Родители пусть встретят.

Санька пошёл собирать вещи. Мать засуетилась, побежала советоваться с врачом, вызвала отца. Саньке было непонятно, зачем всё это. Обычно они не носятся с ним так. Напугались, когда он оглох. Мама сказала, Санька тогда кричал сильно во сне, а когда она его разбудила, он ничего не слышал. «Ещё бы!» – подумал Санька. – «Оглохнешь после этих взрывов».

Родители и дома продолжали суетиться вокруг него, как будто он приехал издалека и ненадолго. «Конечно, я же у них один!» – осознал вдруг Санька. – «У них кроме меня никого». Он впервые понял, что никого – это совсем никого, совсем. Пусто. «А у Вани были братья и сёстры?» – подумал он.

Вечером его зашла навестить бабушка. После долгих расспросов о здоровье она вытащила из сумочки свёрток. Санька почувствовал, как внутри всё напряглось, он сразу догадался, что в этом свёртке. Бабушка достала старые фотографии с ажурными краями. Даже не чёрно-белые, а какие-то коричнево-жёлтые фотографии, привет из прошлого века. Семьдесят лет лежали и даже больше, а вот всё можно разглядеть – и как одевались, и какие причёски носили, и как в глаза фотокаме-

¹ Вахнюк Борис – автор стихотворения «Солдатские сны» («Мне что-то не снится война на войне»).

ре смотрели. Санька перебирал фотографии и вдруг отложил одну. «Это он. Это Ваня». Бабушка ахнула: «Откуда ты знаешь?» Отец молча разглядывал снимок.

– Я его вижу. Во сне, – признался Санька.

Мать заплакала. Отец, так же молча как фотографию, рассматривал теперь сына. Бабушка выловила из сумки валокордин и капала его себе в чай. Санька видел, что они напуганы, потому что не знают. Не знают, что было. И он рассказал. Как защищался окружённый Севастополь. Как адмирал Октябрьский передал командованию, что воевать больше некому и покинул осаждённый город. Как осталось восемьдесят тысяч бойцов и среди них Ваня. Как они сражались. Как выживали без воды, еды, боеприпасов и лекарств. Как не могли их забрать наши корабли. Как море в Казачьей бухте было красным, а скалы – чёрными от крови. Как до последнего патрона отстреливалась 35-ая Береговая Батарея. Как они ходили в атаку без оружия и голыми руками дрались. Как обессилевших, потерявших сознание, их захватили в плен. Как колонну пленных вели по Крыму, и когда голова этой страшной змеи уже вошла в Бахчисарай, хвост ещё был в Севастополе. Как из немецких концлагерей после Великой Победы этих заключённых перевели в советские лагеря. Как их судили за измену Родине – их, преданных Октябрьским и Петровым и защищавших Родину до самого конца. Как их не брали на учёбу и работу из-за трёх слов «госпроверку не прошёл». Как они отказывались от своих семей, чтобы не ломать жизнь близким. Как их величайший подвиг стал их позорнейшим клеймом. Санька говорил и говорил, захлёбываясь в словах. И когда он всё это сказал, ему стало легче. «И я не знаю, как с этим жить, – закончил он жалобно. – И я не знаю, что делать».

– А Вовка куда письма послать сказал? – спросил отец. – Садись, пиши. Вот и компьютер твой сгодится.

Первый раз они все вместе вот так сидели. Объединённые одной болью и одной целью. Впервые Санька почувствовал, что они семья. И что семья – это больше, чем здесь и сейчас. Го-

раздо больше. Семья – это и есть то, чем можно гордиться. Это нельзя купить как джипы и другие вещи. Потому что семья – это люди, память, род. И у него, у Саньки, это есть. И это главное.

В эту ночь ему приснился Ваня. Он был ранен, Санька это понял. Скорее почувствовал, чем услышал, как Ванины запекшиеся губы произнесли: «Спасибо!». Он с трудом пожал Саньке руку. И больше уже не снился никогда.

А потом всё как-то затянулось, зарубцевалось. Санька почти забыл. Он спешил в школу, он теперь почти жил там. А что школа? Это же не минное поле. Хочешь – учись. Санька хотел. Иногда он задумывался: «А кем бы стал Ваня, на кого бы он стал учиться?». И от этих мыслей Саньке хотелось учиться за пятерых. Оказалось, что и физичка, и математичка, и немка ничего против него лично, против Саньки Иванова, не имеют. Они по-своему стараются как лучше, это их работа. Санька даже жалел их немного, ведь не все ученики такие, как Вовка. С Вовкой они часто разговаривали и вместе что-то изобретали. Однажды Бобров обозвал Вовку при всём классе и Санька спустил его с лестницы. Подумаешь, каратист. Санька как-то сам не заметил, когда перестал бояться. Иногда по дороге из школы он заходил в церковь зажечь свечи, чтобы Ване и остальным прадедам, которых Санька не помнил, было светлее.

И вдруг пришёл ответ. Из архива. Отец взял отпуск. И сказал, что Саньке придётся пропустить школу. И они поехали. К прадеду. В Севастополь. С поезда они сели в автобус. И всё боялись проехать, но водитель сказал, что Казачка в самом конце. Он остановился между остановками и объявил: «Тридцать Пятая!», и все в автобусе затихли и с пониманием смотрели на них. Санька и отец перешли дорогу и увидели Пантеон. Экскурсоводы повели их по руинам. Они спустились по винтовой лестнице на 27 метров, туда, где были тогда бойцы. Внизу было тускло и сыро. И Санька узнал это место. Он видел его не раз. Восковые слезинки свечей у стены Памяти падали в песок красными пятнами. Как кровь на раненой крымской земле. А когда они вышли из музея, Санька смотрел на парней и де-

вушек в купальниках, которые танцевали на крышах машин¹ здесь, на этой огромной могиле, и не осуждал их. Он понимал, что они просто ещё не знают, где лежат их прадеды. Просто в них это ещё не проросло.

Рекомендуем почитать

Тарасава, Ю. Егорка и Змей Добрыныч : повесть-сказка : [в 4 кн.] / [автор идеи В. Тарасов ; худож. А. Маркин]. – Барнаул : Азбука, 2009 – Кн. 1. – 2009. – 160, [3] с., [6] л. цв. ил.

Тарасава, Ю. Приключения Сырного Мальчика = The Cheese Boy's adventures : повесть-сказка : [в 7 кн.] / [автор идеи В. Тарасов ; худож. Т. Аржанова ; пер. с рус. Е. Машонкина]. – Москва : Русаки, 2009 – .

Кн. 1 : Волшебный сыр = The Magic Cheese. – 2009 (Барнаул : Концепт). – 147 с., [4] л. ил. – Загл. и текст парал. рус., англ.

Тарасава, Ю. Просыпаемся мы : рассказ / автор идеи В. Тарасов ; рис.: В. Раффа [и др.]. – Севастополь : Гит пак , 2012. – 36 с. : ил.

Тарасава, Ю. Лёшка и картошка : [сказка] / [худож. Н Чучманова ; Рос. дет. фонд, Алт. краев. отд-ние]. – Барнаул : [б. и.], 2015 (Графикс). – 14 с. : ил.

Тарасава, Ю. Просыпаемся мы : рассказы, сказка / ил. А. И. Ермолович ; Упр. Алт. края по культуре и арх. делу , Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова. – Барнаул : Алт. дом печати, 2016. – 112 с. : ил. – (Победители краевого конкурса на издание литературных произведений). – Содерж.: Просыпаемся мы ; Лёшка и картошка : рассказы ; Моя мама – золушка : сказка.

¹ Летом 2010 года напротив входа в Музей на руинах 35-ой Береговой Батарей, где находятся непогребённые останки воинов Великой Отечественной, проходили дискотеки шоу «Автоэкзотика».

(р. 04.08.1961)

Родился в г. Белореченске Луганской области, с 1969 г. живёт в Алтайском крае. После службы в армии трудился в совхозе. Окончил филологический факультет Барнаульского государственного педагогического института. Работал учителем русского языка и литературы, корреспондентом, редактором, автором и ведущим программ радио «Роса» г. Барнаула, заместителем главного редактора газеты «Вечерний Барнаул», журнала «Барнаул». Основал литературный фонд «Август» (1992, первоначально – авторский альманах, книжная серия). С 2012 г. – автор и ведущий литературно-просветительской программы «Испытание временем» в Алтайской краевой детской библиотеке им. Н.К. Крупской.

Лауреат краевых литературных премий им. В.М. Шукшина (2003), им. В.В. Бианки (2007), им. Г.П. Панова (2009), им. А.П. Соболева (2011), им. Г.В. Егорова (2011), краевой премии Демидовского фонда в номинации «Общественная деятельность» (1995), премии Губернатора Алтайского края в номинации «Просветительская деятельность» (2008).

Награждён медалями «За служение литературе» (2008), «За заслуги перед обществом» (2009), «300 лет М.В. Ломоносову» (2012), нагрудным знаком «За вклад в развитие литературы» (2016).

Член Союза журналистов России с 1995 г. Член Союза писателей России с 1998 г.

СОН

М
(не снилось море.

Над этим морем
(может, на счастье,
может, на горе)
четыре чайки громко кричали:
«Мы – на просторе!
Вы – на причале!..»

На берегу люди лодки смолили.
Чайки кричали,
чайки молили:
«Выйдите в море!
Что вам причалы?!
Здесь – на просторе –
ваше начало!..»

...Мне снилось море,
чайки над морем
(то ли на счастье,
то ли на горе).
Может, кому-нибудь тоже приснится:
синее море,
белые птицы...

ПИСЬМО

Уже большой мой старший брат.
Он служит в армии сейчас.
И я горжусь: мой брат – солдат.
Я напишу, как жизнь у нас.
Я расскажу в письме своём,
что мы его все очень ждём,
что подарили к дню рожденья
машину с правом на вождение –
её мне папа подарил,
над буфером три буквы: ЗиЛ.
Сигнал даёт. И заводной.
Он под кроватью – в гараже.
Когда мой брат придёт домой,
я, честно, вырасту уже.

БУДУЩИЙ ФОРВАРД

Январская полночь.
Крещенский мороз.
А мой хоккеист лупит шайбу всерьёз!
Мальчишка – известный в округе боец –
гоняет... И как ему не надоест?!

Друзья его спят.
Видят первые сны.
Ему же победы, победы нужны!
Ему аплодирует эхо пока.
Вы видели, может, того игрока?

Вот так чемпионы себя создают –
из пота, из нервов, забыв про уют.
Ах, скорость!
Ух, резкий крутой разворот!
И щёлкает

шайба

о крашенный борт!

ИГРА В ВОЙНУ

Вот условие игры:
не успел нажать курок,
значит, ты огнём накрыт
(взрослым это невдомёк).

Выбегаю с автоматом
деревянным:
 тра-та-та!..
Лихо тряпочной гранатой
я взрываю два моста!..

Вдруг услышал за спиною
фразу громкую одну:
– Руки вверх!..
 Война войною,
только я теперь в плену.

А сражение горело!
Рукопашный без меня!..
Тут я вспомнил:
 мне велела
мама
 выполоть сорняк!
И к тому же не политы
под окном мои цветы.
Хорошо, что не убитый...
Мне кричат:
– Куда же ты?!

Я не плакса, я не ною,
я отброшу автомат:
– Ну вас с вашей войною!
У меня дела стоят.

РЫБАК

Этот день я проживу не за так:
встану рано – я сегодня рыбак.

Мой приятель под окном уже свищет,
на плече его лежит удилище.

Знаем место мы одно на реке...
Будет рыба у нас вся на крючке!

Сон засоням пусть приснится такой:
им к ухе не дотянуться рукой.

А меня не попрекнут, как обычно.
Дома скажут: «Наш Серёжка – добытчик!»

КАРАВАНЫ СЕНТЯБРЯ

Потерялся в разноцветном листопаде
цвет зелёный – самый летний из цветов.
В прятках года сентябрю досталось вадить,
ну а он весь состоит из лоскутов:
из листвы,

из паутины,

из тумана...

Ладно скроено, да сшито на авось.
И зима не за горами – без обмана,
но тепло ещё у осени нашлось.

Мы сейчас прогнозы стали слушать строже –
урожай спешим уважить до дождей,
и поклоны отбиваем в день погожий –
счёт у осени идёт: скорей, скорей...

До листвы,

до паутины,

до тумана

прикасаемся лишь взглядом, впопыхах...
Эти строчки с первым снегом – без обмана –
на листок легли. Нечаянно. В стихах.

КЛЁН

Маленький росток кленовый
другом стал моим.
Только три листочка новых
вычерчены им.

Были осени и зимы...
Вырос в клён росток.
Крона стала – как корзина.
Ствол – как посошок.

Отпускал весной серёжки,
словно бахрому.
Я тогда своё окошко
открывал ему.

...В окна ветви постучались –
холод, не до шуток.
И серёжки превращались
в стаи парашютов.

Небо осени бездонно,
в лёгких облаках...
Кажется,
 шагнул от дома
клён
 на два шага...

Осень
отражением заката
распласталась по сырым лесам.

И дожди
без громовых раскатов
словно потеряли голоса.

Радуги
не гнутся над лугами,
паутину ветры унесли...

В облака
ступая сапогами,
тайно отлетаю от Земли...

Забока приготовилась к апрелю:
на вербах догорают парики
пахучего закрученного хмеля,
листву несёт течение реки,
крутой обрыв о

с

ы

п

а

л

с

я за лето,
тропинку об-
резая

как на взлёт...

И выбирает лужи
для портретов
листвы спасённой
первый
тонкий
лёд.

НОВОГОДНИЙ ДИПТИХ

1

Ночь назовите, как вам угодно:
праздничной, ёлочной, новогодней...
И – лишь наступит предпраздничный вечер –
пусть оживут разноцветные свечи!
Будет тепло за столом и уютно.
Не торопитесь сказать: «С добрым утром!»
Только лишь раз эта ночь к нам приходит...
Все мы мечтаем о доброй погоде –
чтобы над лесом, над парком, над садом
тихо и плавно снег падал и падал...

Сбудутся пусть все мечты и надежды!
Вот Дед Мороз в своей красной одежде
и с бородою огромной и белой...
В синем Снегурочка песню нам пела...
Все мы на детство в высоком полёте
смотрим и тянет спросить: «Где живёте?..»

Ах, не снимайте, сосед, эту бороду!
Ах, не снимайте, соседка, корону!
Сказочной парой
пройдите по городу
к ёлке на площади,
к снежному трону.

2

Я напишу на открытке простые слова:
«Доброго Нового года вам и Рождества!»

Ёлки к нам просятся в гости со всех площадей.
Все остальные деревья сейчас не у дел.

Шустрый трамвай, запорошенный снегом, домчит
К тёплым застольям, где долька лимона горчит.

Сахар не нужен, нам инея хватит сполна,
А тишина в разговорах сейчас не нужна.

В валенках красных отыщутся утром дары.
Нету желанней вот этой волшебной игры!

Юность и зрелость!.. И нет символичнее пар.
Свечи, гирлянды!.. Земля на Вселенной – как шар!..

Я написал на открытке простые слова:
«Доброго Нового года вам и Рождества!»

ИЗ ЦИКЛА «СТРОФЫ»

1.

Весь день была оттепель. Ночью – мороз.
Проснувшись, я к росписям окон прирос:
трещала, стучала ночь, и – что ж в итоге? –
на крыше сосульки вдруг свесили ноги.

2.

Март стеклодувом сядет на карнизы
и закричит: «Я вам весну везу!..»
Апрель, сентиментальный и капризный,
из-под сугробов выдавит слезу...

3.

Дождь лил, как знаки восклицанья!..
Лил, щедрой свежестью богат!..
Промокнув, армия пацанья
его ловила наугад!..

4.

На фонтан смотрю и радуюсь:
рукотворный дождь – стеной!..
То ли я иду за радугой,
то ли радуга за мной?

5.

Ветки кленовые сетью наброшены
на голубое окно.

Солнечных рыбок лучистое крошево
с дрожью ложится на дно.

б.

Я видел, отворив окно
и сентября приняв прохладу:
день паутины волокно –
как сеть – развешивал по саду.

СУХИЕ ¹

Были мы все капитаны лихие,
когда за селом разливались Сухие.

От берегов тополя-маяки
в плаванье звали: «Вперёд, моряки!»

Мы на плотках и на камерах плыли
к острову, где все сокровища были:

два кирпича да две палочки – чижик,
так называлась игра у мальчишек.

До горизонта мы плыли – до берега,
ввысь от которого радуги мостик.

Может, отсюда увидели Рериха –
сами мы были «Заморские гости»².

Если был ветер, то волны – морские.
Пена, конечно же, тоже – морская.

Было ли это – волны такие?
Было ли это – пена такая?..

1 Сухие – заливные луга за селом, из которых весной талые воды образовывали озеро.

2 Название картины художника и философа Н. К. Рериха.

МОЁ ЛУКОМОРЬЕ

...а это просто был луг,
вобравший в себя снега.
И мой закадычный друг
ответил: «Пойдём, ага».

Там лука – море,
всё уверял я,
косой коси.
Он в меру горек,
на запах пряный,
хоть рос в грязи.

В себя вначале тот луг вбирает
муть талых вод,
а после зеленью выпирает
под небосвод.

И складешком весь пучок под корень,
аж в землю — р-р-раз!
А друг мне вторит,
что лука – море!
В окрошку – класс!

(Ещё я верил,
но я про это тогда молчал:
лук – это стрелы,
а луг, конечно, большой колчан...)

Домой не много мы приносили,
но не беда –
всем по пучочку и все хвалили:
«Вот эт еда!»

Улыбаясь, шёл он, франтовато,
нёс в руке кораблик, словно ломтик, –
в лужах он искал ему фарватер.
И зачем такому парню зонтик?!

Это точно – водная стихия!
Это точно – встреча двух созданий!..
...Ты спросил, зачем пишу стихи я?
Я тут ни при чём: всё видел Ваня,

видели водители гортранса,
редкие прохожие и кошка,
паучок, что плыл по луже брассом,
девочка из мокрого окошка.

ВОПРОС

Как ни странно,
до сих пор я это помню –
в шумном парке скачки маленьких лошадок.
По-бе-жа-ли дрессированные пони
по аллее – от ограды до ограды.

И такого они маленького роста!
А повозка и пустая тяжела им!..
От качелей свежей краской пахло остро,
но не лесом и не лугом,
как желали.

А какой-то мальчик плачет, словно стонет.
Как укор иль восхищение горсаду?
Он не верит: как же так – неужто пони
не сумеют,
не ускачут
за ограду?..

РОДИНА

Лес по холмам – словно войско
спешно сбегает к реке...
Лодка, что свечка из воска,
держит луну на крючке...

Эти ночные дозоры –
дремлющей родины рать.
Звёздного неба узоры
можно в реке собирать.

Мягкий костёр возле ивы
множит вдоль берега блеск.
Тихие звуки пугливы –
шелесты, шорохи, треск...

Хочется полночи вечной.
Впрочем, обманчива блажь.
Уж не туманна, но млечна
даль, а восход – не мираж.

Перебираючи краски,
пишет картину восток...
Ночью рождаются сказки
и завершаются в срок.

СОСТОЯНИЯ ПРОСТРАНСТВА

Ветер сшивает просторы Земли...
Где-то по морю идут корабли,
Где-то в горах пламенеют цветы,
стынут орлы в плоскостях высоты,
рожь колосится меж весями звонко,
косы плетёт на крылечке девчонка,
сохнет бельё в городах на балконах,
взрыв – и солдат задыхается в стонах,
гости к кому-то под вечер пришли...
Ветер сшивает просторы Земли.

Ничего здесь такого нету –
просто ночь обретает звёзды,
зажигая их жгучим светом
и пронизывая воздух...

Ничего здесь такого нету –
это дышит туманом речка,
принимая в себя, как мету,
Путь, что все называют Млечным...

Ничего здесь такого нету –
пенье птиц, слабый выдох ветра
и кузнечики славят лето,
перезваниваясь щедро...

Ничего здесь такого нету...

Только что моё сердце ранит?..

Луг

с полуночи до рассвета
под луной

от росы

станет

новым озером

странного цвета...

Ничего здесь такого нету...

ЖЕРЕБЁНОК

Называют озеро Горячим,

а оно такое же, как все.

Мочит ноги спутанная кляча

в молчаливо выпавшей росе.

Ну а жеребёнок белолобый
запросто спускается к воде,
смотрит удивлённо,
смотрит в оба
на туман,
что тянется к звезде...

Или кто поведал об аркане,
про телегу
и про
хлёсткий кнут?
Знаю, он звездою в небе станет!
И его под утро не найдут.

ПРОТОКА

В летний полдень,
то с друзьями, то один,
убегал я на Филиппкинский трамплин.

Это место берегли за глубину.
А всего-то метров восемь в ширину.

«Щучкой»,
«бомбочкой»,
«солдатиком»,

а вот
кто-то
плюхнулся
под хохот
на живот!..

...Нам казалось –
не убудет никогда
нашей речки
родниковая вода.

НА БЕРЕГУ РЕКИ

Вода песок волнисто режет.
К ней с кручи тянется трава.
Речной вокзал с правобережья
похож на теплоход «Москва».

Упругий мост, как деда с внуком,
соединяет берега.
Река течёт почти без звука,
в лугах нахохлились стога...

Стрижи, тревожа рыболова,
берут обрыв на бордаж...
И облака, что к слову слово,
вплывают двойственно в пейзаж.

ШТРИХИ

Песчаные гривы плёсов,
горбы берегов крутых,
к берёзкам бежит белёсо
с воды отраженье их.

В косу заплетает ива
желтеющий рой серёжек.
И чем, не понять, красива,
а взгляд оторвать не можем.

Как юноша, тополь стройный
стоит, возвышась над всеми.
Своею кудрявой кроной
он горд до поры осенней.

И красного мака ярче
заря над землёй выжглась...
И так горизонт прозрачен!..
И так далеко слышно!..

В НОЧНОМ

За селом на лугу, как на площади,
грациозно пасутся три лошади.
Маршал тихо сидит у костра
до утра.

Там, где лес зеленеет полоскою,
притаилось засадное войско –
то туман поджидает ветра
до утра.

А трава, как невеста на выданье,
скрылась в темень – не слышно, не видано...
Не отыщешь цветов у ковра
до утра.

На реке, упиваемой далями,
отражается месяц медалями.
К горизонту сбегает гора
до утра.
Хорошо, что вода в реке пресная,
её пьют даже звёзды небесные –
их рождают сушняк и кора
до утра.

Маршал тянется алой ладошкой
угостить жеребёнка картошкой –
он сидел, тот стоял у костра
до утра.

У РОДНИКА

Родник – и озеро и речка,
в миниатюре всё дано.
Травинка тонким человечком
глядит в него, словно в окно.

Вот тонкохвостая синица
свистит сестрицам: «Здесь я! Здесь!..»
Цветы свои откроют лица
и улыбаются поднесь.

На что ни глянешь, скажешь: «Ах ты!..»
Или промолвишь: «Боже мой!..»
Вот муравей усталый – с вахты
несёт соломинку домой.

Здесь всё родное и роднее
не может быть, как не влекут...
Отсюда многое виднее...
Меня здесь ждут.

НАПУТСТВИЯ

Дороги превращаются в пути,
когда по ним нам выпадет пройти.

Те замыслы оденутся в мечты,
которые поселишь в сердце ты.

Лишь те друзья останутся с тобой,
с которыми ты делишься судьбой...

Пусть все дела, что завершить смогли,
удержит притяжение Земли –

и в этом цель рождения, а смерть
мы памятью отважимся стереть.

В начале, как известно, было слово.
В финале слово более сурово.

ОБЛАКА

Дочкам Вале и Вике

Над землёю кучевые облака
ждали ветра и лежали на боках.

Им припомнилась декабрьская пурга –
как они белили рощи и луга,
а весною, разделившись на ручьи,
перебрасывали солнце, как мячи,
а потом под долгожданный первый гром
проливным на землю выпали дождём,
а сейчас они похожи на зверей –
удивляют наблюдательных людей...

Нам подняться бы до них, как до мечты,
чтобы Землю всю увидеть с высоты!

Рекомендуем почитать

Тихонов, В. Е. Где дорога, там и жизнь : стихи / худож. Г. Вильямс. – Барнаул : ГИПП «Алтай», 1993. – 64 с. – (Книжная серия «Август» ; № 4).

Тихонов, В. Е. Звуки, запахи, краски... : стихи / худож. А. Карпов. – Барнаул : ГИПП «Алтай», 1999. – 63 с. – (Книжная серия «Август» ; 1998 , № 2).

Тихонов, В. Е. Формат окна : стихи. – Барнаул : Алт. полигр. комбинат, 2003. – 63 с. : портр.

Тихонов, В. Е. Четвёртое измерение : стихотворения разных лет. – Барнаул : [б. и.], 2007 (Полиграф-Сервис). – 63 с. – (Городская библиотека).

Тихонов, В. Е. Моё Лукоморье : стихи / [ред.-сост. и авт. предисл. Т. Н. Кушвид ; худож. Г. Г. Суворова]. – Барнаул : [б. и.], 2014 (ИПП «Алтай»). – 46, [1] с. : ил. – (Литературный фонд «Август» ; вып. 53).

Тихонов, В. Е. Любимые пейзажи : стихи. – Барнаул : [б. и.], 2015 (ИПП «Алтай»). – 61, [2] с. – (Литературный фонд «Август» ; вып. 56).

Фролов
Иван Ефимович

(19.04.1918 – 05.11.1957)

Родился в пос. Колыбелька Краснозёрского района Новосибирской области в семье учителя. После окончания школы работал учителем, заочно учился в Томском учительском институте. Участник Великой Отечественной войны. Активно сотрудничал в различных фронтовых газетах. С 1946 г., после демобилизации, работал корреспондентом газеты «Алтайская правда», заведующим отделом литературы и искусства в краевой молодёжной газете. Вместе с группой молодых писателей-фронтовиков создавал альманах «Алтай», краевое книжное издательство, Алтайскую краевую организацию Союза писателей СССР. Был первым на Алтае членом Союза писателей СССР, первым руководителем писательской организации (1951-1953 г.), одним из первых редакторов альманаха «Алтай». Работал в краевом Комитете защиты мира.

Награждён медалями «За победу над Японией», «За победу над Германией», «За боевые заслуги».

Член Союза писателей России с 1951 г.

ПЕРВАЯ ОХОТА

По мотивам алтайской народной сказки

Мосылала мать
лисёнка
Первый раз охотиться:
– Там, где мелкие сосёнки,
Много мышек водится. –

И мелькнул лисёнков хвостик
Желтоватым выстрелом
Через рощу,
Через мостик,
Через речку быстрюю.
Он хитрить умел не слишком.
Меж сосёнок шастая,
За весь день поймал он мышку
Мелкую,
ушастую.
Вот попалась бы другая,
Пусть и малоростая,
А иначе –
заругает
Мама пышнохвостая.

И бежит малыш в свой дом
С грызуном под мышкою.
Видит в зеркале речном
Он лисенка с мышкою.
И подумалось ему:
«Вот уж я похвастаю,
Если только отниму
У него ушастую».

Прыгнул в воду.
Но река
С монотонным пением
Подхватила чудака,
Понесла течением.
«Ну, теперь, наверно, крышка».
Но поток убавился,
И малыш,
один, без мышки,
Дом искать отправился.

ДВЕ ЛЯГУШКИ

По мотивам русской народной сказки

Жили-были две лягушки,
Две лягушки, две подружки.
Целый день у них в заботе:
Дружно квакали в болоте.

Не тужили никогда.
Вдруг пришла и к ним беда.
Люди,
 что в деревне жили,
То болото осушили.

Долго ахали лягушки,
Попрыгуньи-поскакушки:
– Что ж, попрыгаем туда,
Где имеется вода... –

Прыг да скок.
Без дорог.
Набредли на хуторок.
А как только рассвело –
От жары подруг свело.

Говорит одна лягушка:
– Остановимся, подружка.
Проскакали целый свет,
А воды всё нет и нет.

Знать, нигде и никогда
Не появится вода.
Эх, зачем нам тратить силу?
Всё равно найдем могилу...–

А вторая:
– Ерунда!
Где-нибудь да есть вода... –
И опять они в пути.
Видят: яма впереди
За бревенчатой оградой.
Тянет влагой и прохладой.
– Там, наверно, есть вода –
Прыгнем в эту яму?
– Да!.. –
Шлёп!..
И брызги полетели.
Влажный холод.
Бодрость в теле.
Э, да это погребок –
Невысок
И неглубок.
Две лягушки,
Две подружки
Очутились в кадлушке.

«Так ведь я же...
 масло сбила!..»
Оттолкнулась...
 Спасена!
Не напрасно, значит, силу
Долго тратила она.

ВСЕХ СИЛЬНЕЙ

По мотивам русской народной сказки

Ну что за парень
Этот Тишка!
Какой храбрец!
Какой силач!
Всем деревенским ребятишкам
От Тишки этого –
хоть плачь!
Его никто не перегонит:
Ни лань,
ни царь высот – орёл,
Нет никого в его районе,
Кого бы он не поборол.

И Тишка думал:
«Вся округа
Такой-то силе – неровня.
Найду-ка я такого друга,
Чтоб был ещё сильнее меня.
Вот солнце –
всех сильнее, пожалуй...»
И Тишка шёл на край горы,
Где солнце жёлтое лежало
И отдыхало до поры.
– Будь, солнце,
другом мне навеки,
Отца и матери родней.
Ведь ты сильнее человека,

Всего на свете ты сильней! –
Но солнце голосом могучим
Сурово крикнуло ему:
– Сильней меня –
земные тучи!
– Да неужели? Почему?
– А потому:
Когда сойдётся
Десятка два угрюмых туч,
То уж на землю не пробьётся
Мой даже самый сильный луч. –

И по белкам,
По горной круче
Силач пришёл
К огромной туче:
– Будь, туча,
другом мне навеки,
Отца и матери родней.
Ведь ты сильнее человека.
И даже солнца ты сильней!

– Сильней меня
и всех на свете, –
Сказала туча силачу, –
Степной,
могучий,
быстрый ветер:
По воле ветра я лечу,
Лечу, куда и не хочу... –

Спустился Тишка в степь,
где ветер
Гулял, шумел на целине,
В зелёных кронах верб и ветел.
– Зачем пожаловал ко мне?
– Будь, ветер, другом мне навеки.

Отца и матери родней.
Ведь ты сильнее человека.
И даже тучи ты сильней! –
А тот:
– Сильнее всех, чудак,
Большая мельница-ветряк.
Ведь даже я у ветряка
Служу, заместо батрака.
Я крылья мельницы верчу,
Кручу,
Когда и не хочу...
Не быть,
как видно,
дружбе нашей. –

Недалеко –
подать рукой –
Большой ветряк руками машет
На плоскогорье за рекой.
– Ветряк,
будь другом мне навеки,
Отца и матери родней.
Ведь ты сильнее человека.
И даже ветра ты сильней! –
И прокрипел ему ветряк:
– Ты что-то говоришь не так:
У человека я – рабочий.
Ему всех больше сил дано.
Я человеку дни и ночи
Мелю пшеничное зерно.

Рекомендуем почитать

Фролов, И. Е. Моя Кулунда : [стихи]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1950. – 68 с.

Фролов, И. Е. О самых простых и скромных : стихи и поэ-

мы. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1952. – 79 с. – Из содерж.: Именины ; Комсомольский значок : поэмы.

Фролов, И. Е. В добрый час! : [стихи, сказки]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1955. – 52, [2] с. – Из содерж.: Лис и Тигр ; Дружья пастушки Чолмоны : сказки.

Фролов, И. Е. Хорошо, когда ты нужен : стихи и сказки / худож. Р. Овивян. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1956. – 93, [3] с. : ил. – Из содерж.: Всех сильнее ; Первая охота ; Алтайские клады ; Две лягушки ; Кан и Чет ; Лис и Тигр : сказки.

Фролов, И. Е. Как летом Шурка от огня сберёг посевы ячменя : [стихи для детей]. – Барнаул : [б. и.], 1957 (Тип. «Алт. правда»). – 7, [1] с. : ил.

Фролов, И. Е. Край, в котором мы живём : [стихи] / [худож. А. Дерявский]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1957. – 160 с. : ил.

Фролов, И. Е. Про Надю : [стихи для детей] / рис. А. Дерявского. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1957. – 14, [1] с. : ил.

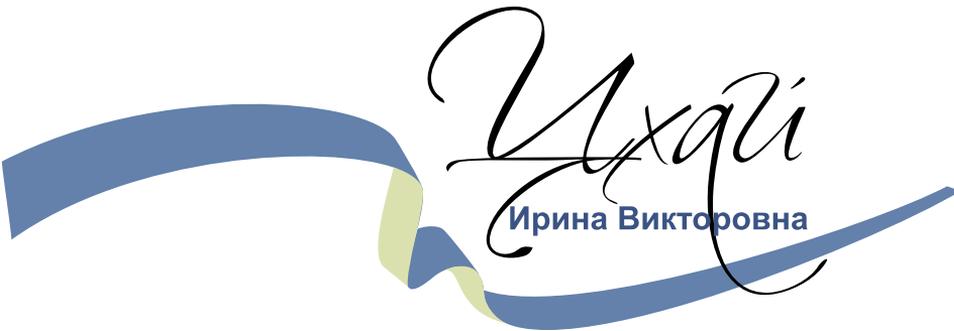
Фролов, И. Е. Кукушкины слёзки : стихи для детей / [худож.: Ю. Кабанов, В. Туманов]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1960. – [24] с. : ил.

Фролов, И. Е. Лесные доктора : [стихи и сказки] / худож. И. Цесюлевич. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1965. – 55 с. : ил. – Из содерж.: Всех сильнее ; Первая охота ; Две лягушки ; Кан и Чет ; Лис и Тигр : сказки.

Фролов, И. Е. Стихи / худож. В. Федосов. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1967. – 72 с. : ил.

Фролов, И. Е. Хорошо, когда ты нужен : стихи и сказки / худож. Э. [И.] Цесюлевич. – Переизд. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1971. – 46, [2] с. : ил. – Их содерж.: Всех сильнее ; Первая охота ; Две лягушки ; Кан и Чет : сказки.

Фролов, И. Е. Стихи и поэмы / [худож. В. Еврасов]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1972. – 176 с. : ил. – Из содерж.: Комсомольский значок ; День рождения ; Кулундинец на войне : поэмы ; Лис и Тигр ; Дружья пастушки Чолмоны : сказки.

(Ирина Викторевна Сорокина)
(р. 05.02.1970)

Родилась в Барнауле. Училась в школе № 25, окончила факультет биологии Алтайского государственного университета.

Финалист международных конкурсов «Сказка сегодня – 2014» (Германия) и «Open Eurasia and Central Asia Book Forum and Literature Festival-2015» (Великобритания), всероссийских поэтических конкурсов «Хрустальный родник» и «Чем жива душа...» (2015), премии «Новая детская книга» (2013, 2016). Обладатель Гран-При международного конкурса «Новые сказки» (2016). Сказки включены в школьную программу начальных классов Алтайского края.

Лауреат Всероссийского конкурса детских литераторов (2000), победитель конкурса «Лучшая книга Алтая» (2009), краевого конкурса на издание литературных произведений в номинации «Литература для детей и юношества» (2009, книга «Поющая радуга»; 2015, книга «Солнечная азбука»).

Член Союза писателей России с 2015 г.

СКАЗКА О СТАРОЙ ЗУБНОЙ ЩЁТКЕ

В ванной комнате, в стаканчике на полочке, жила Старая Зубная Щётка. Она действительно была очень старая, и ею давно уже никто не пользовался – ни Папа, ни Мама, ни девочка Оля. У каждого из членов семьи было по новой, яркой и красивой зубной щётке, которые стояли в одном стаканчике со Старой Зубной Щёткой и смеялись над нею:

– Эй ты, старая лысина, когда же тебя на помойку выбросят? – говорили они.

Старая Щётка молчала, глотая слезы. Ответить-то ей было нечего! Она действительно уже никуда не годилась. Но она так любила этот дом, этих людей, особенно девочку Олю!

Как она радовалась, когда утром девочка заходила в ванную! Как ей хотелось, чтобы её тоже взяли в руки! Но, с другой стороны, если её и вынут из стаканчика, то только для того, чтобы выбросить... Так думала Старая Щётка и старалась спрятаться за спиной своих ярких соседак.

Ну что за жизнь была у бедной Щётки!

Но вот однажды в ванную комнату вошла девочка Оля, подставила скамеечку и взяла Старую Щётку.

– Наконец-то! – в один голос загалдели новые щётки. – Наконец-то её отправят на помойку!

Старая Щётка ужасно перепугалась, но утешала себя тем, что хоть напоследок посидит в Олиных руках...

Старая Щётка зажмурила глаза и открыла их только тогда, когда поняла, что они уже прошли мимо кухни и туалета и зашли в детскую комнату. А мусорного ведра в детской не было! Что же будет дальше?

А дальше было вот что. Девочка Оля достала коробку с разноцветной гуашью, большой альбом, обмакнула головку Старой Щётки в яркую краску и нарисовала весеннюю траву, а потом – голубое небо, а потом поставила Старую Щётку в карандашницу и взяла тонкие Кисточки – дорисовать деревья, цветы и солнце.

Когда Оля уже спала в своей кроватке, Кисточки познакомились со Старой Щёткой. Они очень обрадовались её появлению, потому что были тоненькие и уставали, рисуя небо, землю, воду, и с удовольствием приняли Щётку в свою компанию.

Так Старая Щётка стала художницей и обрела семью.

И стали сниться ей замечательные цветные сны!

КОМАРИК И ДУДОЧКА

Жил-был на свете Комарик. Он был такой маленький, что его никто не мог разглядеть: ни Ёжик, ни Белочка, ни даже Божья коровка. И поэтому никто с ним не дружил.

Вот однажды сидел Комарик на травинке и плакал. Мимо проходила Лесная Фея, а уж она-то всё на свете видела и слышала!

– Почему ты так горько плачешь, маленький Комарик? – спросила волшебница.

– Потому, что я так хочу со всеми дружить, а меня даже не замечают! – всхлипывая, ответил Комарик.

– Не плачь, – сказала Фея. – Я дам тебе волшебную дудочку. Научись играть на ней, и тебя сразу заметят.

Сказала так и исчезла. А в лапках у Комарика осталась маленькая-маленькая, ещё меньше, чем он сам, дудочка.

«Как же на ней можно громко играть?» – засомневался Комарик, но стал прилежно учиться.

Он занимался каждый день, долго и упорно, в укромном местечке. И вот однажды Комарик вылетел на поляну, сел на цветок ромашки и заиграл весёлую задорную мелодию. И тут же сбежались все звери, жучки и паучки, прилетели бабочки и птицы, стали петь и плясать, и веселиться.

А потом устали, сели на травку и стали спрашивать друг у друга, кто же это так хорошо на дудочке играет? Пригляделись – и увидели и дудочку, и Комарика! Все очень удивились, что такой маленький Комарик так громко и хорошо играет.

И все-все: и Ёжик, и Белочка, и Божья коровка, и другие звери, птицы и жуки захотели с ним дружить!

ИСТОРИЯ ЗНАМЕНИТОГО МЫШОНКА

У маленького Мышонка была большая мечта. Он решил написать огромную интересную книгу. Чтобы все хвалили его и говорили: «Надо же, такой маленький, а какой умный Мышонок!»

Одно плохо: не знал он, как начать. Думал-думал и, наконец, написал: «Жил-был маленький Мышонок...»

А дальше что-то никак не придумывается.

Мышонок чаю попил, комнату проветрил, снова за стол сел, лоб потёр, новый карандаш заточил... но так ничего и не придумал.

Тогда он решил ещё отдохнуть и вышел погулять. Идёт по лесу, а навстречу ему – Бурундучок.

– Привет, Мышонок! Ты чего такой задумчивый? – спросил Бурундучок.

– Привет. Не мешай думать, я книгу сочиняю.

– Кни-и-гу? – удивился Бурундучок. – Так ты же ещё маленький, рано тебе книги писать!

– Маленький, да удаленький! Начало я уже написал.

– Ой, а я в твоей книге есть? Ведь я – твой лучший друг!

– Нет...тебя там нет. Пока... – ответил Мышонок и вдруг бросился к норке.

Дома раскрыл тетрадку и дописал: «И был у Мышонка

лучший друг – Бурундучок». А что дальше писать – не знает. Думал-думал и снова решил прогуляться.

Навстречу ему – Бельчонок.

– Пойдем со мной орешки грызть! – позвал он Мышонка.

– Некогда мне. Я книгу пишу. Интересную, – важно ответил Мышонок.

– Книгу? Да ты еще и писать-то, наверное, не умеешь! – воскликнул Бельчонок.

– Это я-то не умею? Вот допишу – увидишь. Я уже почти половину написал, – обиделся Мышонок.

– Ладно, не обижайся! Ведь я – твой лучший друг!

Тут Мышонок понял, что дальше писать.

– До свидания, – сказал он Бельчонку и побежал к норке.

Сел за стол и продолжил: «А ещё есть у Мышонка замечательный друг – Бельчонок».

И тут Мышонок радостно рассмеялся. Теперь он уже точно знал, что делать дальше. Он стал вспоминать всех своих друзей и писать, какие они хорошие, добрые, заботливые, весёлые, умные, находчивые, отзывчивые, ловкие, умелые, смелые и каждый из них – настоящий друг! И ещё нарисовал их портреты. Цветными карандашами.

Книга получилась большая и интересная.

Каждый хотел её прочитать, и все говорили: «Надо же, такой маленький, а какой умный Мышонок! Такую замечательную книгу написал!»

РОЗОВАЯ ТУЧКА

Жила-была на свете маленькая Тучка. У неё была мама Дождевая Туча и папа Грозовая Туча, и бабушка Молния, и дедушка Гром, и тётя Разноцветная Радуга. У неё были сестрички – маленькие синие тучки. И всё-таки наша Тучка чувствовала себя несчастной.

Дело в том, что она была не такая, как все. Она была РОЗОВАЯ! Совсем как поросёнок. И это её очень-очень огорчало. Поэтому она часто плакала и никак не могла подрасти. Все её

синие сестрички понемножку становились настоящими большими дождевыми тучами, а она оставалась маленькой. И это огорчало её ещё больше.

Но вот однажды, когда Розовая Тучка в очередной раз поглядела на себя в зеркало и стала, как всегда, плакать, Разноцветная Радуга, тучкина тётя, не выдержала и сказала:

– Дорогая племянница! Почему бы нам не прогуляться на землю? Из-за своих слёз ты ещё не видела всего того, что творится внизу. А надо заметить, там очень интересно.

Тучка не ответила тёте, даже не посмотрела в её сторону. Но Радуга, ничего больше не говоря, схватила Розовую Тучку в охапку и побежала вниз. И это было, поверьте, очень красивое зрелище!

Разноцветная Радуга остановилась у маленького домика. Там жили Олежка, мама и папа. Все они как раз пили на веранде черёмуховый чай.

– Мама, папа, поглядите! Какая замечательная Розовая Тучка! – звонко закричал Олежка. – Она такая красивая! И похожа на моего плюшевого поросёнка!

Тучка услышала и чуть не расплакалась от радости: ведь её похвалили первый раз в жизни! На радостях Тучка выпустила пару треугольных ушек, круглый пяточок и маленький-маленький хвостик. Чтобы позабавить Олежку.

С той поры они и дружат: Тучка и Олежка. Маленькая Тучка скоро выросла и теперь каждый день поливает Олежкину клумбу. На клумбе растут маргаритки, розовые, как сама Тучка. Теперь у Тучки всегда хорошее настроение, ведь она такая красивая, такая замечательная! Так Олежка сказал. А он обманывать не будет.

ГОРДАЯ СЛИВА

Жила-была Слива. Когда-то она на ветке росла, а теперь жила в банке под жестяной крышкой в сладком сиропе.

Но жизнь у Сливы была несладкая. Днём и ночью ей не давала покоя одна и та же навязчивая мысль: ну почему она

не Дыня – большая, гордая и одинокая? Лежала бы на полочке, верёвочкой обвязанная, а не парилась бы в темноте с сестричками вперемешку.

Злилась Слива, злилась, да и лопнула и плесенью покрылась.

Хозяйка банку открыла и выбросила гордичку в мусорное ведро.

Слива больно стукнулась о стенку, но подумала: «Зато теперь не будет тесно!» Но тут на Сливу обрушился такой град очистков, огрызков и бумажек, что она чуть не упала в обморок и из последних сил стала карабкаться к краю ведра...

* * *

Очнулась Слива в каком-то теплом, узком даже для неё коридорчике. Это была мышинная норка. В норке жил мышонок Федя. Мышонок был совсем маленький. У него была сломана лапка. А маму съела кошка.

Федя никогда в жизни не видел слив. Он спросил, затаив дыхание:

– Здравствуйте, Вы кто?

Слива смутилась и сказала:

– Я – ...Дыня... – и, помолчав, добавила:

– Ну, только маленькая.

А, подумав ещё, совсем тихо уточнила:

– Сливой зовут.

СЕКРЕТ ПУДРЕНИЦЫ

Пудреница никак не могла понять – ну почему из неё всё время что-то сыплется? Надоело. Стиснула Пудреница зубы покрепче и смотрит, что из этого выйдет.

Подошла Мама к туалетному столику, стала Пудреницу открывать – не открывается! Рот у неё на замке. «Пусть хоть молотком стукнет – слова не скажу!» – думает Пудреница.

А Мама бережно взяла Пудреницу и отнесла Папе:

– Дорогой, посмотри, что случилось с моей любимой пудреницей?! Только осторожней, не сломай!

Пудренице стало приятно, что её так любят, и она разулыбалась. Мама напудрилась, и ушла с Папой в театр.

А Пудреница поняла: радость из неё сыплется! Радость.

УЛЫБКА ГРУСТНОГО ЁЖИКА

Жил-был на свете грустный Ёжик. Он был хороший Ёжик – добрый и в меру колючий. Но почему-то никто никогда не видел, как он смеётся или хотя бы улыбается.

Жил Ёжик в своём аккуратном, добротном домике, который сам сложил из разноцветной гальки и скрепил илом. Крышу Ёжик сделал из сосновых досок и выкрасил красной краской. А ещё на крыше была сверкающая чёрная труба. Когда из трубы шёл синий дымок, это означало, что Ёжик печёт булочки, сушит сухарики или заваривает чай.

Чай Ёжик любил липовый – ярко-жёлтый, пахнущий июлем, солнцем и липовым мёдом, и все в лесу знали: после того, как Ёжик попьёт вечерний чай, он непременно будет петь.

Пел Ёжик удивительно красивые, но грустные песенки собственного сочинения. В них не было слов – одна только музыка, но Белочке казалось, что песенки звучат по-беличьи, Зайчику – по-заячьи, а Божьей коровке – по-жучиному. Такие вот удивительные песенки получались у Ёжика. И каждый вечер – новая.

Зверята с нетерпением ждали, когда из чёрной трубы домика под красной крышей пойдёт дым: это означало, что скоро Ёжик будет петь. Все тихо усаживались на лужайку под окном дома, раскрывали зонты, если шёл дождь, и слушали, слушали...

Но вот однажды, дослушав до конца новую тихую мелодию, Белочка вытерла пушистым хвостом слезинку и воскликнула:

– Друзья! Ну почему же наш Ёжик сочиняет такие грустные песенки? Неужели в его добром сердце нет места радости? Неужели он никогда не радовался первому весеннему дождю и ласковому солнцу?

Она соскочила с ветки и постучала в дверь.

Все звери, затаив дыхание, ждали.

Пение прекратилось. Все думали, что хозяин спросит: «Кто там?», но Ёжик сразу же открыл дверь.

– Ой, – сказал он удивлённо. – Очень рад Вас видеть, Белочка! Как приятно, что Вы заглянули ко мне! Проходите, прошу Вас!

Он был подслеповат и не заметил Белочкиных друзей.

– А я не одна! Мы с друзьями каждый вечер слушаем, как Вы поёте!

Ёжик удивился. Он и не думал, что его песенки кому-то нравятся! Да и откуда ему было это знать – ведь никто ему этого не говорил!

Ёжик распахнул дверь пошире и пригласил всех в гости.

Белочка, Божья коровка, Синичка, Заяц, Бурундук и Галчонок вошли в дом и увидели большой стол, на столе – самовар. А напротив самовара – глиняный горшок с высоким растением. У него были красивые резные листья, высокий сочный стебель, а на вершине стебля – огромный голубой бутон. И светился этот бутон изнутри удивительным серебристым светом!

Все гости ахнули от изумления и принялись расспрашивать Ёжика, откуда у него такой необыкновенный цветок и когда же он распустится.

Ёжик сразу погрузился. А потом сказал:

– Однажды давно я сидел у окна и смотрел на звёзды. Вдруг одна из них полетела вниз и упала прямо перед моим домом! Я выбежал на лужайку с фонарём, но нашёл не звезду, а странное голубое семечко и посадил его в горшок. А бутон у этого растения появился целых полгода назад. Мне казалось, что внутри бутона кто-то живёт, и я начал с ним разговаривать, а потом – петь ему песенки. И бутон светился и качался в такт мелодии.

...Каждое утро, только проснувшись, Ёжик бежал к горшку посмотреть, не раскрылся ли цветок. Так прошло много времени... Бутон стал понемногу усыхать, и свет внутри него стано-

вился все тусклее и тусклее. И песенки Ёжика становились всё грустнее день ото дня.

– Ну, вот и всё, – печально закончил Ёж и тяжело вздохнул.

Все звери окружили цветок и с волнением вглядывались в голубой бутон... Он засветился чуть сильнее, но вдруг снова потускнел.

И тогда Белочка крикнула:

– Галчонок, спой свою любимую песенку!

И Галчонок запел песенку о том, как чудесно пахнет свежая влажная земля, когда из нее появляются зелёные ростки, как много солнечного света льётся на них с весеннего неба!

Потом песню подхватила Божья коровка. Она пела об одуванчиках и ароматном июльском мёде. А Бурундучок с Белочкой вслед за ней запели про то, как душисты осенью кедровые орехи и сочны спелые ягоды...

А когда все звери и птицы спели любимую колыбельную Ёжика, бутон вдруг раскрылся!

Искристый звёздный свет и необыкновенный неземной аромат залили всю комнату, а откуда-то из глубины цветка зазвучала удивительная музыка. Гости слушали эти волшебные звуки, затаив дыхание и вдруг увидели, что Ёжик улыбается – так ласково и так хорошо, как умеют улыбаться только ёжики!

КАК ЁЖИК С КАКТУСЁНКОМ ПОДРУЖИЛСЯ

Жил-был на свете Ёжик. Был он колючий и добрый, как все ёжики. Вот пошёл он погулять и в окошке соседнего домика увидел Кактусёнка. Кактусёнок нежился на солнышке и негромко мурлыкал себе под нос настоящую кактусячью песенку:

У кота – пушинки,
У меня – колючки,
У лисы – хитринки,
У меня – цветочки!

– А что, у тебя и вправду есть цветочки? – спросил у Кактусёнка Ёжик.

Кактусёнок ничего не ответил, только повернулся другим боком. И Ёжик увидел настоящие белые цветы, очень красивые, и пахло от них мёдом!

«А у меня никогда-никогда не вырастет ни одного цветочка», – заплакал Ёжик. Ему стало так обидно!

Кактусёнок увидел, что Ёжик плачет, и очень удивился:

– Ёжик, почему ты плачешь?

– Потому, что я – не кактус, и у меня никогда не вырастет ни одного цветочка, никогда! – и он заплакал ещё горше.

– Ёжик, не плачь! Знаешь, когда я был маленький, я всё время плакал, потому что хотел стать Ёжиком. Ведь у ежей есть целых четыре лапы, они умеют бегать, сворачиваться клубком и играть в догоняшки! Это так замечательно – быть Ёжиком! – сказал Кактусёнок.

– Это правда? – всхлипнул Ёжик.

– Правда. Честное кактусячье, – ответил Кактусенок. – Верь мне. Ведь я гораздо старше тебя. Кактусы живут долго, а растут медленно. Хочешь, я буду твоим старшим другом?

– Очень хочу! – ответил Ёжик и перестал плакать.

Замечательно, когда у тебя есть старший друг. Особенно, если у твоего друга всегда с собой цветы.

СКАЗКА ПРО КРАСИВОГО КРОКОДИЛА

У зелёного Попугайчика был разноцветный хвост, аккуратный клюв и пёстрый хохолок. Целый день он любовался собою, глядя в зеркало, и причёсывался. Но какой толк от красоты, если тебя никто не видит! И решил Попугайчик принять участие в конкурсе красоты «Зелёный красавец». Полетел он на поляну, где собралось строгое жюри: Черепаха, Слон и Бегемот.

Там уже были Лягушонок, Кузнечик, Ящерица и даже зелёная Мартышка, которая зелёная только чуть-чуть.

Лягушонок громко квакал, чтобы на него обратили внимание, Кузнечик стрекотал, Ящерица красиво изгибала хвост, а зелёная Мартышка прыгала с ветки на ветку. Каждый надеялся, что победит именно он.

Жюри долго совещалось, шумело и пыхтело. Наконец Слон сказал:

– Победителем конкурса «Зелёный красавец»... – и вдруг замолчал, потому что на поляну приполз огромный зелёный Крокодил.

– Я тоже хочу принять участие в конкурсе! – хрипло сказал он, лязгая огромными страшными зубами. – Ведь самый красивый – это я!

Звери испугались и замолчали.

«Теперь-то я точно не стану победителем...» – загрустил Попугайчик.

Но жюри было непреклонно. Слон откашлялся и повторил:

– Победителем нашего конкурса стал... зелёный Попугайчик!

И надел на шею победителю зелёный венок.

Все звери громко захлопали, а Попугайчик радостно засмеялся, но тут вдруг увидел, что Крокодил плачет огромными крокодильими слезами:

– Никогда-никогда меня не назовут самым красивым... Ведь я такой безобразный! – рыдал Крокодил, и его нарядная зелёная рубашка промокла насквозь.

Звери притихли и не знали, что делать. Только Попугайчик не растерялся, смело подлетел к Крокодилу, снял со своей шеи венок и положил на крокодилью макушку.

– Не плачь! – сказал Попугайчик. – Ты очень... Очень красивый... Просто не все это понимают!

– У тебя такие красивые глаза! Как... как звезды! – добавил он.

Крокодил разулыбался и перестал плакать. И лязгать зубами – тоже. Он вдруг добрым стал, и все перестали его бояться.

– А давайте я вас всех на спине покатаю! – предложил Крокодил, и все обрадовались. И уселись ему на спину. Кроме Слона, конечно. И Бегемота.

ДЕДУШКА СТАКАНЧИК

Стаканчик подумал: «А я мальчик или девочка? Если мальчик, то надо бы с кем-нибудь подраться, если девочка – то косички заплести!»

Но кружки с ним драться не захотели, а косички плести было не из чего. И тогда Стаканчик догадался, что он просто уже дедушка – лысый и неврачливый. И стал вилочкам сказки на ночь рассказывать, а кофейную ложечку в детский садик водить и из садика забирать. Мамы на него не нарадовались!

Вот только трубку Стаканчик курить не стал. И без этого хороший дедушка из него получился.

ПОЮЩАЯ РАДУГА

Жила-была на свете маленькая Радуга. У неё было всего два цвета – красный и синий. И потому ей не разрешали появляться ни над лесом, ни над городом, ни над речкой, ни даже над лужей.

Доктора выписывали ей разные лекарства, назначали жёлтые, зелёные и фиолетовые ванны, но ничего не помогало: Радуга подрастала, а разноцветней не становилась.

Однако она не унывала и в свободное от разных ванн время брала уроки пения.

Вообще-то радуги не поют – боятся, что от пения с них вся краска облетит, и их не пустят над Землёй покрасоваться. Они всё время в зеркало смотрятся и следят, чтобы разноцветные полоски с места на место не перебежали. Так что учиться им некогда.

Ну, а маленькую Радугу и так никуда не пускали, да и красоваться она не любила – ни над Землёй, ни перед зеркалом. А петь ей очень нравилось, вот она и пела целыми днями. Тайком от мамы, конечно.

И вот настал день, когда маленькая Радуга САМА сочинила песню. Это была замечательная песня про то, как это здорово – жить на свете и любить маму.

Маленькая Радуга не удержалась и спела маме эту песню. Хотя и боялась, что её будут ругать.

Радуга-мама сначала испугалась, что от пения дочка станет совсем бледной, но потом ей так понравилась песенка, что она даже разрешила маленькой Радуге ходить в музыкальную школу. Хотя там учатся только Молнии, Дождинки, Градинки и Метели.

Маленькая Радуга оказалась прилежной ученицей, и вскоре в Небесной академии ей не было равных!

Правда, все остальные радуги говорили, что мама Радуги поступила очень плохо, и маленькая Радуга так никогда и не станет разноцветной. И поделом! Нечего не своим делом заниматься.

Маленькая радуга вздыхала, но продолжала учиться. Всё равно ей уже никогда не стать разноцветной...

И вот настал день Великого Весеннего Концерта. Маленькая Радуга должна была исполнить песню собственного сочинения.

Сначала ей было очень страшно, но потом она собралась духом и спела так хорошо, что все остальные радуги громко захлопали в ладоши и закричали: «Браво! Браво! Молодец!»

Маленькая Радуга засмеялась от счастья, и вдруг на глазах у всех у неё появились недостающие цветные полосы!

НОВОГОДНЯЯ СКАЗКА

У Ёлочки в новогодний вечер было много хлопот. Надо успеть принарядиться и помочь Деду Морозу развесить подарки: на нижних ветках – для мышек, на средних – для зайчишек, на макушке – для белок и бурундуков. Не забыть лосят и оленят, и, конечно, синиц и дятлов.

Ох, нелёгкая эта работа – быть красивой и весёлой, когда ветки так и хочется опустить вниз, такие тяжёлые они от подарков!

Но Ёлочка держалась молодцом. В этом году она впервые победила в конкурсе красоты среди всех лесных ёлочек, и ей выпала честь стать Новогодней Ёлочкой. Ёе короновали настоящей сияющей Звездой – победительницей конкурса Новогодних Звёзд.

Ровно в двенадцать часов важный чёрный дятел с праздничной алой шапочкой на голове отстучал клювом двенадцать ударов, и все лесные звери и птицы принялись поздравлять друг друга с Новым Годом, с новым счастьем! А белки и бурундуки затеяли беготню среди веток Новогодней Ёлочкой, помогая зверятам снимать подарки...

Весело и уютно было Ёлочке. Жаль только, не могла она вместе со всеми водить хоровод. Но ведь это не беда, Ёлочка размахивала ветками в такт карнавальной песенке и старалась, чтобы от неё пахло по-праздничному замечательно...

Танцы и песни продолжались до самого утра, а когда небо посветлело, Новогодняя Звезда попрощалась с Ёлочкой и улетила на небо.

...Уставшие зверята уснули. Ёлочка бережно покачивала на своих ветвях белочек, бурундуков, пичужек, нижними ветками укрывала зайчат и пела им колыбельную песенку, в которой был такой припев: «Как хорошо на свете жить, когда есть, кого любить!»

Рекомендуем почитать

Цхай, И. В. Сказки / рис. В. Сычева-Плевако. – Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. – 1 обл. (3 отд. л.) : ил.

Цхай, И. В. Поющая радуга : сказки для маленьких и больших / [предисл. С. Ключникова ; худож. Е. Цхай]. – 2-е изд., перераб. и доп. – Барнаул : Алтапресс, 2011. – 60, [4] с. : ил.

Цхай, И. В. Солнечная азбука : кн. для детей / [ил. А. Н. Шушеначева ; Упр. Алт. края по культуре и арх. делу, Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова]. – Барнаул : Алт. дом печати, 2015. – 103 с. : ил. – (Победители краевого конкурса на издание литературных произведений). – На обл. загл.: Солнечный зайчик.

Чебаевский

Николай Николаевич

(27.03.1917 – 23.01.1989)

Родился в г. Елабуге Татарской АССР в семье землеустроителя. В детстве после конфликта с местными кулаками из-за деятельности отца стал инвалидом. В 1930 г. семья переехала в с. Тогул Алтайского края. После окончания средней школы работал чертёжником, затем художником Дома культуры.

Первые рассказы были опубликованы в альманахе «Алтай» в 1948 г.

Награждён медалями «За освоение целинных земель», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина».

Член Союза писателей России с 1958 г.

ОЧКИ

Девочку звали Раей. Была она маленького роста, но полная, круглолицая. Две короткие косички едва касались плеч. Тёмно-карие глаза выглядывали из-за круглых очков. Кажалось, очки давили на нос и именно от этого прогнулась его серединка и поднялся кончик. Когда она впервые вошла в пятый класс, ученики переглянулись, а некоторые зашептались:

– Смотрите, как мартышка!

Девочка, наверное, услышала – она смутилась и, ни на кого не глядя, села за свободную парту.

Рая оказалась замкнутой девочкой. На переменах не выбегала играть во двор, не стремилась найти подружек, а молча читала книгу. Так прошла неделя-другая... Ученики сначала удивлялись, потом перестали обращать на неё внимание.

Только Боря Пыреев, самый большой озорник в классе, никак не унимался. Тихоня-девочка страшно не нравилась ему. Он при каждом удобном случае старался хоть чем-нибудь досадить ей.

Однажды Боря шёл на рыбалку. Повернув в переулок, он прямо перед собой увидел Раю. Девочка сидела на корточках, а на дорожке валялись очки. Одно стёклышко расколосось на мелкие осколки. Девочка растерянно смотрела на них.

«Ага! – подумал Боря. – Уронила, сломала...» И так как

очки он ненавидел у Раи больше всего, то не утерпел, незаметно подошёл и, будто невзначай, наступил на целый глазок. Стёклышко звонко хрустнуло под каблуком ботинка.

Девочка с ужасом взглянула на Боря, хотела что-то сказать, но губы у неё задрожали, она судорожно сжала их и отвернулась к плетню. Боря невозмутимо зашагал дальше. Но вскоре он почувствовал что-то неладное в своём поступке. Раины глаза, полные испуга, преследовали его.

Возвращаясь с рыбалки, Боря снова увидел девочку. Она сидела на крылечке дома, где жила, и держала перед собой книгу. «Ага! Читает же... И без очков – читает!» – подумал он не без злорадства. И, спрятавшись за реденьким тыном, сквозь который было видно всё, стал наблюдать за девочкой. Ему очень хотелось увериться, что Рая вполне может обходиться без очков, что носила она их просто для важности... То-то он посмеётся над ней в школе!

Но что это? Девочка поднесла книгу к самому носу, прищурившись, долго всматривалась в неё, точно отыскивая на листе какое-то микроскопическое существо, потом сердито тряхнула головой, отодвинула книгу подальше, поморгала и, широко-широко раскрыв глаза, снова стала всматриваться в книгу.

Боря внимательно следил за каждым её движением, за выражением лица. Вот губы у неё зашевелились, очевидно, беззвучно произнесся какие-то слова из книги, но тут же задрожали, а глаза наполнились слезами.

«Эх! Ничего она не видит. А я ещё смеяться хотел...»

Боре стало не по себе, он выскочил из-за плетня и поспешил к дому...

Было это в субботу, а в понедельник, когда Раю вызвали к доске, она с трудом ответила заданный урок.

– Почему ты, Рая, не подготовилась? – спросила учительница.

– Я... не могла... – ответила девочка в замешательстве. – Очки у меня...

Боря вспыхнул, опустил глаза. Он ждал, что сейчас Рая

расскажет, как он растоптал очки, и учительница сердито спросит: «Пыреев, почему ты это сделал, как тебе не стыдно?!»

И весь класс осуждающе будет смотреть на него. Придётся оправдываться, что наступил нечаянно...

Но Рая неожиданно для Бори сказала:

– Очки у меня разбились. Торопилась, запнулась, а они упали на дорожку... А новых в аптеке нет. Придётся в город заказывать... – девочка помолчала и добавила: – Готовиться по учебнику я, Надежда Ивановна, не могу, но я буду на уроке слушать внимательнее и постараюсь запомнить...

Учительница ласково улыбнулась.

– Хорошо, Рая. Слушай внимательно, а от подготовки уроков и письменных работ, мы тебя пока освободим...

Боря облегчённо вздохнул: «Всё-таки она хорошая девочка, не пожаловалась... – решил он. – А я... я...» Мальчик не нашёл подходящего определения своему поступку, но понял – поступил нехорошо. Он сидел некоторое время, уткнувшись взглядом в парту, потом вдруг поднялся и, густо покраснев, сбивающимся голосом сказал:

– Надежда Ивановна... это я... я у Раи очки растоптал! Учительница удивилась, укоризненно посмотрела на девочку. Та, только что севшая за парту, вновь поднялась.

– Так ведь он же нечаянно... Сначала я их уронила и одно стёклышко разбилось, а потом он уж... нечаянно на второе наступил...

Боря покраснел пуще прежнего, опустил голову ниже, но тут же решительно вскинул её:

– Нет, я нарочно... Я только вид сделал, что нечаянно...

– И зачем ты это сделал?

– Не знаю... Просто так... Увидел очки на дорожке и наступил... Учительница внимательно посмотрела на мальчика и девочку и, видимо, решив, что расспросы ни к чему не приведут, а стыдить мальчика, когда он сознался, излишне, сказала:

– Хорошо, Боря, что ты сам понял, какой некрасивый поступок совершил.

Вечером Боря, краснея и переступая с ноги на ногу, долго говорил о чём-то со своей бабушкой... А на следующее утро незаметно подкрался к дому Раи и тихонько положил на подоконник раскрытого окна бабушкины запасные очки...

МОРОЖЕНОЕ

Под окнами дома, где жил Алёша, росли молодые липки. Три года назад Алёша вместе с папой сам сажал эти деревца. Тогда он был ещё совсем маленький, даже в школу не ходил, и липки тоже были маленькие. А теперь и он подрос, и липки сильно вытянулись, сомкнулись кроной. На улицу от них ложилась густая тень, в которой любил останавливаться со своей тележкой продавец мороженого.

Мороженое, правда, Алёше покупать приходилось не так уж часто, но тем, что продавец останавливается под его липками, мальчик очень гордился.

– Вот у тебя липок нет, и продавец не останавливается! – не раз говорил он своему приятелю Косте.

– Не больно и нужно! – отвечал тот. – Денег дадут, так я хоть куда за мороженым сбегая!

Но втайне он завидовал Алёше, и тот знал это.

Однажды Алёша увидел из окна, как Костя что-то говорил продавцу, размахивая руками и показывая на липки.

«Что он ему говорит?» – с беспокойством подумал Алёша.

Продавец выслушал Костю, тоже посмотрел для чего-то на липки и поехал дальше, не останавливаясь, по обыкновению, под ними.

«Это ему Костя не велел останавливаться, – сообразил Алёша. – Вот я уже ему покажу!»

Рассерженный мальчик вылетел на улицу и, ни слова не говоря, налетел на приятеля с кулаками.

– Ты что, с ума сошёл! – закричал Костя, обороняясь. – Я тебе доброе дело сделал, а ты драться...

– Добро! Это чтоб продавец-то не останавливался?

– Ну да, чтоб не останавливался под липками.

– Так это добро?! – выкрикнул Алёша, вновь накидываясь на товарища.

– Но ведь сохнут же липки! – тоже выкрикнул Костя. Алёша опешил.

– Какие липки? Почему сохнут?

– А потому и сохнут, что из мороженого вода солёная течёт, а для деревьев она вредна, – ответил Костя. – Я сегодня от папы услышал и сразу о твоих липках подумал. Прибежал, посмотрел – верно, вянут вершинки...

Алёша посмотрел на липки. Костя был прав – листья одной из них стали заметно желтеть.

– Как же это так... – растерянно пробормотал мальчик.

– А так, не надо продавцу давать останавливаться под ними.

Алёша согласился и с этого дня никогда уже не хвастался перед Костей своими липками.

СКВОРЧИК

Утром впервые вылетели из своих скворешен серенькие, желторотые ещё скворчики. Скворечник висел у нас на тополе под окном, и я видел, как скворец и скворчиха выманивали своих птенцов, – сидят с кормом на соседнем дереве и призывно покрикивают. Скворчики то один, то другой выглядывают в дырку скворешни, но лететь не решаются. Потом один из них, наверное, самый смелый из выводка, вывалился в дырку, часто-часто замахал крылышками и перелетел к своим родителям, получив в награду червяка.

За ним вылетели и все остальные. Остался в гнезде лишь один, самый слабенький. Он долго не мог набраться смелости и сидел в дырке, жалобно попискивая. Но в конце концов, и он выпрыгнул, отчаянно замахал крылышками, но до соседнего дерева не смог долететь – свалился на землю.

И тут оказалось, что за скворечником наблюдал не только я. Тотчас же к упавшему птенцу устремилась рыжая собака. Однако не успела она добежать до него, как наперерез ей отку-

да-то выскочили соседские ребяташки. Громкими криками они отогнали собаку, несмотря на то, что была она злая, что купил я её недавно и ребяташки ещё не успели приучить её к себе.

– А вы, оказывается, смелые ребятаки! – сказал я, выйдя к ним.

– Так ведь она скворчика съела бы! – ответили мне мальчишки, поймав птенца и посадив его на ветку дерева. – А знаете, сколько пользы приносит, сколько гусениц, личинок и букашек разных вредных уничтожает один скворец?..

– Знаю, – улынулся я. – Знаю и то, что вы хорошие ребята.

ПРИЕЗЖАЙТЕ В ВОСКРЕСЕНЬЕ

Ваня и Гена бегали за мячом по улице. Мяч улетел к забору. Ваня осторожно полез за ним, чтобы не обжечься крапивой. Там-то, на широком листе лопуха, он и увидел таинственную телеграмму. Мальчик поднял её, прочитал. Кому она была адресована – разобрать не удалось, буквы смыло недавним дождём. Но зато совершенно ясно можно было прочесть такие слова: «обязательно приезжайте воскресенье».

Ваню, страшного любителя всего необыкновенного и загадочного, очень заинтересовали эти слова.

– Генка, Генка! – закричал он возбуждённо. – Смотри-ка, телеграмма!..

– Какая там ещё телеграмма, – недоверчиво отозвался Генка, – откуда она возьмётся в лопухах?..

– А вот и взялась! Гляди-ка...

Гена подошёл и тоже прочитал телеграмму.

– Ну и что ж, – сказал он равнодушно, – может, бросил кто-нибудь...

– А если не бросил, – возразил Ваня, – если телеграмма потерялась?.. Тут написано «обязательно приезжайте воскресенье», а воскресенье завтра, значит, кого-то просят обязательно завтра приехать... Кто же такую телеграмму бросит?

– Может, её давно бросили...

– А может, старушка какая заболела и просит к ней приехать... – не унимался Ваня, – тут же, видишь, подпись: «Петровна»...

– И вовсе не Петровна, а Петрович... – сказал Гена.

– Пусть и Петрович. Может, и Петрович этот заболел, а может, и ещё что-нибудь важное... Нет, надо обязательно отыскать – кому эта телеграмма послана!

– Как же ты отыщешь – адреса-то нет...

Ваня задумался. Как же быть? Ещё раз внимательно осмотрел телеграмму. Но как он её ни рассматривал, адреса разобрать было невозможно. Слабо различалась лишь одна заглавная буква «Г».

– Гришину, наверно, эта телеграмма, – неуверенно заключил Ваня.

– А может Горлову или Глинкову... – И Гена стал перечислять всех, кто на их улице имел фамилию, начинавшуюся с буквы «Г».

– Ну что ж, обойдём их всех и узнаем, кому телеграмма, – решил Ваня и так горячо стал убеждать Гену в необходимости это сделать, что Гена пошёл вместе с ним.

Телеграмма оказалась Горлову. Но, прочитав её, он разочаровал ребятшек.

– Это мой знакомый рыбак из колхоза «Заря» звал меня в прошлое воскресенье на рыбалку. На остров мы с ним ездили, на Сосновый...

Остров Сосновый, что лежал посреди большого озера, славился и степном районе, где жили ребята, необычным богатством рыбы. Мечтой любого мальчишки из всех сёл района было – попасть на этот остров. В другое время, узнав о том, что дядя Горлов ездил на Сосновый, ребята закидали бы его вопросами об этом острове. Но сейчас они только растерянно переглянулись – телеграмма оказалась никому не нужной.

Генка, правда, тотчас же справился с этой растерянностью и посмотрел на Ваню уже насмешливо: «Что, мол, не правду ли я тебе говорил, что пустяковая телеграмма!» А Ваня покраснел и потупился...

И тут произошло совсем неожиданное. Дядя Горлов вдруг прищурил один глаз и сказал:

– Телеграмма, конечно, ни к чему. Важно другое, – что вы оказались наблюдательны и к людям внимательны. Стоит, пожалуй, взять вас за это на остров. Я ведь завтра снова туда еду. Хотите со мной?

– Ясно, хотим! – разом воскликнули ребята.

И Ваня посмотрел на Гену уже торжествующе.

ГРЯДКА МОРКОВИ

Три девочки-подружки шли по улице села в библиотеку. В огороде возле одного дома они увидели бабушку Устиновну. Она полола грядки моркови.

Бабушку девочки знали давно: была она мастерица рассказывать сказки. Месяца два назад на школьном вечере слушали её.

– Здравствуйте, бабушка! – звонко поздоровались с ней девочки. Устиновна поглядела на девочек из-под тёмной ладони, потом закивала головой в клетчатом платочке:

– Здравствуйте, здравствуйте, касаточки мои!

Часа через три возвращались девочки домой. Побывали они за это время в библиотеке и в школьном саду, полили цветы, взрыхлили под яблоньками в приствольных кругах землю. А бабушка Устиновна, оказывается, не прополола за это время и четвёртой части грядки.

– Бабушка, вы всё ещё морковку полете? – удивились девочки.

Устиновна тяжело распрямилась.

– Всё полю, голубоньки сизокрылые. Стара стала, глаза-то худо видят, где морковка, где просто травка... Тихо дело идёт.

– Бабушка грустно вздохнула: – Да и то, пора уж и отдохнуть: жарко больно стало... Хоть старые косточки и любят тепло, да как шибко-то солнышко припечёт, работать тяжело.

Старушка осторожно, чтоб не запачкать, поправила платочек на голове и побрела в дом.

Девочки посмотрели друг на друга. И хоть ни одна из них ни слова не сказала, каждая по глазам подруги видела, что пришла им в голову одна и та же мысль. Они весело улыбнулись.

А под вечер, когда жара спала, и Устиновна снова пришла к своей грядке, чтоб продолжить работу, она увидела, что морковь чистенько выдолота и умело прорежена.

Старушка только руками от изумления развела. Потом догадалась, и светлая улыбка озарила её лицо.

ТРИ МЕЧТЫ

В горах Алтая растут большие кедровые леса. И когда наступает в конце лета пора сбивать шишки – для ребятешек это бывают самые счастливые дни.

Вот пошли однажды за шишками три брата со своим дедушкой. Насбивали каждый по мешочку и несут домой. Устали, идут молча. Тогда дедушка спросил:

– О чём же, внучата, задумались?..

– А так, ни о чём не думаем, – отвечают мальчики. – Просто молчим...

– Так, так... – усмехнулся дедушка. – Тогда я вам сейчас задачку задам, чтоб вы не просто молчали, а подумали. А задачка моя такая: кто из вас лучше придумает, куда эти шишки определить? Скажите мне, а я подумаю и решу, чья же мечта будет лучше...

– Да тут и думать нечего! – воскликнул первый брат. — Придём домой, орешки вышелушим, а потом сощёлкаем, как всегда.

– Ну, это не мечта! – сказал дедушка.

– А я бы так сделал, – предложил второй брат после недолгого раздумья, – продал бы орехи на базаре и купил дедушке новую шапку, потому что старая у него совсем плоха стала...

Засмеялся тут дед, снял свою шапку, посмотрел:

– Верно, худа стала. Спасибо, внучек, за заботу, только шапку к зиме я и без орехов куплю. Не настоящая у тебя мечта получилась.

Третий брат долго молчал, и дедушка спросил его:

– А ты почему молчишь, разве нет у тебя никакой мечты?

– Есть, – ответил тогда третий мальчик. – Я бы собрал все

эти орехи и послал ребятам куда-нибудь в другую школу. Они бы посадили, и у них тоже кедры выросли...

– Вот это уже настоящая мечта! – весело сказал дедушка.
– Хорошая мечта, и её надо обязательно осуществить!..

ОДИНАКОВЫЕ

Жили две неразлучные подружки-первоклассницы. Обе полненькие, розовощёкие, светловолосые, они очень походили друг на друга. Обеих мамы одевали в одинаковые платья, обе они учились только на одни пятёрки.

– Мы во всём, во всём одинаковые! – с гордостью говорили девочки.

Но однажды Соня, так звали одну из девочек, прибежала домой и похвастала маме:

– Я получила по арифметике пять, а Вера только тройку. Мы стали уже не одинаковые...

Мама внимательно посмотрела на дочку. Потом сказала грустно:

– Да, ты стала хуже...

– Я? – удивилась Соня. – Но ведь тройку-то получила не я!..

– Тройку получила Вера, но она ведь получила её потому, что на днях болела... А ты обрадовалась – и это значительно хуже!..

МАЛЬЧИШКИ

Шёл такой дождь, что мостовая исчезла: разлившись до самых домов, бежали пенистые потоки. Водосточные трубы напряжённо гудели, выбрасывая клокочущие струи далеко за бочонки, подставленные хозяйками. Деревья опустили тяжёлые ветки и часто-часто, словно испуганно, вздрагивали.

Ливень разогнал прохожих. Попрятались даже ребяташки, жадные до всего необыкновенного. Только чья-то собака, волоча намокший хвост, бежала едва не по брюхо в воде.

Старый врач, стоя у окна и надевая пальто, с опаской смотрел на улицу, его вызвали к больному: долг и совесть призывали врача немедленно явиться на помощь.

– Ну и дождичек, – проговорил он, в поисках зонтика оглядывая комнату. Но зонтик где-то затерялся, и врач, досадливо махнув рукой, решительно направился к выходу.

Сквозь ветхий деревянный тротуар пробивались ключи, а там, где тротуара не было, уже пузырилась грязь. Врач, неловко скользя, шёл по щиколотку в мутной воде. Ливень хлестал ему в спину, и он всё более горбатился.

– Смотри-ка, доктор не боится дождя, а мы прижались, как трусы...

На звонкий детский голос врач оглянулся. Под широким навесом старинных ворот стояли два мальчика. Жили они по соседству, и Степан Петрович немного знал их.

Меньший мальчонка держал в руках пароходик из сосновой коры. С намерением спустить его в ручей дети выскочили из дому, видимо, в начале дождя, но когда хлынул ливень, они укрылись под навесом. Теперь смелость врача воодушевила ребят. С весёлым визгом выскочили они из-под укрытия. Дождь моментально промочил их рубашонки. Но мальчишкам уже было не страшно. Они спустили на воду пароходик. Мутный пенный поток захлестнул его, накренил. Мальчишки ахнули, но пароходик, словно не желая осрамить юных строителей, героическим усилием выпрямился и, покачивая красным жестяным флажком, быстро-быстро поплыл вдоль улицы.

С восторженными криками ребяташки побежали следом, моментально обогнав Степана Петровича. Первый мальчик, худенький, тонконогий, скакал большими прыжками, а второй, маленький толстяк, катился шариком, ничуть, впрочем, не отставая.

«Нечего сказать, хороший пример я показал, – невольно улыбнулся врач. – Хотя ведь и у них неотложное дело!..»

Дождь скоро перестал. Но вода всё так же продолжала бежать по улице и несла пароходик в речушку. Речушка эта была так мала, что в летние жаркие дни еле переливалась из одной ямки в другую. Водились в ней лишь пиявки да головастики. Теперь же она вздулась и, сердито пенясь и набегая волной

на травянистые берега, всеми силами стремилась походить на заправскую реку.

Пароходик, спускаясь под уклон, вдруг вырвался вперёд и понёсся с необычайной быстротой. Вот он подпрыгнул на сгорбившемся ручье, нырнул под берег, а секунду спустя оказался уже на середине речушки, да ещё вверх килем...

Мальчишки горестно закричали, кинулись в речушку и по грудь в мутной воде стали ловить потерпевшее аварию судно. На этом пробный рейс, наверное, и закончился бы, ребяташки побежали бы домой рассуждать о судоходных качествах своего корабля, но тут из-под мостика выплыл резной детский стульчик. Кружась между щепок, он перевернулся кверху точёными ножками и ударился о спину толстого мальчика. Тот испуганно оглянулся, отстранился, пропустил стульчик мимо. Однако, разглядев плывущий предмет, толстячок подпрыгнул от радости и кинулся ловить его, крикнув:

– Чур, мой!

– Нет, мой! – перехватил стульчик второй мальчишка.

– Мой! Я первый увидел и зачурал...

– А я схватил!

– Все равно – мой!

Оба «мореплавателя» крепко вцепились в стульчик и громко кричали среди пенистого потока, сердито подталкивая друг друга плечами. Причём толстячок с бритой, поблескивающей, как арбуз, головой, постепенно отжимал к мосту худенького противника с косматыми, перепутанными, как мокрая куделя, волосами.

– Отпусти!

– Сам отпусти!

– Я вот тебя стукну по лысой макушке, так узнаешь.

– Ну-ка стукни, ну-ка стукни!

– И стукну...

– Нет, не стукнешь!

Воинственные мальчишки настороженно посматривали один на другого, готовые в любую секунду сцепиться.

– Ну-ка, петушки, – проходя по мосту, сказал врач. – Не драться! Вылезайте-ка на берег, а то простудитесь и придётся вас лечить. Вода не летняя, осень уже...

Ребятишки оглянулись, но не двинулись с места.

– Ну-ну, живо! – скомандовал врач.

Сердито косясь, но не выпуская из рук стульчика, мальчишки нехотя двинулись к берегу.

Врач торопливо пошёл дальше, но снова услышал сзади громкие крики и оглянулся.

Мальчиков было уже трое. Два по-прежнему тянули в разные стороны свою находку, а третий, чуть повыше ростом, с красным галстуком на шее, круглолицый, веснушчатый, схватил их за плечи и кричал дрожащим от волнения голосом:

– Говорю, отдайте! Это из детского дома стульчик...

– Ишь, какой хитрый нашёлся! Мы словили, а тебе отдай! – сердито отвечали мальчишки и в пылу спора так рванули стульчик, что он затрещал.

– Эх, вы! – горестно взмахнул руками и презрительно вытянул губы пионер. – Сломали! Тоже сознательные... А ещё школьники!..

Необыкновенно внушительно и серьёзно прозвучали эти слова. Врач рассмеялся и пошёл своей дорогой. Он не видел, чем окончилась эта сцена, но крики сзади не сразу прекратились.

Под вечер, вернувшись из больницы, Степан Петрович вышел посидеть на балконе. Во дворе он увидел знакомых ребят. Все три скандалиста дружно ремонтировали стульчик. Рядом с ними стояла банка с клеем, лежали молоток, гвозди и пароходик с красным жестяным флажком.

Вскоре все трое, прихватив с собой исправленный стульчик и пароходик, собрались уходить.

– Куда это вы? – спросил врач.

Ребята подняли головы.

– Стульчик в детский дом понесли. Ихние ребятишки на площадке играли и оставили, а ливень смыл в речку. Вова с Петей поймали.

Толстячок и его худенький приятель стыдливо взглянули на своего старшего товарища и заговорили быстро, перебивая друг друга:

– Мы не подумали и сломали стульчик. А так-то мы разве не понимаем?! Только Вася сказал, мы сразу и поняли... Он детскому дому нужнее, стульчик-то...

– Они вот парходик хотят подарить детдомовцам, а себе другой сделают...

Ребята хотели идти, но Вася вдруг спохватился:

– Ох, мы ведь и не поздоровались с вами. Здравствуйте, Степан Петрович.

– Здравствуйте, здравствуйте, ребята! – приветливо улыбнулся врач, кланяясь.

ЯБЛОНЬКИ

Жили по соседству два мальчика – Гоша и Шура.

Весной Гоша заложил перед домом маленький яблоневоый садик. Шура старательно помогал ему. Мальчики договорились, что осенью посадят такие же яблоньки и у Шуры. Но вскоре они поссорились, и Шура пригрозил Гоше:

– Я все твои яблоньки вырублю, с корешками повыдергаю!

– Не вырubiшь! – крикнул в ответ Гоша. – Я тебя и в ограду не пуцу!

Гоша знал, что яблоньки Шура, конечно, не тронет, он только нарочно пугает его, говорит так, чтоб сильнее досадить ему. Но всё же было немножко тревожно. Не успели мальчики помириться, как Гоша тяжело заболел. Его увезли в больницу. Много дней он почти не приходил в сознание, а когда пришёл и увидел возле своей койки мать, то первым делом спросил:

– Живы мои яблоньки?

– Какие? – не поняла его мать. Она даже испугалась: «Не бредит ли сын снова?»

Гоша даже испугался: он подумал, что яблоньки уже погублены.

– Как какие? А те, которые я посадил... – сказал он дрогнувшим голосом.

Мать смутилась.

– Прости, сынок, – произнесла она. – Я даже не поглядела на них... Совсем закружилась...

Мать Гоши работала трактористкой. Весной она вообще редко бывала дома. А теперь, когда сын заболел, она почти всё свободное время проводила в больнице.

Гоша понял это, но всё-таки вздохнул печально:

– Наверное, погибли... засохли... Ведь поливать надо было, обрезку сделать...

– Может, и живы... – неуверенно сказала мать. – Сегодня же посмотрю и скажу тебе вечером.

– Полей их, пожалуйста, – попросил Гоша, – если они не совсем ещё погибли и...

Он хотел добавить: «И если Шура не срубил их», но почему-то постеснялся сказать это.

Вечером мать пришла в палату довольная, весёлая.

– Живы, живы твои яблоньки! – сказала она радостно. – И политы, и обрезаны. Всё как требуется. Зря тревожился. Там за ними такой уход!..

– Кто же ухаживал? – удивлённо спросил Гоша.

– А друг-то твой, Шура Лучков! – ответила мать. – Забыл, что ли, его?

– Нет, не забыл.

Рекомендуем почитать

Чебаевский, Н. Н. Полный вперёд! : повести и рассказы / [худож. С. Савчук]. – Барнаул : Алтайкрайиздат, 1952. – 165 с. : ил. – Содерж.: Юные хозяева : повести ; Полный вперёд! ; Садоводы ; Очки ; Дочери паромщика ; Мальчики : рассказы.

Чебаевский, Н. Н. Горячие сердца : рассказы / [худож. М. Терещенко]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1959. – 76 с. : ил.

Чебаевский, Н. Н. Маленькие рассказы / [худож. С. Чернов]. – 2-е изд., доп. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1959. – 68 с. : ил.

Чебаевский, Н. Н. Страшная Мария : повесть / худож. В. Еврасов. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1971. – 183, [1] с. : ил.

Чебаевский, Н. Н. Если любишь : роман / [худож. Р. Прохневский]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1973. – 334 с. : ил.

Чебаевский, Н. Н. Свежий ветер : повесть / худож. Л. Пастушкова. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1976. – 207 с. : ил.

Чебаевский, Н. Н. Пётр Круглов : маленькая повесть / [худож. А. Емельянов]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1982. – 79 с. : ил.

Чебаевский, Н. Н. Если любишь : роман и повесть / [худож. А. Емельянов]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1986. – 496 с. : ил. – Содерж.: Если любишь : роман ; Страшная Мария : повесть.

Чебаевский, Н. Н. Клад – озеро : рассказы / вступ. ст. Н. Родионовой-Чебаевской. – Барнаул : Корвус, 2009. – 118 с. – (Городская библиотека ; вып. 16).

(19.06.1938 – 23.07.1993)

Родился в с. Панфилово Калманского района Алтайского края. После окончания семилетней школы поступил учиться в Барнаульский строительный техникум. Служил в армии. После демобилизации работал на радиозаводе, на заводе «Геофизика», в краевом архиве. В 1961 г. окончил школу рабочей молодежи, в 1977 – Высшие литературные курсы Союза писателей России.

Занимался переводами стихов украинских, белорусских, алтайских и немецких поэтов. Автор популярных песен, созданных в содружестве с композиторами М. Стариковым, А. Лобановым, Э. Юнкманом.

Был членом бюро писательской организации, членом редколлегии альманаха «Алтай», секретарём партбюро Высших литературных курсов Союза писателей России.

Лауреат краевой литературной премии им. В.М. Шукшина (1992).

Член Союза писателей России с 1975 г.

ЁРШ

ил в реке весёлый ёрш,
всем он парень был хорош:
старших очень уважал,
малышей не обижал.
Был он добрым, храбрым, быстрым,
а ещё порой... ершистым.
Но его прощал любой –
он ведь был самим собой.

СВИРИСТЕЛИ

Прилетели свиристели,
под окошком тихо сели,
помолчали, посмотрели,
а потом засвиристели:
«Свири-свири, свири-свири,
мы летали по Сибири,
сна и отдыха не знали,
всех козявок поклевали,
насекомых всех поели
и обратно прилетели.

Под окошком мы сидим
и об этом свиристим».

СПАНИЕЛЬ

Лопухий спаниель
ничего не пил, не ел.
Потому, что на охоту –
на весёлую работу –
брать хозяин не хотел.

Только псу такое дело
очень скоро надоело.
Он за ухом почесал
и хозяину сказал:

«Я, собака-спаниель,
ничего не пил, не ел
потому, что на охоту –
на весёлую работу –
брать меня ты не хотел.

Я теперь – имей в виду –
на охоту не пойду.
Пусть с тобою ходит кот.
Вот!»

МЕДВЕДЬ–СТРОИТЕЛЬ

Выпал снег – смекнул медведь:
надо место приглядеть
под хорошую берлогу,
да и строить понемногу.
Взял пилу он и топор
и пошёл в кедровый бор.

Целый день медведь работал
до усталости, до пота:
и рубил он, и пилил,
сто деревьев повалил.

Тут – случайно или нет –
мимо шёл барсук-сосед.
Усмехнувшись, он сказал:
«Ну и дров ты наломал».

УДОД

Высоко в дупле живёт
коронованный удод.

В будний день и в день воскресный,
только солнышко взойдёт,
он одну и ту же песню
на своём суку поет:

«Уду-ду, да уду-ду,
слушай, утка на пруду,
слушай, дятел на осине,
слушай, славка на крушине,
слушай, сойка на сосне,
все вы – подданные мне».

Но упрямая ворона
ноль вниманья на корону,
и кричит пернатым: «Бр-р-ратия,
в нашем доме демокр-р-ратия!»

Рекомендуем почитать

Черкасов, Н. М. Отава : стихи / [худож. Я. Свенч]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1966. – 48 с. : портр.

Черкасов, Н. М. Ковыли : стихи / [худож. Б. Щербаков]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1970. – 111 с. : портр.

Черкасов, Н. М. Утро : стихи для детей / худож. Т. Ашкинази. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1972. – 14 с. : цв. ил.

Черкасов, Н. М. Грани : стихи, поэма / [худож. А. Щебла-

нов]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1974. – 127 с. : портр. – Из содерж.: Грани : поэма.

Черкасов, Н. М. Милая родина : стихи, поэма / [худож. Ю. Богатченко]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1977. – 102, [1] с. : ил. – Из содерж.: Урман : сиб. поэма.

Черкасов, Н. М. Исток души : стихи, поэма / [худож. Р. Прохневский]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1981. – 80 с. : портр. – Из содерж.: Урман : сиб. поэма.

Черкасов, Н. М. Простор полей : стихи, поэма / [худож. В. Еврасов]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1985. – 112 с. – Из содерж.: Человек рождается однажды : поэма в монологах.

Черкасов, Н. М. Медведь-строитель : стихи для детей / [худож. В. Кошкаржов]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1986. – 14 с. : ил.

Черкасов, Н. М. Стихотворения. Поэмы. Переводы / худож. А. Емельянов. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1988. – 175 с. : портр. – Из содерж.: Грани ; Урман : поэмы.

Черкасов, Н. М. Избранное : стихотворения, поэма / [сост., ред. и авт. предисл. В. Казаков]. – Барнаул : Алт. полигр. комбинат, 2003. – 120 с. : фото. – Из содерж.: Грани : поэма.

Черкасов, Н. М. Лирика : стихотворения, поэма. – Барнаул : [б. и.], 2003. – 191 с. : портр. – (Библиотека журнала «Алтай»). – Из содерж.: Грани : поэма.

Шукшин
Василий Макарович

(25.07.1929 – 02.10.1974)

Родился в с. Сростки Алтайского края. Окончил семилетку. Трудился слесарем на заводе во Владимире, строил литейный завод в Калуге, был разнорабочим, учеником маляра, грузчиком, служил матросом на Балтийском флоте, затем радистом на Черноморском флоте СССР. После увольнения в запас сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости в сростинской средней школе № 32. Работал учителем русского языка и словесности, директором в Сростинской школе сельской молодёжи, был директором вечерней школы. В 1960 г. окончил режиссёрский факультет Всесоюзного государственного института кинематографии в Москве. Литературная деятельность В.М. Шукшина началась в армии, всего было написано два романа, три повести, три пьесы, одна сказка, 125 рассказов.

Лауреат премии Всесоюзного кинофестиваля (1964, 1974), Государственной премии РСФСР им. братьев Васильевых (1967), Государственной премии СССР (1971), Ленинской премии (1976, посмертно).

Награждён Орденом Трудового Красного Знамени (1967).
Заслуженный деятель искусств РСФСР (1969).

ДАЛЁКИЕ ЗИМНИЕ ВЕЧЕРА

евраль 1942 года.

Под Москвой идут тяжёлые бои.

А на окраине далёкой сибирской деревеньки крикливая ребятня с раннего утра режется в бабки. Сумки с книжками валяются в стороне.

Обыгрывает всех знаменитый Мишка Босовило – коренастый малый в огромной шапке. Его биток, как маленький снаряд, вырывает с кона сразу штук по пять бабок. Мишка играет спокойно, уверенно. Прежде чем бить по кону, он снимает с правой руки рукавицу, сморкается по-мужичьи на дорогу, прищуривает левый глаз... прицеливается... Все затаив дыхание горестно следят за ним. Мишка делает шаг... второй... – р-р-раз! – срезал. У Мишки есть бабушка, а бабушка, говорят, того... поколдовывает. У ребятишек подозрение, что Мишкин биток заколдован.

Ванька Колокольников проигрался к обеду в пух и прах. Под конец, когда у него осталась одна бабка, он хотел словчить: заспорил с Гришкой Коноваловым, что сейчас его, Ванькина, очередь бить. Гришка стал доказывать своё.

– А по сопатке хошь? – спросил Ванька.

– Да ты же за Петькой бьёшь-то?!

– Нет, ты по сопатке хошь? – Когда Ваньке нечего говорить, он всегда так спрашивает.

Их разняли.

Последнюю бабку Ванька выставил с болью, стиснув зубы. И проиграл. Потом стоял в сторонке злой и мрачный.

– Мишка, хочешь «Барыню» оторву? – предложил он Мишке.

– За сколько? – спросил Мишка.

– За пять штук.

– Даю три.

– Четыре.

– Три.

– Ладно, пупырь, давай три. Скупердяй ты, Мишка!.. Я таких сроду не видывал. Как тебя ещё земля держит?

– Ничего, держит, – спокойно сказал Мишка. – Не хочешь – не надо. Сам же напрашиваешься.

Образовали круг. Ванька подбоченился и пошёл. В трудные минуты жизни, когда нужно растрогать человеческие сердца или отвести от себя карающую руку, Ванька пляшет «Барыню». И как пляшет! Взрослые говорят про него, что он, чертёнок, «от хвоста грудинку отрывает».

Ванька пошёл трясогузкой, смешно подкидывая зад. Помахивал над головой воображаемым платочком и бабьим голоском вскрикивал: «Ух! Ух! Ух ты!» Под конец Ванька всегда становился на руки и шёл, сколько мог, на руках. Все смеялись.

Прошёлся Ванька по кругу раз пять, остановился.

– Давай!

Мишка бросил на снег две бабки.

Ванька опешил.

– Мы же за три договаривались!

– Хватит.

Ванька передвинул шапку козырьком на затылок и медленно пошёл на Мишку. Тот изготвился. Ванька неожиданно дал ему головой в живот. Мишка упал. Заварилась весёлая потасовка. Половина была на Ванькиной стороне, другие – за Мишку. Образовали кучу малу. Но тут кто-то крикнул:

– Училка!

Всю кучу ребятишек как ветром сдуло. Похватали сумки

– и кто куда! Ванька успел схватить с кона несколько бабок, перемахнул через прясло и вышел на свою улицу. Он был разгорячён дракой. Около дома ему попала на глаза снежная баба. Ванька дал ей по уху. Высморкался на дорогу, как Мишка Босовило, вошёл в избу. Запустил сумку под лавку, туда же – шапку. Полушубок не стал снимать – в избе было холодно.

На печке сидела маленькая девочка с большими синими глазами, играла в куклы. Это сестра Ваньки – Наташка.

– Ваня пришёл, – сказала Наташка. – Ты в школе был?

– Был, был, – недовольно ответил Ванька, заглядывая в шкаф.

– Вань, вам про кого сёдня рассказывали?

– Про жаркие страны. – Ванька заглянул в миску на шестке, в печку. – Пошамать нечего?

– Нету, – сказала Наташка и снова стала наряжать куклу – деревянную ложку – в разноцветные лоскуты. Запела тоненьким голоском:

*Ох, сронила колечко-о
С правой руки-и!
Забилось сердечко
По милом дружке-е...*

Наташка пела песню на манер колыбельной, но мелодии её – невыносимо тяжкой и заунывной – не искажала. Ванька сидел у стола и смотрел в окно.

*Ох, сказали, мил помер –
Во гробе-е лежи-ит,
В глубокой могилке-е
Землёю зарыт.*

Ванька нахмурился и стал водить грязным пальцем по синим клеточкам клеёнки.

Голос Наташки, как чистый ручеек, льётся сверху в синюю пустоту избы.

*Ох, надену я платье-е,
К милому пойду-у,
А месяц укажет
Дорожку к нему-у...*

– Хватит тебе... распелась, – сказал Ванька. – Спой лучше про Хаз-Булата.

Наташка запела:

Хаз-Булат удало-ой...

Но тут же оборвала:

– Не хочу про Хаз-Булата.

– Вредная! Ну, про Катю.

– Катя-Катерина, купеческая дочь?

– Ага.

– Тоже не хочу. Я про милого буду.

Ох, пускай люди судю-ют,

Пускай говоря-ят...

Ванька поднялся, достал из-под лавки сумку, сел на пол, высыпал из сумки бабки и стал их считать. Вид у него вызывающе-спокойный; краем глаза наблюдает за Наташкой.

Наташка от неожиданности сперва онемела, потом захлопала в ладоши.

– Вот они где, бабочки-то! Ты опять в школе не был? Обязательно скажу маме. Ох, попадёт тебе, Ванька!..

– ...Семь, восемь... Говори, я ни капли не боюсь. Девять, десять...

– Вот не выучишься – будешь всю жизнь лоботрясом. Пожалеешь потом. Локоть-то близко будет, да не укусишь.

Ванька делает вид, что его душит смех.

– ...Одиннадцать, двенадцать... А лоботрясом, думаешь, хуже?

В сенцах что-то треснуло. Ванька сгрёб бабки и замер.

– Ага! – сказала Наташка.

Но это трещит мороз.

Однако бабки всё равно нужно припрятать. Ванька ссыпал их в старый валенок и вынес в сенцы.

Потом опять он сидит у стола. Думает, где можно достать три полена дров. Хорошо бы затопить камелёк. Мать придёт, а в избе такая теплынь, хоть по полу валяйся. Она, конечно, удивится, скажет: «Да где же ты дров-то достал, сынок?» Вань-

ка даже пошевелился – так захотелось достать три полена. Но дров нету, он это знает.

Наташка уже не поёт, а баюкает куклу.

Нудно течёт пустое тоскливое время.

За окнами стало синеть.

Чтобы отвязаться от назойливой мысли о дровах, Ванька потихоньку встал, подкрался к печке, вскочил и крикнул громко:

– А-а!

– Ой!.. Ну что ты делаешь-то! – Наташка заплакала. – Напужал, прямо сердце упало...

– Нюня! – говорит Ванька. – Рёвушка-коровушка! Не принесу тебе ёлку. А я знаю, где вот такие ёлочки!

– Не надо мне твою ёлочку. Мне мама принесёт.

– А хочешь, я тебе «Барыню» оторву?

Ванька взялся за бока, и пошёл по избе, и пошёл, высоко подкидывая ноги в огромных валенках.

Наташка засмеялась.

– Ну и дурак ты, Ванька! – сказала она, размазывая по лицу слёзы. – Всё равно скажу маме, как ты меня пужаешь.

Ванька подошёл к окну и стал оттаивать кружок на стекле, чтобы смотреть на дорогу.

В избе тихо, сумрачно и пусто. И холодно.

– Вань, расскажи, как вы волка видели? – попросила Наташка.

Ваньке не хочется рассказывать – надоело.

– Как... Видели, и всё.

– Ну уж!

Опять молчат.

– Вань, ты бы сейчас аржаных лепёшек поел? Горяченьких, – спрашивает Наташка ни с того ни с сего.

– А ты?

– Ох, я бы поела!

Ванька смеётся. Наташка тоже смеётся.

В это время под окнами заскрипели лёгкие шаги. Ванька вскочил и сломя голову кинулся встречать мать.

Наташка запуталась в фуфайке, как перепёлка в силке, – никак не может слезть с печки.

– Вань, ссади ты меня, а... Ва-ань! – просит она.

Ванька пролетел мимо с криком:

– А я первый услышал!

Мать в ограде снимала с верёвки стылое белье. На снегу около неё лежал узелок.

– Мам, чо эт у тебя?

– Неси в избу. Опять раздешкой высскакиваешь!

В избе Наташка колотит ножонкой в набухшую дверь и ревет – не может открыть. Увидев Ваньку с узелком в руках, она перестаёт плакать и пытается тоже подержаться за узел – помочь брату.

Вместе проходят к столу, быстренько развязывают узел – там немного муки и кусок сырого мяса. Лёгкое разочарование – ничего нельзя есть немедленно.

Мать со стуком свалила в сенях белье, вошла в избу. Она, наверно, очень устала и намерзлась за день. Но она улыбается. Родной, весёлый голос её сразу наполнил всю избу; пустоты и холода в избе как не бывало.

– Ну, как вы тут?... Таля? (Она так зовёт Наташку). Ну-ка, расскажи, хозяйюшка милая.

– Ох, мамочка-мама! – Наташка всплёскивает руками. – У Ваньки в сумке бабки были. Он их считал.

Ванька смотрит в большие синие глаза сестры и громко возмущается:

– Ну что ты врешь-то! Мам, пусть она не врёт никогда...

Наташка от изумления приоткрыла рот, беспомощно смотрит на мать: такой чудовищной наглости она не в силах ещё понять.

– Мамочка, да были же! Он их в сенцы отнёс. – Она чуть не плачет. – Ты в сенцы-то кого отнёс?

– Не кого, а – чего, – огрызается Ванька. – Это же неодушевленный предмет.

Мать делает вид, что сердится на Ваньку.

– Я вот покажу ему бабки. Такие бабки покажу, что он у нас до-олго помнить будет.

Но сейчас матери не до бабок – Ванька это отлично понимает. Сейчас начнётся маленький праздник – будут стряпать пельмени.

– У нас дровишек нисколько не осталось? – спрашивает она.

– Нету, – сказал Ванька и предупредительно мотнулся на полати за корытцем. – В мясо картошки будем добавлять?

– Маленько надо.

Наташка ищет на печке скалку.

– Обещал завезти Филипп одну лесинку... Не знаю... может, завезёт, – говорит мать, замешивая в кути тесто.

Началась светлая жизнь. У каждого своё дело. Стучат, брякают, переговариваются... Мать рассказывает:

– Едем сейчас с сеном, глядь: а на дороге лежит лиса. Лежит себе калачиком и хоть бы хны – не шевелится, окаянная. Чуток конь не наступил. Уж до того они теперь осмелели, эти лисы.

Наташка приоткрыла рот – слушает. А Ванька спокойно говорит:

– Это потому, что война идёт. Они в войну всегда смелые. Некому их стрелять – вот они и валяются на дорогах. Рыжуха, наверно?

...Мясо нарублено. Тесто тоже готово. Садятся втроём стряпать. Наташка раскатывает лепёшечки; мать и Ванька заворачивают в них мясо. Наташка старается, прикусив язык; вся выпачкалась в муке. Она даже не догадывается, что вот эти самые лепёшечки можно так поджарить на углях, что они будут хрустеть и таять на зубах. Если бы в камельке горел огонь, Ванька нашёл бы случай поджарить парочку.

– Мама, а у ней детки бывают? – спрашивает Наташка.

– У кого, доченька?

– У лисы.

Ванька даже фыркнул.

– А как же они размножаются, по-твоему? – спрашивает он Наташку.

Наташка не слушает его – обиделась.

– Есть у неё детки, – говорит мать. – Ма-аленькие... лисятки.

– А как же они не замерзнут?

Ванька так и покатился.

– Ой, ну, я не могу! – восклицает он. – А шубки-то у них для чего!

– Ты тут не вякай, – говорит Наташка. – Лоботряс!

– Не надо так на брата говорить, доченька. Это нехорошо.

– Не выучится он у нас, – говорит Наташка, глядя на Ваньку строгими глазами. – Потом хватится.

– Завтра зайду к учительше, – сказала мать и тоже строго посмотрела на Ваньку, – узнаю, как он там...

Ванька сосредоточенно смотрит в стол и швыряет носом.

Мать посмотрела в тёмное окно и вздохнула.

– Обманул нас Филиппушка... образина косая! Пойдём в березник, сынок.

Ванька быстренько достает с печки стёганные штаны, рукавицы-лохмашки, фуфайку. Мать тоже одевается потеплее. Уговаривает Наташку:

– Мы сейчас, доченька, мигом сходим. Ладно?

Наташка смотрит на них и молчит. Ей не хочется одной оставаться.

Мать с Ванькой выходят на улицу, под окном нарочно громко разговаривают, чтобы Наташка их слышала. Мать ещё подходит к окну, стучит Наташке.

– Таля, мы сейчас придём. Никого не бойся, милая!

Наташка что-то отвечает – не разобрать что.

– Боится, – сказала мать. – Милая ты моя-то... – Отвернулась и вытерла рукавицей глаза.

– Они все такие, – объяснил Ванька.

...Спустились по крутому взвозу к реке. На открытом месте гуляет злой ветер. Ванька пробует увернуться от него: идёт боком, идёт задом, а лицо всё равно жжёт, как огнём.

– Мам, посмотри! – кричит он.

Мать осматривает его лицо, больно трёт шершавой рукавицей щеку. Ванька терпит.

В лесу зато тепло и тихо. Удивительно тихо, как в каком-то сонном царстве. Стройные берёзки молча обступили пришельцев и ждут.

Ванька вылетел вперед по глубокому снегу и, облюбовав одну, ударил обухом по её звонкому крепкому телу. Сверху с шумом тяжко ухнула туча снега. Ванька хотел отскочить, запнулся и угодил с головой в сугроб, как в мягкую холодную постель. Мать смеётся и говорит:

– Ну, вставай!

Пока Ванька отряхивается, мать утаптывает снег вокруг берёзки. Потом, скинув рукавицы, делает первый удар, второй, третий... Берёзка тихо вздрагивает и сыплет крохотными сверкающими блестками. Сталь топора хищно всплескивает холодным огнём и раз за разом всё глубже вгрызается в белый упругий ствол.

Ванька тоже пробует рубить, когда мать отдыхает. Но после десяти-двенадцати ударов горячий туман застилает ему глаза. Гладкое топорище рвётся из рук.

Снова рубит мать.

Берёзка охнула и повалилась набок.

Срубили ещё одну – поменьше – Ваньке и, взвалив их на плечи, вышли на дорогу.

Идти поначалу легко. Даже весело. Тонкий конец берёзки едет по дороге, и берёзка глуховато поёт около уха. Прямо перед Ванькой на дороге виляет хвост берёзки, которую несёт мать. Ванькой овладевает желание наступить на него. Он подбегает и прижимает его ногой.

– Ваня, не балуй! – строго говорит мать.

Идут.

Берёзка гудит и гнётся в такт шагам, сильно нажимая на плечо. Ванька останавливается, перекладывает её на другое плечо. Скоро онемело и это. Ванька то и дело останавливается

и перекладывает комель берёзы с плеча на плечо. Стало жарко. Жаром пышет в лицо дорога.

– ...Семисит семь, семисит восемь, семисит девять... – шепчет Ванька.

Идут.

– Притомился? – спрашивает мать.

– Ещё малость... Девяносто семь, девяносто восемь... – Ванька прикусил губу и отчаянно швыряет носом. – Девяносто девять, сто! – Ванька сбросил с плеча берёзку и с удовольствием вытянулся прямо на дороге.

Мать поднимает его. Сидят на берёзке рядом. Ваньке очень хочется лечь. Он предлагает:

– Давай сдвинем обои берёзки вместе, и я на них лягу, если уж ты так боишься, что я захвораю.

Мать тормошит его, прижимает к тёплой груди.

– Мужичок ты мой маленький, мужичок... Потерпи маленько. Большую мы тебе срубили. Надо было поменьше.

Ванька молчит. И молчит Ванькина гордость.

Мать думает вслух:

– Как теперь наша Талюшка там?.. Плачет, наверно?

– Конечно, плачет, – говорит Ванька. Он эту Талюшку изучил как свои пять пальцев.

Ещё некоторое время сидят.

– Отцу нашему тоже трудно там, – задумчиво говорит мать. – Небось в снегу сидят, сердешные... Хоть бы уж зимой-то не воевали.

– Теперь уж не остановятся, – поясняет Ванька. – Раз начали – не остановятся, пока фрицев не разобьют.

Ещё с минуту сидят.

– Отдохнул?

– Отдохнул.

– Пошли с богом.

Было уже совсем темно, когда пришли домой.

Наташка не плакала. Она наложила в блюде сырых пель-

меней, сняла с печки две куклы и усадила их перед блюдцем. Одну куклу посадила несколько дальше, а второй, та, что ближе, говорила ласково:

– Ешь, доченька моя милая, ешь! А этому лоботрясу мы не дадим сегодня.

...Ванька с матерью быстро распилили березки; Ванька впотьмах доколот чурбаки, а мать в это время затопила камелёк.

Потом Ванька с Наташкой сидят перед камельком.

Огонь весело гудит в печке; пятна света, точно маленькие жёлтые котятка, играют на полу. Ванька блаженно молчит. Наташка пристроилась у него на коленях и тоже молчит. По избе голубыми волнами разливается ласковое тепло. Наташку клонит ко сну. Ваньку тоже. А в чугунке ещё только-только начинает «ходить» вода.

Мать кроит на столе матерью, время от времени окликает ребятишек и рассказывает:

– Вот придёт Новый год, срубим мы себе ёлочку, хоро-ошенькую ёлочку... Таля, слышишь? Не спите, милые мои. Вот срубим мы эту ёлочку, разукрасим её всякими шишками да игрушками, всякими зайчиками – до того она у нас будет красивая...

Ванька хочет слушать, но кто-то осторожно берёт его за плечи и валит на пол. Ванька сопротивляется, но слабо. Голос матери доносится откуда-то издалека. Кажется Ваньке, что они опять в лесу, что лежит Ванька в снегу... Мать ищет его по лесу, зовёт. А Ванька лежит в снегу и помалкивает. Странно, что в снегу тепло.

...Разбудить их, наверно, было нелегко. Когда Ванька всплыл из тягучего сладкого сна на поверхность, мать говорила:

– ...Это что же за сон такой, обломон... сморил моих человечков. Ух, он сон какой!..

Ванька, покачиваясь, идёт к столу.

В тарелке на столе дымят пельмени, но теперь это уже не волнует. Есть не хочется. Наташка, та вообще не хочет просы-

паться. Хитрая, как та лиса. Мать полусонную усаживает её за стол. Она чихает и норовит устроиться спать за столом. Мать смеётся. Ванька тоже улыбается. Едят.

Через несколько минут Ванька объявляет, что наелся до отвала. Но мать заставляет есть ещё.

– Ты же себя обманываешь – не кого-нибудь, – говорит она.

...После ужина Ванька стоит перед матерью и спит, свесив голову. Материны тёплые руки поворачивают Ваньку: полоска клеёнчатого сантиметра обвивает Ванькину грудь, шею – ему шьётся новая рубаша. Сантиметр холодный – Ванька ёжится.

Потом Ванька лезет на полати и, едва коснувшись подушки, засыпает. Наташка тоже спит. В одной руке у неё зажат пельмень.

В самый последний момент Ванька слышит стрекот швейной машинки – завтра он пойдёт в школу в новой рубаше.

КАК ЗАЙКА ЛЕТАЛ НА ВОЗДУШНЫХ ШАРИКАХ

Маленькая девочка, её звали Верочка, тяжело заболела. Папа её, Фёдор Кузьмич, мужчина в годах, лишился сна и покоя. Это был его поздний ребёнок, последний теперь, он без памяти любил девочку. Такая была игрунья, всё играла с папой, с рук не слезала, когда он бывал дома, теребила его волосы, хотела надеть на свой носик-кнопку папины очки... И вот – заболела. Друзья Фёдора Кузьмича – у него были влиятельные друзья, – видя его горе, нагнали к нему домой докторов... Но там и один участковый всё понимал: воспаление лёгких, лечение одно – уколы. И такую махонькую – кололи и кололи. Когда приходила медсестра, Фёдор Кузьмич уходил куда-нибудь из квартиры, на лестничную площадку, да ещё спускался этажа на два вниз по лестнице, и там пережидал. Курил. Потом приходил, когда девочка уже не плакала, лежала – слабенькая, горячая... Смотрела на него. У Фёдора всё каменело в груди. Он бы и плакал, если б умел, если бы вышли слёзы. Но они стояли где-то в горле, не выходили. От беспомощности и горя он тяжело обидел жену, мать девочки: упрекнул, что та недосмотрела

за дитём. «Тряпками больше занята, а не ребёнком, – сказал он ей на кухне, как камни-валуны на стол бросил. – Все шкафы свои набивают, торопятся». Жена – в слёзы... И теперь, если и не ругались, – нелегко было бы теперь ругаться, – то и помощи и утешения не искали друг у друга, страдали каждый в одиночку.

Врач приходил каждый день. И вот он сказал, что наступил тот самый момент, когда... Ну, словом, все маленькие силы девочки восстали на болезнь, и если бы как-нибудь ей ещё и помочь, поднять бы как-нибудь её дух, устремить её волю к какой-нибудь радостной цели впереди, она бы скорее поправилась. Нет, она и так поправится, но ещё лучше, если пусть бессознательно, но очень-очень захочет сама скорее выздороветь. Фёдор Кузьмич присел перед кроваткой дочери.

– Доченька, чего бы ты вот так хотела бы?.. Ну-ка, подумай. Я всё-всё сделаю. Сам не смогу, попрошу волшебника, у меня есть знакомый волшебник, он всё может. Хочешь, я наряжу тебе ёлочку? Помнишь, какая у нас была славная ёлочка? С огоньками!..

Девочкина ручка шевельнулась на одеяле, она повернула её ладошкой вверх, горсткой, – так она делала, когда справедливо возражала.

– Ёечка же зимой бывает-то.

– Да, да, – поспешно закивал седеющей головой папа. – Я забыл. А хошь, сходим с тобой, когда ты поправишься, мульти-пульты посмотрим? Много-много!..

– Мне незя много, – сказала умная Верочка. – Папа, – вдруг даже приподнялась она на подушке, – а дядя Игой казочку ясказывай – п'о зайку... Ох, хоёсеньякая!..

– Так, так, – радостно всполошился Фёдор Кузьмич. – Дядя Егор тебе сказочку рассказывал? Про зайку?

Верочка закивала головой, у неё даже глазки живо заблестели.

– П'о зайку..

– Тебе охота бы послушать?

– Как он етай на сайках...

– Как он летал на шариках? На каких шариках?

– Ну, на сайках!.. Дядя Игой пиедет?

– Дядя Егор? Да нет, дядя Егор далеко живёт, в другом городе... Ну-ка, давай, может, мы сами вспомним: на каких шариках зайка летал? На воздушных? Катался?

– Да, не-ет! – у Верочки в глазах показались слезы. — Вот какой-то... Ветей подуй, он высоко-высоко поетей! Пусть дядя Игой пиедет.

– Дядя Егор-то? Он далеко живёт, доченька. Ему надо на поезде ехать... На поезде: ту-ту-у! Или на самолёте лететь...

– А ты яскажи?

– Про зайку-то? А ты мне маленько подскажи, я, может, вспомню, как он летал на шариках. Он что, надул их и полетел?

Девочка в досаде большой сдвинула бровки, зажмурилась и отвернулась к стене. Отец видел, как большая слеза выкатилась из уголка её глаза, росинкой ясной перекатилась через переносье и упала на подушку.

– Доча, – взмолился отец. – Я счас узнаю, не плачь. Счас... мама, наверно, помнит, как он летал на шариках. Счас, доченька... Ладно? Счас я тебе расскажу.

Фёдор Кузьмич чуть не бегом побежал к жене на кухню. Когда вбежал туда, такой, жена даже испугалась.

– Что?

– Да нет, ничего... Ты не помнишь, как зайка летал на воздушных шариках?

– На шариках? – не поняла жена. – Какой зайка?

Фёдор Кузьмич опять рассердился.

– Француз-зайка, с рогами!.. Зайка! Сказку такую Егор ей рассказывал. Не слышала?

Жена обиделась, заплакала. Фёдор Кузьмич опомнился, обнял жену, вытер ладошкой её слёзы.

– Ладно, ладно...

– Прямо как преступница сижу здесь... – выговаривала жена. – Что ни слово, то попрёк. Один ты, что ли, переживаешь?

– Ладно, ладно, – говорил Фёдор. – Ну, прости, не со зла... Голову потерял – ничего не могу придумать.

– Какую сказку-то?

– Про зайку какого-то... Как он летал на воздушных шариках. Егор рассказывал... Э-э! – вдруг спохватился Фёдор. – А я сейчас позвоню Егору! Пойду и позвоню с почты.

– Да зачем с почты? Из дома можно.

– Да из дома-то... пока их допросишься из дома-то... Сейчас сбегаю.

И Фёдор Кузьмич пошёл на почту. И пока шёл, ему пришла в голову совсем другая мысль – вызвать Егора сюда. Приедет, расскажет ей кучу сказок, он мастак на такие дела. Ясно, что он выдумал про этого зайку. И ещё навывдумывает всяких... Сегодня четверг, завтра крайний день, отпросится на денёк, а в воскресенье вечером улетит. Два с небольшим часа на самолёте... Ещё так думал Фёдор: это будет для неё, для девочки, неожиданно и радостно, когда приедет сам «дядя Игой» – она его полюбила, полюбила его сказки, замирала вся, когда слушала.

Не так сразу Фёдор Кузьмич дозвонился до брата, но всё же дозвонился. К счастью, Егор был дома – пришёл пообедать. Значит, не надо долго рассказывать и объяснять его жене, что вот – заболела дочка... и так далее.

– Егор! – кричал в трубку Фёдор. – Я тебя в воскресенье посажу в самолёт, и ты улетишь. Всё будет в порядке! Ну, хошь, я потом напишу твоему начальнику!..

– Да нет! – тоже кричал оттуда Егор. – Не в этом дело! Мы тут на дачу собрались...

– Ну, Егор, ну отложи дачу, ёлки зелёные! Я прошу тебя... У неё как раз переломный момент, понимаешь? Она аж заплакала давеча...

– Да я-то рад душой... Слышишь меня?

– Ну, ну.

– Я-то рад бы душой, но... – Егор что-то замялся там, замолчал.

– Егор! Егор! – кричал Фёдор.

– Погоди, – откликнулся Егор, – решаем тут с женой... «Э-э! – догадался Фёдор. – Жена там поперёк стала».

– Егор! А Егор! – дозволялся он. – Дай-ка трубку жене, я поговорю с ней.

– Здравствуйте, Фёдор Кузьмич! – донёлся далёкий вежливый голосок. – Что, у вас доченька заболела?

– Заболела. Валентина... – Фёдор забыл вдруг, как её отчество. Знал, и забыл. И переладился на ходу: – Валя, отпусти, пожалуйста, мужа, пусть приедет – на два дня! Всего на два дня! Валенька, я в долгу не останусь, я... – Фёдор сгоряча не мог сразу придумать, что бы такое посулить. – Я тоже когда-нибудь выручу!

– Да нет, я ничего... Мы, правда, на дачу собрались. Знаете, зиму стояла без присмотра – хотели там...

– Валя, прошу тебя, милая! Долго сейчас объяснять, но очень нужно. Очень! Валя! Валь!..

– Да, Фёдор. Я это, – отозвался Егор. – Ладно. Слышь? Ладно, мол, вылечу. Сегодня.

– Ох, Егор... – Фёдор помолчал. – Ну, спасибо. Жду.

А у Егора, когда он положил трубку, произошёл такой разговор с женой.

– Господи! – сказала жена Валя. – Всё бросай и вылетай девочке сказку рассказывать.

– Ну болеет ребёнок...

– А то дети не болеют! Как это – чтобы ребёнок вырос и не болел.

Егору и самому в диковинку было – лететь чуть не за полторы тысячи километров... рассказывать сказки. Но он вспомнил, какой жалкий был у брата голос, у него слёзы слышались в голосе – нет, видно, надо. Может, больше надо самому Фёдору, чем девочке.

– Первый раз собрались съездить... – капала жена Валя. – Большаковы вон ездили, говорят, у них крыша протекла. А у нас крыша-то хуже ихней...

– Ну так бы и сказала ему! – вскипел Егор. – Чего ты ему

так не сказала?! Чего ты... Уже ж посулился, нет, давай душу теперь травить!

– Ладно, не ори – душу ему растравили. Что я, голоса лишённая, – своё мнение высказать?

– Да чего ты ему-то не высказала? Высказала бы ему. А то... туда же, посочувствовала: «У вас доченька заболела?» – не злой был человек Егор, но передразнивать умел так до обидного похоже, так у него это талантливо выходило, что люди нервничали и обижались. Тем и оборонялся Егор в жизни. Потому, наверно, и сказки-то мастер был рассказывать: передразнивал всех зверей, злых и добрых, а особенно смешно передразнивал вредную бабу-ягу.

– Ехай, ехай! – махнула рукой жена Валя. – Ехай, ублажай там, если больше делать нечего. Какие ведь господа живут!..

– А случалось, что эти господа и тебе помогали! – Егор с укоризной посмотрел на жену. – Забыла?

Жена Валя ушла в другую комнату, сердито хлопнув дверью. Нет, не забыла! Фёдор Кузьмич устроил её дочь в институт. Как тут забудешь! Но и расстроилась она очень, и не показать этого она тоже не могла.

Егор также расстроился. Так сложились их отношения с женой, давно уж и незаметно как-то сложились, что главными в доме были – дела жены. Егор покорился этому, ибо сам не умел ни достать ничего, ни устроить путёвку в дом отдыха, ни объяснить с учителями в школе... Умел только работать. Но ведь... что же? Кони тоже умеют работать. От работы одной толку мало, это Егор также давно понял и потому смирился. Иногда, правда, бунтовал, но слабо и нерешительно: вскипит, посверкает глазом да досыта наматерится в душе, и всё. Так-то лучше – не бунтовать вовсе, не протестовать, а то эти протесты больше только разжигают хозяйскую похоть людей крепких.

Егор ещё немного сердито поторчал в комнате, взял из комода сорок рублей и ушёл. «Хорошо, что не надо чемодан брать... Гостинцев бы захватить? Но... ладно: раз уж так всё – с тормозами, какие уж тут гостинцы. Ладно, хоть сам поехал»,

– думал Егор. Маленькую Верочку стало вдруг очень жалко. Сперва – впопыхах – не совсем понял, сколь нужна, важна эта поездка, а теперь, когда поехал, понял до конца: глупо было и раздумывать. А вдруг да... Но эту мысль Егор прогнал из головы, не стал даже додумывать. Позвонил из автомата начальнику цеха (Егор был мастер-краснодеревщик, на работе его ценили), и тот беспрекословно отпустил его: знал, что Егор наверстает эти полтора рабочих дня, и даже больше.

В аэропорту, в кассе, Егору сказали, что билетов в Н-ск нету.

– Ну, может, один как-нибудь... – робко попросил он.

– Что значит «один как-нибудь»? Нет билетов, – повторили в окошечке строго.

Егор постоял, посмотрел на женщину за стеклом... И ещё раз сунулся к ней:

– Мне очень нужно, девушка... А? Там это... ребёнок...

– Гражданин, я же вам сказала: нет билетов. Неужели непонятно? Один ему как-нибудь...

– Да понятно-то понятно... – Егору захотелось передразнить женщину в окошечке, он бы сумел это сделать... «Э-э! – вдруг вспомнил он. – А этот-то, кому стеллажи-то делал... он же говорил: что будет нужно, обращайтесь ко мне». К счастью, Егор записал телефон того могучего товарища. Поискал в книжечке... Нашёл!

Долго, подробно мусолил в трубку про маленькую племянницу, про брата, про сказки...

– Куда билет-то нужен? – вышел из терпения могучий товарищ.

– В Н-ск.

– Сразу и надо было сказать. На сегодня? Один?

– Один. На сегодня. Я уже здесь... понимаете? Я здесь, в аэропорту, а билетов, говорят, нету. Я думаю: да неужели так ни одного билета и нету? Не может же быть, думаю, такого...

– Перезвоните минут через десять, – опять прервал уверенный басок.

Егор понял, что улетит сегодня.

Походил по вокзалу, подождал минут пятнадцать и позвонил.

– Подойдите к кассе номер три и возьмите билет, – сказал басок.

– Вот спасибо-то! – кинулся Егор с благодарностями. – А то я уже стал сомневаться... А брат чуть не со слезами просит. У него, понимаете, это второй брак, ребёночек последний, он поэтому так переживает. Я её тоже люблю, девочку-то, такая смышлёная, всё сказками интересуется...

– Ну, до свиданья, – сказали на том конце. – Счастливо долететь.

– До свиданья, – сказал Егор.

Касса номер три – это не та, куда он подходил. Если бы была та, Егор сказал бы той женщине, в окошечке... Сказал бы: «Значит, всё же нашёлся один билет? Эх, вы... Как же так получается, уважаемая? А сидишь – строгую из себя изображаешь, справедливую. «Вам же сказали: нет билетов!». А один звонок – и билет, оказывается, есть. Значит, так надо и говорить: «Для вас – нету». А вид-то, вид-то – не подступись! А такой же – нуль, только в пилотке». Ну, может, не так бы едко сказал... А может, и не сказал бы вовсе: правда что – нуль, чего и говорить.

...В Н-ск Егор прибыл под утро, часов в пять, а в шесть был уже у брата.

Позвонил... Открыла хозяйка, Надежда Семёновна.

– О-о! – удивилась она. – Так рано?

– С билетом удачно вышло, – радостно сказал Егор. – Прямо сразу улетел... Как Верочка-то?

– Лучше. Она ещё спит. Вы потише, пожалуйста...

– Конечно! – тихо воскликнул Егор. – А Фёдор-то дома?

– Дома.

– Ну, мы на кухне пока посидим... Пусть он на кухню придёт.

Фёдор пришёл на кухню в халате и в шлепанцах. Сонный, большой и нелепый в этом халате, Егору даже смешно стало.

– Ты прямо как поп в ём, – сказал он, здороваясь.

Брат Фёдор покривил в ухмылке губы.

– Как долетел?

– Хорошо!

– А чего там жена-то? Возражала, что ли?

– Да на дачу собрались... Да ну её!

– Что это она у тебя, командовать-то любит?

– Та-а... Чего об этом? Как Верочка-то?

– Перелом наступил. Поправится. Трухнул я тут...

– Да я уж понял.

– Давай чего-нибудь? Чаю? Или кофе? А может, что... с дороги-то?.. – смешной Фёдор начал соваться по шкафам. – Счас мы изобретём... Во, коньяк! Будешь?

– Давай, – Егор с интересом наблюдал за старшим братом. Раза три Фёдор был у Егора – не то что в гостях – проездом: всех поразил своей деловитостью, таким волевым напором, избытком сил. «Да, – подумали в провинции, – эта птица может больно клюнуть». – Давай, братка, давай. Смешной ты какой-то, – не удержался и сказал Егор. Нормальный человек... никакой не деятель.

– Ну! – недовольно молвил Фёдор. – Чего тут смешного-то? Халат, что ли, никогда не видал? Удобная штука, кстати.

– Да не халат... Ну, давай – со встречей. И чтоб Верочка скорей поправилась.

Братья выпили из маленьких, но каких-то очень тяжёленьких рюмочек... Помолчали.

– Как живёшь-то? – спросил Фёдор.

– Да как... – Егор потянулся к пепельнице и рукавом пиджака свалил хрустальную рюмочку-патрон. Рюмочка пискнула звонким краешком в гладкий стол и раскололась. – Ах ты, господи! – испугался Егор. И глянул на брата. Тот усмехнулся, прихватил осторожно пальцами рюмочку и отскочивший её краешек и бросил в мусорную корзинку.

– Видно, с детства живёт этот страх в человеке, – сказал Фёдор. – Вот, знаешь, Верочку же никто никогда не ругал за по-

суду, а один раз выронила блюдце, да так испугалась!.. Я же её и успокаивать кинулся: ерунда, мол, чего ты так испугалась-то! Куклу уронит – ничего, а посуду... Есть, наверно, какой-то закон здесь. А?

– Наверно. Рюмка-то дорогая, чёрт ты возьми, – с сожалением сказал Егор. – Хрустальная.

– Да брось! – недовольно уже сказал Фёдор. – Хрустальная... Всё равно это – вещь, и должна служить человеку. Ну, и отслужила свой век, туда ей и дорога.

Братья, пожалуй, смутно догадывались, что говорить им как-то не о чем. В прошлый приезд другое дело: дочь Егора, Нина, сдавала вступительные экзамены, начала сдавать сразу неважно, должен был вмешаться Фёдор... Все разговоры крутились вокруг экзаменов, института. Егор жил у Фёдора, очень переживал за дочь, но особенно не высовывался с советами, все надежды свалил на брата и только со страхом ждал, когда наконец закончатся эти проклятые вступительные экзамены. Тогда-то он и подружился с маленькой Верочкой и вечерами выдумывал ей всякие сказки. Тогда всё как-то проще было.

– Как Нина-то? – вспомнил и Фёдор про Нину, может, тоже подумал, что, когда Нина устраивалась в институт, было хлопотно, но разговоры случались сами собой, не надо было выдумывать, о чём говорить.

– Работает в библиотеке. Я говорю: отдохни ты лучше, покупайся вон – успеешь ещё, наработаешься! Нет, лучше глянется работать. Практика, говорит, мне будет.

– Ну и пусть работает – полезней. Накупаться тоже ещё успеет. Сейчас надо этот главный рубеж взять – окончить институт.

– Да ведь устают, поди, от учёбы-то! Неуж не устают?

– Да ничего страшного нет в учёбе! – напористо и поучительно сказал Фёдор. – Что за дикость – учёбы страшиться. Уж нашему ли народу не учиться – давно и давно пора. Нет, помню, бабка Фёкла: «Федька, не дочитывай до конца книгу – спятишь!» Вот же понимание-то! Да почему? Чёрт его в душу

знает, откуда этот панический страх перед книгой? Нам-то как раз и не хватает этой книги... И вот извольте: не дочитывай до конца, а то с ума сойдешь.

– А что, были же случаи...

– Да от книг, что ли?

– От книг! Парень вон у Гилёвых... Игнаху-то Гилёва помнишь? Вон сын его, Витька, – зачитался: тихое помешательство.

– С чего вы решили, что от книг-то?

– Читал день и ночь...

– Ну и что?

– Как же?.. Зачитался.

Фёдор хмыкнул с досадой, но пока не стал говорить, достал другой хрустальный патрончик, плеснул в него коньяку. И себе тоже плеснул.

– Давай. С ума они, видите ли, сходят от чтения... Ты много за свою жизнь книг прочитал?

– Я не пример.

– А кто пример? Ну, я вот: прочитал уйму книг – жив-здоров, чувствую, что мало ещё прочитал, надо бы раза в три больше.

– Куда тебе больше-то? – удивился Егор. – Чего не хватает-то? Всего же вдосталь...

– Знаний не хватает! – сердито сказал Фёдор, – Вот чего. Вот они приходят сейчас, молодые, на смену – и поджигают. Да как поджигают! Сколько-то ещё подержимся, а дальше – извини-подвинься: надо уступать. С жизнью, брат, не поспоришь.

– Не знаю... – сказал Егор. – Меня, например, никто не поджигает.

– Да тебя-то! Твоё дело... не обижайся, конечно, но дело твоё каждый сумеет делать. Ну, не каждый – через одного. Есть вещи сложнее...

– Ну, и надо уступать, – тоже чего-то рассердился Егор, наверно, за профессию свою обиделся. – А то и правда-то: смотришь, сидит – пень пнём, только орать умеет.

– Не торопи-ись, – с дрожью в голосе протянул Фёдор. – Больно прыткие! Есть ещё такие понятия, как – опыт. Старшин-

ство ума. Дачи увидели! Машины увидели!.. А не видите, как ночами приходится ворочаться от... Ты в субботу-то купаться пошёл, а я сижу в кабинете, звонка жду: то ли он позвонит, то ли не позвонит. А и позвонит, да что скажет? Это ведь легче всего: в чужом кармане деньги считать. Их заработать труднее...

– Я не считаю твои деньги. Что ты?

– Я не про тебя. Есть... любители. Сам ещё ночного горшка не выдумал, сопляк, а уже с претензиями. Не-ет, подожди, пусть сперва материнo молоко на губах обсохнет, потом я выслушаю твои претензии. Свистуны. Мне что, на блюдецке все это поднесли? – Фёдор неопределённо покачал головой: то ли он имел в виду эту большую богатую квартиру, то ли адресовался дальше – дачу с машиной и с гаражом подразумевал, то ли, наконец, показал на шифоньер, где висел его черный костюм с орденами. – Тут уж я самому господу богу могу прямо в глаза смотреть: всё добыто трудом. Вот так. Сам от работы никогда не бегал, но и другим... – Фёдор чуть сжал хрустальную рюмочку, и она вся спряталась в его огромном кулаке. Нет, крепко был ещё Фёдор Максимов, не скоро подвинется и даст место другому. – Подняли страну на дыбы? – выходи вперёд, не бегай по кустам, – Фёдор, наверно, чуть-чуть захмелел, а может, высказывал наболевшее, благо подвернулся брат родной – должен понять. – Вот так надёргашься за день-то, наорёшься, как ты говоришь, – без этого, к сожалению, тоже не обойдёшься, – а ночью лежишь и думаешь: «Да пошли вы все к чертям собачьим! Есть у меня Родина, вот перед ней я и ответчик: так я живу или не так».

– Кто тебе говорит, что ты не так живёшь? – сказал сочувственно Егор. – Что ты? Наоборот, я всегда рад за тебя, всегда думаю: «Молодец Фёдор, хоть один из родни в большие люди выбился».

– Дело не «в больших людях». Не такой уж я большой... Просто, делаю своё дело, стараюсь хорошо делать. Но нет!.. – пристукнул Фёдор ребром ладони по столу и даже не спохватился, что шумит. – Найдутся... некоторые, будут совать свой

нос в... Будут намекать, что крестьянский выходец не в состоянии охватить разумом перспективу развития страны, что крестьянин всегда будет мыслить своим наделом, пашней... Вот ещё как рассуждают, Егор! – Фёдор посмотрел на брата, стараясь взглядом ещё донести всю глупость и горечь такого рода рассуждений. – Вот ещё с какой стороны приходится отбиваться. А кто её строил во веки веков? Не крестьянин?

– У тебя неприятности, что ли? – спросил Егор.

– Неприятности... – Фёдор вроде как вслушался в само это слово. Ещё раз сказал в раздумье: – Неприятности, – и вдруг спросил сам себя: – А были они, неприятности-то? – и сам же поспешно ответил: – Были, конечно. Да нет, ничего. Так я... Устал за эти дни, изнервничался. Есть, конечно, и неприятности, без этого не проживёшь. Ничего! Всё хорошо.

А Егору чего-то вдруг так сделалось жалко брата, так жалко! И лицом, и повадками Фёдор походил на отца. Тот тоже был труженик вечный и тоже так же бодрился, когда приходилось худо. Вспомнил Егор, как в 33-м году в голодуху, отец принёс откуда-то пригоршни три пшеницы немолотой, шумно так заявился: «Живём, ребятишки!» Мать сварила жито, а он есть отказался, да тоже весело, бодро: «Вы ешьте, а я уж налупился дорогой – сырой! Аж брюхо пучит». А сам хотел, чтоб ребятишкам больше досталось. Так и Фёдор теперь... Хорохорится, а самому худо чего-то, это видно. Но как его утетишь – сам всё понимает, сам вон какой...

– Да, – сказал Егор. – Ну, и ладно. Ничего, братка, ничего. Дыши носом.

– Что за сказку ты ей рассказывал? – спросил Фёдор. – Про зайку-то... Как он летал на воздушных шариках.

Егор задумался. Долго вспоминал... Даже на лице его, крупном, добром, отразилось, как он хочет вспомнить.

И вспомнил, аж просиял.

– Про зайку-то?! А вот: пошёл раз заяка на базар с отцом. И увидел там воздушные шарики – мно-ого! Да все разноцветные: красные, синие, зелёные... – Егор весело смотрел

на брата, а рассказывал так, как если бы он рассказывал самой Верочке – не убавлял озорной сказочной тайны, а всячески разукрашивал её и отодвигал дальше. – Вот. И привязался он к отцу, зайка-то: купи да купи. Отец и купил. Ну, купил и сам же и держит их в руке. А тут увидел: морковку продают! «На-ка, говорит, поддержи шарики, я очередь пока займу». Зайка-то, маленький-то, взялих... И надо же – дунул как раз ветер, и зайчишку нашего подняло. И понесло, и понесло! Выше облаков залетел...

Фёдор с интересом слушал сказку, раза два даже носом шмыгнул в забывчивости.

– Как тут быть? – спросил Егор брата.

Тот не понял.

– Чего как быть?

– Как выручать зайку-то?

– Ну... спасай уж как-нибудь, – усмехнулся Фёдор. – На вертолёте, что ли?

– На вертолёте нельзя: от винтов струя сильная, все шары раскидает...

– Ну а как?

– Вот все смотрят вверх и думают: как? А зайка кричит там, бедный, ножками болтает. Отец тут с ума сходит... И вдруг одна маленькая девочка, Верочка, допустим, кричит: «Я удумала!» Это у меня Нина, когда маленькая была, говорила: «Я удумала». Надо – я придумала, а она: «Я удумала». Вот Верочка и кричит: «Я удумала!» Побежала в лес, созвала всех пташек – она знала такое одно словечко: скажет, и все зверушки, все пташки её слушаются – вот, значит, созвала она птичек и говорит: «Летите, говорит, к зайке и проклёвывайте клювиками его шарики, по одному. Все сразу не надо, он упадёт. По одному шарик у прокалывайте, и зайка станет опускаться». Вот. Так и выручили зайку из беды.

Фёдор качнул головой, усмехнулся, потянулся к сигаретам. А чтоб не кокнуть ещё одну дорогую рюмочку, прихватил другой рукой широкий рукав халата.

– Довольно это... современная сказочка. Я думал, ты про каких-нибудь волшебников там, про серого волка...

– Нет, я им нарочно такие – чтоб заранее к жизни привыкали. Пускай знают побольше. А то эти волшебники да царевны... Счас какая-то и жизнь-то не такая. Тут такие есть волшебники, что...

– Да, тут есть волшебники... Целые змеи-горынычи! – засмеялся Фёдор.

– Не говоря уж про бабу-ягу: что ни бабочка, то баба-яга. Мы твою-то не разбудим? Громко-то...

– Бабу-ягу-то? – хохотнул опять Фёдор. – Ничего. У меня, Егор, даже не баба-яга, — сбавил он в голосе, — у меня нормальная тряпошница, мещанка. Но так мне, седому дураку, и надо! Знаешь... – Фёдор заикнулся было про какую-то свою тайну тоже, но безнадежно махнул рукой и не стал говорить. – Ладно, чего там.

Егора опять поразило, как не похож этот Фёдор на того, напористого, властного, каким он бывал на людях, на своих стройках...

– Что-то всё же томит тебя, братец, – сказал Егор. – Давай уж... может, и помогу каким словом.

– Да ничего, – смутился Фёдор. И чтоб скрыть смущение, потянулся опять к сигаретам. – Я и так что-то сегодня... Размяк что-то с тобой. Всё нормально, Егорша. Всё хорошо, – помолчал, глядя в стол, потом тряхнул сивой головой, с усталой улыбкой посмотрел на брата, ещё раз сказал: – Всё хорошо. Хорошо, что приехал... Правда. Я, знаешь, что-то часто стал отца-покойника во сне видеть. То мы с ним косим, то будто на мельнице... Старею, что ли. Старею, конечно, что же делаю. Коней ещё часто вижу... Я любил коней.

– Стареем, – согласился Егор.

– Давай-ка... за память светлую наших родителей, – Фёдор наполнил два хрустальных патрончика коньяком. – Мы ведь тоже уже... завершаем свой круг... А? – Фёдор, словно поражённый этой мыслью, такой простой, такой понятной, так

и остался сидеть некоторое время с рюмкой в руке – смотрел сперва на брата, потом опять в стол, в стол смотрел пристально, даже как будто сердито. Очнулся, качнул рюмочку, приглашая брата, выпил. – Да, – сказал, – разворотил ты мне душу... А чем, не пойму. Наверно, правда, устал за эти дни. Думал, никакая меня беда не согнёт, а вот... Ну, ничего. Ничего вообще-то не жаль! – встряхнулся он и сверкнул из-под нависших бровей своим неломким прямым взглядом. – Жалко дочь малую. Но... подпояшемся потуже и будем жить. Так? – спросил брата, спросил, как спрашивал многих других днём, на работе, на стройках своих – спросил, чтоб не слушать ответа, ибо все ясно. – Так, Егорша, так. Ложись-ка сосни часок-другой, а там и Верунька проснётся. А я посижу пока тут с бумажками... покумеаю. Да, – вспомнил он, – подскажи мне, чего бы такое жене твоей купить? Подарок какой-нибудь...

– Брось! – сердито воскликнул Егор.

– Чего брось? Мне сейчас будет звонить один... волшебник один... – Фёдор искренне, от души засмеялся. – Вот волшебник так волшебник! Всем волшебникам волшебник, у него там всего есть... Чего бы? Говори.

– Да брось ты! – ещё раз с сердцем сказал Егор. – Что за глупость такая – подарки какие-то! К чему?

Фёдор с улыбкой посмотрел на брата, кивнул согласно головой.

– Ладно. Иди поспи. Там постель тебе приготовлена... Иди.

Егор тихонько прокрался в одну из комнат, разделся, присел на край дивана, который был застелен свежими простынями... Посидел. Огляделся... Посмотрел на окно – форточка открыта. Достал из кармана папиросы, закурил. Курил и стряхивал пепелок в ладошку. Спать не хотелось.

Вошёл в комнату Фёдор.

– Слушай, – сказал он, – у меня чего-то серьёзно душа затревожилась – наговорил тут тебе всякой всячины... Подумаешь бог знает что. А? – Фёдор улыбнулся. Присел рядом на

диван. И даже по спине братца хлопнул весело. – У меня всё хорошо. Всё хорошо, я тебе говорю! Чего смотришь-то так?

– Как? Ничего... Я ничего не думаю. Что ты?

– Да смотришь как-то... вроде жалеешь.

– Ну, парень! – воскликнул Егор. – Ты что?

– Ну, тогда ладно. Поспи, поспи маленько, а то ведь не спал небось в самолёте-то? Поспи.

– Ладно, – сказал Егор. – Посплю. Покурю и лягу.

– Мгм, – Фёдор ушёл.

Егор осторожненько стряхнул пепел в ладошку, склонился опять локтями на колени и опять задумался. Спать не хотелось.

Рекомендуем почитать

Шукшин, В. М. Далёкие зимние вечера : рассказы / худож. В. Раменский. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1978. – 78, [2] с. : ил.

Шукшин, В. М. До третьих петухов : сказка про Ивана-дурака, как он ходил за тридевять земель набираться ума-разума / худож. Н. Юдин. – Москва : Русская книга, 1992. – 94 с. : ил.

Шукшин, В. М. Избранное : повести, рассказы. – Барнаул : Алт. дом печати, 2004. – 429 с. – (Библиотека «Писатели Алтая» ; т. 16). – Из содерж.: Там, вдали ; До третьих петухов : повести.

Шукшин, В. М. Далёкие зимние вечера : рассказ / худож. В. А. Раменский. – Бийск : [б. и.], 2005 (Тип. «ГАРТ»). – [30] с. : ил.

Шукшин, В. М. Собрание сочинений : в 9 т. / [редкол.: Д. В. Марьин (гл. ред.) и др. ; вступ. ст. Д. В. Марьина]. – Барнаул : Изд. дом «Барнаул», 2014. – К 85-летию Василия Макаровича Шукшина.

Шукшин, В. М. Далёкие зимние вечера : рассказы / [ред.-сост. Э. П. Хомич ; лит. ред. В. Е. Тихонов ; отв. ред. и авт. предисл. Т. Н. Кушвид ; Алт. краев. дет. б-ка им. Н. К. Крупской]. – Барнаул : [б. и.], 2014 (Алт. дом печати). – 159 с. : ил. – В кн. также: Письма детей В. М. Шукшину.

(09.11.1918 – 09.06.2014)

Родился в г. Боготоле Красноярского края. Окончил среднюю школу в г. Барнауле, Омский педагогический институт. Участник Великой Отечественной войны.

Работал в Барнауле в редакциях газет «Алтайская правда», «Молодежь Алтая», был первым редактором журнала «Барнаул», ответственным секретарём Алтайской писательской организации, редактировал альманах «Алтай», вёл семинары молодых литераторов. Избирался депутатом Барнаульского городского и краевого Советов народных депутатов.

Почётный гражданин Алтайского края (1998) и г. Барнаула (1998).

Заслуженный работник культуры России (1978).

Награжден орденами Отечественной войны II степени, «Знак Почета», медалями, почётной грамотой Правления Союза писателей России (2006).

Лауреат муниципальной премии г. Барнаула (1996), премии Алтайского края (2000), литературной премии «Певцу родного края» (2003), Алтайского отделения Демидовского фонда (2006).

Член Союза писателей России с 1956 г.

ВОЛШЕБНОЕ СЛОВО

Б

ыл на барнаульском заводе мастер один Антон Петрович Сидоров. Уже в больших годах был. С детства при плавильне находился. Шихту¹ разбирал да сушил. Печь загружал. Подручным у плавильщика руд обретался. А потом мастером стал.

Смотрит в окошечко, как металл закидает, и всегда точно скажет, когда летку разбивать. Долгие годы серебро плавил. Хоть и через стекло глядел, а глаза испортил. Сильно близоруким стал. Только серебряный блеск видел явственно.

К той же печи другой плавильщик приставлен был. Из иноземных мастеров. Саксонец Лемке. В германской земле горную науку изучил. Большое жалованье получал, раза в четыре больше Антона Петровича. И сам из себя гладкий, видный. В гульные дни² любил верхом на коне красоваться. Конь у него был серый в яблоках. Весь городок на нём не спеша этак объедет, будто генерал какой.

Всем Лемке взял, а металл у него хуже получался. Из меди стали дверные ручки точить – на них сыпь высыпала, пригар. Ручки пошли шершавые.

1 Шихта – смесь материалов – руды, угля и других. Шихта закладывается в плавильную печь.

2 Гульные дни — свободные, выходные дни.

Шибко злился плавильщик. На помощниках своих зло срывал. Ругал их, по щекам бил.

Однажды зовёт Антона Петровича в гости. Угощает его за-морским вином и просит:

– Открой мне слово, какое ты знаешь, чтобы и у меня та-кие же удачливые плавки выходили.

Старый плавильщик подумал немного, отвечает:

– Открою. Только не теперь. Минута такая подойдет, и открою.

Не шибко терпелив был Лемке. Много раз спрашивал пла-вильщика:

– Не подошла еще минута?.. Когда же?..

Однажды на масленой неделе люди в городе гуляли, весе-лились, разные потехи устраивали. Кто с горы на санках катал-ся, кто на лошадях в кошевках да в санях ездил.

Лемке верхом на своём коне выехал. А старый плавиль-щик Сидоров тоже погулять вышел.

Встретились, Лемке стал мастера к себе в гости звать. Плавильщик отказался – к родне своей зван.

Лемке, видно, рассердился. Стал злость на коне срывать. Пришпорил его, хлыстом огрел.

Неподалёку куча шлаку лежала, снегом присыпана. Сак-сонец захотел её на коне перепрыгнуть. Конь к этой куче под-скакал и – на дыбы. Лемке едва в седле удержался.

Отъехал шагов двадцать, сызнова коня разгорячил. Толь-ко конь через кучу прыгать не стал – опять зауросил.

Тут подходит к Лемке старый плавильщик.

– Дозволь мне на твоём красавце прокатиться.

Лемке удивился, однако с коня слез и отдал старику поводья.

Плавильщик ловко в седло вскочил. Коня погладил, по холке ласково потрепал и поехал. Отъехал по дороге недале-ко, рысью серого разогнал, и тот легко через кучу перескочил.

Удивился Лемке:

– Да ты, оказывается, лошадиник. Наездник ты!

– Какой я наездник! – ответил старик. – Совсем я не на-ездник.

Передавая Лемке поводья, лукаво улыбнулся:

– Хочешь, слово скажу? То самое.

Лемке аж задрожал весь от нетерпения.

– Слово моё простое – любовь. Любовью надобно всё постигать. А себялюбием да злостью ничего не добьёшься.

ШУБЫ – БАРНАУЛКИ

У калитки небольшого дома, где жил Степан Иванович Гуляев, овчинно-шубных дел мастер Лапин встретился с другим шубником Шишкиным. Мужчины недобро поглядели друг на друга и, не поздоровавшись, разошлись.

Шишкин, что-то ворча, пошёл по улице, а Лапин через гуляевский дворик прошёл в дом. На пороге истово, двумя перстами перекрестился. Низко поклонился хозяину.

– Одолевают вас шубники, Степан Иванович?

Степан Иванович кивнул: *одолевают...*

Гуляев был особенным человеком. Слыл он в Барнауле большим чудачком. Занимал пост немалый. Жалованье от казны получал. Но достатка никакого не имел. Все свои деньги тратил на книги и различные научные опыты. Состоял в одиннадцати научных обществах, не только русских, но и заграничных.

Очень любил народные песни, былины. Целую книгу былин записал. А песенники были у него в доме самыми желанными гостями. Они поют, а он боится слово пропустить и всё в тетрадь свою пишет.

И другими разными делами занимался. Вечно мастерил, строгал, клеил. Руки у него совсем не барские были – в мозолях, пятнах, в ожогах.

В Барнауле во многих домах стулья плетёные появились. Это от Степана Ивановича пошло. Он первый стал делать и других научил. И в земле много копался. Овощи разные выращивал, каких барнаульцы и не знали.

А шубники Степана Ивановича одолевали потому, что открыл он краситель для овчин. Краситель этот придавал овчине приятный цвет. Каждый шубник мечтал заполучить секрет этого

красителя. Большие деньги предлагали. Вот и Лапин с того же начал.

– Мы, Степан Иванович, с сыном работаем. Мы за ценой не постоим.

Степана Ивановича эти предложения только сердили:

– Я не торгош. И хотя не богато живу, но открытиями своими не торгую. С вами, Лапин, я могу поделиться своим секретом, но с одним условием.

Лапин поклонился ещё ниже, чем при входе. Бородой пол подмёл.

– Вашего условия не знаю. Однако заранее готов его принять. Потому что вы – человек благородный и условие ваше, я уверен, будет такое же.

Гуляев объяснил: новый краситель сделает овчину приглядной, мягкой, ноской. Люди будут покупать её охотно. Так пусть шубник даст ему слово, что наживаться на этом деле не станет. Не станет драть за шубы втридорога.

– Степан Иванович, – взмолился Лапин. – Да что на мне – креста нету!

Через короткое время появились шубы-барнаулки. Стали покупать их и молодые люди, и старики, и простой народ, и самые привередливые модницы. Мягкие были шубки, тёплые и вместе с тем лёгкие. Говорили, будто одна барышня браслет с руки сняла, а приказчик лапинский (у него уже появились приказчики) в него шубу продел. Вот какие они были, барнаулки!

Только жаловались люди, что Лапин всё время цены набавляет, разбогател на этих шубах, чуть не миллионером стал. А все ему, загребущему, мало!

Узнал про это Степан Иванович, поехал к шубнику на завод. Тот его, как родного отца, встречает.

– Ваше благородие! Какой гость знатный! Уж извините, в конторе-то у нас всё больно просто. Не знаю, куда и посадить вас!

Степан Иванович строго этак спрашивает:

– Вы что, забыли наше условие?

– Как можно, Степан Иванович! Да я по гроб жизни за эту краску обязан! А уговор у нас, деловых людей, дороже денег. Сегодня же вам борчатку¹ пришлю! И даже без всякой платы. За подарок пойдёт.

– Не нужны мне подарки. Мне вы подарите, а других ограбить готовы.

Лапин погладил бороду:

– На то коммерция.

– Но вы же обещали. Клялись.

– А это только вас касалось. Для других я, ваше благородие, ничего не обещал. Вы, видать, не поняли меня...

ИВАН ПОЛЗУНОВ

Канцелярский писарь Мефодий Сергеевич слизнул языком кляксу с бумаги, поправил съехавший на бок смазанный гусиным салом парик, приоткрыл створку окна, крикнул:

– Эй, парень, подойди-ка сюда!

Подросток, что старательно мёл деревянный щелястый тротуар, отложил метлу, подбежал.

– Тебя как звать-то? – строго спросил писарь.

– Васькой, – робко ответил мальчик.

– Знаешь, где Ползунов живёт, Иван Иванович?

– Колдун-то? – оторопев, переспросил Васька.

– Не колдун, – также строго поправил писарь, – а его благородие господин шихтмейстер². Сбегай к нему, скажи, чтобы в канцелярию поспешал. Дело до него есть.

Сильно заробел Василий. Шутка в деле, к Ползунову идти. Все ведь в Барнауле знают, что он колдун. Всякая премудрость ему давалась. Люди говорили, даже погоду мог делать – и мороз, и жару, и дождь напускать.

Раньше-то погоду больше старики и старушки наперёд предсказывали. Баре их к себе призывали, спрашивали, к чему

1 Борчатка – овчинная шуба

2 Шихтмейстер – офицерский чин, присваиваемый специалистам горного дела.

закат – к ненастью или к вёдру¹. Только они ошибались часто, а господа за это их без жалости пороли. Одна старуха, как вызвал её барин, возьми да и скажи: «К хорошей погоде или к плохой этот закат, не знаю, а вот что к порке, это могу угадать».

Барин с ней охотно согласился.

– Всыпьте, – приказал, – ей полсотни горячих.

Ползунов старых людей пожалел. Круг вырезал. По кругу написал: «дождь», «ясно», «мороз», «жара». Круг этот погодником прозывали. Куда стрелка идёт, такая и погода будет.

Все верили, что Ползунов сам погоду делает. Стрелку повернет – тучи набегут. В другую сторону повернёт – солнышко выглянет.

Много и другого слышал Василий про этого человека. Слух прошёл, что он одной ночью жар-птицу словил. Как Иванушка из русской сказки. И звать-то его как раз Иваном.

Вот к какому человеку послали Василия. А жил он неподалёку от канцелярии, на Иркутской улице. Теперь она Пушкинской называется. Небольшой домик, а ставлен крепко. Бревенчатый, тёсом обшитый.

Перед дверью подросток перекрестился, Иван Иванович сидел за столом, молодой ещё, русоволосый, худощавый. Добрый вроде, и на колдуна не похожий. Услышал, что в канцелярию зовут, стал одеваться. Парик надел, мундир. Васька осмелел. Спрашивает:

– Правду говорят, ваше благородие, что вы жар-птицу словили?

Иван Иванович засмеялся. По душе ему пришлось, что в народе так о нём думают. Ответил:

– Не словил ещё. Но словлю.

После Василий узнал, что так и вышло. Словил он её. И работать заставил. За людей. Он жалел людей. Видел, какво им на заводе.

Под жар-птицу он огромную машину поставил. В самом конце города. Васька бегал её смотреть. Там жар-птица внутри

¹ Вёдро – ясная, хорошая погода.

и сидела. Машину и звали – «огненная». Послушна она была Ползунову. Он дома сидит, за пять вёрст от неё, а слово скажет – все колеса в машине начинают крутиться.

«Огненная» машина много людям труд облегчала. Силища у неё большая была. Она огонь в заводских печах раздувала. Сделал её Иван Иванович, опробовал, и вскорости умер.

Однако ученики Ползунова его машину в действие привели. Но работала она недолго. Начальство приказало её порушить. Начальству людей не жалко.

Много времени прошло с той поры, как Вася ходил к Ивану Ивановичу Ползунову. Механикуса давно уже не было на свете. Умер он молодым, не дожив до тридцати восьми лет. А Вася теперь был не Вася – Василий Прокопьевич. Из безусого подростка превратился в седого старика. С заводской службы был уволен. Лекарь, осмотрев его, написал: «Ядовитые дымы при плавильных печах повредили зрение и грудь». Жил старик у своего сына, который тоже с детских лет работал на плавильном заводе.

А завод всё расширялся, и жёлтые дымы стлались над городом. Любил Василий Прокопьевич уходить подальше от этих дымов. Тяжело опираясь на палку, шёл он по берегу заводского пруда в самый его конец, где когда-то стояла машина Ползунова. Теперь это место горожане называют ползуновским пепелищем. По берегу пруда были разбросаны части сломанной машины. В медных цилиндрах дети играли в прятки. Однажды вечером Василий Прокопьевич встретил здесь такого же, как он сам, седого, сухощавого старичка.

Разговорились. Нового знакомого звали Кузьмой Ивановичем.

– Давно я в этом месте не бывал, – рассказал Кузьма Иванович. – А когда-то работал здесь с самим механикусом. – Старик помолчал, глядя на ровную спокойную гладь воды, видимо, вспоминая давно прошедшее. Забрёл он сюда в гульный день поглазеть, как машину строят. Мужики возле разных частей копошатся – оттачивают, шлифуют, клепают. А всего-то их пятеро, вместе с Ползуновым. А части у машины огромные,

да все из железа, из меди. Он и спросил у работных людей, как они эту такую машину собирать будут. Ведь некоторые железяки, поди, по пятьдесят пудов весят.

– Не по пятьдесят, – ответил сам Ползунов, – а по сто пятьдесят и более. А тебя как звать-то? Кузьмой? Вот и подскажи нам, Кузьма, как эту такую тяжесть поднять.

– А чего тут хитрого, – отвечает Кузьма, – собрать народ, да и поднять.

Ползунов засмеялся:

– Просто ты решил, Кузьма, да где этот народ брать? На заводе каждый человек нужен.

– А как же тогда? – недоумевает Кузьма.

– Приходи завтра, увидишь.

Назавтра Кузьма выбрал время – прибежал. Смотрит, на поляне канаты протянуты и приспособления такие сделаны – блоки – две деревянные щеки и между ними кружок – каточек. И так они ловко приспособлены, что и большой силы не надо: потяни канат и тяжесть становится во много раз легче.

Подивился Кузьма и стал просить Ползунова, чтобы он его взял к себе машину строить. Механикус взял его. Многому от него Кузьма научился. И понял – зря Ползунова колдуном звали. Не колдовством он брал, а умом и большой сметкой. Талантом своим многого достигал.

КОСТИК–ХВОСТИК

1

«Костик–хвостик»,

«Костик–хвостик», –

Так у нас прозвали Костю.

Почему прозвали так? –

Он от мамы – ни на шаг.

В магазин уходит мама –

Тут как тут малыш упрямый,

Он готов кричать полдня:

Костик тоже тут как тут.
Вместе с ней – рука в руке –
Отправляется к доске.
На отлично сдан экзамен.
Говорит профессор маме:
– Есть ещё один вопрос:
Этот мальчик к вам прирос?

4

Было семь, а в эту осень
Косте сразу стало восемь.
Очень быстро время мчится,
Костя в школе стал учиться.
Но беда – остался Костик,
Как и прежде, мамин хвостик.
В школу ходят все ребята
Безо всяких провожатых,
Только он до школы самой
Каждый день шагает с мамой.
С ней проходит школьный двор,
С ней заходит в коридор.
Даже тащит маму в класс –
Пусть поучится у нас.

5

Костик стал большой и взрослый,
Вон какой детина рослый!
Он, когда проходит в дверь,
Пригибается теперь.
Он давно в трусах не ходит,
Он одет, согласно моде.
Для чего ему трусы,
У него растут усы.
И усы и борода,
А без мамы – никуда.

ПРОЧТИТЕ О ВИТЕ

Посмотрите – это Витя
Кулаком колотит в дверь:
– Отворите! Отворите!
Я – тимуровец теперь.
Всем – грудной сестрѐнке Натке,
Что лежит в своей кровати,
И соседскому коту
Он поведал новость ту.
Кот одобрил малышей
и пошёл ловить мышей.

Всех домашних просит Витя:
– Завтра рано разбудите,
В семь ноль-ноль собраться надо,
Есть задание у отряда.
Устают чужие мамы,
К ним отправимся в дома мы.
На Песчаной сто четыре
Надо нам прибрать в квартире,
На Сенной сто двадцать два
Будем мы колоть дрова.

Витя рано встал с постели,
Витя заспан и невесел.
– Мам! Куда носочки дели?
Я на стуле их повесил!
Мамы нет, она у Натки,
не отходит от кровати.
Вот беда-то, вот беда –
Нет порядка никогда.

Где носки? Ну где искать их!
Половик собрал в комок,

Прямо на пол сдёрнул скатерть,
А найти никак не мог.
Нет носков – простыл и след.
Открывает он буфет,
Заглянул в кастрюлю, в чайник.
Чайник выскользнул случайно,
Он разбился на куски,
Но не найдены носки.

Может, кто носки закинул
За картину, за картину
«Кот, Лиса и Буратино?»
Он картину с места сдвинул.
Трах! – она летит из рамы...
Тут как раз заходит мама.

– Мама, мама, – просит Витя, –
Поскорей давай носки!
Вы тут с Наткой приберите.
Первым делом постелите
Поровней половики.
Вставьте в рамочку картину
«Кот, Лиса и Буратино».
Я бегу – собраться надо
В семь ноль-ноль всему отряду.
Устают чужие мамы,
К ним отправимся в дома мы.
На Песчаной сто четыре
Надо нам прибраться в квартире,
На Сенной сто двадцать два
Будем мы колоть дрова...
Вот какой он, этот Витя.
Всё у Вити кувырком.
Вот так Витя!
А скажите –
Вам такой же не знаком?

О ФЕДЕ И МЕДВЕДЕ

1

За обедом детский сад,
Всем ребятам вкусно,
Все ребята едят
Пироги с капустой.
Лишь у Феди одного
Нет аппетита.
Он не ест пирогов,
Смотрит он сердито.
– Только есть тут начни, –
Рассуждает Федя, –
Есть начни, а они
Вывалят медведя.

2

Тихий час у малышей,
И по распорядку
Сладко спит детский сад
В маленьких кроватках.
Но кому тесна кровать,
Кто вздыхает тяжело?
Это Федя опять,
Он не спит, бедняжка.
Он не спит. Он так лежит.
Он медведя сторожит.

3

Коля с Петей, Вера с Тасей
Во дворе играют в классы.
– Догони! – кричит Наталка.
Все играют в догонялки.
Не играет только Федя,
Держит он в руках медведя.
Он к груди его прижал,
Чтоб медведь не убежал.

4

Каблуки ребят стучат.
Не прогулке детский сад.
Вот дошли до речки,
Речки-быстротечки.
И навстречу им река
Выпускает гусака.
– Что за шум, что за шум? –
Вытянул он шею, –
Укушу, укушу,
Съем, не пожалею.
Но не струсили ребята –
Коля, Петя, Вера, Ната.
– Не боимся гусака –
Нас ведь больше сорока!
Перетрусил только лишь
Одинокий Федя.
Побежал к мосту малыш,
Уронил медведя.
Уронил да в речку,
В речку-быстротечку.

5

Федя мчит, с трудом дыша...
Слышен крик: «Куда ты?»
То на выручку спешат
К Феде все ребята.
Вася крикнул гусаку:
– Отправляйся-ка в реку!
Испугался вредный гусь,
Зашипел: «Вернись, вернись».

6

А теперь, смотрите, Федя
Здесь играет без медведя.
Вместе с Васей и Наталкой
Он играет в догонялки.

КТО ЖЕ СЪЕЛ КОНФЕТЫ?

– Коля, где же все конфеты?
Посмотрел малыш несмело:
– Я не знаю... Если нет их,
Значит... значит, кошка съела.

– Кошка? Я вот ей, мяуке!
Кто ж тебе измазал руки?
Вся рука в конфете, Коля.
Кошка вымазала, что ли?

– Знаешь, мама... Это... это...
Я совсем не брал конфеты.
Все конфеты съела кошка,
Ну и мне дала немножко.

– Но буфет я замыкала.
Как она в буфет попала?
Кто же, кто же ей помог,
Кто же ей открыл замок?

– А она сама... ключом.
Я тут вовсе ни при чём.

Вот история, друзья.
Врать нельзя, никак нельзя.
Только раз чуть-чуть соврёшь
И пойдёт за ложью ложь.
Это Коля скажет всем,
Он не врёт теперь совсем.

Рекомендуем почитать

Юдалевич, М. И. По Алтаю : [стихи для детей] / [худож. В. Курдюмов]. – Барнаул : Алткрайиздат, 1951. – 22, [1] с. : ил.

Юдалевич, М. И. О Феде и медведе : [стихи для детей] / рис. Р. Овивяна. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1955. – 15, [1] с. : ил.

Юдалевич, М. И. Прочтите о Вите : [стихи для детей / худож. М. Ковешникова]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1958. – 14, [1] с. : ил.

Юдалевич, М. И. «Егор-фантазёр» и другие стихи для ребят / [худож. В. Щедрин]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1961. – 21, [3] с. : ил.

Юдалевич, М. И. Андрейка на целине : повесть / [худож. П. П. Давыдов]. – Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1964. – 42, [1] с. : ил.

Юдалевич, М. И. Андрейка, Майя и другие : [стихи, повесть / худож. В. Туманов]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1965. – 74, [2] с. : ил. – Из содерж.: Андрейка на целине : повесть.

Юдалевич, М. И. Костик-хвостик : [стихи] / худож. Г. Эсге]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1974. – [6] с. : ил.

Юдалевич, М. И. Кто поймал Жар-птицу и другие легенды старого Барнаула : [рассказы для детей мл. шк. возраста / худож. Г. Бурков ; послесл. авт.]. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1988. – 31 с. : ил.

Юдалевич, М. И. Голубая дама : повести, рассказы / худож. Т. Егорова. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1994. – 269, [2] с. : ил. – Из содерж.: Голубая дама ; Давно отгремела война : повести.

Юдалевич, М. И. Золотая давность : стихи о Барнауле. – Барнаул : КОМБИ-ПРИНТ, 1998. – 64 с.

Юдалевич, М. И. Избранное : повести. – Барнаул : Пикет, 1999. – 414 с. – (Библиотека «Писатели Алтая ; т. 3).

Юдалевич, М. И. Город мой овеян легендами. – Барнаул : ГИПП «Алтай», 2001. – 58 с.

Юдалевич, М. И. Золотая нить : стихотворения, поэма. – Барнаул : Алт. полигр. комбинат, 2003. – 192 с. : портр. – (Библиотека журнала «Алтай»). – Из содерж.: Серебряный ручей : поэма.

Юдалевич, М. И. Избранное : в 5 т. / [ред. и сост. Е. И. Балакина]. – Барнаул : Алт. дом печати, 2008 – .

СОДЕРЖАНИЕ

Озолин Вильям Янович	3
О дворнике, который решил стать... дворником.....	5
Как я стал для детей писать.....	13
Поэт и сова.....	14
Где я ночевал.....	15
Обидное недоразумение.....	15
Пиджак и пятак.....	17
Хоккей, хоккей!.....	17
Летнее увлечение.....	18
Чулан.....	20
Подружки.....	21
Ученик Коровкин.....	23
Ёлки-палки!.....	24
Остапов Александр Данилович	27
Про Федота, про кота.....	29
Солнце.....	34
Жук.....	35
Пахнет лето земляникою.....	35
Ёж.....	36
Осенняя тропа.....	37
Голубые просторы.....	37
Новогодняя сказка.....	38
Олень.....	39
Горох.....	39
«Осиротели огороды...».....	40
Про мышат.....	41
На лугу.....	42
Заячьи тропинки.....	42
Рябина.....	43
Тузик-пузик.....	44
Пантюхов Игорь Михайлович	45
Мишка-мореход.....	47
Рождественский Роберт Иванович	95

Алёшкины мысли.....	97
Свинцов Владимир Борисович.....	111
Встреча.....	113
Мама Вася.....	115
Мой друг Сенька.....	118
Сидоров Виктор Степанович.....	151
Федька Сыч теряет кличку.....	153
Соболев Анатолий Пантелеевич.....	311
Рассказы о Данилке.....	313
Такмакова Ольга Владимировна.....	407
Выходной день.....	409
Рыбёнок.....	409
Встреча с Алтаем.....	410
Стихи для мамочки.....	410
Тайна.....	411
Сибирская зима.....	411
Страшная история.....	412
Летняя метель.....	412
Март.....	412
Зимняя картинка.....	413
Разговор лягушек.....	413
Февраль-обманщик.....	413
Тарасова Юстасия.....	415
Просыпаемся мы.....	417
Тихонов Валерий Евгеньевич.....	433
Сон.....	435
Письмо.....	436
Будущий форвард.....	436
Игра в войну.....	437
Рыбак.....	438
Караваны сентября.....	438
Клён.....	439
«Осень...».....	439
«Забока приготовилась к апрелю...».....	440
Новогодний диптих.....	441

Их цикла «Строфы».....	442
Сухие.....	443
Моё Лукоморье.....	444
Музыкальность мира.....	445
За городом.....	446
Прогулка.....	446
Вопрос.....	447
Родина.....	448
Состояния пространства.....	448
«Ничего здесь такого нету...».....	449
Жеребёнок.....	449
Протока.....	450
На берегу реки.....	451
Штрихи.....	451
В ночном.....	452
У родника.....	452
Напутствия.....	453
Облака.....	454
Фролов Иван Ефимович	455
Первая охота.....	457
Две лягушки.....	458
Всех сильнее.....	461
Цхай Ирина	465
Сказка о Старой Зубной Щётке.....	467
Комарик и дудочка.....	468
История знаменитого Мышонка.....	469
Розовая Тучка.....	470
Гордая Слива.....	471
Секрет Пудреницы.....	472
Улыбка грустного Ёжика.....	473
Как Ёжик с Кактусёнком подружился.....	475
Сказка про красивого Крокодила.....	476
Дедушка Стаканчик.....	478
Поющая Радуга.....	478
Новогодняя сказка.....	479

Чебаевский Николай Николаевич	481
Очки.....	483
Мороженое.....	486
Скворчик.....	487
Приезжайте в воскресенье.....	488
Грядка моркови.....	490
Три мечты.....	491
Одинаковые.....	492
Мальчишки.....	492
Яблоньки.....	496
Черкасов Николай Михайлович	499
Ёрш.....	501
Свиристели.....	501
Спаниель.....	502
Медведь-строитель.....	502
Удод.....	503
Шукшин Василий Макарович	505
Далёкие зимние вечера.....	507
Как зайка летал на воздушных шариках.....	518
Юдалевич Марк Иосифович	535
Волшебное слово.....	537
Шубы–барнаулки.....	539
Иван Ползунов.....	541
Костик–хвостик.....	544
Прочтите о Вите.....	547
О Феде и медведе.....	549
Егор-фантазёр.....	551
Кто же съел конфеты?.....	552

Литературно-художественное издание

Алтайские писатели – детям

Антология в двух томах
Том 2

Редакционный совет:
Л.В. Санкина, Э.П. Хомич, Л.Н. Зинченко

Редакционный совет благодарит за помощь в отборе материала
Т.Н. Кушвид и членов Общественной Алтайской краевой писательской
организации

Составитель библиографии: Е.В. Лукинец

Художественное оформление и дизайн: К.М. Паршина

Книгу проиллюстрировали студенты
Новоалтайского государственного художественного училища:
Н. Адамов, А. Газукина, М. Домрачева, И. Друкер, А. Камнева, О. Карпова,
К. Макаренко, В. Проскуракова, Е. Ренцис, Н. Савицкая, Е. Свиридова
под руководством К.М. Паршиной

Компьютерная вёрстка Е.В. Семёновой

Подписано в печать
Формат 70х108 1/16 Усл. п. л. 48.83
Тираж 1500 экз.

